ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №1 | 2023

Евгения Аблязова | Воз | 140 × 184 | 2022

Евгения Аблязова | Сибирячки́ | 140 × 184 | 2022

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №1 | 2023

В номере

ДиН юбилей

Владимир Шанин
3 За фактом истории

ДиН симметрия

Эдуард Багрицкий
18 Освобождение

Василий Казин
38 Что ни строчка — в трудовой сорочке

Павел Антокольский
49 Стокгольм

Владимир Маяковский
55 О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах

Юргис Балтрушайтис
80 Два стихотворения

Владимир Набоков
107 Летают на качелях серафимы

ДиН память

Геннадий Малашин
19 Призвание — исцелять

Юлия Вятчина
23 Последнее сочинение

мосты над облаками

Наталия Слюсарева
24 Оберег Никитского бульвара
29 Когда вдали замолкают пушки…

ДиН краеведение

Елена Акимова
39 «Ковá! Как много в этом звуке…»

клуб читателей

Ольга Ковшевная
50 Единого слова ради

Александр Евсюков
52 В диалоге со временем

ДиН стихи

Анатолий Вершинский
56 При любой погоде

Эдуард Хвиловский
59 Уходят в воздух ароматы вод

Андрей Деменюк
61 Пока не гаснет свет

Геннадий Ёмкин
63 И багряней станут листья

Сергей Кривонос
66 Вновь трещина через эпоху прошла

Диана Синёва
110 Невыразима лёгкость бытия

Александр Орлов
111 По земле я бродил до поры

Сергей Стрельцов
113 Скрижаль Господня

Екатерина Малиновская
116 Фонарь-звезда

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Марат Валеев
69 На крючке

Иса Айтукаев
81 С первого дня!

Вячеслав Лямкин
84 Светлый день

Владимир Вещунов
90 Мама

Д*и*Н ПЕРЕВОД

Альба Асусена Торрес
108 Дождь в апреле

Д*и*Н ПРОЗА

Олег Бажанов
119 Рассвет

Д*и*Н ШТУДИИ

Александр Костерев
137 Главы из романа, которого не было…

Д*и*Н ПОЛЕМИКА

Дмитрий Косяков
142 Радости и печали российского учителя

Д*и*Н РЕВЮ

Алёна Бабанская
152 Медведи средней полосы

Д*и*Н ДЕТЯМ

Марина Саввиных
153 Завещание «Минотавра»

СТУДСОВЕТ

178 Осень-2022 в моей жизни и в жизни моей страны

СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

180 Мечтательная книга

189 Школьники села Жеблахты о детстве и домашних питомцах

195 Д*и*Н АВТОРЫ

к 120-летию со дня рождения Сергея Венедиктовича Сартакова

Владимир Шанин

За фактом истории

1.

Это была большая удача. В Красноярск прилетела группа писателей: Сергей Сартаков, прозаик, и Лариса Васильева, поэт. Встреча с ними проходила во Дворце культуры завода «Сибтяжмаш».

Я работал на заводе фрезеровщиком, сотрудничал с многотиражкой «Заводская правда», ходил на занятия литературного объединения, которым руководил её редактор Володя Леонтьев, выпускник художественного училища имени Сурикова, учившийся тогда в Иркутском университете на журналиста.

Мне было от роду двадцать шесть лет, уже не мальчик, женатый, имевший за плечами полных семь классов образования, много читавший и без разбору: Горького, Тараса Шевченко, Лермонтова, Пушкина, Голсуорси, Лондона, Драйзера, Бальзака… Но вот «живого» писателя увидел впервые.

На днях я кончил читать трилогию Сартакова «Хребты Саянские» и очень хотел познакомиться с автором.

Это был ничем не примечательный, уже немолодой человек, лет шестидесяти, выше среднего роста, светловолосый, заметно лысеющий, с тихим сипловатым голосом и добрыми серыми глазами. Молодая поэтесса рядом с ним казалась худенькой девочкой с пепельно-светлыми волосами, в очках, с задумчивым лицом. По мнению писателя Михаила Веллера, Лариса Васильева тогда «благополучно издавалась и вполне благоденствовала в официально выходящей литературе, но публике была практически неизвестна…»

Сергей Венедиктович рассказывал, как он работал над эпопеей «Хребты Саянские», поэтесса тем временем перебирала бумаги, перекладывала с места на место, некоторые подносила к глазам, затем собрала в стопку, отложила отдельно.

Народу в зале много, хлопали слабо, Сергей Венедиктович это почувствовал и от «Хребтов» перекинулся на другую тему, более лёгкую, весёлую,— о Косте Барбине, лирическом герое из цикла «Барбинские повести», с чувством, артистически стал читать:

«Эту книгу я взялся писать не потому, что я писатель. Я — матрос с речного парохода. Но получилось так, что не мог с собой справиться. Даже стихами сперва попробовал. Да это, пожалуй, и с каждым из вас бывало — такое состояние. Видите, дело в том… Хотя нет! Если я сразу расскажу, в чём дело, то и книги никакой не будет, так думал я тогда.

Не знаю, как другим, а мне было очень трудно начать. В хороших книгах главный герой непременно откуда-нибудь приезжает и, как новая метла, сразу начинает чисто мести. В этой книге главный герой я, но я ниоткуда не приехал. Все девятнадцать лет своей жизни прожил на одном месте, каждую навигацию я плавал по реке. И мести мне, кроме палубы, пока ничего не приходилось.

А книгу написать хочется. И выходит, что придётся писать мне её так, словно без бакенов по незнакомой реке плыть. Ну да ничего — надо, так поплывёшь…»

— Вы были матросом? — выкрик из зала.

Сергей Венедиктович улыбнулся — и так широко, и так по-свойски, что сразу стал для всех своим человеком.

— Нет, друзья мои,— сказал он,— матросом я не был, но плавать приходилось. Подростком, вместе с такими же пытливыми, жаждущими приключений ребятами, я преодолел в лодке рискованное путешествие по таёжной реке Чуне. Проплыли тысячу триста вёрст по четырём рекам, прошли шестнадцать порогов. И везде были острые камни. А небо иногда было похоже на маленькую дырочку в скалах. А потом написал книгу «По Чунским порогам».

В годы войны Сергей Сартаков создал лирическую повесть «Плот идёт на Север» — о героизме тружеников тыла. Повесть впервые была опубликована в альманахе «Енисей» (№5 за 1943 год), а в 1953 году, значительно исправленная и переработанная, выходит в Красноярском книжном издательстве отдельной книгой. Впрочем, на всесоюзном конкурсе в Москве в 1946 году автобиографическая приключенческая повесть «По Чунским порогам» завоевала первую премию Детгиза за лучшую книгу для детей и юношества.

— А вообще-то,— признался писатель,— по профессии я — столяр-краснодеревщик. Был какое-то время актёром в Минусинском театре, писал пьесы, всего их восемь. Потянуло писать после войны. Я жил в Красноярске, первую пьесу для взрослого

театра «Песня над рекою» написал в тысяча девятьсот сорок девятом году. Тогда же она была поставлена и в Минусинском театре.

— Сергей Венедиктович, вы так здорово говорили о том, как работали над «Барбинским повестями», о речниках, что мы поверили; вы были матросом.

Всё так же улыбаясь, Сартаков рассказал о своих книгах «Горный ветер» и «Не отдавай королеву»— так свежи, так искренни, так насыщены они дыханием сегодняшнего дня на Енисее, именно они сделали его писателем. Любопытно было описать величие и красоту сибирской природы в какой-нибудь из своих книг.

— Так и сделал, правда, очень краткие оттенки неосуществлённой, но желанной мечты—в повести «Горный ветер». Почитайте всё-таки эту книгу про молодого матросика,—пожелал писатель и подчеркнул:—Я прирождённый сибиряк, и меня трудно видеть в литературе вне Сибири. Какую бы я книгу ни начал, она связана будет с Сибирью.

Сергей Венедиктович сделал лёгкий поклон и повернулся к Ларисе Васильевой:

— Вот что, друзья, кажется, я злоупотребил вашим временем. Позвольте мне передать слово молодому талантливому поэту. Прошу вас, Лариса Николаевна!

Васильева встала, подоткнула пальцем очки на носу, взяла отложенную стопку листов и, поднеся близко к глазам, стала читать. Стихи негромкие, про любовь, только с весной расцветающие, как цветок, неувядающие даже зимой, она читала, часто подымая глаза навстречу залу, его внимательным глазам, и уже потом проговаривала наизусть, распевно, как это делают поэты, стараясь понравиться публике.

Почему-то мне стихи не понравились, я тихонько выскользнул за дверь, купил в киоске «Союзпечати» книжку Сартакова «Горный ветер» за сорок пять копеек и так же тихо вернулся в зал.

Книжка нетолстая, в блёклой обложке неопределённого цвета, изданная в Красноярске в 1957 году, с рисунками Е. Веневитина. На титульном листе под заглавием—во весь рот улыбающийся матрос: надо полагать, это и есть Костя Барбин. Я раскрыл книгу и прочёл: «У меня большие и очень сильные руки, и когда я здороваюсь, Маша всегда вскрикивает. Она тоже сильная, но я верю, что ей бывает больно, хотя и не настолько, чтобы кричать. А этим она определённо хочет показать, какой я медведь…»

Наконец Лариса отложила бумаги и села. Сергей Венедиктович поднялся, поблагодарил публику за внимание к ним, писателям, зал всколыхнулся, зашумел, повскакивал с мест, потянулся к столу, к прозаику и поэтессе, кто с книжкой, кто с блокнотом—получить автограф. Я тоже протянул Сартакову книгу. Он посмотрел на меня ласково, как на сына, спросил, кто я, где работаю, пишу ли; я робко ответил, что сочиняю стихи, так, для себя; Сергей Венедиктович поощрительно улыбнулся, взял из моих рук свою книгу и красивым каллиграфическим почерком написал на форзаце карандашом: «Владимиру Яковлевичу Шанину—моему молодому коллеге—с пожеланием успехов в избранной прекрасной деятельности. Сартаков, 10/VII—1964 г. Красноярск».

Книга захватила меня, я читал всю ночь и утром с воспалёнными глазами отправился на работу.

Подошёл мастер, маленький, щуплый, Пётр Иванович, заглянул мне в лицо, недовольно проворчал:

— Сильно вчера надрался? Вижу, рожа опухла.

Я взорвался:

— Какое надрался?! Книгу читал!

Чем же привлекла меня эта повесть? Ну конечно же, она—о нашем (и моём тоже) времени, о молодёжи. Костя Барбин—это и я тоже!.. Он вводит меня в круг актуальнейших проблем современности. Автор показывает, как в условиях советской действительности формируются новые люди, носители новой морали, новых представлений о любви и дружбе.

Сюжет повести разворачивается с биографии главного героя Кости Барбина, похожей на биографии большинства: отец убит на войне, жил с матерью и братишкой Лёнькой, учился в школе, каждое лето вместе с ним плавал на пароходе «Родина», где мать работала коком. Окончил семь классов и стал матросом. Автор показывает, как формируется характер Кости, это совсем не идеальный юноша, ему не чужды увлечения романтикой, порывы первой любви, чувства дружбы, не свободен от недостатков.

Каждая глава имеет название, связанное с теми или иными событиями из жизни героя. Но он действует не один, их в повести несколько: и Вася Тетерев, и Маша, и Шура… И каждый наделён характером. Один из них говорит: «Мне всегда кажется: горный ветер—это, как в сказках, живая вода. Он обновляет человека…»

Вот «Родина», курсирующая между Красноярском и Дудинкой, идёт по Енисею, перед глазами Кости Барбина проплывают волнующие картины: «А течение быстрое, утёсы перед глазами так и мелькают. Река сузилась ещё больше. Горы всё круче, выше, заращены сплошь густой зелёной тайгой. Косые волны от кормы тянут за собой буруны теперь уже по обоим берегам. Шумят они, скачут по гальке, трясут таловые кустики, смывают в реку выброшенные половодьем брёвна. Прогудит теплоход, и гулкое эхо долго катится по горам, дробится в ущельях. Вовсе затихнет, а потом опять вдруг отзовётся».

Автор заканчивает свою повесть, немножко сожалея, что пришла пора прощания с героями, которых успел полюбить, как родных детей: «И в лицо нам дул ветер, и, хотя это был привычный мне воздух реки, мне казалось, что это дует тот

самый горный ветер, который, как живая вода, освежает и обновляет человека».

2.

Анна Яковлевна, мать писателя, рассказывала сыну: «Вышла я поливать огород, а в канавке между капустными грядками под зелёными листьями маленький ребёнок лежит. Это был ты».

«И я долго верил этому»,—посмеиваясь, признавался друзьям Сергей Сартаков.

Родился будущий писатель в 1908 году на хуторе Атамановском при железнодорожной станции Омск. Метрическая запись в церковной книге гласит: «Сын Сергей родился 13 марта, крещён 18 марта. Отец—крестьянин Тамбовской губернии, того же уезда, села Осипово-Лозовки Венедикт Ефремов Сартаков. Крестили в Св.-Троицкой церкви при станции Омск С. Ж. Д. Мать—Анна Яковлевна Сартакова, крестьянка Витебской губернии».

До замужества Анна была кухаркой в доме главного инженера Омской железной дороги господина Бишевского, а до него служила первой помощницей кухаря у попа Лапочинского (Витебская губерния). Девушка она была смелая, весёлая, любила петь польские, белорусские, украинские, русские песни и после, уже замужем за Венедиктом Сартаковым, устраивала домашние концерты: пела, Венедикт аккомпанировал ей на мандолине, а сыновья Сергей и Михаил—на балалайках.

В семье любили разгадывать ребусы, шарады, крестословицы, играть в лото, в карты—в подкидного дурака. Серёжу все звали детским именем Лёзя.

Венедикт с братом Проней строили железную дорогу от Челябинска до Омска, были и землекопами, и грабарями, и движенцами, и проводниками, и конструкторами, и смазчиками; в депо работали слесарями, столярами, кузнецами, токарями, Венедикт даже старшим счетоводом стал.

А потом спокойная жизнь кончилась. Железнодорожников из пыльного Омска, где, по воспоминаниям современников, гуляли над городом «высокие чёрные вихри», перебросили в Нижнеудинск. Для конторщика депо Венедикта Сартакова переезд сулил поправление здоровья: врачи находили у него слабые лёгкие.

Но, как говорится, беда не приходит одна. Случилось так, что Венедикт во время работы упал в колодец, и никто этого не заметил. Хватились лишь утром. Анна, жена, пошла по воду, увидела мужа в колодце и зашлась в смертном крике. Сбежались люди, еле живого Венедикта с трудом вытащили, с тех пор он заболел чахоткой в открытой форме.

Серёжа был мальчиком любознательным, всё схватывал на лету, в пять лет умел читать, знал наизусть азбуку, таблицу умножения, читал всё подряд: книги он любил. И в те же пять лет впервые сочинил стихотворение.

В деревне на улице

В жаркий летний день
Дрались две курицы
И наскочили на пень.
А в стороне петух молодой
Смотрит и смеётся,
В клюве его жук,
Он отдаст его той,
Что смелей дерётся.

Когда мать привела Серёжу в школу, ей сказали:
— Что ж вы, мамаша, мальчика не постригли?..

Да, у Серёжи были мягкие длинные волосы до плеч, светлые, завивающиеся на концах. «Не в отца,—подумала Анна Яковлевна,—у того волосы чёрные». Значит, в мать, она-то как раз блондинка.

Зачислили Серёжу во второе отделение. «И так получилось,—вспоминал Сергей Венедиктович,—что в течение всей школьной жизни я в середине каждого года перепрыгивал в следующий класс». Так что с Мишей, который старше Серёжи на три года, они оказались вместе в одном классе.

Осенью Серёжа отправился на рыбалку—друзья сманили: мол, на Уде водятся во-о-от такие лещи! Рыбачили с лодки, кто-то её качнул, и Серёжа свалился в холодную воду. К вечеру поднялась высокая температура, напугав родителей.

Время бежало стремительно. Время было неспокойное. После империалистической войны с немцами в России случились две революции, Февральская и Октябрьская, к власти пришли большевики, и началась Гражданская война. При железнодорожной школе Сергей сдал экстерном экзамены за весь курс и получил, как он сам признался впоследствии, «липовую» справку.

Воспаление лёгких у Сергея перешло в хронику, развивался туберкулёз, врачи посоветовали чистый лесной воздух—только так можно спасти мальчика. Отец поднял старые связи, с кем-то списался и получил ответ: в Минусинске, городишке «так себе», зато климат мягкий, найдётся и работа, и квартиру снять можно.

Минусинск—уже третье место жительства семьи Сартаковых. Ехали поездом до Ачинска, затем с пересадкой до Абакана, а уж оттуда к Минусинску на телегах.

В городе работа нашлась для всех. Для Сергея—столяром, а брат Михаил устроился оформителем театральных афиш: у него был каллиграфический почерк, и к тому же он неплохо рисовал. Отец не мог работать по состоянию здоровья, но и здесь, в Минусинске, он понадобился властям.

Неспокойное было время. В городе стояли то красные, то белые, то казаки с непонятной ориентацией, потом установилась советская власть, но по лесам ещё бродили остатки разбитых банд. Большевики вспомнили про Венедикта Сартакова и выдали ему официальное предписание прибыть

в Красноярск «для участия в восстановлении разрушенного войной железнодорожного транспорта». Предписание заканчивалось угрозой: «Неявка в назначенный срок будет рассматриваться как дезертирство и уклонение от гражданских обязанностей».

— Какой из меня специалист?—нахмурился Венедикт Ефремович.—Работал в юности сметчиком, сцепщиком на сортировочной, слесарем в депо. И что? Неужели там, в Красноярске, мало железнодорожников осталось, что я им понадобился? Видать, совсем у них плохо дело…

Он уехал и вернулся через четыре года, вызванный телеграммой: «Серёжа при смерти. Диагноз: сыпной тиф». Уловка родных избавила отца семейства от тяжкой командировки.

Сергей быстро взрослел, становился романтическим юношей, мечтал написать книгу, в которой бы показал величие и красоту сибирской природы (осуществил в повести «Горный ветер») или создать большой роман о Саянах. Начало должно быть таким: «Была ночь. И он был один»,—а конец: «Была ночь. И он был с нею вдвоём». Кроме этого, никаких замыслов пока не было. «Но сердце подсказывало, что роман я напишу, работа будет трудной и долгой, но прекрасной»,—позднее признался он Афанасию Шадрину, с которым подружился в Минусинске.

«У нас оказалось немало схожего в привычках, оценках событий и явлений, а также в любви к нашей природе, прежде всего к тайге… Он с малых лет охотничал, рыбачил в Саянах, большей частью в одиночку. Подкреплял дарами тайги пожиток семьи,—рассказывал о своём друге Афанасий Шадрин.—Всякие таёжные приключения случались и с Сергеем… Рассказы о них и о непростых и схожих судьбах наших семей, покинувших родовые места в переломные годы жизни народа, сблизили нас, стали началом почти семидесятилетней дружбы. Сближение наше с годами крепло. Но в нём всегда в роли старшего, наставника оставался Сергей».

Весной 1929 года Сергей Сартаков вступил в драматический кружок Минусинского кустпромсоюза—то есть кустарей, которым руководил тогда Алексей Семёнович Широков, замечательный человек с редким самобытным талантом, фанатически преданный театру.

Он заставлял Сергея на всё прочитанное смотреть иными глазами—«не пассивного читателя, а как бы действующего соучастника всего того, что рассказывалось в книгах». Это была пора прекрасных перегрузок. Ни одного бездельного вечера, все находились под влиянием и личным обаянием Широкова.

За три года эмоциональных и физических перегрузок Сергей стал «театральным деятелем городского масштаба»: сначала исполнял проходные роли, потом сделался дублёром, дошёл и до ролей главных героев. Числился сценаристом, замещал режиссёра, легко запоминал сложнейшие мизансцены, разработанные Широковым, следил за последовательностью спектакля. И всё это время работал столяром, получил высокую квалификацию краснодеревщика, выполнял сложные работы, на заказ изготовлял такие вещи, которые могли украсить самое изысканное жилище.

Он гордился своей профессией: «Весь день у верстака в мастерской, а вечером—на репетициях. Так сложилась моя минусинская жизнь. Она, как и всё в молодости, была прекрасной. Ремесло краснодеревщика мне нравилось безумно, а ещё с большим восторгом вникал я в сложные хитросплетения драматургов…» Всё это впоследствии он выскажет в книге «Над чистым листом».

Однажды к Сергею обратился один из членов коллектива кустарей:

— Послушай, Серёга, Кустпромсоюз, понимаешь, замучил нас требованием отчётов. Приходит ревизор и такую взбучку устраивает, что слушать стыдно. А ты парень грамотный, в театре играешь. Может, станешь у нас счетоводом? Мы тебе приплачивать будем.

От драмкружка приработка никакого, всё держится на энтузиазме, а расходы существенны: купить замысловатый реквизит или ткань на сценический костюм—и трети зарплаты как не бывало,—и Сергей согласился.

Как вести бухучёт, он не знал, заполнял типографические бланки по-своему, руководствуясь здравым смыслом, его даже хвалили.

Но знаний не хватало, поступил на двухгодичные заочные высшие финансовые курсы по фабрично-заводскому счетоводству, находившиеся в Москве, в Сокольниках. Окончил на «отлично», сдав контрольную работу и зачёт по «теории и практике применения двойной итальянской бухгалтерии Луки Пачиоли». Вскоре его назначили заместителем главного бухгалтера—и зарплата разом перекрыла весь семейный доход.

Репетиции в драмкружке продолжались, спектакли и концерты—тоже. В репертуар чтецов-декламаторов входило тогда стихотворение Алексея Апухтина «Сумасшедший», тяжёлое для исполнения, но его любили читать со сцены такие знаменитости, как П. Н. Орленев, нравилось и молодому поэту Александру Блоку. Произведение требовало большого напряжения голосовых связок, надо выкладываться до предела, и Сергей Сартаков решился…

Он вышел на сцену, одетый по-летнему—в светлые брюки и белую рубашку-косоворотку, начал читать и… сорвал голос. Что-то в нём надломилось, мир потускнел, да и жизнь «пошла наперекосяк». И вспомнилось ему, как батюшка Серафим во время службы в церкви внезапно потерял голос. Каково же ему было стоять перед прихожанами

и разевать рот? Сергей вызвался подменить его, сам не понимая, как это у него вышло. С детства он полюбил церковный язык, знал титлы, сокращения, древние падежи, утраченные ныне буквы, необычную форму слов — чувствовался далёкий говор наших предков. Священник попросил его прочесть небольшой текст из Евангелия от Матфея. Успокоившись, Сергей вдруг подумал: своим «Сумасшедшим» поэт Апухтин увёл его с театральных подмостков.

В тот год многое изменилось в общественной жизни Минусинска: разом исчезли частные магазинчики и лавочки, разрешённые в период нэпа, а вместе с ними и многие товары, прекратилась продажа зерна. Поползли слухи о грядущем неурожае, повсеместном голоде. На рынке взлетели цены. Нужда довела людей до последней крайности, начали продавать всё, что могли: куртки, пальто, кофточки, рубашки, всякое барахло. Театр закрыли на ремонт. Регулярно задерживали в Кустпромсоюзе заработную плату. И тут ещё у Анны Яковлевны усилились боли в правом боку, денег не то чтобы на лекарства — на хлеб не хватало.

Снимал Сартаков изолированную комнату в деревянном двухэтажном доме. Обстановка довольно скромная: кипа книг на столе и на лавке, аккуратно заправленная деревянная кровать, на ней стопка тетрадей. На полу керогаз. На стене картины, изображающие природу, тайгу, и… цветной рисунок анатомии человека. Сергей пояснил Афанасию Шадрину, что без знания каждой клеточки нашего тела невозможно правильно описать состояние или наружность человека.

Когда всё кругом успокаивалось и стихали дневные звуки, Сергей выходил в сени, где под потолком висела одинокая электрическая лампочка, раскрывал заветную тетрадь и писал, писал… До тех пор, пока не начинали слипаться глаза.

Название будущей книги родилось давно — «Хребты Саянские». Это должен быть роман многоплановый, с неторопливым развитием действия, со многими переплетающимися сюжетными линиями. Сергей понимал, что для его написания потребуется немало времени, и он готов был писать каждый день, только вот беда — ночи становились короче, а утром надо не опоздать на работу.

В 1926 году Сергею Сартакову исполнилось восемнадцать лет — призывной возраст для Красной Армии. Призывная комиссия военкомата обнаружила у него порок сердца и, как говорится, «уложила в постель». Следом из Кустпромсоюза пришла бумага: С. В. Сартаков назначается главным бухгалтером на завод «Молот». В тот же день у него умирает мать, Анна Яковлевна, урождённая Нарубина. Горе надломило Сергея. На похороны покойницы собрали кое-какие деньги, поминки организовали в складчину — кто что принесёт с собой.

А через два дня Сергея призвали в армию: оказалось, призывная комиссия что-то напутала с пороком сердца. Что же касается сорванного голоса, специалисты сказали: паралич левой голосовой связки и что раньше можно было вылечить, а теперь — поздно. Для армии не помеха. Только спросили: куришь? пьёшь? — и отстали, получив ответ: никогда не курил, не пил вовсе.

Служить Сергея отправили на Дальний Восток. Зачислили в пулемётную роту 1-го Читинского стрелкового полка 1-й Тихоокеанской дивизии ОКДВА. И здесь пришлось ему заниматься учётом и отчётностью. За хорошую работу был даже премирован отрезом шерстяной ткани «для пошива мундира в мастерской комсостава».

Стрелковый полк часто посещал командарм Василий Константинович Блюхер и всегда был чем-то раздражён.

Сергей с отвращением вспоминал такой случай:

«Пошёл я к конюшням — на командарма посмотреть… Слышу — ругается товарищ Блюхер страшно, матерится, как сапожник… Бьёт носком сапога по стенам, кричит: дескать, что у вас тут за г… положено? На Мухина трёхэтажный, на Лопату и на Зыбина. Всем досталось!

Хлебопёк тащит какого-то красноармейца из новобранцев за шиворот, а у того буханка хлеба в руках. Парнишка упирается, слёзы ручьём льются, а хлебопёк волочёт его к командарму. Блюхер ещё больше обозлился, спрашивает: „В чём дело?“ Хлебопёк говорит: так, мол, и так, товарищ командарм, украл у меня буханку. Новобранец плачет: „Виноват я, но очень есть хотелось, мы несколько дней без хлеба!“ Блюхер поморщился. „Есть, — говорит, — хочешь?“ Зло так сказал… Я чую, сейчас что-то страшное случится. Все замолчали, смотрят, что будет. Командарм достал из кобуры револьвер и выстрелил мальчишке прямо в висок. Красноармеец упал навзничь, подёргался и затих. Кто-то из свиты его тут же прочь оттащил. А Блюхер посмотрел на револьвер, потёр его о рукав шинели и на окружающих взгляд перевёл. „Больше, — говорит, — никто есть не хочет?“ Все глаза прячут. А он спокойно так, как будто ничего не произошло, сменил тон и уже спокойно объявил: переходим, мол, к следующему вопросу…»

Демобилизовался Сергей Сартаков уже в качестве среднего начальствующего административного состава РККА, с тремя кубиками в петлицах.

Была весна 1933 года. Через неделю поезд прибыл в Ачинск, из Ачинска Сергей выехал в Абакан, оттуда наёмными лошадьми — в Минусинск. Здесь он узнал, что отец второй раз женился, жену звать Полина Дмитриевна. Брат Михаил всё так же брал заказы на оформление плакатов и афиш.

После короткой побывки дома Сергей выехал в Москву, там получил направление в Главное управление Северного морского пути старшим

бухгалтером, возглавил отчётно-бухгалтерскую команду. В декабре уволился, получил расчёт и, взяв билет до Ачинска, сел в поезд. И тогда же, вспомнив детское стихотворение о двух курицах и петухе, сочинил:

Прощай, Москва! Твой вечный шум
Не принесёт в ночи отрады.
Прощай, Москва! Домов громады
Терзают мой усталый ум.
Тебя любить я не умею
И покидаю, не жалея.

3.

Минусинск претерпел серьёзные изменения: мелкие артели исчезли, ещё держались «Плиточник», «Верёвочник», «Столяр» — говорят, их тоже скоро прихлопнут. Крупные тресты города сливались с областными, превращаясь в гигантов. Минкустпром объединился с хакасским Промсоюзом и перебрался в Абакан.

Венедикт Ефремович Сартаков подрабатывал в передвижной фотографии, закрепившейся на местном базаре. Михаил рисовал плакаты, афиши теперь уже не требовались — деревянное здание театра сгорело. Сергей устроился в артель «Керамик», в которую вошли гончары и мастера художественной росписи. Решил, что эта работа временная, найдётся по специальности — тут же уйдёт.

И ему повезло. В газете «Красноярский рабочий» прочёл объявление: в трест «Севполярлес» требуется главный бухгалтер, местонахождение треста — город Енисейск. Вот это удача! Пройти по Енисею, полюбоваться сказочными берегами — давняя мечта Сергея. Закупив провизию, рыболовные снасти, оружие, географические карты, Сергей вместе с отцом и сестрой Лялечкой отправились в путешествие. На место прибыли точно в срок.

В Енисейске Сергея Сартакова назначили главным бухгалтером всего «Севполярлеса», его заместителем — Илью Семёновича Солженицына, родного дядю будущего писателя-диссидента, главного бухгалтера стройконторы. Разобравшись с делами, Сергей поместил в газете «Енисейская правда» фельетон «Страшная комбинация», наделавший в городе много шуму. Это был первый литературный опыт С. Сартакова.

По творческому совпадению, в этот день открылся в Москве первый съезд советских писателей, открыл его, потом и выступил Максим Горький. «Но я в то время о постоянном литературном поприще лишь мечтал, — говорил позже Сергей Венедиктович. — Для меня в начале тридцатых годов писательство было, говоря современным языком, чем-то вроде любимого хобби…»

В 1935 году трест неожиданно перевели в Красноярск. Пароход «Владимир Маяковский» провёл почти всю навигацию, чтобы перевезти «всех и вся» в краевой центр. Сергей отправился последним рейсом. Отец и сестра остались в Енисейске, Венедикт Ефремович заявил, что здесь ему нравится: городок тихий, спокойный, воздух свежий, ничем не запакощенный, а работа рукам найдётся…

Стояла глубокая осень, погода была скверная, «Владимир Маяковский» в свой последний рейс отправился вечером, увозя остатки трестовских ценностей и людей — сотрудников «Севполярлеса».

В пути судно попало в густую шугу, потом село на мель. Пассажиров с «Маяковского» забрал пароход, идущий от Игарки, а трестовские «ценности» оставались на месте до прибытия туера, который должен снять судно с мели.

Контора «Севполярлеса» разместилась в недостроенном здании Красноярского лесотехнического института, что на проспекте имени Сталина. Работали в шубах и рукавицах. Железные печки-буржуйки дымили и почти не давали тепла. Сергей начал кашлять, думал — от дыма, но кашель становился всё невыносимей, и он отправился в поликлинику. Доктор сразу определил: плеврит. Воспаление лёгких осложнилось развитием туберкулёза. Сергей испугался: неужели ему уготована участь отца?..

Доктор назначил лечение и посоветовал снять комнату по соседству с конторой треста.

Хозяйка квартиры Феликса Феликсовна Михайловская — полячка, вдова заслуженного машиниста паровоза, до революции водившего поезда по маршруту Москва — Пекин, а в Гражданскую войну — до Иркутска, когда Красная Армия громила колчаковцев. После установления советской власти в Сибири два дома Михайловских большевики оставили за хозяевами.

По обоюдному договору хозяйка обязалась кормить постояльца, сам Сергей остался очень доволен: по утрам пил чёрный кофе с пирожными, в обед наслаждался вкусными блюдами, после чего, как барин, «блаженно раскидывался на диване» и думал, думал… Он всё ещё продолжал работать над романом «Хребты Саянские», начатым в 1936 году, о предреволюционной Сибири. Писал пером, обмакивая его в чернила, и только тонким пером, не тупорылым «рондо»…

В 1938 году в литературном «Сборнике произведений начинающих писателей Красноярского края» впервые был опубликован рассказ Сергея Сартакова «Алексей Худоногов», по определению критиков, «положивший начало большому произведению — роману „Каменный фундамент“», — произведению, в котором уже ясно «можно определить творческое лицо писателя»…

Впрочем, у рассказа была неприятная судьба. Сергей посылал его в журнал «Сибирские огни» — рукопись вернули, сославшись на «перегруженность редакционного портфеля», посоветовали

больше читать классиков: Пушкина, Тургенева, Толстого…

Послал в один из московских журналов, оттуда пришла отписка, но уже советовали читать Мамина-Сибиряка, Пришвина, Арсеньева… А ведь рассказ, по мнению редактора Красноярского книжного издательства З. И. Семигук, о замечательном сибирском парне, «чувствуется незаурядное дарование автора».

Вслед за «Алексеем Худоноговым» Сартаков пишет цикл рассказов: «Последний рейс», «Время ещё есть», «Простые рассказы», «В те дни», «Я вернусь»… С тех пор имя Сергея Сартакова уже не сходит со страниц сибирской и центральной прессы.

В конце 1939 года в плановом отделе «Севполярлеса» появилась молодая сотрудница Сонечка Попова — Софья Семёновна. Сергею она сразу понравилась, и он не знал, как подступиться к ней.

Инженер-плановик Софья Попова должна была ехать на работу в леспромхоз, а ей никак нельзя было уезжать из города из-за больной пенсионерки-матери. Друзья Сергея уговорили её обратиться к Сартакову, человеку с мягким характером, научили его оформлять фиктивный брак — только так можно было остаться в городе. На всякий случай Соня «для верности честных намерений» написала клятвенное заверение, что «не свяжет его замужеством». Из воспоминаний Афанасия Шадрина мы узнаём, как всё это происходило: «Узнав о его женитьбе, чтя обычай, сообразили застолье. Принесли пайковые продукты, устроили свадьбу в комнате, где жил жених. Прощаясь, желали молодожёнам счастливой супружеской жизни. А хозяйка ждала, когда Сергей проводит фиктивную невесту восвояси. А те и не торопились расставаться. Утром Сергей представил хозяйке Соню уже как законную жену… И скажу, — позднее заявил Шадрин, — более дружной и счастливой супружеской пары, как эта, я не встречал».

Уже в следующем году Сергей Сартаков становится желанным гостем в редакции газеты «Красноярский рабочий», а потом и её внештатным сотрудником. Он был актуален во всём. Просто, но аккуратно одетый, костюм отглажен, был приветлив, учтиво здоровался с каждым за руку, даже с новичком Афанасием Шадриным из Минусинска, «и тем расположил к себе».

Тогда уже существовало при редакции газеты литературное объединение, входили в него школьники, преподаватели, корреспонденты «Красноярского рабочего». Иногда заходил профессиональный поэт Иван Ерошин, единственный член Союза писателей СССР. Руководил литобъединением сотрудник краевой газеты Михаил Юрьевич Глозус. Членов этого «кружка» называли «молодыми литераторами», возрастной «диапазон» был широк — от пятнадцати до семидесяти лет. О нём уже ходили слухи среди читателей и в крайкоме партии. Собирались обычно по пятницам. «На каждой из встреч с участниками „пятниц“ я узнавал новые имена. Кто-то из них в чём-то уже преуспел и казался мне недосягаемым по уровню знаний, культуры. Другие, отмалчиваясь, оставались пока непонятными. Но уже ощущалась общность, атмосфера взаимопомощи», — вспоминал Афанасий Шадрин.

Однажды Сергея Сартакова, беспартийного, пригласили в крайком партии. В «высоком кабинете» инструктор Нина Павловна попросила его написать очерк о депутате. Очерк Сергей написал буквально за сутки, он был издан отдельной брошюрой. Это, как он посчитал, была первая книжка молодого литератора.

Но его постоянно терзала мысль, что вот-вот наступит момент, когда не сможет совмещать работу финансиста и литературные занятия — что-то одно будет непременно мешать, а он привык всё делать на совесть. Припомнился и разговор с братом Михаилом о «работе на совесть».

Брат прочёл наброски к роману «Хребты Саянские» — самые первые фрагменты о драматических судьбах Лизы и Порфирия — и был против авторской трактовки их образов. Он сказал, что автор слишком драматизирует события, не исследует причины, которые привели молодых людей к драме, не проследил все нити, связывающие их с обществом. А всего-то нужна кропотливая многолетняя работа — работа на совесть. Сергей обиделся и ответил, что пишет он «для себя», на что Михаил иронически заметил:

— Ну, если для себя, тогда другое дело. Можно вообще ничего не писать. Пойдём лучше в волейбол играть.

Как же он был прав! Только с течением времени Сергей стал всё острее осознавать слова брата. Заниматься литературой надо серьёзно, самозабвенно, роман нельзя писать «между делом». Кропай «между делом» фельетоны, рассказики, печатай в газете и будь доволен… «А я чувствовал в себе силу и призвание для чего-то гораздо большего, нежели заказная брошюра», — это был поздний ответ на мудрость брата.

Осенью того же 1940 года Михаил Сартаков простудился и скончался от плеврита. Сергей приехал на похороны и немного всплакнул, когда оказался у могилы один.

А потом он потерял и любимую сестру Лялечку.

В 1941 году, 1 июня, Сергей и Софья зарегистрировали брак и сразу же после загса отправились к Любови Алексеевне, матери жены, на свадьбу.

В воскресенье, двадцать второго числа, молодожёны совершили пешее восхождение к «Столбам». Погода была чудесная, настроение по-летнему беззаботное, умиротворённое. И в этот день началась война.

«Белобилетников» на войну не брали, а у Сергея Сартакова и был как раз «белый билет», выданный ещё тогда, когда у него доктора нашли туберкулёз лёгких. Но в Енисейске он стоял на учёте как военнообязанный, даже прошёл военную подготовку. В начале 1942 года его признали годным к нестроевой службе как излечившегося и в мае отправили на фронт.

До фронта, однако, Сергей не доехал: высшее начальство сочло, что больше пользы он принесёт в тылу, и он был прикомандирован к тресту «Севполярлес» на прежнюю должность. И в это время, в мае, у него родился сын Александр.

В августе 1942 года рейсовым пароходом он выехал в Игарку, чтобы отправить в экспедицию пароход ГУСНП «Революционер», проверить документы, подписать накладные и проводить судно до выхода его из Игарской протоки.

Через несколько дней «Революционер» попал в беду, встретившись с германским линкором «Адмирал Шеер» в открытом море.

Трижды пробитый, опалённый пожаром, «Революционер» всё же смог уйти от фашиста и самостоятельно вернуться в порт. Вся Игарка высыпала на берег. На героическом судне по погибшим морякам был приспущен флаг, на палубе с обнажёнными головами застыла оставшаяся в живых команда.

Под впечатлением печального события Сергей долго не мог уснуть: перед глазами так и стоял расстрелянный пароход. Расстрелянный, но живой.

Воротившись в Енисейск, он сел за стол и единым духом написал рассказ о старом ослепшем агитаторе, который пришёл на призывной пункт и заявил: он, инвалид, ненавидит войну и хочет, чтобы она прекратилась навсегда… В тресте он доложил о проделанной работе в Игарке и для примера прочёл этот рассказ. Через несколько дней рассказ напечатала «Енисейская правда». Публиковался он и во многих авторских сборниках писателя.

За годы войны Сергей Сартаков написал десять пьес для Красноярского самодеятельного театра: «Военное утро», «На пристани» и так далее…

В 1944 году «Севполярлес» объединился с красноярским трестом «Красдрев». Сартаковы приехали в Красноярск, выделили им жильё из четырёх комнат, кухни и веранды в старинном деревянном доме. При доме имелся погреб, его заполняли во время весеннего ледохода льдом, там хранились продукты. Печи топили дровами, воду носили на коромысле вёдрами от колонки в соседнем квартале. Словом, всё было в доме, не было лишь телефона, так необходимого бухгалтеру треста, но и его вскоре поставили. «Я ещё никогда не жил в таком комфорте»,—радовался Сергей Венедиктович.

С работы он приходил поздно вечером, и всегда с распухшим от служебных бумаг «совнаркомовским» портфелем, наскоро ужинал, благодарно целовал в щёчку беременную Сонечку и удалялся к себе в кабинет—маленькую узкую комнатку рядом с гостиной, поудобней устраивался за письменным столом, просматривал бумаги из портфеля, убивающие немало времени, и только потом, до рассвета, занимался литературой.

Четырнадцатого мая 1945 года, утром, Софья Семёновна родила ему дочь, единодушно её назвали Танечкой.

4.

Первая книга рассказов «Алексей Худоногов» вышла в свет в 1945 году в Красноярске под редакцией З. И. Семигук. Самое волнительное событие! Вот она, «глыба», целых шесть листов—сборник из пяти рассказов об Алексее Худоногове, о его духовном становлении. «Как они меня обрадовали!—восхитилась Зоя Ильинична.—В них уже чувствовалась незаурядность дарования автора, глубинное постижение жизни. Богат и сочен был язык повествования». Но каким будет писательская оценка? Сергею хотелось получить отзыв писателя, создающего прекрасные книги, не потребителя, не оценщика, а мастера пера.

Несколько экземпляров книги Сергей послал в Союз писателей СССР, а через два месяца сам приехал в Москву.

Секретарь областной комиссии СП А. Я. Годкевич, всех литераторов знавшая по имени и отчеству, встретила Сартакова обыденным, привычным ко всему голосом:

— А, Сергей Венедиктович! Приехали? А Лидия Николаевна всё спрашивает меня, когда она может повидаться с вами.

— Какая Лидия Николаевна?

— Сейфуллина.

— Сейфуллина?! Со мной?

— Я ей сейчас позвоню, а вы пока почитайте. Она что-то вот здесь написала о вашем «Алексее Худоногове». Есть и от Анны Караваевой,—и протянула стопку исписанных листов бумаги.

Сперва Сергей прочёл рецензию известной писательницы Анны Караваевой. Она писала: «Повесть… написана в хорошей реалистической манере, чистым языком. Недостатки её абсолютно выправимы, потому что в ней есть главное, чем живёт художественное произведение: характер героя, картина его жизни, его отношение к миру. Однако я считаю самым крупным недостатком: уж очень беспартийный какой-то Алексей Худоногов!..»

Но вот и листы, исписанные крупными, нервно ползущими вверх строчками. Сергей так и впился глазами в эти неровные строчки: вот он, отзыв крупного мастера! Это она, что написала «Перегной», «Правонарушителей» и «Виринею»… Ах, какая сильная магия слов! Какой огромный талант у этой маленькой женщины!

В отзыве её немало комплиментов автору: «незаурядное писательское дарование», «острота особого художественного зрения», «быт и речь таёжной Сибири, характеры живущих в ней людей — свои для Сергея Сартакова. Он их знает и любит и умеет оценить каждое слово умного, образного и красочного их языка», «в общем, книжка С. Сартакова хороша». Наряду с этими были и другие слова: «…книжка хороша, но только как предвестник будущих произведений», «автору необходимо сжаться в слишком словоохотливой речи», «иногда врываются в речь Сартакова стёртые, дешёвенькие, ходовые слова», «стоит ему видеть картину или явление природы, и природа уже вытесняет, человеческую судьбу»…

Не успел Сергей дочитать последнюю страницу, как услышал голос секретаря:

— Вот и Лидия Николаевна! Знакомьтесь: это и есть автор «Алексея Худоногова».

Сейфуллина небрежно подала Сергею руку, не пожала — подала и тотчас отняла, словно торопилась начать разговор.

Она была не только «маленького роста», она была «маленькой», смотрела на Сергея снизу вверх и ободряюще улыбалась.

— Тут я, кажется, очень свирепо расправилась с вами. Но это ведь не для печати, а в своём кругу.

— Да что вы, Лидия Николаевна! У вас сплошные похвалы. Моя книжка совсем не стоит этого, — смущённо пролепетал Сергей.

— Значит, не обиделись? Хорошо. Вы курите? — и потянулась к своей потёртой сумочке за папиросами.

Удивилась, что писатель не курит. И радостно засмеялась:

— Да что же я? Конечно! Это и по вашей книжке было понятно.

В тёмном простеньком платье, она сидела на диване, вжавшись спиной в его уголок, отчего казалась ещё более маленькой, почти девочкой, и курила. «И курит как-то непрофессионально», — заметил Сергей. Между тем, поглаживая пышный бархат дивана маленькой, совсем как детской, рукой, она говорила и говорила: расспрашивала о Сибири, о сибирских писателях, о том, с кого Сартаков списывал своих героев, и вдруг заявила:

— Так щедро пишут только о подлинных людях, вы бестолково расточительный литератор.

В свободной беседе ни Сейфуллина, ни Сартаков не заметили, как пролетело время, и тот же голос секретаря Годкевич предупредил:

— Я ухожу. Как бы вас не замкнула уборщица.

Сейфуллина вскочила с дивана, стала прощаться с Сергеем:

— Ну, мы теперь будем встречаться. Я вижу, вас не остановишь, вы теперь будете писать и писать… а я вот стала читательницей. Вы думаете, это легко? — её живое, смеющееся лицо с тугой чёлкой над глазами на мгновение потускнело. — Это очень нелегко, совсем не легко… А вы знаете, Сергей Венедиктович, вы очень следите за собой. У вас в рассказах очень много достоверности, и это может обмануть читателей, они и не заметят, что в дело пошли совсем ещё не отработанные по-писательски строчки. А художник не имеет права этого делать. Вы понимаете? Не имеет.

Через год в той же комнате областной комиссии Союза писателей обсуждалась рукопись повести Сергея Сартакова «По Чунским порогам». Спор возник о том, не перепев ли это Джерома К. Джерома.

— Да, это, без сомнения, не Джером, но почему же мы всё время вспоминаем Джерома? Стало быть, налицо подражание, а подражание — плохая литература, — говорилось то здесь, то там.

Слово взяла Лидия Николаевна. Говорила о повести много хорошего, а главное — так темпераментно, так страстно защищала её, будто автору грозила неминуемая и немедленная гибель.

Кто-то с другого конца стола выкрикнул:

— Милая Лидия Николаевна, да мы все согласны с вами. Согласны были с самого начала!

Сейфуллина остановилась: не шутит ли он? — свирепость с её лица сошла, и она сказала совершенно серьёзно:

— А я могла бы вам и глаза выцарапать. Вы сами знаете, на полпути я не останавливаюсь, — и закурила.

Подошла к Сартакову, когда обсуждение закончилось.

— Я, кажется, погорячилась. Повесть у вас действительно пока совсем ещё не вышла. Я видела её такой, какой она должна быть, — и, заметив смятение на лице Сергея, поспешила прибавить: — Ну будет же, конечно! Ведь я бы не смогла увидеть того, чего вовсе нет, — задохнулась дымом, закашлялась и, откашлявшись, закончила со счастливой хрипотцой в голосе: — Нет, вы же понимаете, до чего же приятно защищать кого-нибудь! Хотя… бранить вас нужно было. Вы всё ещё злоупотребляете достоверностью, а над словами думать мало…

Ко дню выборов в Верховный Совет СССР Красноярское издательство выпустило специальный сборник, в который поместило и рассказ Сергея Сартакова «Василь», написанный им наскоро и с таким же скороспелым сюжетом: приёмный сын путевого обходчика в страшнейшую пургу, вместо старика-обходчика, несёт «соседям» за десятки километров номер газеты с сообщением о дне выборов… С дарственной надписью Сергей послал почтой сборник Сейфуллиной. Через две недели ему позвонили из издательства: пришло письмо от Лидии Николаевны, нечто вроде «закрытой» рецензии на красноярский сборник, сильно удивившей Сергея.

Добрая половина письма посвящалась «Василю». Сейфуллина негодовала: «Трудно сказать, рассказ ли это и писателем ли написан — так мало в этом произведении литературных достоинств. И думаешь: что это — вытащенный из корзины черновик или свидетельство полной нетребовательности к себе С. Сартакова? Как посмел писатель принести в издательство такую рукопись, и как посмело издательство её напечатать?..»

Письмо оглушило Сергея: «Сюжетная схема выпирает отовсюду, как скелет у истощённой лошади. Автор всё время бьёт читателя в лоб, хочет убедить его: верь, что было так, — но достоверности в рассказе нет ни малейшей...»

В этот же год, весной, Сергей снова приехал в Москву, позвонил Сейфуллиной. Она не ответила на приветствие, только и сказала тусклым, усталым голосом:

— А, это вы?.. Я очень ошиблась в своём письме. Жалею...

— Да нет, что вы, Лидия Николаевна, — промямлил Сергей. — Я полностью согласен...

— Не перебивайте. Ошиблась. Мне следовало написать письмо резче. И я жалею, что не добавила: за такие рассказы полагается с автора взыскивать стоимость испорченной бумаги.

В голосе кипела та самая благородная ярость, которую уже приходилось наблюдать Сергею, когда она защищала его. Что за роковой, злополучный «Василь»! Несчастными тремя страницами он, Сергей, начисто погубил себя во мнении Сейфуллиной.

А она продолжала снова словестную порку:

— Поймите, нельзя такие вещи печатать. Вы это понимаете? — шумно перевела дыхание. — Вы меня слушаете?

— Слушаю, Лидия Николаевна.

— Тогда вот что: вы приезжайте сейчас же ко мне. Я купила бублики, они ещё тёплые. Расскажите, над чем работаете.

— Да я...

— Ну вот! Обиделись? Скажете: ничего не пишу? Вы должны писать, много писать, всё время писать. Иначе у вас только «Васили» и будут получаться...

Зимой 1947 года Сибирь отмечала двадцатилетие старейшего журнала «Сибирские огни». Почти всё правление Союза писателей СССР слетелось в Новосибирск. Приглашён был и Сергей Сартаков — представитель от Красноярского края.

Встречи Сергея с Лидией Николаевной были мимолётны, на ходу: заседания, консультации, творческие семинары... Сейфуллина читала многочисленные рукописи, тщательно, с карандашом, делала пометки, писала короткие отзывы и, конечно же, уставала, заходить к ней в номер гостиницы Сергей не посмел.

Стоял по-настоящему сибирский сорокаградусный мороз. По приглашению железнодорожников станции Инская группа писателей выехала туда на автобусе. Для Сейфуллиной раздобыли валенки — правда, большие, ноги болтались в них, зато было тепло им, как в печке. Она сидела на первом сиденье, лицом к пассажирам, и рассказывала весёлые истории — о своей литературной юности в Новосибирске. Припомнила, как выступала вместе с Маяковским — и как! — чтобы не выглядеть вовсе ребёнком рядом с гигантским поэтом, подкладывала себе под ноги стопу книг. А Маяковский поощрительно хлопал её по плечу и говорил: «Ей они под ноги только и годятся. Мал золотник, да дорог». Весь автобус от её рассказов смеялся, так и доехали до места творческой встречи.

После небольшого банкета с очень скромным угощением, без пышных речей, без торжественного ритуала, с задушевной беседой за столом, прошёл тот незабываемый вечер. Говорили обо всём свободно и непринуждённо и всё равно касались литературы: вопросы, ответы, реплики...

— Ах, как мне хочется написать ещё что-нибудь хорошее... очень хорошее! — уже совсем серьёзно заявила Лидия Николаевна. — Писатель обязательно должен всё время писать, и всё время писать лучше.

— Зато какие великолепные книги вами написаны! — подольстил ей кто-то.

— А я напишу ещё, честное слово, напишу...

Такой она и запомнилась Сергею Сартакову: весёлой, жизнерадостной, и грустной, задумчивой, и яростно нападающей на своих противников, — «маленькая» писательница с девичьей чёрной чёлкой над круто выгнутыми бровями. Запомнилась своей фанатичной любовью к литературе, к друзьям-писателям, к читателям, которых она также любила.

За несколько месяцев до её кончины Сергей позвонил ей и услышал радостное:

— А знаете, я напала на счастливый замысел, явно вижу своих героев и теперь словно бы молодею. Ко мне возвращается страшная жажда — писать...

5.

В 1946 году прошли выборы в Верховный Совет СССР, после чего главная контора «Главлесдрева» назначила большую балансовую комиссию. Сергея Сартакова срочно вызвали в Москву.

Главный начальник свирепо глянул на него и грозно произнёс, рубанув рукой воздух:

— Работаете, Сартаков, вы хорошо, но нам не очень нужны бухгалтеры, сочиняющие романы...

Остыв от обиды, Сергей решил, что начальник прав. Действительно, кому нужны такие бухгалтеры? Ведь и литературе не очень-то нужны писатели, стучавшие не на печатной машинке, а по костяшкам счетов одиннадцать месяцев в году и лишь в свой законный отпуск выкраивающие две-три недели для работы над рукописью.

— Во времени мы тебя не связываем,— смилостивилось начальство,— сдай отчёт и гуляй в отпуску хоть два месяца; подбери аппарат и себя нагружай поменьше, пиши романы сколько влезет,— и тут же дали понять: — Ну а если и при этих условиях будешь настаивать на уходе, постараемся устроить скандал. Ты пойми, что раз ты вздумал уходить, так мы тебя всё равно лишимся, но расстаться лучше с «треском», чтобы было похоже не на уход по личному желанию, а на нечто обратное…

«„Треска“-то никакого, совесть у меня во всём чиста, но известные неприятности выдержать придётся,— задумался Сергей.— И главная та, что сдавать-то трест некому… И просто бросить тоже нельзя — может, и в самом деле получится плохо…»

В общем, проработав в лесной промышленности тринадцать лет, Сартаков покинул её, причём навсегда. Не без грусти, конечно, и всё-таки с неприятным осадком в душе. «Будто иду по предназначенному мне пути»,— грустно подумал он.

С этого момента он становится профессиональным писателем.

После увольнения из «Севполярлеса» он, как сказали бы друзья-писатели, перешёл на «вольные хлеба».

«Как-то, уже в апреле, я сижу и разговариваю по телефону,— вспоминает З. И. Семигук, директор Красноярского книжного издательства.— Входит Сартаков. Он только что вернулся из Москвы. По его оживлённому лицу догадываюсь, что привёз он радостные вести. И, это я уж никак не ожидала, он кладёт руку на рычаг телефонного аппарата, прерывает мой разговор. „Поздравьте, будет у вас в Красноярске писательская организация“,— сказал он».

Сергея Венедиктовича Сартакова, как организатора местной писательской организации, товарищи назначили её ответственным секретарём и главным редактором альманаха «Енисей». Вскоре его вызвали в крайком партии. Сергей недоумевал: зачем?

Инструктор отдела пропаганды Нина Павловна пригласила его к себе в кабинет, предложила чаю, заговорила о литературной группе, расспрашивала: кто куда входит, что за люди, какие творческие планы, что с альманахом «Енисей»?.. Затем, глядя Сергею прямо в глаза, вдруг заявила:

— Вам, Сергей Венедиктович, как руководителю писателей и литературного альманаха, обязательно следует вступить в партию.

— Простите, да я как-то не думал об этом,— сказал Сергей.

— А мы подумали: вы должны быть в партии. Я первая дам вам рекомендацию. Две другие… поможем и с ними.

Она кому-то позвонила, обсказала суть дела и, положив трубку, сказала:

— Вот всё и решилось. Не переживайте.

Вторую рекомендацию написал первый секретарь Правобережного райкома вкп(б), третью — редактор газеты «Красноярский рабочий» В. Ф. Дубков. Сартакова, как вступающего в партию, прикрепили к партийной ячейке Красноярского издательства. Секретарь партячейки, женщина строгая и, видимо, оберегающая святую святых своей организации от вторжения незнакомых людей, решительно выступила против:

— Я, например, ваших взглядов не знаю. Вдруг вы кандидатского звания недостойны? Тёмная вы лошадка, тёмная… Я лично буду голосовать против. Так и знайте. Мы наверняка вас провалим.

На собрании коммунисты приняли Сергея Сартакова кандидатом в члены партии с одним голосом против.

Через два года он стал членом вкп(б).

В феврале 1948 года с делегацией от края Сартаков побывал в Москве на юбилейных торжествах в честь столетия со дня рождения художника-земляка Василия Ивановича Сурикова. По возвращении в Красноярск он пишет своему другу Афанасию Шадрину в посёлок Шира, куда тот выехал к умирающему отцу: «Подробность ты, конечно, знаешь из газет, сверх же того могу сказать только одно: организационная сторона юбилея не блистала… А вот с „Плотом, что едет на Север“ получился любопытный камуфлет: насколько его подняли в Новосибирске, настолько опустили в Москве (и что самое пикантное — те же люди! Конъюнктура — вещь необратимая). Мне в Москве Караваева так и разъяснила: „Фадеева ругают, Симонова ругают, Твардовского ругают, Панову ругают“ и т. д. «Хребты Саянские» только пошли в набор. При наших темпах — жди не ранее июля-августа. Выйдут — пришлю обязательно…»

Красноярское отделение Союза писателей с помощью крайкома партии разместили в здании краеведческого музея, затем ему выделили комнату в книжном издательстве, а через некоторое время, по свидетельству С. В. Сартакова, они «сумели отстоять для себя две комнаты в кирпичном флигеле Красноярского крайисполкома».

Благодаря неустанным хлопотам Сартакова краевое издательство стало больше уделять внимания молодым литераторам. Получили членские билеты Б. Беляев, Н. Волков, Л. Гераскина, К. Лисовский, И. Попков, Н. Устинович, на очереди А. Чмыхало. Печатались они в периодических изданиях, в альманахе «Енисей», некоторые уже имели собственные книги.

Юношескую свою клятву Сергей Сартаков сдержал — написал роман «Хребты Саянские», работа над которым заняла восемнадцать лет. «Вроде бы долго… Но трудно ли? Не могу сказать. Трудностей я не заметил, потому что занимался любимым делом, и оно было для меня прекрасно»,— писал друзьям Сергей Венедиктович.

Софья Семёновна, супруга писателя, подобно Софье Андреевне Толстой, по многу раз, не доверяя никому, перебеливала его объёмистые рукописи. А сколько сотен черновых страниц исписано пером! Лучше всего Сергею работалось где-нибудь на природе — в лесу, среди скал, на берегу реки — везде, где можно было пристроить листок прямо на коленях, нежели за удобным письменным столом. Оба они, как говорится, вымотались, устали, но были счастливы, будто скинули с плеч тяжёлый груз.

В 1955 году в московском издательстве «Советский писатель» подготовлены к выпуску массовым тиражом «переработанные и улучшенные» первая и вторая книги «Хребтов Саянских»; третья, заключительная, запланирована к выходу также в этом году. Ещё в октябре прошлого года Сергей подготовил рукопись к печати. Роман разросся до семидесяти авторских листов. Уезжая из Москвы, он подписал договор и получил тогда же всё, как говорят, «в чистом виде и в полном объёме» — то есть гонорар.

И вот вышла трилогия в свет. «Кажется, и читатели на роман не в обиде, — писал товарищам Сергей. — Имею сотни восторженных писем…» Некоторые определили и термин: «роман поколений», постепенно перерастающий в «панорамный роман».

В основу романа положены подлинные исторические факты революционного движения 1905–1906 годов в Иркутске, Красноярске, Нижнеудинске. События, связанные с капиталистическим развитием Сибири и ростом рабочего класса, Русско-японской войной, Первой русской революцией. В романе переданы последовательно страшные картины разгрома восстания в январе 1906 года. Большого мастерства автор достиг в передаче политического состояния народных масс в момент острых революционных ситуаций. «Литературная газета» (1953, 4 июля) отмечала: «Революция предстаёт в романе не просто как высокая идея, но как выстраданный лучшими героями книги выход, как единственно верный путь».

Иван Васильевич Кокарев, шахтёр, бывший директор Красноярского издательства, пишет С. Сартакову: «От Ерошина в Москве узнал о выходе „Хребтов“, и все попытки найти книгу не увенчались успехом. Не нашёл и в библиотеке… „Хребты Саянские“ — это только начало твоей будущей литературной жизни. Чувствую, что они уже перекрыли „Приваловские миллионы“ Мамина-Сибиряка…»

К пятидесятилетию со дня рождения С. В. Сартакова литературный критик Л. Толстая писала: «С 1936 года писатель начинает работать над капитальным произведением „Хребты Саянские“, в котором поставлен ряд важнейших проблем… Решению последней проблемы автор посвящает бóльшую часть своей трилогии… Народ — главный герой эпопеи. С. Сартаков создаёт целую галерею типичных образов — представителей борющегося народа».

Отвечая на письма читателей и критиков, Сергей Сартаков пишет: «Одно могу сказать: я не столько писал, сколько жил в этом романе, смеялся вместе с его героями и вместе с ними порой обливался слезами. А в прямом смысле моей биографии — по фактам — в нём нет. По мыслям же своим, взглядам на жизнь я в нём растворился в каждой его строке».

«…Одним из моих сокровенных желаний было создать большой роман о Человеке. Не мне судить — удалось ли это или нет. Но хотелось бы особо подчеркнуть: это очень искренняя книга. Лихо закрученный сюжет, уснащённый хитроумными выдумками, — не мой жанр. Однако размышления о том, что приподнимает нас над обыденностью, мне всегда нравились. А потому и жанр этой книги я бы определил как исповедь», — размышляя о работе над новым произведением, вспоминал Сартаков.

Первая книга романа, «Философский камень», вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1966 году, к шестидесятилетию со дня рождения автора. За это время писателем накоплен большой жизненный и творческий опыт. Более глубокими и ёмкими стали характеры многих героев «Философского камня». Особую лиричность приобрели пейзажи, сохранив в основном свои прежние идейные и художественные задачи. Действие романа начинается в знакомых нам по «Хребтам Саянским» местах.

«„Философский камень“ часто называют книгой о преемственности революционных традиций, имеющих огромное значение в жизни нашего общества. Но проблема „отцов и детей“ — только одна из проблем нового романа, причём в первой книге она ещё полностью не решена. Идейный и философский смысл романа шире и глубже.

Пафос произведения в поиске „философского камня“ — цели и смысла жизни, путей к человеческому счастью» («Енисей», 1968, №2).

«Раскрыв этические, психологические, моральные и другие противоречия, в столкновениях которых формировался социалистический характер, С. Сартаков показал, что коллизии различного характера неизбежны при социальном переустройстве. Одновременно писатель показал, что в огне Гражданской войны и в первые годы социалистического строительства были сформированы лучшие черты характера наших современников: честность, трудолюбие, социалистический патриотизм, отзывчивость, высокая гражданственность» («Енисей», 1972, №3).

Своё шестидесятилетие С. В. Сартаков отметил в городе Минусинске.

Город принимал его в своём театре, полностью восстановленном после пожара. Это старейший театр, поставивший первый спектакль в 1882 году,

переживший Первую мировую и Гражданскую войны, первую сталинскую пятилетку, Великую Отечественную войну и зимой 1944 года перебазированный в Канск — вышла из строя отопительная система. В июле 1945 года при создании в Ачинске собственного драматического театра минусинцы часть своей труппы, а также имущества передали ачинцам.

Сергей Венедиктович вспоминал товарищей своей молодости, артистов театра, Николая Климентьевича Гудзенко, с которым работал над постановкой своей пьесы.

Здесь, в Минусинске, начала формироваться и его творческая биография. И не случайно он в разговоре всякий раз подчёркивал, что если в его произведения вошло нечто биографическое, то больше всего в романах «Свинцовый монумент», «Вечная песнь — колыбельная», где, по его признанию, под названием Чаусинск он многое ввёл от Минусинска поры своего проживания в нём, поездок сюда позже к отцу, на встречи с читателями.

Общение как с красотой на сцене, так и с красотой труда, — Ирина Шадрина, минусинская журналистка, считает, что всё это «сыграло немалую роль в становлении Сартакова как литератора».

Краевая газета «Красноярский рабочий» поместила на своих страницах ряд отрывков из произведений С. Сартакова. Своё приветствие и статью о нём опубликовал альманах «Енисей». На сцене драмтеатра имени А. С. Пушкина в Красноярске прошла инсценировка романа Сартакова «Ледяной клад». О творчестве юбиляра писатели Красноярья провели беседы с читателями в трудовых коллективах. Писатель М. Ю. Глозус дважды выступил у курсантов военного училища — у ракетчиков, у военных авиаторов. Книжное издательство выпустило большую книгу в серии «Писатели на берегах Енисея», в заглавном разделе о С. В. Сартакове дано «широко и глубоко»…

На общем писательском собрании была утверждена юбилейная программа из одиннадцати пунктов. Предусмотрены присвоение юбиляру звания почётного гражданина Красноярска, памятные подарки, орден Ленина и т. п. Первый секретарь крайкома партии А. А. Кокорев распорядился, чтобы программа была «соблюдена в точности».

М. Ю. Глозус написал Сартакову: «Здесь здорово ухватили мысль о твоём юбилее в Красноярске. Все в один голос: только в Красноярске! В крайкоме включительно до Макеевой — „за“. Остаётся спросить Кокорева».

6.

На учредительном съезде, проходившем в Москве с осени 1957 года и до конца 1958 года, вновь созданного Союза писателей РСФСР, куда приглашены были от Красноярска С. В. Сартаков, Н. С. Устинович и Н. В. Волков, первый секретарь правления СП СССР Георгий Мокеевич Марков говорил: «Нельзя писателей делить на столичных и периферийных. С этим местничеством должно быть покончено. Один литератор может отличаться от другого мерой отпущенного ему таланта, но место жительства важной роли играть не должно. Нужно всем создать примерно равные условия. Это указание Центрального комитета партии. Есть ещё один аспект: Союз писателей СССР решает вопросы в союзных республиках. РСФСР — крупнейшая из них и своего Союза писателей пока не имеет. Сейчас активно создаются краевые писательские организации и организации в автономных республиках. Для организации и управления ими нужен центральный орган — правление Союза писателей РСФСР. Но прежде всего — оргкомитет…»

В своём докладе Леонид Соболев подчеркнул назревшую необходимость создания Союза писателей Российской Федерации, отметил, что это событие особенно окрылило и подняло тех наших товарищей, которые живут и работают на необозримых российских просторах («Стенографический отчёт», 1959, с. 65).

От имени красноярских писателей выступил на съезде и Сергей Сартаков. Он сказал: «Быть современником — это значит быть тесно связанным с жизнью, понимая современность не как промежуточное звено между прошлым и будущим, не как точку равновесия между ними, современность — это нынешняя жизнь, закрепившая в себе всё лучшее, что было достигнуто в прошлом, и всем развитием своим устремлённая в будущее; современность — это настоящее, в котором будущего содержится уже больше, чем прошлого» (там же, с. 158).

Г. М. Марков спросил Сартакова:

— Поставленная задача тебе ясна, Сергей Венедиктович?

— Да, ясна, Георгий Мокеевич. Но это значит…

— Да-да, это значит, что тебе и дражайшей Софье Семёновне придётся распрощаться с Красноярском и переехать в Москву. Здесь тебя ждёт много работы, а работать придётся не покладая рук… Твой организационный опыт оценён и востребован.

На учредительном съезде Сергей Сартаков был избран первым заместителем председателя правления Союза писателей РСФСР и председателем Литературного фонда СП РСФСР.

В перерыве к нему подошёл Леонид Соболев, высокий, седовласый, с горделивой военной выправкой, постукивая об пол тяжёлой резной палкой, пожал Сартакову руку, поздравил с назначением, заговорил о том, о чём Сергей сам постоянно думал:

— Мы должны искать молодые таланты повсюду, в больших городах и посёлках, в колхозах

и отдалённых деревнях. Я сам ездил по стране в надежде отыскать увлечённого человека. Не устаю повторять: писателем может стать только человек чистых помыслов, честный, благородный, душой болеющий за свою родину, хорошо разбирающийся в людях, знающий их беды, тревоги и радости, человек, обогативший свой ум знаниями, постоянно учащийся, совершенствующийся, стремящийся к историческим идеалам…

Сергей слушал, не решаясь прервать речь классика, и думал: «Да, это настоящий русский богатырь, пышущий силой, здоровьем, весельем, жизнерадостный, кипуче-деятельный, темпераментный, лёгкий на ногу, острый на язык, шутник, но не балагур. Отличается остроумием, любит разыгрывать коллег первого апреля, но делает это деликатно, тактично. Никогда не отказывается сытно покушать и хорошо выпить, чем иногда злоупотребляет… Любил музыку, с удовольствием слушал рассказы бывалых людей, особенно моряков, с удовольствием общался с коллегами…»

Из интервью Сергея Сартакова разным газетам.

Кроме дежурных вопросов: как обустроился на новом месте в Москве, чем занят и какие вопросы решает сибиряк на высокой писательской должности, легко ли освоиться периферийному писателю среди живых классиков советской и мировой литературы, собранных в одном месте, как дела с жильём и простыми житейскими проблемами,—были и такие:

— Как вы относитесь к тому, что стали заместителем секретаря правления Союза писателей Леонида Сергеевича Соболева? Как вообще к нему относитесь?

— Отношусь хорошо,—с улыбкой ответил Сартаков.—Я рад, что будем вместе работать над созданием и развитием Союза писателей РСФСР. Леонид Сергеевич—личность неповторимая, яркая, светлая, радостная; это добрый, талантливый во всём человек, жизнелюб с фантастической работоспособностью и неутомимостью. Высокообразованный интеллигент, вдохновенный художник, изумительный мастер слова и строгий ревнитель чистоты русского языка. Мне он представляется ярко пылающим костром, высоким костром, далеко-далеко бросающим свет и тепло…

— Вы так ярко обрисовали Соболева как человека и писателя, автора известных романов, а что скажете о себе самом, Сергей Венедиктович?

— Моя биография—вся в моих книгах, все герои моих книг—это я сам. Что я ещё могу сказать о себе?

— Как вы пишете, Сергей Венедиктович? Ведёте ли дневники? Многое ведь забывается, стирается из памяти, а вы, как известно,—документалист. Все ваши романы построены на историческом материале.

Сартаков на минуту задумался.

— Я никогда не вёл дневников и не старался фиксировать мысли в записных книжках,—ответил он.—Мне кажется, что в моей памяти все жизненные перипетии надёжным образом фильтруются. В самом деле: я жил, учился, работал. Разве такие повседневные мелочи стоит записывать?

— Вы пишете пером? На машинке? Надиктовываете, как, скажем, Фёдор Михайлович Достоевский?

— Писал обычным пёрышком… После войны перешёл на шариковую ручку, мне её подарили, а потом вот отечественные появились. Так что пишу от руки, затем печатаю на машинке. Сейчас с удивлением слышу: создаются книги без всяких черновиков, на компьютере. Вот уж не думал, что такое будет возможно. И всё-таки жаль: вместе с тонкими чернильными линиями ушло нечто необычное, индивидуальность творчества.

— Многие жёны помогают мужьям-писателям: редактируют, корректируют, переписывают, перепечатывают, перебеливают их рукописи, некоторые становятся даже соавторами. Софья Семёновна из тех же?

— Из тех же, друзья мои, из тех,—рассмеялся Сартаков.—Мои тексты никому не доверяет, сама перебеливает, а это, представьте, объёмистые рукописи. Подолгу работает в архивах, в библиотеках, подыскивает нужные мне материалы, подбирает информацию. Так, например, когда я писал роман «А ты гори, звезда»… Каждое утро как на работу уходила: в архив Октябрьской революции, в Историческую библиотеку… Она была и первым читателем, лучшим советчиком, критиком, вдохновителем…

— И никакого в романах вымысла?!

— Ну почему же? Вымысел допусти́м, где герои—подлинные исторические лица. Невозможно написать исторический роман со стопроцентной точностью всех производимых в нём разговоров, с фотографической точностью дат и маршрутов всех передвижений… Читатель должен поверить автору: если бы он пошёл по пути буквального воспроизведения всех эпизодов и фактов, то вся художественная ценность романа свелась бы к нулю. Главное здесь—отбор жизненного материала, его осмысление и художественное обоснование. А это невозможно без творческой фантазии, без художественного вымысла.

— И последний вопрос: сейчас, после двадцатого съезда партии и выступления на нём Никиты Хрущёва, повсюду в прессе говорят о культе личности Сталина. Сергей Венедиктович, как вы к этому относитесь?

Сартаков помедлил, вздохнул и твёрдо заявил:

— Я никогда ни мысленно, ни вслух не оправдывал чудовищных репрессий: ни сталинской, ни любых других,—и того огромного ущерба, который они нанесли стране. Мне ближе высказывание: был культ, но была и личность…

«Из Красноярска Сергей Венедиктович уехал не по своей доброй воле»,—говорила Аделя Броднева, в те годы директор Литературного музея, если кто-нибудь начинал злословить: мол, Сартаков мечтал перебраться в Москву. Наконец-то назрела необходимость создания своего Союза писателей в Российской Федерации. Был образован оргкомитет, в его состав введён опытнейший финансист, известный писатель, сибиряк С. В. Сартаков.

Уезжая в Москву, ответственным секретарём отделения Союза писателей СССР он рекомендовал избрать Николая Станиславовича Устиновича, коренного сибиряка, талантливого прозаика, так же, как и он, Сартаков, любившего природу и людей, живущих бок о бок с нею.

И Леонид Соболев, и Сергей Сартаков целый год формировали структуру Союза писателей РСФСР. Сергей Венедиктович возглавил его и руководил им, пока в 1968 году не был избран ответственным секретарём СП СССР.

И так на выборных писательских должностях прошла его жизнь. Случай беспрецедентный, подчеркнула А. В. Броднева, тем более если учесть его удивительную скромность и полную неспособность расталкивать локтями товарищей. Именно поэтому и выбирали, что не держался за своё кресло, трижды просил освободить его от занимаемой должности по состоянию здоровья. И трижды его не отпускали. Опытом он обладал колоссальным: всё знал, всё умел. Имея за плечами профессию финансиста, отстаивал интересы писателей Литфонда, доказывая, что государство получает от издания книг невероятную прибыль.

В газете «Красноярская звезда» (26 марта 1998) журналист Юрий Грибов вспоминает: «Здесь, в Москве, я и познакомился с Сергеем Венедиктовичем. Внимательный и мягкий в обращении, скрупулёзно честный, он слыл в писательском задиристом мире самым исполнительным и обязательным работником. Про него так и говорили, когда надо было что-то решить или кому-то помочь: „А вы идите к Сартакову, он всегда на месте“…»

«Сергей Венедиктович многое сделал для сплочения писательской организации, для становления книжного дела в Красноярске. Прозаик, публицист, общественный деятель—всё это органически сочеталось в одном человеке с подлинно сибирским характером. Он покорял своей необыкновенной мягкостью, врождённым тактом, добротой и внимательностью. В своих произведениях… он славит Сибирь, её размах и красоту, своеобразные характеры сибиряков» (К. М. Тарасенко (Громова), «Связь времён», Красноярск, 1987, с. 196).

С. В. Сартаков вёл большую общественную работу: избирался депутатом Моссовета и Верховного Совета СССР, членом коллегий Госкомиздата СССР, Министерства культуры РСФСР, Комитета по Государственным премиям, а также был членом редакционных коллегий многих литературно-художественных журналов страны.

Некоторые литературные «генералы» охотно входили в разные коллегии и комиссии, но почти ничего не делали. А Сартаков со своей неизменной коричневой папкой бывал всюду, выступал, требовал, настаивал и читал, кажется, все журналы и книги, судил обо всём честно и добросовестно.

Как секретарь правления Союза писателей СССР, он ведал делами издательства и книгоиздания. Кабинет у него небольшой, к тесноте он привык, да и к тому же, по его собственному признанию, в таком лучше думается, в приёмной всегда кто-то ждёт помощи. Писателя из области, из республики сразу примет, выслушает, запишет в специальную карточку, потом проверит, поможет…

Сартакова считали чудаком: надо же, ни разу не показался в писательском ресторане, где вечерами «литературный народ» снимает стресс, выясняет отношения, подшучивает друг над другом. Кто-то из недоброжелателей написал экспромт: «Плохой писатель Сартаков. Но что же делать? Сорт таков!» А Михаил Дудин, поэт с мировым именем, выступил однажды с дружеским шаржем:

А Серёжа Сартаков—
Что он сделал для веков?
Ничего для них не сделал—
Воспевал большевиков.

Отпуск семья Сартаковых всегда проводила в Ялте, в самое тихое, по местным понятиям, «пустое время», и трудился там, как проклятый, сразу над двумя рукописями. Такой у него—признаётся—творческий метод.

«За эти годы произошло много событий—радостных и горестных, отразившихся как на моей жизни, так и на жизни общественной. Шутка ли?.. Я прожил бурное XX столетие и на склоне лет заглянул в будущий век. Но чтобы подробно рассказать об этом, потребуется уйма времени и сотни машинописных страниц»,—записал Сергей Венедиктович, завершая свои воспоминания под заглавием «Казусы и курьёзы».

Судьба, хранившая писателя, перенесла его через все невзгоды и лишения, через неправды и клеветы, через травлю и зависть недружелюбцев, была милостивой и вдруг нарушила течение жизни подлым ударом в самое сердце.

В 1988 году, 2 декабря, утром, при взрыве газового баллона в квартире поэта Игоря Ляпина погибла его жена Татьяна, дочь Сергея Венедиктовича. Она родилась в мае 1945 года, и кто-то пошутил: «Намается девочка…» Татьяна рано взрослела, становилась излишне рассудительной и не по-детски задумчивой. Училась в Москве, мечтала стать артисткой, но немного картавила. Поступила на филфак пединститута, стала журналисткой, писала очерки, эссе, занималась

литературными переводами с языков народов СССР. И вдруг… Такое не пережить. Через пять лет, в 2003 году, после тяжёлой болезни скончалась Софья Семёновна. А в 2005 году, 1 мая, в возрасте девяноста семи лет, умер в Москве Сергей Венедиктович Сартаков, один из немногих долгожителей, пережив почти всех, кого знал и ценил, кого любил безмерно, с кем был счастлив. И в том же году, через месяц, 2 июня, ушёл из жизни поэт Игорь Ляпин, с которым в советские времена мне посчастливилось выступать в одном из районов Красноярского края.

Так завершилась земная жизнь большого русского советского писателя, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР Сергея Венедиктовича Сартакова.

К столетию со дня рождения писателя московское издательство «Вече» переиздало роман С. В. Сартакова «Хребты Саянские» в двух томах, тиражом пять тысяч экземпляров. Предисловие к нему написал красноярский поэт, живший в Москве, Игорь Гребцов. Об этом сообщил в Красноярск сын писателя Александр Сергеевич Сартаков…

ДиН симметрия

Эдуард Багрицкий

Освобождение

За топотом шагов неведом
Случайной конницы налёт,
За мглой и пылью —
Следом, следом —
Уже стрекочет пулемёт.
Где стрекозиную повадку
Он, разгулявшийся, нашёл?
Осенний день,
Сырой и краткий,
По улицам идёт, как вол…
Осенний день
Тропой заклятой
Медлительно бредёт туда,
Где под защитою Кронштадта
Дымят военные суда.
Матрос не встанет, как бывало,
И не возьмёт под козырёк.
На блузе бант пылает алый,
Напруженный взведён курок.
И силою пятизарядной
Оттуда вырвется удар,
Оттуда, яростный и жадный,
На город ринется пожар.
Матрос подымет руку к глазу
(Прицел ему упорный дан),
Нажмёт курок —
И сразу, сразу
Зальётся тенором наган.
А на плацдармах —
Дождь и ветер,
Колёса, пушки и штыки,
Здесь собралися на рассвете
К огню готовые полки.
Здесь:
Галуны кавалериста,
Папаха и казачий кант,
Сюда идут дорогой мглистой
Сапёр,
Матрос и музыкант.
Сюда путиловцы с работы
Спешат с винтовками в руках,
Здесь притаились пулемёты
На затуманенных углах.
Октябрь!
Взнесён удар упорный
И ждёт падения руки.
Готово всё:
И сумрак чёрный,
И телефоны, и полки.
Всё ждёт его:
Деревьев тени,
Дрожанье звёзд и волн разбег,
А там, под Гатчиной осенней,
Худой и бритый человек.
Октябрь!
Ночные гаснут звуки.
Но Смольный пламенем одет,
Оттуда в мир скорбей и скуки
Шарахнет пушкою декрет.
А в небе над толпой военной,
С высокой крыши,
В дождь и мрак,
Простой и необыкновенный,
Летит и вьётся красный флаг.

1923

Геннадий Малашин

Призвание — исцелять

Памяти Жанны Николаевны Владишевской

…Как любой дом, «дом Касьяновский» за десять лет своего существования, да и за предыдущие десятилетия, когда о нём мы ещё только мечтали, собрал в своих бревенчатых стенах множество удивительных историй. Он бережно хранит память о людях, которые помогали создавать и строить его, и они всегда становились после знакомства с ними «касьяновцами».

Мы добрым словом вспоминаем потомков наших красноярских купцов-благотворителей, Ирину Лазаревну Боброву (Матвееву-Кузнецову) и Алексея Леонидовича Юдина. Правнучка Петра Ивановича Кузнецова и внук Геннадия Васильевича Юдина, они ещё в далёких девяностых и в начале двухтысячных вместе с нами размышляли о таком общем для всех красноярцев Доме, который ещё и названия-то тогда не имел… Именно они взращивали в нас, своих молодых тогда ещё друзьях, чувство любви к истории города, губернии, пестовали в нас памятливость и преданность малой родине… Я помню наш первый плёночный фотоаппарат, купленный на сбережённые внучкой основателей Красноярского краеведческого музея пенсионерские деньги. Я помню непрестанную поддержку и помощь внука библиофила Юдина…

Сербский поэт, режиссёр и общественный деятель Мирослав Белович и сибирский просветитель, литературный критик и профессор Галина Максимовна Шлёнская — с ними связана счастливая, хоть и короткая, судьба прямого предшественника «Касьяновского дома» — «дома Славянского» всё в те же далёкие и полузабытые уже девяностые годы… Мирослав подарил красноярцам бесценные минуты общения с ним и его супругой, покойной тоже сербской актрисой Майей Димитриевич, он перед смертью успел передать нашему Дому удивительные сборники своих стихов с ещё более удивительными инскриптами. Галина Максимовна подарила нам всю русскую поэзию, которую любила и знала, и сам любимый ею «образ дома в русской культуре двадцатого века»…

Литературовед-славист, переводчик, издатель Андрей Борисович Базилевский. Это уже 2010-е, и именно профессор Базилевский вместе со своими коллегами по Институту мировой литературы

Ж. Н. и В. А. Владишевские, 2010-е гг.

имени А. М. Горького положил первые кирпичики в основание будущего «Касьяновского дома»… Сохранились видеозаписи его приездов в Красноярск, его вдохновенных лекций и первого прихода его в только что переданный нам деревянный особняк на бывшей улице Благовещенской, что на углу с бывшим Архиерейским переулком…

…А когда они уходят от нас, наши любимые друзья и наставники, без них наш Дом пустеет и сиротеет…

Из дальних краёв пришла горькая весть: 26 декабря 2022 года на восемьдесят третьем году жизни умерла Жанна Николаевна Владишевская.

Её имя было известно красноярцам именно в связи с нашим «Касьяновским домом».

Родственница вдовы погибшего за веру на канской земле в 1919 году священномученика Димитрия Неровецкого, она сумела десятилетиями сохранять, а в 2013–2016 годах передать в Красноярск целую коллекцию бесценных предметов, артефактов, реликвий. Это — уникальные личные

и священнические вещи отца Димитрия и его семьи. Пожалуй, ни об одном другом мученике или исповеднике, вошедшем в Собор святых Красноярской митрополии, включая святителя Луку (Войно-Ясенецкого), не собрано теперь нигде в Красноярском крае столько реликвий, столько подлинных предметов, связанных с его жизнью…

Я вспоминаю нашу безмерную радость, когда смотрели мы на них, готовясь в 2017 году к выставке «Третий путь о. Димитрия Неровецкого».

Служебное евангелие с иерейской закладкой, по которому читал будущий мученик евангельские слова своим прихожанам в маленьком Никольском храме в селе Апано-Ключи, где был в 1916–1919 годах настоятелем. Иконы и богослужебные сборники, лампадки и кусочки ладана, не воскуренные когда-то в апанском храме. И множество книг: Чехов, Тютчев, Гоголь, Бунин, Уайльд, Помяловский…—как же широк, однако, был круг чтения семьи рядового сельского батюшки!.. (А что же толковали нам в нашем атеистическом детстве о «безграмотных, недалёких, скаредных служителях культа»?!.)

Помнится один из этих переживших всё двадцатое столетие томиков, сборник стихов Ивана Бунина с бережно засушенным между страницами цветком—цветком, которому исполнилось уже более ста лет… И скромные личные вещи отца Димитрия и его жены, чернильница, ручка-вставочка, перья начала двадцатого века. Поделки и рисунки их сыновей. А ещё—документы и фотографии, на двух из них были сняты отец Димитрий и его близкие… Как безнадёжно мечтали мы до встречи с Жанной Николаевной увидеть эти фото!..

И, наконец, вещи подлинно для нас уникальные и бесценные—чудом сбережённые ставленнические грамоты отца Димитрия 1909 и 1916 годов…

Всё, всё это сохранено было вопреки жадному и безжалостному двадцатому веку.

Всё это когда-то бережно лежало на полках и в красном углу небольшого служебного дома священника в Апано-Ключах, что в Абанском районе. После мученической кончины священника за веру Христову, бывшей 23 февраля/8 марта 1919 года, все эти предметы вдова его, Евгения Ефремовна Неровецкая (в девичестве—Владишевская), чудом сумела в голодном и холодном 1922-м перевезти через всю страну на его родину (а с ней ведь были тогда ещё и двое малышей, двое осиротевших сыновей отца Димитрия…).

И в самые страшные и непростые для нашей страны времена—в 1930-х, в 1940-х, в 1950-х—всё это Евгения Ефремовна сберегла, тайно сохранила, а потом—потом пришёл черёд нового добровольного хранителя реликвий, Жанны Владишевской, её племянницы…

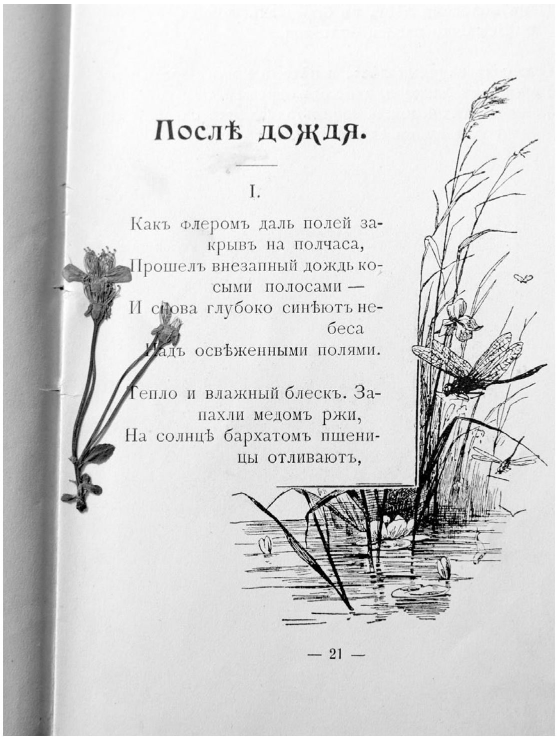
Обнаружив эти тщательно упакованные вещи в самом незаметном углу чердака в домике, где жила

Димитрий Неровецкий

до смерти вдова отца Димитрия, Жанна Николаевна поняла, что они, видимо, очень дороги были их хозяйке. Вспомнила, как слышала однажды от односельчан Евгении Ефремовны слова о том, что муж её был священником, и священником хорошим и добрым, и что был убит в годы давно уж миновавшей Гражданской войны… И, как она потом сама говорила, «сложила два и два»… Бережно собрала все предметы и так же бережно хранила их потом в своей городской квартире, разбирала, даже реставрировала—«сердцем поняв и уверовав», что придёт однажды ещё их час…

Когда в 2013 году мы завершали работу над книгой об отце Димитрии, обращались с архивными запросами на его родину и об этом написал «Журнал Московской патриархии», Жанна Николаевна сумела разыскать нас через интернет-пространство. Я помню это первое пришедшее до нас её электронное послание: «Если Вы—тот самый Малашин, который пишет книгу об отце Димитрии Неровецком, и если Вам это ещё интересно—у меня сохранились документы, вещи и фотографии отца Димитрия…»—«Да, да,—ответил я с опозданием на целых две недели абсолютно незнакомому мне тогда абоненту.—Да, я—тот самый Малашин, и вот мой электронный адрес, вот мой телефон, вот все мои координаты… Только ответьте, пожалуйста!..»

Началась переписка, начались онлайн-встречи с ней и её покойным ныне супругом Виктором Алексеевичем в скайпе, началась совместная


Послѣ дождя.

I.

Какъ флеромъ даль полей за-
крывъ на полчаса,
Прошелъ внезапный дождь ко-
сыми полосами —
И снова глубоко синѣютъ не-
беса
Надъ освѣженными полями.

Тепло и влажный блескъ. За-
пахли медомъ ржи,
На солнцѣ бархатомъ пшени-
цы отливаютъ,

— 21 —

Сборник стихов Ивана Бунина

Потомки о. Д. Неровецкого. 1950-е гг.

с Жанной Николаевной, длившаяся несколько лет кропотливая работа по поиску всей катастрофически не достававшей тогда для книги об отце Димитрии информации… Благодаря именно её усилиям сумели мы восстановить родословное древо семьи Неровецких-Владишевских, узнать о достойной судьбе сыновей отца Димитрия, его внуков, правнуков…

А когда через три года книга, наконец, вышла в свет, увеличившись за это время в объёме почти вдвое, Жанна Николаевна сумела донести её до своих земляков, и иконы отца Димитрия появились по благословению священноначалия и на его родине… Она вернула отца Димитрия его потомкам и его землякам… И вот они в нашем архиве, эти фотографии первой службы, совершённой на его родине в день его гибели, 8 марта 2017 года…

Мы переписывались с ней практически каждый день, начиная с того первого неуверенного заочного знакомства осенним вечером 2013 года. И какая удивительная, потрясающая личность нам в ней постепенно открывалась!

Врач-кардиолог, десятилетия жизни отдавшая спасению сердец своих пациентов, она пользовалась безмерным авторитетом и любовью и у своих пациентов, и у своих коллег. Участница афганской войны, добровольно ушедшая туда военврачом. Нежная, верная жена, горячо любящая и прекрасно воспитавшая свою единственную дочку мать, заботливая бабушка… Удивительно светлый, удивительной, пронизывающей доброты человек…

…Когда работа над книгой подошла к концу, мы уже не могли прекратить с ней переписываться. На стене её квартиры где-то на почётном месте висела теперь архиерейская грамота нашего владыки, рядом стоял на книжной полке пересланный ей из Красноярска томик книги об отце Димитрии, созданной при её участии, и каждый вечер мы включали с ней свою «машину времени», как мы её называли, свою «технику спецсвязи»: она — планшет, я — компьютер, — и тогда-то начиналась она, наша ночная уже почти, бессонная переписка…

Мы рассказывали с ней друг другу обо всём — и обо всех наших больших и малых житейских проблемах, и обо всех больших и малых свершениях, и обо всех увиденных фильмах, и о прочитанных книгах, и о музыке, которую (с разницей в шестнадцать лет) любили в советском детстве нашем, в отрочестве, в юности…

Она была в курсе всех добрых дел в нашей епархии и в нашем «Касьяновском доме», каждый день заходила на наши сайты и страницы в соцсетях и всё надеялась однажды увидеть на них репортаж об открытии главного здания «Касьяновского дома»…

И в какой-то момент, почти в самом начале нашего знакомства, я вдруг начал понимать, что Господь послал мне в её лице того настоящего, подлинного Друга, которого в моей жизни, пожалуй, никогда до того и не было… Друзья (я о настоящих друзьях), конечно, однажды появлялись — и, как правило, так же однажды и уходили… А тут — никогда, ни разу в жизни лично мы с ней

не встречались, только (очень редко, несколько раз за все девять лет) разговор по скайпу да пару раз по телефону. А в основном — письма, письма, письма каждым вечером в соцсетях…

Я нашёл в ней друга, которому можно рассказывать всё без утайки, который поймёт тебя и даст нужный мудрый совет, который будет часами разбирать — с любовью и вниманием — все твои стихи, все твои книги, все твои фильмы… Она помогла мне оглянуться — и увидеть новыми глазами, беспристрастно, и с болью, и с радостью, всю прожитую мною до этого жизнь…

Однажды я рассказал ей про «единокарассцев», которых придумал в одной своей книжке Курт Воннегут. «Это — люди единой породы, люди одного дыхания, которые сразу узнают друг друга при встрече, даже если жили до того на разных континентах…» И мы решили, раз и навсегда, что мы с ней — безусловно, «единокарассны». «Мы с тобой одной крови, ты и я…» — дружно цитировали мы «Маугли»…

И вместе с тем — она, безусловно, была ведущим участником нашего каждодневного диалога… В доброте, в мудрости, в «чувствовании» любого человека на расстоянии я всегда от своей собеседницы отставал, и мне всегда хотелось догнать её… Жанна Николаевна обладала редчайшим человеческим талантом — пробуждать в людях самое лучшее в них, самое светлое…

Я поражался её безукоризненному вкусу, её безукоризненному внутреннему нравственному камертону, безмерному её душевному теплу, которым она готова была одарить тех, кому больше всего на свете это тепло в эту секунду было необходимо…

Умница, интеллигент, бессребреница… Такою ею Господь одарил нас, красноярцев, которые с благодарностью вспоминали и вспоминают её имя…

А для моего маленького внука Никиты она однажды стала (вот так же, на расстоянии, не встречаясь ни разу в жизни) крёстной… И имя своей любимой «крёстной бабы Жанны» названый её внук вспоминал каждый день, и не только тогда, когда приходили от неё с такой любовью, с такой нежностью выбранные подарки…

Все свои новые поделки, все свои первые отметки, все свои маленькие и большие радости он непременно просил передавать — в фотографиях, в аудиописьмах, в электронных текстовых письмах от нас обоих — «любимой бабе Жанне» («Дедушка, а что моя крёстная мне на это скажет, как ты

Ж. Н. Владишевская с коллегами, 2017 г.

думаешь?.. А понравится ей этот мой бумажный привет в виде сердечка?..»).

…А сколько книг, подаренных или «посоветованных» для чтения бабой Жанной, мы с внуком за эти несколько лет прочитали… А сколько добрых советов дала она нам… Она стала членом нашей семьи, далёкая — и близкая, такая совсем незнакомая — и такая родная…

Как же я скажу сегодня её дорогому крестнику о том, что случилось, о том, что нет её больше?.. Ведь от сознания того, что где-то на свете есть у него любимая крёстная, которая всегда о нём помнит и его любит, становилось малышу легче и надёжнее жить в этом мире…

Как же мы будем жить теперь без Вас, дорогой наш единокарассец?..

«Будем молиться, — писали мы с ней друг другу, когда на душе становилось вдруг из-за чего-то совсем уж отчаянно тяжело. — Будем молиться — и Господь поможет нам…»

И мы молились… На берегах разных рек, в разных часовых поясах, в разном климате и в разной природе… И Господь всегда помогал нам.

«Господи, упокой душу новопреставленной рабы Твоей Иоанны в селениях с праведными…» — молюсь я вчера и сегодня, и слышу где-то её голос, и верю, что и она слышит нас.

Они навсегда остаются с нами, наши дорогие друзья и близкие люди. Незримые обитатели нашего «Касьяновского дома». Они совсем рядом с нами. В благодарной памяти, в молитвах, в наших добрых делах, о которых теперь уже здесь, на земле, я никогда больше не смогу рассказать ей.

Но Вы всё равно рядом с нами, дорогая наша Жанна Николаевна.

Вы здесь, в наших осиротевших без Вас, дорогой наш кардиолог, сердцах.

Юлия Вятчина

Последнее сочинение

Памяти С. Ю. Курганова

«Всё. Я ушёл»,—коронная фраза Сергея Юрьевича, после которой он мог часами стоять ещё на пороге с открытой дверью и размышлять о чувствах Пушкина к Татьяне или феномене «маленьких и больших людей в искусстве».

Испытывая страдания при мысли об уходе близкого человека, мы подсознательно раскачиваем страх своей собственной смерти. И чем больше этот страх, тем острее и невыносимее наши страдания. И тем дальше мы отдаляемся от природы, для которой смерть так же естественна и важна, как любой другой жизнеобеспечивающий физиологический процесс.

Если уходит человек не близкий, мы умеем обороняться—быть безразличными, сострадающими, порядочными, упорядоченными и проективными. Если уходит близкий и родной, то мы моментально впадаем в детство, становимся маленькими и теряемся в безгранично пустынном мире. Или, наоборот, мы как будто на городском маскараде в толпе: у всех праздник, у всех маски, а мы стоим такие оторопевшие с открытым лицом, и земля уходит из-под ног—мы не понимаем, кто мы, где мы… и вообще—куда и зачем. В этот момент большинство детей не могут сдерживать рыдания. Дети обижаются, что их потеряли. Особенно чувствительные задумываются: «А может быть, я сам виноват в том, что меня потеряли?»—и, сдерживая слёзы, начинают искать тому доказательства.

Мы хаотично оглядываемся по сторонам в надежде увидеть в красочной и разномастной толпе знакомую руку, уцепиться за неё, чтобы успокоиться, вдохнуть полной грудью, надеть свою маску и включиться в процессию. Но, опустивши взгляд на землю,—мы видим под ногами пропасть, и постепенно приходит осознание, что нас уже никогда не найдут. Пространство расширяется между нами и другими людьми. Кто-то кричит: «Выключай свет, вставай! Ты уже взрослый!» Другой голос предлагает: «Прыгай быстрее к нам, мы дадим тебе маску!» Ещё один: «Ничего не предпринимай, жди, сейчас прилетит за тобой вертолёт!» Ещё звучит самый решительный голос: «Потерпи, малыш! Я несу к тебе мостик!»

Встретившись с Кургановым в самом детстве, мы стали жить вместе, переживать возрастные кризисы, совершать научные и душевные открытия. Одним словом—развитие. Другим словом—судьба. Он щедро вложился в наш внутренний мир, наше сознание и мировоззрение. Мы частенько смотрели на мир его глазами. Это были весёлые, смелые глаза, иногда полные слёз. Лично для меня самым большим школьным открытием стало существование в мире многоликих Других (людей, героев, авторов, культур) и теория о том, как говорил Бахтин, что только в диалоге с этими Другими человек может приблизиться к пониманию себя. И то, что чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя ярче и глубже. Что процесс этого раскрытия бесконечный, потому что на смену одним культурам приходят Другие, что можно быть сопричастным к этому открытому единству культур. Что только в диалоге происходит событие. *Со-битие.*

Пока Сергей Юрьевич был жив, было живо чувство, что есть запасной вариант или выход, к которому можно было прибегнуть и—в случае чего—получить одобрительный родительский взгляд или правильную трактовку. Теперь есть только его тексты, книги, ученики, последователи, соавторы, авторы и герои. И есть в диалоге культур чистый, многоликий и Другой—Сергей Юрьевич Курганов.

Настало время выбирать—становиться взрослым или оставаться ребёнком навсегда. Или так: настало время выбирать—становиться взрослым или оставаться ребёнком навсегда? (вопросительный знак)

Вместо заключения

В Нарве Михаська поплыла на льдине, а Курганов ругался и волосы на себе рвал, пока бежал за нею вдоль берега. Потом, когда она с мокрыми ногами спрыгнула на землю и они пошли до гостиницы, С. Ю. и слова не произнёс ругательного, они просто обсуждали, как это хорошо—плыть на льдине.

Наталия Слюсарева

Оберег Никитского бульвара

Образ

Слушайте, таких глаз не бывает, таких ресниц — стрельчатых копий, собранных частым частоколом вкруг чёрных солнц, — не бывает. Таких нарядов, как на ней, — не бывает. И вся она — оберег Никитского бульвара — из страны «Не бывает». А вот на удивление всю жизнь топчет в своих сафьяновых уггах или японских гири подмосковные, владимирские, калужские перелески. О себе молвит скромно: «почвенница». Трактуйте как хотите. Если не по Москве хвостиком за экскурсоводом, то в свободные дни охотно сорвётся в теремные с узорчатыми наличниками Мышкины, Звенигороды, Тарусы, Торжки. Последнее, впрочем, объяснимо: у супруга, художника Николая Костромитина, — персональная выставка в Торжке.

Её фамилия Метакса́ — ударение на последнем слоге — древнейшая, византийская. В Греции достаточно распространённая. В ней по линии отца Христофора — кровь греческая, по линии мамы — польская, украинская, немецкая. В её случае победил греческий ключ. Магия Византии, создавшей победное искусство торжества с куполами, мозаиками, фресками, обращённое к образу с его внутренней глубиной, разлита на этом лице. Своим тронным залом Татьяна Метакса выбрала музей Востока на Никитском бульваре. Она — советник Государственного музея искусств народов Востока, почётный член Российской академии художеств — создала из своей жизни поступь, из себя объект, эстетическое событие. Кто-то неспроста почувствует в ней личность, обладающую тайным знанием, читающую книгу жизни, с сильной волей, верящую только в себя. На кого-то эта византийка произведёт впечатление артефакта из музейного зала, для которого не подобран пока соответствующий постамент. Подходите, любуйтесь, но руками не трогать — может в ответ полыхнуть язычком пламени, язычок острый. Победа над таким солнцем никогда не будет одержана.

Диана Воуба. Татьяна Метакса́

Семья

«Мои родители были очень похожи друг на друга и внешне, и внутренне. Папа обладал очень сильным характером. Он прошёл всю войну, и по жизни на его долю выпало много испытаний, однако он навсегда остался верным приверженцем советского строя. „Никогда не жаловаться, не ныть“ — это главный урок, который я получила от отца. Семья была большая, много родственников. Родители всегда всем помогали. Они расписались 12 мая 1945 года. Какое же это было ликование. В моей жизни этот всплеск радости повторился ровно 12 мая 1968 года, когда я родила дочку Машу».

Черноглазой ясной девочке с косами досталась настоящая большая греческая семья с двоюродными, троюродными братьями, дядьями, один из которых, Георгий Дионисович Костаки, дядя её отца, известен в истории искусств как великий собиратель русского авангарда.

В детстве закодированы знаки будущей личности. Как много от той поры в душе сокрыто истинных сокровищ. Послевоенная эпоха всеобщего подъёма навсегда зарядила оптимизмом членов семьи Христофора Фёдоровича Метаксы. Защитный покров, драгоценная материя любви соткана лаской маминых рук, её голосом. Свою жизнь Танина мама, Евгения Ивановна, целиком посвятила семье, растила детей, потом внуков. Папа был человеком твёрдых принципов, несгибаемых убеждений.

Дружный рой семейств Костаки и Метаксы объединяло неотступное желание постоянно общаться и столь же сильное желание—помогать друг другу. Старинный деревянный дом в Баковке помнит многолюдные собрания родни на Новый год и Пасху. На чердаке того же дома хранилось много картин художников авангардистов, мало тогда ценимых.

Не по годам начитанную девочку с детства привлекало всё героическое. Могла и всплакнуть, и сжать в гневе кулачки, читая о подвигах юных комсомолок—Лизы Чайкиной, Зои Космодемьянской, и совсем уж расплакаться навзрыд на просмотре фильма о молодогвардейцах. Известный олимпийский завет барона де Кубертена: «Главное не победа, а участие»,—ближе ей в трактовке: «И участвовать, и побеждать!» Олимпийский, никогда не гаснущий, огонь внутри достался ей от отца.

Коктебель

«Повторяя за Цветаевой, могу сказать, что Коктебель—родина моей души. Здесь я ощутила приток сил. Открыла новый для себя пласт людей—творческая богема. В посёлке на холме строился силами друзей дом, хозяин которого, Юрий Иванович Киселёв, инвалид без ног, возглавлял движение по защите прав инвалидов. Это был самый радушный и весёлый человек. Встреча с ним и общение—одна из памятных мет в моей жизни. Всё было чудесно, всё было радостно. Срывались в походы, устраивали мистерии. Воздух дрожал от творческих вибраций».

Очутиться в середине 1970-х в Коктебеле, который именовался тогда Планёрское,—несказанное счастье, особый дар судьбы. Веками это изрезанное бухтами побережье, привлекавшее к себе болгар и греков, генуэзцев и венецианцев, представляло собой один из оазисов на пути великих переселений. Но в пору явления Татьяны на эти берега Планёрское—«край голубых холмов»—всего-навсего сиротливо уместившийся в ладони горного массива чёрной горы Кара-Даг неказистый посёлок между Судаком и Феодосией. Посёлок сельского типа, перебрасываемый, как теннисный мячик, время от времени то под судакское, то под феодосийское управление, впрочем, не ощущавший на себе от этого никакой пользы. Время, как древнегреческая маска, казалось, застыло над этим скромным входом в Аид. В те годы—никаких ещё разномастных многоэтажек, флюгеров и пирамид новомодных отелей, дешёвых лавчонок и кафешек, зато—открытая глазу до дальних холмов вся береговая линия с песчано-галечным пляжем и одиноким огоньком на кордоне чёрной горы, где в прошлые сезоны склонялся над своими рукописями Константин Паустовский.

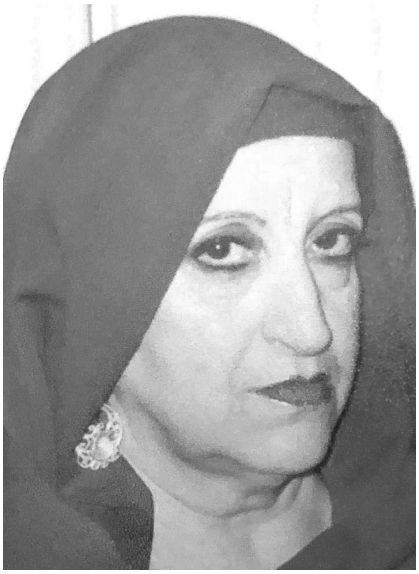
Возможно, так бы и спали веками эти белёсо-голубые холмы, если бы в начале прошлого века

Георгий Дионисович Костаки. Фото Игоря Пальмина

не выбрал Коктебель местом для своей кузницы почти мифический персонаж, новый Гефест—Максимилиан Волошин. Удары о наковальню вошли в унисон с сердцем соседнего вулкана, с его ещё не остывшей магмой. Над Коктебелем седой полынью стал взрастать серебряный куст силы. Оседая над коктебельскими дворами, разлетелись веером искры фантазии, выплески воображения. С подачи Макса, создавшего «Орден Обормотов», новые служители культа свободы, творчества, карнавально-расхристанные сборища богемы, раскинув свои шали и юбки, осели на этих холмах.

Одним августовским солнечным утром Татьяна высадилась на Судакском шоссе на автобусной остановке посёлка Планёрское и пошла в единственно верном направлении—«куда глаза глядят». Кто-то указал на переулок Серова: мол, там можно найти пристанище. Первое, что она увидела, поднявшись на холм,—длинный стол, а за ним множество людей. Во главе стола—Юра Киселёв. Она даже не сразу поняла, что у него нет ног. Молодая гречанка легко пристала к богемному стану на Киселёвке, хозяин которой на её недоуменные замечания обычно бросал ей в ответ: «Метакса, ты или дура, или святая!»

Встреча стала вспышкой, искра прошлась по этим чёрным косам дочери Менелая, отразилась в плазме её глаз. Днём—строительство дома для инвалида, а по ночам—по-настоящему чёрное море с лунной дорожкой, в которое скатывалась с киловой горки компания киселёвских «обормотников». Клеймо Коктебеля отпечаталось фестоном



Татьяна Метакса

на сердце. Да, она оказалась заклеймённой, если и не как мушкетёрская миледи—лилией; кстати, реальная героиня Жанна де ла Мотт похоронена по соседству, в Старом Крыму,—но заклеймённой этим местом, этой энергией, этой свободой. На этих же тропах, по которым взбегала юная Цветаева. Где же и бродить в августе, как не по коктебельским тропам на фоне такого моря, при таких облаках, под такими звёздами? Где же и шуршать листьям в октябре, как не в Сокольниках?

Москва

«Москва—любимейший город, который не променяю ни на какой другой. Я очень хорошо знаю и люблю старую Москву. И как родилась на Самокатной улице на берегах Яузы, так и осталась в том же пространстве. И сейчас живу только по другую сторону реки. И часто в прогулках с мужем мы переходим мостик, и я оказываюсь в стране моего детства. Это удивительно, но дом, в котором я родилась, стоит до сих пор. Я могу смотреть на него и вспоминать…»

Жизнь—несомненно, лучший способ приобрести воспоминания. Родной город—ежечасно исполняемая симфония. Чтобы услышать её, достаточно ступить на эти площади, улицы, бульвары. И она знает по особым меткам—осветится внезапно окно, склонится в приветствии деревце,—что любовь её к городу взаимна. Ещё бы, ведь Москва открывалась ей с самого раннего детства, с высоты папиного плеча—панорамой воздушных шариков и красных флажков. Как красная девица, Москва особенно охотно показывала своё умытое личико в дни праздничных гуляний. С людским морем влиться на Красную площадь, вдохнуть её энергию, ощутить мощь кремлёвских башен с рубиновыми звёздами. И спустя более полувека с тем же победным чувством ступить на мощёную грудь этой же площади, чтобы пронести портрет отца в ряду Бессмертного полка в честь семидесятилетия Победы. Так явно ощущать его присутствие рядом, а ему—плечо боевых товарищей, что в тот день проплывали в московском майском небе своим небесным полком.

Всегда ложатся радостью на сердце вернисажи выставок в Кремле. Особым торжественным тоном звучит стройная, как корабельная мачта, колокольня Ивана Великого на Соборной площади. Но и со светлой колокольни не зазорно спикировать на знаменитую Хитровку, пройтись вдоль исторического ночлежного дома, ставшего с его обитателями главным героем пьесы Максима Горького «На дне», завернуть на чашку кофе в тогдашний Кабак, куда, дабы проникнуться духом хитровской ночлежки, тянул за собой Станиславского неугомонный «дядя Гиляй». Да, не зазорно закружиться карнавалом старинных выщербленных переулков, а потом поднять голову к золотым крестам московских многочисленных храмов. Хорошо, что их много сегодня в Москве.

Музей

«В начале 1930-х годов музей Востока получил постоянное пристанище в бывшей церкви Илии Пророка на улице Воронцово Поле. Мы помним, что десятилетиями многие музеи, их запасники и архивы стояли станом в храмовых помещениях. Сейчас всё вернулось на свои места. Первая моя экскурсия, которую я подготовила и провела в нашем музее, была посвящена искусству Древней Индии. Возможно, оттуда возник постоянный интерес к буддизму. Отдавая дань всему лучезарному Востоку, не могу не отметить искусство Японии, их сосредоточенности на эстетике. В японской живописи, удивительной по красоте чайной церемонии, чьи истоки в Древнем Китае, меня неизменно привлекает изысканность и утончённое благородство».

Большая дружная семья Метаксы всегда была связана с искусством. Это уловила ещё классный руководитель и на одном из вечеров встреч класса прямо дала Татьяне отмашку на музей Востока. Здесь, в этих залах, началось её восхождение от внештатного сотрудника до советника. Восток привык прятать свои тайны, но только не от тех, кто искренне его любит, с преданными он готов поделиться своей мудростью. Неторопливый Восток подарил погружённость в себя, медитацию, ощущение прежде всего ценности и радости жизни. Недаром любимое изречение Татьяны Метаксы тоже с восточным привкусом от Омара Хайяма: «Нести легко тяжёлой жизни груз».

За более чем вековое существование в Москве Государственный музей Востока, собравший под

своё крыло сто пятьдесят тысяч экспонатов, стал настоящим домом дружбы, не застывшим золотым фонтаном на Центральной алее ВДНХ, хотя и тот прекрасен, а точкой, в которой пересекаются все мировые музеи. Живой, открытый для общения дом помнит километровые очереди, заворачивающие хвостом дракона на Никитский бульвар, на знаковые выставки: Н. К. и С. Н. Рёрихов (1984–1985), «Оружие и доспехи самураев» (2008–2009).

В гербе России — страны с приглянувшимся ей в оные времена православием — недаром поселился и перелетевший из той же Византии символ — орёл, птица с зорким зрением, могучими крепкими крыльями. И, как ведают старцы, есть люди, которые на своих руках-крыльях могут держать сотни людей. На славянско-греческих крыльях Татьяны Христофоровны Метаксы — подвиг ежедневного в течение пятидесяти трёх лет явления в залах музея, пропускающего в год сто тысяч посетителей. Мистически повторяющийся маршрут от Немецкой слободы — мест юности Петра Первого — до высшей точки ликования поэта, который венчался здесь, у Никитских Ворот, в храме Большое Вознесение, в десяти минутах ходьбы пешком.

За готовность служить Родине и людям, укреплять дружбу между странами у неё четыре государственные награды: орден Дружбы (Россия, 2002); орден Почёта (Россия, 2007); орден за вклад в укрепление российско-японских культурных связей звучит особенно поэтично — орден Восходящего солнца V степени с Золотыми и Серебряными лучами (Япония, 2021); медаль «Дружба» (Монголия, 2021).

И сегодня она переступит порог бывшего дома дворян Луниных, поднимется на третий этаж в свой кабинет. Кабинет советника в тонах закатов и рассветов Николая Рёриха освещает пара розовых фламинго — картина Николая Костромитина, талантливого художника и просто родного человека.

В кабинет, робея, заглянет начинающий экскурсовод в надежде получить ценный совет, опытный куратор обратится к Метаксе за последним одобрением не без ироничной подсказки. И те, и другие нуждаются прежде всего в её сердечности. Только этим светом освещается тайна посвящения в магию Востока. Единственное, что в этом кабинете она не будет обсуждать, так это светские сплетни, или говорить с вами о котлетах: во-первых, ей это по-настоящему неинтересно, а потом, каждую секунду своего времени она сохраняет себя для культуры. Кабинет распахнут и для обычных посетителей. Из последних лучшие и самые талантливые, разумеется, — это дети с их всегда неожиданными вопросами, пытливыми взглядами.

Волошинский устав «Ордена Обормотов», закрепивший единственную заповедь: «Любовь к людям и внесение доли в интеллектуальную жизнь дома-музея», — осуществляется здесь полноценно.

«Великий грек»

«Как только не называли великого коллекционера, „великого грека“ Георгия Дионисовича Костаки — и сумасшедший грек, и грек-чудак, дядя Жорж — так звали его неунывающие московские художники-нонконформисты. Для меня он всегда был дядей Юрой, очень сентиментальный, ироничный, очень щедрый. Многие, включая коллекционеров, не понимали, зачем он собирает совершенно непонятное искусство. А Георгий Дионисович был страстно, трепетно влюблён в русский авангард, в настоящий, ранний русский авангард. Он родился в России. И, будучи по крови чистым эллином, всегда считал себя русским. В моей памяти картинка из прошлого: за обильным столом, уставленном по всем правилам старинного московского гостеприимства яствами, дядя Юра наигрывает на гитаре, а его красавица-жена тётя Зина, обладательница прекрасного сопрано, исполняет классический русский романс».

По заверению Александра Сергеевича Пушкина, «мы ленивы и нелюбопытны». А вот греки — ленивы, однако любопытны. Разве не это качество заставляет повсюду искать дверцу с нарисованным очагом, чтобы проткнуть её своим длинным носом? В необозримой галактике коллекционирования Георгий Дионисович Костаки открыл новое созвездие, совершил невероятное.

Вот как он сам вспоминал об этом: «Я собирал и старых голландцев, и фарфор, и русское серебро, и ковры, и ткани… А мне хотелось сделать что-то необыкновенное». Совершенно случайно он попал в одну московскую квартиру, где его внимание привлекли несколько полотен авангардистов, среди которых находилась работа Ольги Розановой «Зелёная полоса», написанная в 1917 году. У него очень была развита интуиция. Купив эти работы, он принёс их домой и повесил рядом с голландцами.

«Было такое ощущение, как будто я жил в комнате с зашторенными окнами, а теперь они распахнулись, и в них ворвалось солнце». Произошло это в 1946 году. С того дня он решил расстаться с тем, что уже сумел собрать, и приобретать только авангард.

Если бы не Костаки, то большинство работ просто погибло бы на свалках, так как в Советском Союзе никто, включая коллекционеров, этим направлением не интересовался.

«*Считали, что он собирает мусор, что это никогда не будет признано и оценено, что он занимается просто какой-то чертовщиной*», — вспоминала его дочь Алики Костаки. Да, если бы не страсть и не талант Костаки, у нас не было бы сегодня столько полотен Кандинского, Малевича, Шагала, Лентулова, Филонова, Родченко.

Другим увлечением Георгия Костаки стало древнерусское искусство. Отец Георгия, как человек верующий, ещё в 1930-е годы спасал церковные

ценности: ризы, иконы в окладах. Интерес к иконам передался сыну.

Третьим увлечением любопытного грека стали работы нонконформистов.

Георгий Дионисович давно мечтал о музее авангарда в Москве, но тогда частных музеев не существовало. К сожалению, этой мечте великого коллекционера не суждено было осуществиться. В 1977 году, перед отъездом на родину, в Грецию, бóльшую часть — восемьдесят процентов своей коллекции — он оставил в России. 834 произведения, из которых 142 живописные работы и 692 графические, составили фонд авангарда Третьяковской галереи. 51 икону передали музею имени Рублёва. Уникальная коллекция старинной русской игрушки, приобретённая Костаки у наследников театрального актёра Церетели, нашла приют в Царицыно. Несколько лет назад в Государственной Третьяковской галерее был открыт зал, посвящённый Георгию Дионисовичу Костаки. Музей AZ Анатолия Зверева, которого так любил и поддерживал Георгий Костаки, получил от дочери коллекционера Алики Костаки 600 работ и архивных документов Анатолия Зверева.

«Одевайтесь как цветок!»

«Внешний образ — это всегда часть меня. Но всё идёт не от желания покрасоваться, а от внутреннего комфорта. Люблю восточную одежду: туники, халаты, чапаны, кимоно. Несмотря на определённую эклектику в подборе наряда, всё-таки, если на мне надет японский халат „хаори", он не может быть дополнен среднеазиатскими украшениями. Всё должно быть в тему. Мой костюм всегда дополнит головной убор, главная интрига образа. Все так уже привыкли к этому, что забавно бывает, если на какой-нибудь вернисаж я прихожу без него, непременно услышать вопрос: „А где твоя тюбетейка?"»

Любопытно, что греческое слово «метакси» переводится как «шёлк». В Татьянином обиходе штуки разматываемых тканей привычны, как воздух и вода. Кто-то умывается колодезной водой, она лично умывается материей. Да всё такое необычное доставляют ей караваны с Востока: не успеваешь один наряд разглядеть, как наутро его сменяет другой.

Осуществляя право на эстетический образ в его царственной византийской природе, Татьяна Метакса заслуженно находится сегодня в ряду невероятных личностей, одна из которых, Лиля Брик, в выборе нарядов всегда руководствовалась только собственным вкусом. Золотое платье яркой индивидуалистки из блестящей ткани по эскизу Варвары Степановой дополняла косынка на голове с авангардным принтом от Любови Поповой. Свет от абажура, обтянутого фиолетовой тканью, оттенял белизну кожи её рук. Много лет Лиля Брик возвышалась в Москве эдаким эстетическим маяком

Татьяна Метакса

над серой однородной массой, задев смертельным лезвием своего луча Маяковского.

В начале 1970-х годов Лиля Юрьевна, переступив порог музея Востока, посетила выставку художника Василия Шухаева. Татьяна Метакса, всегда любившая поэзию Маяковского, увидела маленькую женщину с рыжими косичками под руку с неким господином. Музе Маяковского тогда было уже за восемьдесят, но до самого последнего дня её руки украшали кольца, на шее — ожерелья. Дружба французского модельера Ива Сен-Лорана с Лилей Брик продлилась тридцать пять лет.

Знаковые кутюрье Джон Гальяно, Жан-Поль Готье каждый в своё время посетили музей на Никитском бульваре, восхищаясь равно как восточными коллекциями, так и проводником по залам музея. Сегодня в Москве Татьяна Христофоровна Метакса — одна из первых, кто следует завету кудесника Дягилевских сезонов Льва Бакста, обращавшегося к женщинам с наставлением: «Одевайтесь как цветок!» Неслучайно к экзотическому восточному цветку выстраивается очередь из художников писать её портреты.

Но для красивой женщины, окутанной в шёлк, цветок — не тривиальное растение в горшке. Благородному достоинству и красоте простоты в обращении Татьяна учится как раз у цветов.

«Наблюдение за жизнью цветка — весьма философский процесс: от бутона через пору цветения до неминуемого увядания, но желание до последней минуты дарить красоту. Возможно, это покажется несколько абсурдным, но я могу сравнить это с жизнью великих артистов. Абсолютное служение профессии, до последней минуты, до последнего вздоха на сцене. Для человека творческого, человека театра, музея его жизнь заканчивается только с его последним вздохом».

Есть на Никитском бульваре дом, в котором удивительная женщина в восточных нарядах с завидным постоянством бескорыстно дарит нам свою красоту и эмоции. Со временем наряды могут обветшать, но мы знаем также и главное: материя её души прочная, не износится никогда.

Когда вдали замолкают пушки…

Страницы лауреатов Всероссийского литературного конкурса им. А. Л. Чижевского

Татьяна Селезнёва

(Московская область)

* * *

А когда ненадолго вдали замолкают пушки,
Где-то между пятью и пятью тридцатью утра,
Появляется муза.
Хватает блокнот и ручку,
Говорит: «Пора».
И слова рассекают бумагу—
Бумага плачет,
И герои встают, как живые, за рядом ряд.
Пограничники Курска,
Двухлетний луганский мальчик,
Слово «папа» услышавший позже,
Чем слово «солдат».
Записать,
Не забыть ни мгновения жизни фронта,
Не забыть,
Как в огне остаётся за годом год.
Чёрно-белой картечью по смятым листкам блокнота
Воспалённая память отчаянно бьёт и бьёт.
Медсестра из Попасной,
Военный из Лисичанска,
Мариупольский кот из разрушенного двора.
…Снова пушки.
И муза, надев камуфляж и каску,
Говорит: «Пора».

* * *

Над Запорожьем дождь и над Москвой—
Одно и то же раненое небо.
Прижмусь к стеклу—
Как будто мы с тобой
Стоим вдвоём, укрывшись серым пледом,
Как будто в мире больше нет войны,
И тишину несёт на пальцах ветер.
Мне страшно не очнуться до весны,
Мне страшно до весны тебя не встретить,
Но я храню в руках твоё тепло,
Доверив наши судьбы воле Божьей.
…Я глажу дождь в Москве через стекло,
Чтоб он обнял тебя под Запорожьем.

* * *

А вы молчали восемь долгих лет,
И вашей немотой давилось небо,
Когда Донецк, в руинах и золе,
Делил на всех одну краюху хлеба,
Когда стал алым в прошлом белый снег
И от обстрелов глохли луганчане.
А вы сейчас кричите: «Нет войне!»—
Войны внутри себя не замечая.
Мне хочется склониться и рыдать
Над каждым, кто остался на Донбассе
За восемь лет войны.
За города.
За мир и за семью,
За свет и счастье.
А вы теперь кричите: «Нет войне»—
Не зная, как вы раните словами.
…И больно.
Почему-то больно мне.
А небо криком давится над вами.

* * *

В Киеве думают: памятники снесут—
И сорок пятого будто и не бывало.
Не человеческий страшен,
А Божий суд.
И перед Богом нам всем поднимать забрала,
Маски снимать
И учиться смотреть в глаза.
Не перепишешь историю в Божьем сердце.
Совесть ударит, как загнанная гюрза,
И от неё в небесах никуда не деться.
В Киеве думают: Пушкина запретят—
Русский язык перемелется и исчезнет.
Книги сжигают,
Но книги-то не горят,
А поднимаются буквами в поднебесье.
Там и Шевченко, и Пушкин, и Мандельштам
Чай попивают
И тихо ведут беседы:
Бога нельзя беспокоить по пустякам—
Много работы у Бога до дня Победы.

Екатерина Годвер

(Москва)

Завалено лесное озерцо
Берёзками, гнилыми с малолетства.
Моё в нём искажённое лицо
Отражено чудной гримасой детства,

Которое по тысяче дорог
Идёт вперёд, не ведая развилок.
Запутанной истории пролог
Выводит незаметно к месту силы—

На точку приложения мечты,
Ещё не облечённой в форму слова,
Где чай, разлитый в кружки, не остыл;
Где небо по-осеннему сурово

Стремится вниз—но хмарь мила, когда
Трещит костёр, а волны гасят ветер…
И снова берег. Чёрная вода.
Моё лицо в неверном лунном свете.

Вокруг туман. В тумане скрыта цель.
Сказать точнее—лишь идея цели.
Нелёгкий путь за тридевять земель
Петляет у подножья старой ели…

Служить нельзя выслуживаться брось
Регресс съедает знаки безвозвратно
Чужое время вывернуто вкось
Растянуто разорванной палаткой

полвека
полминуты
полчаса
полжизни от прорехи до прорехи
и на рассвете чьи-то голоса
зовут меня
как может только эхо

но я смотрю
в лицо своё
смотрю
пытаюсь вспомнить
имя
что-то вроде…

Выходит тень к погасшему костру,
Подбрасывает хворост и уходит.

Денис Ткачук

(Астрахань)

Вагон качается хмельной—
и свет мигает,
и чёрный дым летит за мной—
не догоняет,

не проводник заварит чай—
а сам апостол,
разговоримся невзначай—
легко и просто,

промчится жизнь, как товарняк,
за ней—другая,
и вот—разбуженный сквозняк
в купе гуляет,

со мною—всё, что я не смог,—
мои осколки,
и вера в лучшее, и Бог
на верхней полке.

Посмотришь из окна—
почувствуешь родство
с домами, фонарём,
москитной пыльной сеткой,
и, обретая на
минуту естество,
останетесь вдвоём
с пустой тетрадью в клетку.
Машина входить в грязь,
как будто ищет брод,
а город, свет гася,
на память дарит слово:
презреньем дождь обдаст,
и ветер оттолкнёт,
и только ночь тебя
обнимет, как родного.

Тома Королёва

(Калуга)

Гиперборея

У прародины предков, среди валунов,
Осмотрюсь, изучая менгиры.
Будто где-то на стыке кровавых веков,
Я бреду по окраине мира.

Эти ветры поют о славянских богах
И святилищах нашей планеты,
О сакральной Арктиде, пророческих снах,
О Земле, что полгода без света.

Россыпь рыжей морошки сжимая в руках,
Мыслеформы в сознании грею.
Я услышу тебя в сейдозерских вратах,
Я найду тебя, Гиперборея.

Тундра

Звуки леммингов, топот оленьих шагов
Тихо спрячет фисташковый тундровый мох,
Здесь не плачет душа на границе миров,
Растворившись в обители северных снов.

Станет крик её песней, летит сквозь года,
Между сопок, каньонов, ущелий и скал,
Как симфония ветра, меня навсегда
Привязав. Здесь ответы, что тщетно искал…

Мне спокойно на крае планеты отныне,
Я спускаюсь в пещеры, не ведая дна.
И в толпе, и в тайге, и в кодарской пустыне
Я не больше, не меньше, чем в тундре… одна.

Дарья Князева

(Воронеж)

● ● ●

Когда вглядываешься в пятнышко туманности Ориона
в середине ночи,
кутаясь в несколько слоёв одежды,
седой парок выдыхая,
Земля перестаёт быть огромной,
перестаёт быть опорой,
к которой мы для надёжности прикреплены корнями
постылого тяготения и,
как в аквариуме,
болтаемся в ясельной атмосфере,
ракетами переругиваясь, перестрелками переговариваясь,
причинением мира и демократии угрожая.

А делается Земля маленькой,
исчезающе крошечной,
игрушечным шариком,
перламутрово-синей горошиной,
в неохватном пространстве по сложной кривой бегущей,
огибающей невидимое и массивное,
огибающей тёмное и неизвестное,
по счастью, пока в стороне от сверхновых и прочей нечисти.
От астероидных пуль ускользает юрко
подробная динамическая миниатюрка.
И тяжело ей, бедненькой: буры в неё вгрызаются,
тут и там на курчавой шкурке
дымят подпалины,
морщинки оврагов хламом гнилым завалены.
Без людей ей, наверное, стало бы лучше…

Ходят слухи, что ядерный взрыв выжигает душу
и того, кого захватил, и того, кто нажал на кнопку.
Чёрный ход из сансары,
без смс и дополнительной регистрации,
или генеральная заключительная уборка.

И в какой-то момент настигает такое «страшно»,
что уже не страшно—предельная
чрезвычайная разновидность страха.
Становится жгуче и остро стыдно.
Не за Гитлера, Сталина или Трумэна,
не за бен Ладена, Чаушеску и Пиночета,
просто за человека.
В целом за человека.

Через несколько минут ужаса
совсем ничего не чувствуешь.
И от равнодушно мерцающего Ориона,
и от его бесконечно далёкой туманности
опускаешь глаза долу.
И прячешься
в пережжённый воздух,
в дощатый остов
немолчно гомонящего корпуса
обветшалого детского лагеря или турбазы.
Смотришь изнутри на черноту,
разъятую рамой крестообразно,
и неуместно кланяешься кресту.

Виктория Беляева

(Ростов-на-Дону)

Радуги-подковы

— Ты посмотри, что эта псина делает. Ну, гад, поймаю — получишь, не отвертишься. Стой, а ну, грабитель блохастый, стой, говорю тебе!

Круглая тётка в ватнике, пуховом платке и валенках засуетилась между картонной коробкой с ледяными окорочками и убегающей собакой дворянской породы. В зубах псина держала синие куриные ноги.

Предновогодний рынок был усыпан бриллиантовым снегом. Среди ёлок, мандаринов, жареных пирожков и палаток с контрафактом лавировал вместе с «добычей» пёс.

Из динамиков около ларька с кассетами женский голос бархатно тянул:

Вишня, вишня, зимняя вишня,
Прекрасных ягод аромат.
Белый снег ложится чуть слышно,
Никто ни в чём не виноват…

Тётка смачно сплюнула, шмыгнула носом и визгливо спросила у бомжеватого прохожего:
— А ты чего тут отираешься у кур? Или бери, или мимо чеши давай.

Мужчина остановился, с улыбкой вдохнул мороз, достал из кармана деревянную подкову с бечёвкой, подмигнул и протянул её продавщице:
— С наступающим, красавица! Не хмурься, светись.

Тётка хмыкнула, скрутила губы трубочкой и задёргала курносым носом. Морщинки около глаз распрямились и стали похожи на крошечные солнечные лучи. Она сняла рукавицу, взяла за верёвку подкову, и та закачалась, как детская мечта. Тётка стала разглядывать резной рисунок и спросила у мужчины:
— Ишь ты, какая мудрёная вещица. Спёр, небось, малахольный? Но ить какова подкова — точно от Сивки-Бурки. Тебя как звать-то, дядя?

Мужчина, запрокинул голову к небу, прищурил один глаз, ответил:
— Николаем меня звать, красавица. А подковку я сам сделал. Люблю запах сосны и дуба, они детством и лесом пахнут. Подковка-то волшебная, ты её у входа над дверью повесь — она тебе счастье в дом обязательно принесёт. Ей-богу, красавица. С душой ведь сделана.

Тётка подула на подкову и ласково коснулась её сучковатой поверхности. Потом спрятала в карман, бросила в пакет два тощих окорочка и крикнула уходящему мужчине:
— Эй, Коля, нá вот тебе к Новому году от меня кой-чё. Ну, в общем, бери. Бери, да не мнись, я тоже от чистого сердца. И тебя с праздничком, кхе-кхе.

Мужчина нерешительно взял в потрескавшиеся пальцы куль с куриными льдинками:
— Ну, дай Бог тебе здоровья и мира, красавица. Дай Бог тебе мыслей светлых и дней ясных, как глаза твои тальковые.

Тётка поправила выбившиеся волосы и хохотнула:
— Скажешь ведь — красавица. Ну и тебе, Коля-Николай, не хворать.

Наблюдавший картину дед в каракулевой шапке и с остренькой бородкой прокашлялся и спросил скрипучим голосом:
— Мадам, позвольте полюбопытствовать: это лирическое представление ещё долго тянуться будет? Мне бы кило куры. К столу новогоднему успеть, так сказать, блюдо организовать. Время, мадам, летит, понимаешь, мчит. Вы слышите, курятинка нужна мне!

Тётка опять примерила хмурое выражение и хотела огрызнуться, но нащупала в кармане подкову. И молча начала класть бёдра на весы.

Когда продавщица рассчиталась с покупателем в каракуле, Николай уже исчез. Она сняла перчатку, достала подкову, похожую на крошечную радугу, вспомнила о ёлке в деревенском доме деда и бабки. Там над входной дверью тоже когда-то висела подкова, только настоящая, медная, с трещинкой. Дед смеялся, что когда-то одной левой гнул их, а вот эту оставил для бабуси. На казачье уютное счастье.

Николай вышел в ворота рынка яблочного цвета. Прошёл несколько метров в сторону застывшей стройки. Огляделся, нырнул в обитый фанерой и дерматином вагончик, потом позвал:
— Фимка, Фима-а-а, ты здесь, бродячая душа?

В ответ услышал шкрябающие звуки и быстрое неровное дыхание. Тогда Николай продолжил:
— Ну я это, я. Выходи, свои ж дома, хорош опасаться. Я обед тебе праздничный раздобыл — гляди. Ну где же ты, Фимушка?

Из-под деревянных досок показалась серая взлохмаченная псина. Та самая, которую тётка не сумела остановить. Собака радостно завиляла свалявшимся хвостом, подпрыгнула и упёрлась лапами в грудь Николая, а потом лизнула его в нос. Мужчина засмеялся и одной рукой потрепал собаку за холку, а другой показал окорочка:
— Такие новогодние чудеса, Фимка. Вот видишь, Божья милость и доброта человеческая не оставляют нас. Красавица одна нам новогодний стол организовала. Хорошая женщина, румяная, сердечная; правда, замёрзла, душа детская. Теперь отогреется, засияет.

Пёс радостно взвыл, крутанулся, а потом исчез за фанерной коробкой. Через секунду он уже тыкал в куртку Николая синими ногами кур.

Мужчина присел на матрас, что стоял на кирпичах, и молча заплакал. Слёзы заскользили

по глубоким морщинам, которые резали его смуглое лицо. Фимка тут же лизнул Николая в щёку, а потом, положив свой подарок рядом, сам же зарыл морду в коленях хозяина.

На город упали сумерки и окрасили снег дымчатой тайной. Николай прижался к псу и сказал:
— Вот зажгу керосинку, Фимка, и такой с тобой ужин справим, самый что ни на есть новогодний. Две души—уже компания. А за подковки наши ещё выручить успеем. Не всё ведь в мире на продажу. Хоть кроху счастья дай человеку, не жалея, не считая, глядишь, он засветится, озарится, отогреется сердцем. Все мы дети Божьи, Фимка, во всех нас любовь живёт, дай ей только на свет выйти, расправить крылья, зазвучать. Правду говорю, верная ты голова?

Пёс протяжно зевнул, перевернулся на спину, заёрзал; ветер ворвался в незапертую бытовку и пробежал по висевшим вдоль стены деревянным радугам. Они, ударяясь друг о друга, музыкально застучали, зацокали.

Николай встал, зажёг керосиновую лампу и прикрыл двери.
— Вот и ветрушка нам спел, пожелал счастья, праздник вдохнул. Ничего, Фимка, живы будем— не помрём! Зима добрая к нашему брату бродячему. Сколько ещё дорог, сколько подковок-радуг раздать надо.

В небе сквозь облепиховые звёзды прокрался месяц. Николай улыбнулся жёлтому страннику сквозь окно и сказал собаке:
— А вон и небесная подкова засияла. Не одни мы, Фимка, весь мир и Бог с нами, куда бы мы ни отправились.

Татьяна Филатова

(Ульяновск)

……………………………….

Глушь

Запели сверчки. Свет вытянутым прямоугольником упал на землю. В прямоугольнике вычертился крест окна. Дальше свет падал на широкий ствол сосны, за ней—тьма разных оттенков: умбра на земле, кобальт на заливе и шунгит на другом берегу. Он поднял голову: небо даже ночью светлее, чем земля. Прошёл босыми ногами по ломким сосновым иголкам, на границе леса и берега песок привычно холодил стопы. Посмотрел: с противоположной стороны сквозь ночь мерцали, забегая в воду, огни турбаз. Монотонный плеск волн нарушала музыка. На другом берегу студенты политеха отмечали новую смену. Поодаль над водой поднялся розовый шар, через пару секунд донёсся хлопок, спящая ворона взметнулась с ветки и с криком улетела в лес. Поднялся жёлтый шар, раздался новый хлопок. За заливом отмечали свадьбу. Он посмотрел в небо: прямо над макушкой виднелся далёкий хвост нашей Галактики бледной полосой, которую принято называть Млечным Путём.

Послышалось отдалённое утробное тарахтение мотора. Он опустил глаза, отыскивая в темноте свою лодку. Спустился к воде, под ногами влажно хлюпало, хрустели пустые раковины моллюсков, волны глухо бились о металлический борт. Неразличимая в темноте, по заливу плыла другая лодка. «Браконьеры,—понял он,—сети проверяют». С тех пор, как одного мужика на заливе рыбнадзор оштрафовал в стоимость его дома, никто днём сети не поднимал. Сейчас даже за «телевизор» и бредень—штраф. Он давно не промышляет рыбой, не охотится, не собирает грибы, ягоды, даже траву. В лодку свою почти не садится, но боится, что однажды её угонят. Речная вода прильнула к ступням, он закатал штаны, сел на деревянную банку в середине, железное дно шикнуло о песок. В камышах крупная рыба плеснула хвостом—вот так и пригрезятся русалки. Поднял глаза на свой дом. На всём его берегу светилось только окно на втором этаже дома да уличный фонарь над дверью. Оглянулся: свет поднимался вверх по стволам и заканчивался на макушках сосен. Над соснами было тёмное небо, и над небом были звёзды. Накренив один бок, лодка выпустила хозяина. Пока поднимался к дому, заметил в траве одинокого бледно-зелёного светлячка, светящего сквозь ночь своей подруге. Поднял светлячка, пересадил повыше.

Утро было белым. Небо, сплошь облачное, отражалось в воде цвета цинковых белил. Лес на другом берегу синел хром-кобальтом, размешанным с белилами. Тёмными точками на заливе замерли две лодки, третья, еле различимая, пряталась в тени берега напротив. Он отошёл от окна, взял с деревянной полки хрустящий пакет цикория, заварил в стеклянной чашке с неразличимым рисунком: то ли зайчик, то ли мышка. Положил в карман треников две мелкие розовые ранетки. Вышел во двор, терпко пахло хвоей. Остановился у грязной металлической плошки—кот пропал два дня назад: может, ещё вернётся, а может, тоже ушёл насовсем. Впереди вытоптанная годами дорожка к обрыву берега, в траве под ногами зашуршали ящерицы. Еле различимые волны струились по мокрому песку, в камышах белела его дорожка для купания. В августе вода уже прозрачная, но холодная. Сощурился от утреннего света, пробежал глазами по знакомому силуэту леса на другом берегу, посмотрел на блестящие прямоугольники металлических крыш сквозь деревья. Большой орлан со свистом опустился к воде, расправил крылья и выставил вперёд когтистые лапы, схватил рыбёшку, тяжело взмахнув, поднялся в небо.

Там раскатистым заливистым криком перекликалась стая. По земле, заросшей подорожником, закружились тени орланов.

Вернулся к дому, обогнул покосившийся забор. Песчаная дорожка поднималась вверх, с двух сторон стояли треугольные домики, все как ладони, а за ними ржавые ворота, сетка-рабица. Он пробежал глазами дома, сложил руки на груди: в разбитых окнах трепыхались бесцветные тюли, масляная краска, как шелуха, как опавшая прошлогодняя листва, окружала каждый домик.

Сверху гулко, как в барабан, стучал дятел, разбивая полость в берёзе. Паутина липла к лицу невидимыми нитями, на чёрных штанах оставляла рисунок. Вышло солнце, осветило блестящие осколки стёкол в окнах. Он отвернулся, зашагал назад, поднял голову: на железной трубе на коньке его дома вздрагивал от высокого дуновения потрёпанный флаг. Со сменой этого флага много изменилось для него навсегда. Зашёл в туалет, мухи взвились и застучали в потолок. Над уличным умывальником висело зеркало, прибитое к стволу сосны. Посмотрел на себя: белые лохматые кудри, брови торчком и комковатая борода ниже ярёмной впадины, зарос, одни ярко-голубые глаза видны под тёмными веками. Типичный лешак или святой с икон. Однажды он побрился перед приездом внука, чтобы не напугать мальчугана. Дочь так удивилась, сказала, что он в своём «монастыре» не стареет.

Молодым он себя помнил хорошо, как будто это было вчера. Сначала выучился в том политехе, потом женился на дочери директора проектного института, устроился туда архитектором. В тридцать лет стал ГАПом—главным архитектором проекта. Тут же институт начал строить туристическую базу далеко от города, на берегу залива, похожего на озеро среди соснового леса, для летнего отдыха своих сотрудников. Ему поручили делать генплан и чертежи домиков. Он продумал всё так, что турбаза была как ладони: если смотреть на неё с берега, то каждый домик стоял с уступом по отношению к предыдущему, чтобы отдыхающие чувствовали себя уединённо. Ближе к пляжу поставил кухню с электроплитами и видом на залив—место притяжения, а рядом большая беседка с длинным столом, чтобы обедать в компании и отмечать День строителя. На Первомай началось строительство, сразу после демонстрации. Всех погрузили в два институтских автобуса и повезли с детьми, палатками и консервами через Волгу, поля и деревни в лес. Строили отрядами всё лето, готовили на костре, за детьми следили посменно, тогда все сдружились, пели песни у костра. Он заметил, что засыпает и просыпается в своей палатке с улыбкой и из хмурого молодого руководителя в костюме превращается в весёлого загорелого парня, который и рыбу умеет поймать, и на костре в котелке приготовить, у которого всегда наготове анекдоты и рука помощи.

Кое-как отзимовал зиму, к лету должен был родиться старший сын, на Первомай поехал «к себе в глушь»—достраивать. Тогда же и попросился быть начальником турбазы. Жена ругалась, она хотела видеть мужа начальником предприятия, а никак не турбазы. Сначала уговаривала, мирилась, пыталась понять; муж следил за домами «у чёрта на рогах» круглогодично, жил в железном вагончике, топил буржуйкой. В сезон охоты и на Новый год к нему приезжали друзья с угощением, он пил и смеялся. Два сына чуть подросли, жена ушла к инженеру. Он не долго горевал, в институте был главной звездой коллектива, начал писать картины, как в студенческой молодости. Потом как-то поехал на своей моторке через залив в село за хлебом, там встретил вторую жену—выпускницу училища культуры по распределению. Вдвоём они расписали домики на турбазе: где коты, где олени, где лисы. Женился, родилась дочь, построил за счёт института большой дом, снизу кирпичный, второй этаж деревянный. Так и шла жизнь: летом отдыхающие, каникулы у дочери, в остальное время свобода и наскоками гости с угощениями. Зимой ходил на лыжах через залив, осенью научился охотиться на уток, завёл двух собак, украсил птичьими крыльями стены.

Вечер был серо-синим, другой берег затянула то ли дымка, то ли первый туман. Теперь он смотрел на свою моторку, на которой когда-то в первый раз привёз на этот берег вторую жену, а тогда девятнадцатилетнюю девчонку. Теперь и она на пенсии, живёт в материной «однушке» на краю города.

Песчинки захрустели между пальцев, в песок были втоптаны обрывки бечёвки и спутанные куски пластиковой сети, отпечатки его шлёпанцев. Дохлые рыбы, выброшенные на берег, круглыми глазами удивлённо смотрели в небо. Скворечники на соснах затихли до следующего года. На откосе чернели угольки костра, который разводила дочь, когда приезжала с внуком из города поздравлять деда с Днём строителя. Сыновья давно перестали с ним общаться, он даже начал забывать, сколько им лет, где-то примерно по сорок, у них жёны, дети и должности. «Как я к ним, так и они ко мне»,—думал он. Но хотел бы другой жизни? Этот вопрос он задавал себе тысячи раз, как будто проверял, и каждый раз с улыбкой на сморщенных губах отвечал себе: «Нет». Теперь он понимал, что его время на этом берегу заканчивается. Дочь то и дело предлагает забрать его в свою «двушку» с лифтом и телевизором, он кивает и машет рукой: мол, погоди, успеется. Конечно, он бы хотел умереть здесь, чтобы здесь его похоронили, под дубом с его картин. Если умрёт в городе, кто его сюда повезёт, где его похоронят—на городском кладбище, которое больше, чем ближайшее село?

Ему этого не надо, после смерти он бы хотел стать частью этой земли.

Он толкнул лодку в воду, подобрал припасённый в камышах шест—вода ушла, надо оттолкнуться от дна, чтобы поплыть. В камышах шелестел ветер, блестели спинки испуганной селитёрки, цапля утробно крикнула, расправив крылья. Оттолкнул немного, лёг на железное дно, прикрыл глаза, и течение медленно подхватило лодку от берега. Речные мушки садились ему на бороду, кружились над лицом, облака то пропускали, то закрывали солнце. Прогромыхала моторка.

—Дядя Миш! Эй! На борту!

Он встрепенулся, приподнялся на локтях, выглянул, щурясь,—старческий сон слетает не сразу, потёр глаза.

—О, ты здоров! Я уж испугался. Ну, бывай.

Обернулся, его берег был уже далеко, только жестяная крыша дома блестела на солнце, да ободранный флаг прикрывал её, движимый ветром. Он посмотрел на мотор, обтёр с него блестящие паутинки. Дёрнул раз—мотор отказывал, дёрнул второй—мотор глуховато рыкнул и замолчал, дёрнул третий раз—мотор поплевался и заглох, дёрнул четвёртый, пятый, он хотел плыть, поскорее вернуться назад. Наконец мотор заработал, затарахтел, поддавшись упорству хозяина. Доплыл быстро, рассекая рябь барашками. Прыгнул через бортик, вода на берегу мелкими брызгами плеснула в лучах солнца.

Вечером вернулся кот. Ещё поживём.

Анна Воронина

(Брянская область)

Прощальный визит

Санька натаскал воды из колодца и теперь сидел на печи—мамка отправила, чтобы не путался под ногами да согрелся.

Сегодня в избе шумно. После освобождения района часть отнятого немцами скота была возвращена хозяевам. Для семьи с шестью детьми это стало настоящим праздником. Долго ждать не стали, с продуктами было туго. Заколоть свинью попросили деда Пашу: побоялись, что сами не справятся, хотя брат Фёдор хорохорился, что он уже взрослый. Сосед прошёл не одну войну, а на эту старика-калеку не взяли. Вот и ходили бабы к нему за помощью. Не отказал дед Паша и в этот раз.

По такому случаю накрыли стол. Сосед любил поговорить, а когда выпьет – особенно, и сейчас, после пары стопок, он рассказывал интересные истории.

Отведав жаркое, захмелевший сосед поблагодарил за угощение и ушёл. В избе стало тихо и как-то совсем темно. Зажгли керосинку и пару свечей. Обычно старались экономить на всём, но сегодня оставалось ещё много работы: свежину нужно было обработать—приготовить, засолить, закатать.

Санька лёг, подложил руки под голову. Он вспоминал отрывки из дедовых рассказов. Мама и сёстры затянули песню о несчастной девице и её горькой судьбе. На стенах «играли» тени. Раньше они с отцом часто по вечерам вместе так лежали, наблюдали за тёмными фигурами, потом отец рассказывал сказки. Мальчик любил такие моменты больше всего на свете, каждую историю он знал наизусть, но каждый раз слушал, затаив дыхание.

Когда отец уходил на фронт, мать и сёстры плакали навзрыд, а папка только смущённо прикрикивал на них:

—Ганна, не шуми! Девки, хвать нюни распускать!

Семилетний Санька сидел на лавке и пытался сдержать слёзы. Отец подошёл и присел рядом, ласково потрепал по русой головке:

—Не реви, малец. Скоро ворочусь я.

Прошло два года...

Санька шмыгнул носом. Он скучал по отцу.

Рядом скрипнула дощатая кровать, по ней дети забиралась на печь. Мальчик быстро провёл рукавом по лицу.

—Чего притих?—закричала у самого уха сестра.

—А ты чё орёшь?—буркнул Санька и покрутил пальцем у виска.—Оксана, ты совсем тю-тю?

—Мамка зовёт, дров принести,—ответила сестра и соскочила вниз.

Громкий треск, потом ещё раз и ещё, но не рядом, а за дверью, на улице. Раздались хлопки, потом гулкие удары по порогу. Все в избе бросили свои дела, глянули на дверь, замерли в ожидании. Было в этих звуках столько привычного и родного. Заскрипел снег. Кто-то застучал в окно.

—Ганна! Ганна! Ганна!..—раздалось со двора.

—Папка вернулся!—заорал Санька и спрыгнул на пол, сильно ударил ногу, но сразу подскочил и бросился за дверь.

За ним остальные. Бежали кто в чём был, не заботясь, что на улице зима. Санька даже валенки позабыл. Ведь это был папка! Только он так оббивает свои сапоги, приходя домой, это его голос, чуть уставший, зовёт мать, чтобы вышла да «подмогла». Он слышал это множество раз, каждый день, каждый вечер раньше, ещё до войны.

Санька остановился у порога, вглядываясь в темноту. Было пусто, никого... Здесь не было никого...

—Василь, не пужай!—надрывно закричала мать.

Тишина...

Фёдор бросился вперёд на улицу, Санька за братом, за ними остальные. Осматривали каждый уголок двора, несколько раз обежали дом, искали

в саду, несмотря на сугробы и нетронутый снег. Санька уже не ощущал босых ног.

Мать позвала в дом. Она прижала Саньку к себе и тихо бормотала:
— Вот куда без обувки, шалопай? Совсем продрог. Ажно пальцы побелели. На дворе — не лето, поди, а ты чего удумал?..

Мать затихла, посмотрела на дверь, а потом как-то чересчур засуетилась:
— Полезай-ка на печь. Полезай, погрейся. Работы ещё полно.

Каждый поспешил вернуться к своим делам. Все молчали, а Саньке хотелось говорить об отце: куда он мог деться, или кто это был? От него только отмахивались. Мальчик лежал на печи и плакал.

Наревелся и провалился в сон, где его обнимал отец. Было хорошо и тепло. Санька спросил: «Это ты приходил?» Отец виновато улыбнулся и крепче обнял его.

Через неделю пришла похоронка...

Владимир Победа

(Мурманск)

Апельсиновое дерево

В полированном звукоснимателе патефона отражался белый круг луны. Её мягкий свет проливался в небольшую полупустую комнатку, и длинные тени кровати, стульев и раскрытой коробки патефона тянулись к двери.
— Первым делом шторы. И это не обсуждается, — Светка ткнула локтем, и Костик кивнул.

Крутилась пластинка «Strangers in the night», и бархатный тембр Синатры убаюкивал. Костя переключил мобильный на вибро, откинулся на подушку и прикрыл глаза. Светка сидела рядом, скрестив ноги и зажав планшет коленями.
— Затем стулья. Давай на кухню возьмём высокие барные, — поджимая и прикусывая губу, она пролистывала фото.

Мобильный пару раз предательски вздрогнул. Костя сжал его в кулаке и мигом спрятал под подушку. Нащупал переключатель и поставил беззвучный. Выждал немного, чувствуя, как горячо наливаются щёки, и только потом чуть приоткрыл глаза. Светка, сдвинув брови, что-то увлечённо рассматривала на планшете. Её длинные каштановые волосы были спутаны долгим, трудным днём. Светка собрала их в хвост, перекинула через плечо к груди. То приглаживала волосы, то массировала себе шею и плечи.

«И почему Светка не хочет каре?» — задумался Костик.

Они встречались совсем немного, и потому решение съехаться застало друзей врасплох. Затем года три прыгали по съёмным квартирам. Дешёвым — тесным и неуютным. Дороже — просторным, но таким же чужим. У неё — пока отец в море, у друзей — пока те в разъездах. Костя успел утомиться рваным ритмом, говорил Свете: хочет остановиться. Как вдруг этот вариант.
— Я не прощу, если мы упустим её, — Светка буквально парила, была наполнена счастьем от живота до макушки.

Светлое однокомнатное гнёздышко у метро в новостройке. И если оплатят вперёд на год, обещали хорошую скидку. И Костя сдался.

Босиком Светка прошлёпала к патефону, погладила его шершавый выцветший корпус, перевернула пластинку и в два прыжка вновь оказалась на кровати. Она назвала себя патефилкой в шутку на первой встрече. Он продавал старые отцовские винилы, а она пополняла коллекцию. Так и познакомились.

Снова запел Синатра, и перед тем, как уснуть окончательно, Костик услышал её далёкий неясный вопрос:
— Оно будет первым общим... Берём?
— Конечно, — выдохнул Костик и потерялся сном.
— А потом будет общий второй, — Светка на секунду улыбнулась и погладила свой живот. — Двинься ближе, Кось.

Она звала его Кось только в минуты особой нежности. Светка потянула за руку, чтоб повернуть Костю. Его мобильник в этот момент выглянул из-под подушки, а по экрану полз чёрный текст сообщений.

Утром из клочка бумаги на холодильнике (не было даже магнита, и она прилепила записку жвачкой) прочёл, что она увидела в телефоне чат и те фото из гостиниц. А ниже было дописано, бегло и неровно (видимо, когда листок уже был под жвачкой): «У нас не будет ничего общего».

Ей даже не пришлось собирать вещи, они так и стояли в коридоре в двух сумках. А ещё через неделю в дверь позвонили.
— Ваше апельсиновое дерево, распишитесь.
— Моё что? — Костик крутил рукой, пытаясь подобрать слово.
— Ваше дерево, — невозмутимо повторил курьер, — апельсиновое, — и протянул накладную.

«ФИО и адрес мои, но я не... Светка, — догадался Костя. — Наше первое общее...» — вспомнил он.
— Не принимаю! — выдал официально Костя, но тут же добавил мягко, заглядывая в глаза: — Я же могу отказаться?
— Наверное, — скучающе зевнул парень. — В накладной только адрес склада: «Турция, Сиде», — дальше неразборчиво. Вам бы у продавца спросить. Вот, взгляните, — и молодой человек протянул бумагу, но Костя отмахнулся.
— У продавца спросить, — повторил он, вздохнув. — Заносите.

Курьер легко сбежал по лестнице к лифту и вернулся с несоразмерно большим пластиковым горшком, из которого робко тянулся вверх ствол. Худенький, кривенький, сантиметров в двадцать. На нем круглая зелёная шапка.
— Хм,—хмыкнул Костик,—тоже мне дерево. А оно точно апельсиновое?—он крутил горшок и рассматривал вытянутые плотные листья.
— Так по накладной.
— Куда же мне его ставить?—огляделся Костик.
Квартира была пустой, и места было полно.
— Не знаю, может, в комнату. У окна светлее. Да у вас и штор нету.
— Не нужны, потому и нету,—огрызнулся Костик.
— Вы бы расписались,—курьер вновь зевнул.— Адреса ещё.
— Минуту,—Костик медленно выводил свою фамилию в накладной, словно тянул нарочно. Будто боялся остаться наедине с новым жильцом.—Может, знаете, как за ними обычно ухаживают?
Но курьер только повёл плечами, свернул надвое бумаги и заторопился по лестнице.
Костик сидел близко к дереву на полу, подогнув ноги. Он залил землю, и теперь вода вытекала из поддона, и он собирал её тряпкой и выжимал в ведро.
— Как и за всяким растением,—успокаивал себя Костик.—Не ребёнка же Светка оставила, всего лишь дерево. Апельсиновое.

Ди*и*Н симметрия

Василий Казин

Что ни строчка—в трудовой сорочке

Мой отец—простой водопроводчик,
Ну, а мне судьба судила петь.
Мой отец над сетью труб хлопочет,
Я стихов вызваниваю сеть.

Кровь отца, вскипавшая, потея,
Мучась над трубой из чугуна,
Мне теперь для ямба иль хорея
Волноваться отдана.

Но, как видно, кровь стихов сильнее:
От отца не скроюсь никуда,—
Даже в ямбе, даже и в хорее—
Родинка отцовского труда.

Даже и в кипенье пред работой,
Знать, отцовский норов перенял,—
Только то, что звал отец охотой,
Вдохновеньем кличут у меня.

Миг—и словно искоркой зацепит,
Миг—и я в виденьях трудовых,
И кипучий и певучий трепет
Сам стряхнёт мой первый стих.

Вспыхнет ритма колыханье,
Полыхнёт упругий звук,—
Близких мускулов дыханье,
Труб чугунный перестук…

А потом, как мастерством взыграю,
Не удам и батьке-старику,—
То как будто без конца, без краю
Строки разгоняю… вдруг и на скаку,
Как трубу, бывает, обрубаю
Стихотворную строку.

Ну, а то,—и сам дышу утайкой,—
Повинуясь ритму строк своих,
Тихой-тихой гайкой—
Паузой скрепляю стих.

Пауза… и снова, снова строчки
Заиграют песней чугуна…
Что ни строчка—в трудовой сорочке
Вдохновеньем рождена.

Так вот и кладу я песни-сети.
Многим и не вздумать никогда,
Что живёт в искуснике-поэте
Сын водопроводного труда.

1923

Елена Акимова

«Кова́! Как много в этом звуке…»

(или Ностальгические заметки уже взрослого археолога)

— Вы уже пишете мемуары, сударь?
— О да! — и он с готовностью начал выуживать из карманов квитанции, кассовые чеки, избирательные листовки и автобусные билеты, обратная сторона которых была исписана лихорадочным почерком.
— И что же вы намереваетесь со всем этим делать?!
— Ну… В принципе, это можно подклеить…
О. де Грюссак.
Из неоткрытого наследия

Очень лирическое вступление

Всё это было в те давние-давние времена, когда плотина у юного посёлка Кодинск существовала только в эскизах, а население Кежемского и Богучанского районов, пока ещё не терзаемое печальными перспективами, продолжало жить своей тихой патриархальной жизнью. Деревянные дома из бруса, обшитые крашеными досками, соседствовали с массивными бревенчатыми избами, конструкция которых предполагала максимальную закрытость внутренней инфраструктуры как со всех четырёх сторон, так и с воздуха. К востоку — вверх по течению Ангары — удельный вес изб увеличивался, олицетворяя преобладание коренного мокчонского населения, к западу — по направлению к цивилизации — тон задавали более современные постройки, срубленные уже по канонам двадцатого века.

Вся жизнь местного населения была сосредоточена вокруг Ангары. Деревянные плоскодонки плотно устилали берега, а рыболовные сети развесистыми шторами сушились во дворах и огородах. Вдрызг пьяный мужик, неспособный сделать даже пару шагов по твёрдой поверхности, немедленно обретал способность к координации, будучи уложен в лодку и прикреплён правой рукой к румпелю. В то время как туристы на «Прогрессах» и «Казанках» героически штурмовали по судовому ходу бурлящие шиверы, местные жители медитировали с удочками в зоне их видимости на тихо-мирно качающихся между камней деревянных лодках.

Ангарский водный транспорт состоял тогда из бело-чёрных «Ангар», с небрежным усилием бульдозера толкающих гружёные баржи, матово-серые «эмбэвэшки», ватагами тянущие и пихающие бесконечные связки плотов, да юркие «кээски», всегда принадлежащие каким-то суровым ведомствам, хотя и периодически использовавшиеся в качестве «подвернувшегося левака». Ещё между Кежмой и Богучанами курсировали две «Зари», подчинившие всю местную жизнь своему весьма ненадёжному расписанию. Они время от времени ломались и чинились, или арендовывались под «спецрейс», или просто стояли на приколе, когда реку заволакивало туманом или дымом горящей тайги.

Ангара стремилась на запад, бурля и взметаясь над порогами и шиверами. Узкий судовой ход отмечался не бакенами с лампочками, а вешками, окрашенными в белый или красный цвета. Чтобы не перепутать в ночное время, на красные вешки набивали резиновые треугольники или подошвы от сапог. Задачей любого лодочного экипажа в сумерках являлось именно «высматривание» вешек, чтобы не перепутать право и лево и в конечном счёте не залететь на камни. Раз в несколько лет судовой ход расширяли, проводя на шиверах взрывные работы, что становилось подлинным праздником как для вечно голодных чаек, так и для местного населения, эскадрами сплывавшегося под шиверу подбирать оглоушенных хариусов.

Некоторым обременением для местных являлись тогда ещё редкие зоны, ограждённые колючей проволокой, с солдатами на вышках, да многочисленные «сотрудники» химлесхоза, набиравшиеся, как правило, из отсидевших своё постояльцев этих самых зон. «Химики» собирали в тайге живицу — особую стратегическую смолу — и неотвратимо спивались. Помимо водки и «Агдама», которыми были завалены поселковые магазины, широко использовались и менее питательные напитки, в том числе и антикомариная «Дэта». Весь летний гнусовый сезон её самоотверженно экономили, чтобы с наступлением морозов торжественно произвести операцию по очистке. «Дэту» сливали на промороженный железный лом, в результате чего вся химическая гадость должна была прилипать к железу, а очищенный спирт — стекать в подставленный тазик. В отличие от сезонной

«Дэты», круглогодично употреблялся чифир: пачка индийского чая со слоном, запаренная в консервной банке и вырубавшая гурманов наповал. Вопреки сегодняшней Википедии, слово «чифир» употреблялось именно в мужском роде, склоняясь по падежам согласно соответствующим правилам родного языка.

Как раз тогда, на рубеже семидесятых-восьмидесятых годов, в пространстве между Кежмой и Богучанами мигрировала археологическая экспедиция Красноярского пединститута вместе с лагерем школьников «Юный археолог» под общим и всеохватным руководством Николая Ивановича Дроздова. Отработав Чадобец, Пашино, ткнувшись в Окуневку, пометив ещё с десяток перспективных мест, экспедиция и лагерь стационарно устроились в устье Ковы.

К этому времени деревня Кова была заброшена, а последние её жители перебрались в Болтурино и Косой Бык. Старые огороды заросли непролазным бурьяном с островками недозадавленной малины, а покосившиеся, но ещё уцелевшие в борьбе за топливо дома становились укрытием для студентов-археологов в холодном августе после отъезда основного состава экспедиции и лагеря. Тогда снимались, наконец, потрёпанные палатки, весь скарб перетаскивался под крышу, пол застилался тощими спальниками, и великовозрастные подростки, прожариваемые днём и околевающие ночью, в полной мере вкушали радость нежданного комфорта.

Только три дома на Кове оставались занятыми. В самом большом жили дед и бабка Бурмакины, державшие своё хозяйство, внуков и целую свору собак. Все летние месяцы они занимали круговую оборону от потенциально опасных городских недорослей, которые готовы были повыдирать с грядок лук и добраться до малины. Впрочем, раз в сезон Бурмакин просил пару-тройку парней на покос куда-то «на острова», обещая накормить, напоить и вернуть откуда взял. Желающие всегда находились.

В другом домике жила тётя Поля, выпекавшая хлеб для «химиков» и при необходимости предоставлявшая им крышу над головой. В третьем — вечно пьяная тётка Эльза с непонятной функцией. У неё тоже периодически останавливались заезжие собиратели живицы, с охотой пользуясь гостеприимством хозяйки и её маленькой тёмной банькой. В какую-то зиму в этой самой баньке постояльцы Эльзу и убили, а циничные студенты весь очередной полевой сезон вдохновенно вызывали «призрак тётки Эльзы» фонариком и белым вкладышем от спальника.

Ещё на самом высоком месте с видом на Ангару стояла бакенская размером со сторожку, в которой, сменяя друг друга, попеременно жили то дядя Миша, то дядя Толя, смотревшие за вешками и регулярно выручавшие археологов с их вечно глохнувшими моторами.

Кова тех лет была невероятно, ошеломляюще красива. Огромное ровное плато у подножия горы Седло в июле превращалось в ромашковый луг. Ромашки в стеклянных банках от борщевой заправки украшали все обеденные столы; ромашками обсыпали палатки возлюбленных, внося ревность и разборки в женский коллектив экспедиции; из ромашек плели венки, чтобы на посвящение в археологи надеть их на деревянные головы вырубленных из плавника экспедиционных идолов; наконец, ромашки становились объектом народного творчества, воспеваясь как в душевных частушках, так и во вполне приличных произведениях искусства вдохновлённых ими поэтов.

Сама речка Кова, мчащаяся по камням и сбивающая с ног, врывалась оранжевым полукругом в синь Ангары и растворялась в ней вместе со звоном переката и воплями ненасытных чаек, унося всё это дальше и дальше на запад, к Енисею, и потом куда-то совсем далеко — к самому Северному Ледовитому океану... А бесконечная Кова звенела и пела, блистала и сверкала, завораживая и влюбляя в себя очарованных горожан... Нет, не потому мы начинали заниматься археологией, что страстно увлекались проблемой первоначального заселения Северной Азии, ковыряя глину на отведённом квадрате раскопа. Нет! Ошалевшие от цвета, звуков и запахов, мы понимали, что вернуться сюда можем только с экспедицией, а курсовая по археологии — это всего лишь пропуск, всего лишь плата за счастье... Впрочем, это я о себе...

В общем, всё это происходило именно в те давние-давние времена, когда Ангара ещё была той самой Ангарой, а мы — двадцатилетними обалдуями...

Про Клаву и «айболитов»

На медиков нам никогда не везло. По инструкции в детском лагере обязан быть медицинский работник хотя бы фельдшерской квалификации. Шеф приспособился добывать фельдшеров из студентов старших курсов мединститута, которых к нам направлял их комсомольский комитет. Я каждый год сама выстукивала одним пальцем на машинке стандартный текст о том, что «просим выделить», «в качестве практики» и так далее. Один год, впрочем, девочка была приятная. Она честно щупала лбы, присутствовала при купаниях и давала слабительные или закрепляющие в зависимости от потребности. Но как-то в лагерь неожиданно приехала комиссия из Кежмы и не обнаружила медицинского работника с детьми на раскопе, где та, согласно инструкции, должна была сидеть на бровке, обмундированная и оснащённая. Бедную Наташу отловили на речке со свежевымытыми

волосами и устроили скандал с последствиями, в результате чего на следующий год взнузданный комитет комсомола мединститута постарался подобрать нам уже безупречную кандидатуру.

Кандидатуру звали Клавой. Она появилась на Кове вместе со школьниками, мало отличаясь от них ростом, весом и причёской. Мы были несколько удивлены, когда к костру подошла суровая девочка с косой (то есть со светло-русой косой) и потребовала показать «санузел». Мы показали направление. Туалетик был новенький, свеженький, почти не опробованный и вполне мог быть ещё продемонстрирован любой комиссии. Мгновенно забыв о страждущей пионерке, мы вздрогнули, когда за спиной раздался тот же голос:

— А почему он не засыпан хлоркой?

Это и была Клава.

В ближайшие же дни хлоркой было засыпано всё: в туалете лежали сугробы, белые следы тянулись по дорожке, у «пищеблока» стояли какие-то ёмкости с хлорным раствором, и в чистейшем воздухе Ковы был растворён этот специфический аромат. Похоже, что такого количества хлорки у нас просто не могло тогда быть, и это были личные запасы Клавы.

До какого-то изолированного «медпункта» мы тогда ещё не доросли, главным образом, из-за отсутствия лишних палаток, да и особой нужды не было, поскольку традиционные болезни ограничивались ушибами и комариной покусанностью. Иногда к ним прибавлялись простуды и расстройства желудка, что и позволяло нашим медикам чувствовать себя позарез необходимыми. Однако профессиональные познания Клавы, её диагностические способности требовали выхода, и, к изумлению окружающих, рядовые простуды обретали статус пневмоний, крупов и дифтерий, а желудочные проблемы связывались почти исключительно с ущемлённой грыжей. Апофеозом стала сцена, когда суровая Клава, помяв живот тринадцатилетней пионерке, с глубокой душевной озабоченностью объяснила заинтригованному вожатому, что у девочки внематочная беременность. После этого случая мы предпочли отказаться от Клавиных услуг. Естественно, что этот процесс происходил бурно: с жалобами, скандалами и анекдотами. В итоге диагноз выставлял теперь вожатский консилиум, а Клаве была отведена роль хранителя бинтов и таблеток. В обиходе появилась крылатая фраза: «Клава, я балдю!»—отражавшая всю гамму чувств от недоумения до восторга. Клава переживала всё это с эмоциональностью монумента.

Где-то в конце июля, в самом конце практики, происходило студенческое посвящение в археологи. Дни тогда были довольно холодные, а традиционный сценарий предполагал минимальную одетость и обильные водные процедуры. Придумать что-то новое у нас ума не хватило, и пятьдесят изукрашенных ребят в плавках и купальниках с оборочками из папоротников скакали вокруг идолов, обливались водой и стыли на ветру. Поразительно, как вообще это закончилось столь «малой кровью»… И вот дня через два, глубокой ночью, когда последняя группа уже собиралась разбредаться спать, один из парней-первокурсников, потеряв сознание, свалился в затухающий костёр. Когда сонную Клаву нервно допихали до студентов, его уже занесли в палатку, уложили на спальники и почти привели в чувство. Клава застыла над ним в состоянии глубокой интеллектуальной озабоченности, пытаясь разглядеть в полумраке палатки заученные диагностические признаки. К сожалению, его поза мало напоминала столбняк, а с другими картинками в мединституте, видимо, было плоховато. После насыщенной мыслью паузы она с надеждой произнесла:

— Если ноги согнуть не сможет—значит, менингит.

Лёня судорожно дёрнулся и с усилием подтянул ноги.

— Значит, не менингит…

Уловив в Клавином голосе разочарование, её немедленно отправили к себе. Отдыхать от переживаний.

Впрочем, уже к середине сезона Клава была настолько задвинута на третий план, что тот её подконвойный визит к больному объяснялся только нашей сиюминутной растерянностью. Теоретически можно было бы двигаться и в другом направлении, но буриданов осёл сдох бы в состоянии такого выбора.

Как раз в то время в студенческом лагере обосновались ещё двое студентов-медиков. Появились они вполне стандартным путём. Как-то заныла проходящая «Заря», кто-то подогнал лодку, и на берег сошли две незнакомые личности с рюкзаками, сияющие до лучезарности. В общем: «Я ваша тётя, я приехала из Киева, я буду у вас жить!» Они привезли привет шефу от его давнего знакомого и жаждали скорее влиться в коллектив, чтобы приступить, наконец, к активному отдыху на лоне природы. Работа на раскопе в их планы, естественно, не входила. Они были так уверены в распростёртости объятий встречающих на берегу, что кислое лицо шефа восприняли как признак хронического гастрита, обострившегося на консервах. Ликующие и искрящиеся, они заволокли свои рюкзаки наверх и поставили себе палатку в центре студенческого лагеря. Тогда они не знали, что их ждёт…

В тот год на Кове собралась довольно солидная группа старшего поколения, самообозвавшаяся «пятой колонной». Состав её был весьма пёстрый (старшекурсники, выпускники, друзья выпускников), и смысл существования заключался в расцвечивании жизни всеми возможными

красками. Уже в начале сезона то у студентов, то у школьников по ночам исчезала вся посуда или обувь, а вежливая фраза над головами спящих: «Вам колышки нужны?» — при соответствующем варианте ответа заканчивалась или рухнувшим тентом, или бревном, услужливо пропихнутым в палатку. Вскоре «пятая колонна» нашла ещё одно великолепное развлечение: надо было (предварительно разработав операцию в деталях — с картами и флажками) отвлечь внимание дежурных пионеров и, перемежая движение по-пластунски с карачками, проникнуть на «вражескую» территорию и уволочь куда-нибудь в крапиву или в заброшенный шурф пионерского идола. После пары таких упражнений великовозрастных мужиков взбесившиеся дети объявили войну студентам, у которых этих идолов было целых три… Костер войны заполыхал, а скромняги из «пятой колонны» недоумевающе пожимали плечами и негодовали на времена и нравы. У детей появились термин «покос» и лозунг «коси скубентов!» (почему-то именно с буквой «б» в середине), а экспедиционные ночи потеряли свой прежний покой и лиризм. Теперь главной задачей ночных постов стало бдение не за лодками, которые теоретически могли спереть местные «химики», а за пионерами, чьи набеги приводили к пропаже посуды, одежды, порушенным и потоптанным палаткам.

Появление двух «айболитов» весьма заинтересовало «пятую колонну» и явно добавило красок в эмоциональный фон экспедиции. Нива была непаханая и обещала неплохие перспективы. Вплотную «вопросом» занялся Сергей Бухарин, здоровущий второкурсник, уже поработавший и отслуживший в армии. При росте под два метра он обладал фактурным лицом и лохматостью в стиле Бетховена. Вскоре «айболитам» объяснили, что Серёга «тот ещё мужик» и вообще не студент никакой, а отбывал своё тут же, на Ангаре, что, впрочем, «и по роже видать». Серёга своими внешними данными пользовался с вдохновением, и жизнь для «айболитов» очень скоро потеряла цвет и аромат. После пары стычек и психологической обработки они воспринимали его как зависшие на хрупкой ветке коты зевающую кавказскую овчарку.

Однажды ночью Серёга с Костей Закуткиным, одним из «колонистов», на четвереньках, чертыхаясь, цепляясь за кол и ноги хозяев, ввалились к ним в палатку. Перепуганные «айболиты» забились в угол, ожидая насилия в самых изуверских формах. Однако события разворачивались иначе.

— Слушайте, мужики, тут такое дело… В общем, он сам полез, я ж то никак… А он-то, чтоб его… Ну я же не мог, если он вот прямо так прёт… Ну, мужики, вон он там… Кишки у него наружу. Подохнет же, чтоб его… Пойдите посмотрите, может, можно ещё чего…

— К-куда пойти?..

— Да вон там. Я его на крыльце оставил. Подохнет же, мужики! Мне чё, ещё по разу в зону сходить?!

На роже Бухарина были тоска и полное миролюбие. Ужас кота перед овчаркой сменился у «айболитов» ужасом понимания ситуации: на крыльце домика «пятой колонны», в пяти метрах от них, лежит зарезанный мужик с кишками наружу, а их зовут оказать ему первую медицинскую помощь!

— А что ж там сделаешь?! Там ведь ничего уже не сделаешь…

— Но перевязать-то ты его можешь, гад! Кишки вправить!

— Так это ты и сам сделаешь. Вот так… — и один из «айболитов» сделал руками движение, хорошо понятное тем, кто имел дело с квашнёй, только что вываленной на стол.

Бухарин оторопел. У него был свой сценарий розыгрыша, и подобный вариант развития событий учтён им не был. Он побагровел от ярости, представив себе, как мифический мужик с разрезанным животом исходит кровью в двух шагах от этих…

— Ах вы, с…! Да я вас сам сейчас, своими руками выпотрошу, медики с…!

Сообразительный Костя кинулся к Бухарину:

— Серёга, не надо! Не тронь их!

— Пусти-и!!!

— Не тронь!! Посадят! Мало тебе одного срока?!

— Пусти!!! Я их…

Они вдохновенно бились с объятиях друг друга, цепляясь за рукава, воротник, орали и рычали, умудряясь одновременно трясти и пинать весьма просторную четырёхместку. Если бы в ней не было пола, «айболиты» выкатились бы из-под неё, как русалки, не вылезая из спальников.

Наконец Косте «удалось» выпихнуть матерящегося Бухарина из палатки. Обезумевшие «айболиты» ещё несколько минут слышали громкое сопение, хрипы, звуки волочения чего-то тяжёлого (тела!!), шипящие реплики типа «держи ему ноги», «подавай на меня», перемежающиеся с матом. Было ясно, что сговорившиеся преступник и соучастник в темноте припрятывают ещё тёплый труп того мужика (конечно же, «химика» или вообще зэка). И никто! Никто ничего не знает. Кроме них…

Ранним утром они с рюкзаками, с лихорадочно увязанной и утрамбованной палаткой отлавливали шефа с просьбой вывезти их на проходящую «Зарю» в связи с резко изменившимися личными планами. Тот, изобразив недоумение, сожаление и понимание одновременно, с удовольствием спихнул их в заданном направлении.

Клава уехала более стандартно — с пионерами после окончания смены, воспринимаемая исключительно в качестве багажа с ногами. За два дня до этого происходило закрытие лагеря, и беснующиеся с горя дети завалили собственного идола, уже раскачанного во время всех вышеуказанных

военных действий. Бревно высотой два с лишним метра и диаметром около полуметра рухнуло на спину Коли Идатчикова, а скатившись с неё, шарахнуло по голове сидевшую на корточках Надю Чистякову. Клава в это время спала у себя и только конвульсивно махнула рукой в сторону ящичка с аптечкой, когда перепуганные девчонки примчались к ней за бинтом и йодом.

В общем, не везло нам на медиков… Никогда не везло.

Про Борю, экскаватор и всякое вкусное

Боря появился на Кове летом 1979 года вместе со своей практикой. Курс был довольно пёстрый, и Боря относился к «старшей возрастной категории», то есть имел более насыщенную биографию, чем большинство из нас. Во всяком случае, женат он тогда уже был. По национальности он считался то ли греческим азербайджанцем, то ли азербайджанским греком, имел крючковатый нос, чёрные глаза и говорил с акцентом. Акцентом настолько характерным, что мне всегда казалось, что он сейчас скажет: «Слушай, дорогой!» — и, по правде, я до сих пор удивляюсь, почему он так не говорил. Ещё у него абсолютно отсутствовало чувство юмора. Вернее, присутствовало, но в варианте, когда тортом в физиономию, причём эта физиономия не должна быть Бориной.

В первый же вечер он устроил мне скандал по поводу совершенно неожиданному:

— Почему ты не предупредила, что здесь нет туалетной бумаги?!

Я немного сконфузилась от самой темы обсуждения и от его обиженно-негодующего тона. Туалетная бумага в те годы была таким же символом достатка и близости к торгующим верхам, как колбаса, — за ней выстраивались бешеные очереди, её закупали на год вперёд и пользовались по праздникам. Понятно, что мысль об этом дефиците мне просто не могла прийти в голову.

На следующий день практику впервые повели на раскоп. Увидев огромные осыпавшиеся ямы, Боря кинулся к шефу, вдохновенно декламировавшему с отвала о наших планах и перспективах.

— Николай Иванович, вы что — издеваетесь над нами? Вы что, экскаватор найти не можете?! Нет, вы только скажите: вам нужен экскаватор или нет?

Шеф, которому уже давно осточертели все эти вопросы про экскаваторы и бульдозеры, имел в запасе пару штампованных ответов про труд археолога, не поддающийся механизации, но здесь он даже оторопел. Боря говорил с таким возмущением, удивлением и с такой невероятной наглостью, будто экскаватор стоял у него в кустах и требовалось лишь узнать, куда его подгонять! Учитывая, что мы жили в восемнадцати километрах от ближайшего жилья и километрах в тридцати от первого экскаватора, — это впечатляло.

Дня через два по Ангаре на глазах у всего состава экспедиции прошла самоходка с «Беларусями». Шок был настолько силён, что, когда мы увидели, как баржа проходит мимо и явно не собирается приставать к берегу, мы просто не поняли такой несогласованности в действиях.

Может быть, именно тогда, если не раньше, шеф согласился на Борино предложение и с облегчением переложил на него всё заведование хозяйством экспедиции. По Бориным понятиям, перекидывать лопатами землю ради мифической цели было невозможно. Бессмысленную же работу Боря делать физически не умел. Теперь каждое утро он седлал «Прогресс» и отправлялся в Болтурино с огромными полосатыми матрасовками за хлебом и другими продуктами. Все годы до Бори эту работу приходилось делать людям, явно лишённым воображения. Ещё в 1978-м мы периодически сидели без хлеба, ели рожки с минимальным количеством тушёнки и суп, представлявший собой растворённую в кипящей воде борщевую заправку. Картошка на Ангаре стоила бешеные деньги, и её мы практически не видели. Сейчас жизнь изменилась самым коренным образом. Имея на руках те же куцые суммы денег, что и его предшественники, Боря стал добывать какие-то немыслимые деликатесы во вполне ощутимом количестве. Через неделю Бориса Демьяновича знало всё Болтурино, и одно его имя раскрывало двери всех магазинных подсобок. Через две — перед ним склонилась Кежма, и мы перестали драться за пустые банки из-под сгущённого молока, а дежурные перестали растирать тушёнку до волокон. Его можно было поймать в любое время суток, в любом месте и спросить: «А сколько у нас осталось чая?» (варианты: сахара? спичек? тушёнки?) — и получить мгновенный ответ: «Тридцать две пачки» (девятнадцать килограммов, двадцать три коробка, сто сорок пять банок). Мы удивлялись ему, восторгались им, молились на него. Он смущённо улыбался.

Когда практика закончилась, мы упросили Борю задержаться на неделю, чтобы помочь пристроить имущество «Юного археолога». Вообще-то Боря, как и мы все, к лагерю не имел никакого отношения, но положение было безвыходным, и выбора у нас не было.

Неделю мы собирали, мыли, чистили и таскали всевозможную мягкую и жёсткую рухлядь на берег, в полуразвалившуюся избу, ожидая хоть какого-либо транспорта. Когда всё это осточертело до истерики, Боря, который долго не мог понять, почему мы не можем решить такой элементарный вопрос, когда мимо нас по Ангаре туда-сюда фланируют всякие разнокалиберные суда, распсиховался и взял дело в свои руки. Через день к нам причалил буксир, бросивший ради Бори на время

связку своих плотов. На борту его красовалось имя «Бора». Потрясённые происходящим, мы уже не улавливали разницу в правописании последней буквы в именах наших спасителей.

Вскоре Боря уехал домой, оставив нам целый склад продуктов. При первой же ревизии мы обнаружили там зашитый мешок муки, с удовольствием вспороли его и начали резвиться. Дрожжи достали у тёти Поли, сухого молока и венгерского конфитюра вполне хватало, и мы всеми своими вкусовыми рецепторами погрузились в счастье. Первую квашню мы на радостях завели в огромном баке, и сил, чтобы исстряпать всё сразу, у нас не хватило. Бак оттащили в Кову и оставили на ночь. Утром выяснилось, что крышка сползла под напором прущего теста. Пришлось срочно стряпать, причём часть теста опять осталась в баке. Утром следующего дня ситуация повторилась. Мы взвыли, но сдаваться не хотели. Война с тестом продолжалась дня четыре. Мы отползали от костра, ложились на траву и с усилием переваривали. О раскопе никто и не заикался, всякие побочные дела отошли на второй план, уступив место кухне. Ситуацию осложняло и то, что наши девочки, мечтавшие самовыразиться по полной программе, параллельно стряпали блины и оладьи. Однажды в «штопорской», когда на тарелке оставался последний скрученный в трубочку, сочащийся повидлом блин, Александр Андреевич Пясецкий, очевидно из самых иезуитских побуждений, нетвёрдой рукой ткнул его в лицо Серёжи Степанова. Так как оба в этот момент лежали на полу, у Степанова не было никакой возможности сопротивляться. Единственное, что он мог,—замычать и попробовать укатиться под лавку. К счастью, у Пясецкого не было сил его преследовать, и он так и застыл на животе с трагически вытянутой рукой.

Неделя обжорства неумолимо вела нас к деградации. Мы уже ненавидели этот мешок, проклинали Борю, на кой-то чёрт купившего его после отъезда практики и тем самым сделавшего нас рабами соблазна… К чему бы это привело, сказать трудно, но однажды, в момент некоторого просветления, мы обнаружили у своего костра двух очень грустных «химиков». Как оказалось, дней десять назад кто-то стащил у них мешок муки, который они по доброй ангарской традиции на полдня оставили на берегу без присмотра. Мы решили, что, как благородные люди, обязаны поделиться с ближним, и с облегчением подарили им их собственный мешок, опорожнённый почти наполовину.

Ещё года четыре Боря ездил на Кову в качестве кормильца, избаловав нас до полной неспособности решать какие-либо хозяйственные вопросы самостоятельно. Однажды мы поругались с ним по какому-то поводу. Повод не помню, но аргумент, приведённый Борей в защиту своего мнения, сразил меня наповал:

— Ты какие деньги в руках держала?

Напрягшись, я поняла, что больше трёхсот рублей в руках у меня никогда не было.

— А я держал в руках сорок семь тысяч!

Если учесть, что это был 1980 год, то это было равнозначно удару ломом.

Будучи официально завхозом, Боря негласно стал первым человеком в экспедиции и лагере после шефа. Практически он не подчинялся никому, и все зависели от него. На него можно было обижаться, с ним можно было ругаться, про него можно было сочинять анекдоты, но он был примой, причём примой, честно вкалывающей.

Однажды в «Юном археологе» был «День наоборот». Традиционно вся самая яркая часть выпадала на ночь, когда пионерам надо было изловить и распихать по палаткам взбунтовавшихся вожатых-«скифов». Те чуть ли не после ужина рассосались по укромным местам, и восемьдесят детей с воплями прочёсывали Кову. К утру силы у пионеров заканчивались, и интерес к дальнейшему они просто теряли. «Скифы» же бастовали и ехидно ждали распоряжений новой власти. Новая власть, в свою очередь, засыпала на ходу и ни к чему позитивному уже была не способна. Как всегда, «День наоборот» на этом затухал, и к вечеру всем становилось жутко скучно. Боря, который ночевал при своём имуществе, дел лагерных не знал и не касался. Рано утром он уехал в Болтурино и вернулся только к обеду. Появившись в районе столовой, он с изумлением увидел слоняющихся без дела мальчишек, неубранную территорию и какую-то общую бесхозность. На глаза ему попался Колька Посемин, владелец пёстрой футболки с нарисованным автомобилем.

— Эй ты, Пегас-Мерседес, а ну-ка иди сюда! Быстро метлу в руки и пошёл!

Осчастливленный ребёнок, которому снова вернули смысл жизни, кинулся подметать площадку. Через несколько минут толпа детей с энтузиазмом занималась привычным делом. О «Дне наоборот» все благополучно забыли…

Про кино

Пару раз за сезон на Кову заплывали корреспонденты кежемской районной газеты «Советское Приангарье». Как правило, скромно постояв на бровке раскопа, они продолжали свой путь, конструируя в голове тетрис из закатов-рассветов, натруженных рук и зова предков. Иными же были представители смежной отрасли, прибывавшие на Кову с тяжёлым кофром и отдельно таскаемым штативом «снимать кино». Эти не вытягивали шеи, пытаясь разглядеть за согнутыми спинами процесс «извлечения археологического экспоната». Они врывались в нашу жизнь, как

режиссёры в массовку, рассортировывая нас по цветам футболок, степени загрязнённости штанов и комариной покусанности. Это были «люди с кинокамерой», то есть люди, воспринимающие мир только через объектив, причём с поправкой на освещение, передний и задний планы, фотогеничность главных действующих лиц, а заодно и всех, кто так или иначе в этот кадр влазил. Человек, взявший в руки камеру, немедленно переходил в иное состояние материи, уже не существуя как самостоятельная субстанция, а подразделяясь на собственно объектив и штатив. Откуда-то брались азарт и страсть, стремление запечатлеть придуманную реальность, несмотря на путающиеся под ногами растяжки палаток и полчища мошки, забивающейся в уши, нос и глаз, свободный от окуляра… Человек с кинокамерой существует в другом измерении, ощущая цвет и свет, но не землю под ногами… Вообще, его желательно за штаны держать, потому что во время съёмок он беззащитен и беспомощен, как шарик на покатой поверхности…

Так именно в год нашей практики «снимать кино» на Кову приехал techинститутский кинооператор Геннадий Семёнович. Воодушевившись задачей, он заставил нас позировать как на нашем раскопе, на котором мы в тот момент работали, так и на уже законченном, выглаженном и утоптанном, как волейбольная площадка. Девчонки, получившие задачу с увлечением ковырять пустую породу, подошли к делу с таким энтузиазмом, что если бы там на самом деле был культурный слой, то всё его содержимое махом бы оказалось в отвале. Это эффект «жужжания камеры». Я сама пережила это состояние мгновенной трансформации умеренного энтузиазма в трудовой подвиг: схватила совковую лопату и кинулась к куче отвала в центре раскопа. Так изящно поддела землю, развернулась, толкнула и врезала по Коле Базаркину, который в то время зайцем проскакивал мимо, пытаясь успеть занять последнее вакантное место у этого объекта съёмки. Самое поразительное, что ни я, ни он (!) этого даже не заметили. Он потом долго искал того негодяя, который ему расквасил плечо… Мне казалось, что в тот момент я была безумно элегантна. Только года через два мне удалось всё же увидеть эту плёнку. В кадре оказались только мои руки, судорожно перебирающие черенок лопаты, и лицо, на котором было такое выражение, будто меня, сироту казанскую, с уговорами усадили за богато уставленный стол и я теперь не знаю, за какой кусок ухватить…

А год спустя, в августе семьдесят девятого, была у нас такая история. Александр Андреевич Пясецкий, директор «Юного археолога», то ли в Богучанах, то ли в Кодинске познакомился со съёмочной группой, работавшей для журнала «Восточная Сибирь». Вероятно, ощутив творческие перспективы, они пообещали как-нибудь заскочить и снять нечто эпохальное минут на пять экранного времени. И высадились они на Кове именно в тот самый день, когда местные утащили шефа в тайгу за черникой, а мы остались небольшой группкой, предвкушающей столь неожиданно свалившуюся с неба расслабуху… Помню, что у главного были неестественно прямая осанка и очки в золочёной оправе с цепями на дужках. Меня представили как «зама по научной работе». Повела их на мезолитический раскоп. Вот, говорю, это раскоп, вот так лопатой, вот культурный слой, видите—пластиночки… Нет, говорят, не пойдёт, Ангары не видно. Ну и что, говорю. Вон Кова, вон перекат какой красивый, ромашки… Нет, Ангару надо. Мол, пойдём на то-от раскоп, то есть на ангарскую террасу. Так мы же, говорю, его уже закончили, он же пустой. Нет, говорят, всё равно пойдём. Пошли…

По дороге с раскопа на раскоп, в лагере, они отсняли одну сцену, где Пясецкий с интеллектуальным видом должен был доставать из пакетиков кусочки керамики и показывать их, объясняя, «юной практикантке». Эту роль играла Наташа Кучерук. Как я уже знала, Пясецкий в керамике разбирался чуть лучше, чем я,—во всяком случае, с шифером её не путал. Он доставал кусочки, пихал их Наташке под нос и назидательно декламировал:

— Вороне где-то Бог послал кусочек сыра…

Та внимала с видом подавившейся вороны и только периодически сглатывала.

Ладно, приходим мы на ангарский раскоп. Вот, говорю, тут же нет ничего. Очень хорошо, говорят, будем снимать. Как снимать? Что снимать-то?! Деточка, говорят, ты что, не знаешь, *как* это делается? Вы сами закапываете и сами откапываете. Когда откапываете, тогда мы и снимаем. Естественно, что закапываете и откапываете что-нибудь этакое… И вообще, ты думаешь, мы Окладникова иначе снимаем?.. Про Окладникова я тогда знала, что это бо-ольшой академик и что, когда он приехал к кому-то с инспекторской проверкой, ему подбросили скребок с надписью: «Не лазь по отвалам, с…!» А может, и не ему… В общем, убедили. А что зарывать-то? Надо, говорят, что-нибудь такое, чтобы каждый зритель понял, что это *ого*! А день-два назад шеф с Колей Авдеенко ездили на Толстый Мыс и среди кучи всяких вещей привезли такой шикарный наконечник копья, то ли поздненеолитический, то ли раннебронзовый. Показываю. Вот это и надо! Само то! Каждый дурак поймёт! Только как же, говорю, у нас же здесь палеолит? Но им уже надоело мне объяснять. Чтобы отвязаться, назначили меня главной кинозвездой.

Короче, мизансцена такая: я сижу с ножом и рою, за моей спиной Соловьянов и Авдеенко с лопатами, на бровке Галка со Светкой фоном стоят с лопатами, как стражники с алебардами.

Ладно, начали... Сижу, рою... Вдохновенно так. Парни за мной землю откидывают, подальше стараются, чтобы земля с лопаты красиво летела... Сняли. Ладно, говорят, теперь *давай*! Углубляю нож, нажимаю — ничего нет. Удивилась ещё так... Ещё поглубже копнула — опять пусто! Я уже испугалась. Режиссёр кричит:

— Да хватит уже, находи!

Я парням шепчу:

— Нету!

Как же нету?! Ведь был же! Был, конечно, сама закапывала, сюда же... Они швырнули лопаты, бросились мне помогать. Девчонки тоже с бровки попрыгали, к нам подскочили, пихаться начали... Про кино это уже забыли. Метров десять квадратных руками разгребли! Режиссёр хихикает:

— Снимай, Петя, энтузиазм-то какой!

Какой энтузиазм?! Я уже чуть не реву! Получается, что мы его выкинули. А высота террасы — четырнадцать метров! То есть всё, это конец! Стоим так впятером над отвалом, как над братской могилой... И вдруг Соловьянов, уже ни на что не надеясь, отошёл к краю раскопа: одна лопата оказалась полупустой и он не стал чего-то пижонить, просто откинул в сторону. И именно в этой горке земли, которая чудом не улетела в отвал, и был наш наконечник... Больше я ничего не помню. Какая там съёмка?! Мы же чуть не рехнулись!

Рассказывала я шефу всё это вечером у порога его домика. На самом кульминационном моменте, когда я произнесла: «И вот — нету!» — он начал медленно сползать по косяку... Так что концовка была несколько скомкана... А в готовом виде я фильма так и не видела.

Про мамонта-носорога, альтернативную историю и специального корреспондента

Эта история произошла 12 июля 1981 года, ровно за два дня до взятия Бастилии, и тем самым на несколько лет затмила традиционный для всех студентов-историков праздник непослушания.

Кстати, если какой-нибудь любитель архивной периодики откопает в фондах краевой библиотеки номер «Красноярского рабочего» со статьёй, посвящённой этим событиям, то пусть не хлопает в ладоши, уверенный, что именно он теперь знает, как всё было на самом деле. Не верьте, грядущие исследователи наших суровых буден, романтикам-корреспондентам. Даже Куликовскую битву московские и тверские летописцы описывали по-разному. Впрочем, тверичей там и не было... даже на бровке не стояли.

«Плотный серый туман окутывал прибрежные сопки. Потом подул лёгкий ветерок, и туман стал рассеиваться. Николай Иванович направился к раскопу посмотреть, скоро ли подсохнет земля... Окинув взглядом выступивший сквозь редеющую завесу тумана противоположный берег реки, Николай Иванович подумал, что по всем приметам погода должна, наконец, установиться. В это время он заметил, что от раскопа навстречу ему бежит выпускница института Лена Акимова.

— Николай Иванович, находка! — запыхавшись, сообщила она.

В руках у девушки были два бесформенных обломка кости. Он торопливо осмотрел их, стал осторожно сопоставлять обе половинки и сказал, не скрывая волнения:

— Да ведь это изображение мамонта, ну конечно, мамонта!..»

Очень красиво и романтично! Только чего это она одна делала в мокром раскопе, да ещё в то время, когда начальник обозревает туманные окрестности? Вообще-то Дроздов не выходил в то утро щупать землю, а, замотанный хозяйственными делами, носился между лагерем и кладовой, улавливая на бегу нескладывающийся дуэт того самого Бори о расчёте за тушёнку и Кохи-моториста — о разболтавшемся по винтам «Вихре-30». А Лена Акимова (то есть я) не бежала к нему навстречу из раскопа с запыхавшимся возгласом: «Находка!» — а, сжигаемая тоской и стыдом, брела туда, куда несли ноги. Это ещё хорошо, что ноги в подобной ситуации несут туда, куда и надо... Кстати, слово «находка» в экспедиционном лексиконе использовалось редко и, как правило, во множественном числе. Так, если практиканты и школьники в начале сезона ограничивались сдавленным «ой, что-то есть», то в конце сезона они уже проговаривали по слогам «ар-те-факт» с максимальной степенью небрежной снисходительности. «Старики» (то есть второй-четвёртый курс) изъяснялись уже попросту: «бифас», «проколка», «нуклеус» или «ни черта не понимаю, наверное, опять долотовидное». Да нет, конечно, такие детали должны быть неинтересны массовому читателю, тем более что какая, собственно, связь между романтикой и тушёнкой?..

В общем, было всё совсем не так. Я сейчас попробую...

Когда две недели подряд вовсю жарит солнце и календарные выходные безлико сливаются с остальными днями недели, тогда мечта о «маленьком проливном дождике» становится навязчивой тоской. Именно тогда перед деревянным идолом Васей падали на колени стонущие толпы нерадивых первокурсников. Начальники раскопов пробирались к Васе под прикрытием сумерек и, озираясь, шептали свои персональные, но такие близкие общественным интересам молитвы.

Идол Вася работал честно, но... с размахом, и вместо одного желанного выходного наступала целая вечность из сырых, холодных, тягучих, сонных дней. Со дна рюкзаков добывались колоды

карт и припрятанные друг от друга потрёпанные «Роман-газеты», а гитара перекочёвывала от костра в мокрые палатки…

Я терпела ровно два дня. На третий, натянув непросохшие сапоги, украдкой, задами, отправилась к раскопу. Дождь закончился, но земля была разбухшей, тяжёлой, на сапоги налипали целые колоши грязи. Ковинский суглинок вообще был своеобразной точкой отсчёта, как температура замерзания воды по шкале Цельсия. При раскопках или разведках других стоянок непременно отмечалось: «Не то что на Кове—песочек!»—или: «Не грунт, а сплошной щебень, лучше уж на Кове». При засухе ковинский суглинок можно было крушить ломом, после дождя на лопату налипал груз, достойный носилок.

Копать сейчас было нельзя, и я знала это лучше многих, да и никаких глобальных планов у меня тогда не было. Ну, просто… Тем более что в последний день перед дождём находок в этой промоине уже почти не было: пара отщепов, пара косточек… но этот проклятый участок задерживал всю работу. Так что, волоча за разбухший черенок лопату и воровато оглядываясь, я полезла в раскоп.

А там действительно ничего не было. Уже пошёл галечник… Ещё тогда, перед дождём, можно было бы всё выкидать лопатой. Теоретически… Вот здесь необходимо небольшое отступление в сторону. Первые годы работы на Кове мы по пальцам считали палеолитические орудия и мечтали довести их количество хотя бы до двух десятков. Но когда в прошлом году они полезли из раскопа как маслята после дождя и шеф специально ездил в Болтурино вымаливать ящики и обёрточную бумагу, на смену мечте сбывшейся, не дав передохнуть, пришла другая—«венера». Женские фигурки из бивня мамонта были давным-давно известны на двух знаменитейших памятниках сибирского палеолита—Мальтé и Бурети, и поэтому по мере увеличения числа набитых ящиков нас начал заедать комплекс неполноценности: а почему им? а почему не нам? а чем, собственно говоря, Кова хуже?! Мечта о «венере» была чуть слабее мечты о дожде во время засухи, но несравнимо более устойчива и постоянна. Поэтому-то каждый неразмятый комок земли, выброшенный в отвал, казался смертным приговором желанной «венере»…

— А ты что здесь делаешь?

У бровки, не боясь замочить штаны, уселся «пионер Дима». Он был не из «Юного археолога», а являлся бесплатным приложением к студенческой экспедиции. Его старший брат был дорог шефу, так как именно здесь, на Кове, происходило его успешное перевоспитание. Процесс же перевоспитания Димы затягивался, и студенты периодически теряли терпение.

— Ты что делаешь-то?—повторил он.

Я тогда находилась в том зрелом двадцатиодногоднем возрасте (да ещё с дипломом учителя средней школы на руках), когда обращение на «ты» этого толстого ребёнка с шестиклассным образованием уже несколько смущало. Но так как даже себе самой я в этом не сознавалась, то чувствовала лишь какое-то смутное раздражение в присутствии «пионера Димы».

— Да вот, подчищаю маленько…

Дима что-то заговорил. Самое поразительное, что уже через два часа я не могла вспомнить ни слова из его пространного и даже, кажется, логичного монолога. Лишь когда он, отчаявшись вызвать на беседу, поднялся и, сделав попытку отряхнуть штаны, сказал:

— Ну, я пошёл,—в моей голове равнодушно скользнула мысль: «Посидел бы ещё немного, а то найду „венеру“—кто в лагерь побежит шефа звать?»

Вот так! Вот так и рождаются легенды о предчувствиях! Фраза традиционная, в разных вариантах повторяемая чуть ли не ежедневно: «Не уноси нивелир—сейчас „венеру“ найду», «Не топчись здесь—„венеру“ раздавишь»,—в данный момент оказалась почти пророчеством.

…Под лопатой страшно скрябнуло… Обломки обработанного бивня, тёмно-коричневые, с явными, несмотря на замазы глины на поверхности, следами резца… Ещё в школе нам втолковывали, что человек мыслит словами, а не образами. Может, оно в нормальной жизни и так, но сейчас в сознании было только размытое ощущение *образа* скульптуры. Скульптуры вообще: женщины ли, птицы, зверя… Всего четыре фрагмента—они легко легли на ладонь. И, наверное, первая мысль, облечённая в слова, была: «Что я наделала?!» В глаза бил свежий излом на поверхности бивня: «Что я наделала?!!» Выбравшись из раскопа и держа на вздрагивающей ладони обломки, я двинулась прямо, не видя тропки, перешагивая через брёвна, кочки и канавки, путаясь ногами в мокрой траве…

Как там у Даррелла? Первыми словами Колумба, ступившего на неведомую землю, были «Ах, боже мой, смотрите—ягуар!» Моими первыми словами были:

— Николай Иванович, только не ругайтесь, пожалуйста…

Дроздов побледнел, шагнул вперёд и, коснувшись пальцами обломков, поднял на меня изумлённые глаза.

— Елена Васильевна… Ты… Пойдём-ка сядем…

Вот если бы именно тогда где-нибудь неподалёку, высунув голову из палатки, находился наш специальный корреспондент! Как, интересно, описал бы он ту мелкую рысь, которой оба его главных персонажа ринулись к грубо сколоченному обеденному столу? Как тряслись их руки, складывающие фрагменты, как эта хрупкая конструкция делала в дрожащих пальцах начальника

экспедиции повороты вокруг своей оси на девяносто и сто восемьдесят градусов, пока не остановилась в положении «ногами вниз»!
— Вот так?.. Нет, вот так вот? Посмотри! Елена Васильевна, неужели это медведь? Слушай, нет, вот так… Ленка, это же мамонт… Да ты посмотри: голова, горб… мамонт!

Осознание свершившегося требовало выхода: позарез нужна была публика — пусть вытащенные из сырых палаток, пусть закутанные в куртки и спальники, но орущие и ликующие свидетели триумфа. Однако когда Дроздов завопил во всю силу голосовых связок:
— Подъём! Все сюда! — и что-то ещё, плохо воспроизводимое на бумаге, из палаток высунулось только несколько носов.

Никто не хотел быть одураченным. Некоторым уже приходилось отыскивать в палеолите бронзовые блёсны или таскать вёдрами «солифлюкцию». Однако ощущение, что чем чёрт не шутит, потихоньку брало верх. У палаток стали вздуваться бока, вслед за носами из-под пологов появлялись разнокалиберные ноги, вслепую нащупывающие сапоги.

В это же время из-за откоса выплыли не по погоде обнажённые до плавок заместитель редактора краевой молодёжной газеты Евгений Латышев и Владимир Макулов, одна из очередных надежд сибирской археологии. О, они уж не дадут себя обмануть! Если начальство ещё играет в подобные игры, желая расшевелить раскисших практикантов, то лично их будоражить и разогревать не надо. Бросив понимающе-снисходительный взгляд на скромные обломки костей, они, плавно восстановив свою траекторию, прошествовали мимо.

Но энтузиазм вождя всё же передался массам. Стол и скамейки пробовались на прочность: один квадратный метр выдерживал шестерых.
— Стой, ребята, не налегай. Подождите… А вот это… Лена, дай сюда! Это на что похоже?
— Бегемот…
— Какой бегемот?! Что б ты понимал! Это носорог! Ну смотрите…
— А рог где?
— Елена Васильевна обломила… Видите — слом…
— Ну Николай Иванович…
— Сегодня же по крупицам всю землю перетрём! Ребята, это же великое открытие! Ну, Ленка! Ставлю ящик сгущёнки! Все слышали?!
— Кто-то ящик коньяка обещал…
— А-а!! Коньяк хочешь?! Коньяк — за погребение. Да нет, братцы, вы понимаете?! Мамонт и носорог! На Кове!.. Братцы, качать Акимову!
— Качать!!!!
— Да вы что?! Ребята…

Если вы никогда не летали, то можем поделиться опытом: главное — не сопротивляться и не проявлять никакой инициативы. Только когда услышите снизу: «А теперь разбегаемся! Теперь разбегаемся!» — надо на всякий случай слегка напрячь ноги. И за свой вес не беспокойтесь: если уж подкинули, то, как правило, поймают.

И что же было дальше? В кино обычно в следующем кадре поднимаются бокалы, искрится и шипит шампанское, произносятся тосты скромными тружениками и маститыми академиками. Нет, бокалы не поднимались, поднялась только эмалированная кружка с водой, чтобы Николай Иванович мог запить валерьянку. Перетряхнув содержимое всех аптечек, он сидел в своём домике и, постанывая от полноты чувств, с умилением чистил ваткой обретённый зверинец. Я же, немного ошалев от событий, на время оставила свою сакраментальную фразу: «Что я наделала?!» — и была вполне счастлива. Бригада «подкидышей» из «Юного археолога» держала в осаде шефовский домик, упрашивая показать «хоть на секундочку»… А уж потом, потом, попозже, о мамонте и носороге передали по краевому радио, поместили сообщения в газетах «Советское Приангарье», «Красноярский рабочий» и даже в «Правде», а уж оттуда редакция журнала «Преподавание истории в школе» перепечатала информацию для своего раздела «Исторические новости».

А ещё через какое-то время учитель истории сельской школы в далёком Бирилюсском районе стояла в помещении телефонной станции и, сжав обеими руками выделенные ради такого дела наушники, слушала глухой ликующий голос:
— Ленка! Дураки же мы! Ты понимаешь, мамонт и носорог стали одним мамонтом! Ничего не понимаешь?.. Да ты представляешь, пошёл в Новосибирске в институте фотографировать, а фотограф крутил, крутил, чтобы расположить поудобнее, а потом взял и составил их! Носорог-то оказался обратной стороной мамонта! Мамонт-то *целый* был! Слышишь? Целый!

Вот и вся история. Кстати, в столе у меня на протяжении долгих лет хранилась банка венгерского абрикосового джема, последняя из тех десяти, что были вручены вместо дефицитной сгущёнки. А опорожнена она была только 31 декабря 1991 года, когда просто не из чего было делать новогодний пирог. Столь длительная выдержка на вкусовых качествах не отразилась…

Тост (и это последнее)

…Нет, не надо меня перебивать и тянуть за штаны! Я всё равно закончу свою мысль… Я хочу поднять мой бокал за *неё!*.. Нет, не за любовь, и не за одну из присутствующих здесь дам, и даже не за науку… Я хочу поднять его за Кову… Я хочу поднять его за это место под солнцем, которое пустило нас, которое выдержало нас, которое так долго терпело нас с равнодушием той черепахи, чья основная функция — тащить на себе земной бутерброд с прослойкой из трёх китов.

Вспомните!.. То есть вспомните, когда вы увидели её впервые! Эта солнечная полоска берега, казалось бы, перекрывающая Ангару,—знак того, что дорога окончена, что это как раз *то самое* и искать больше нечего! А эти горы из плюша тайги—то изумрудные, то малиновые, то медно-золотые в отсветах заката! А эта белая прозрачная пена перекатов, оглушающих звуками другой жизни, куда мы вторглись в кедах и накомарниках! Да, мы! Мы, тупые и глухие горожане, со своими представлениями о свете, звуке, тишине, о нашей роли в этом мире и о нашем праве устанавливать здесь свои законы. Мы пришли сюда отнимать. Мы не спрашивали её согласия—камни и кости в обмен на известность, на строчку в учебниках. Мы лезли в неё с лопатами, уверенные, что делаем великое дело; долбили шурфы через каждые десять метров в наивном убеждении, что так и делается наука. А она! Она снисходительно поглядывала на наше шебуршание внизу и, забавляясь, подкидывала нам время от времени какую-нибудь мелочь, на которую мы кидались как голодные. Дрожащими руками мы стирали глину с подброшенных нам обломков и умилялись им. Мы видели наконечники копий в сиреневых сколах кварцита, изображения женщин в грифельных костях лошади, мы верили, что вот это—с выемкой и выступом—и есть *он*—палеолит Ковы, и всё это—раскопы, отвалы, кубометры и тонны… всё это ради него… И вот, лениво порезвившись с нами несколько лет, она вдруг выкинула нам то, что мы искали. И не щепоткой, не из прохудившегося кошелька, а широко, от души, с размахом! Потрясённые, мы захлёбывались, шалели, сбивались со счёта, пакуя свои сокровища по бумажным кулькам. Ведь мы поверили, что приручили её, что она признала нас, и не понимали… Мы не понимали того, что она смотрела на нас, как та золотая антилопа из какой-то восточной сказки смотрела на обожравшихся богачей, тонувших в её золоте. А мы тонули… Мало, мало было найти, откопать, завернуть! Надо было объяснить…

А потом всё закончилось. Она просто потеряла к нам интерес. А мы остались сидеть на сокровищах, как бездарный правнучек, получивший в наследство Оружейную палату…

Вот и всё… Можно молча сесть за свой стол с разбросанными бумагами и остатками холодного чая в кружке. Придуманные лица и голоса таяли где-то за чёрным оконным стеклом. Наверное, там уже пили за любовь…

1985–2021

Д*и*Н симметрия

Павел Антокольский

Стокгольм

Футбольный ли бешеный матч,
Норд-вест ли над флагами лютый,
Но твёрже их твёрдой валюты
Оснастка киосков и мачт.

Им жарко. Они горожане.
Им впаянный в город гранит
На честное слово хранит
Пожизненное содержанье.

Лоснятся листы их газет,
Как встарь, верноподданным лоском.
Огнём никаким не полоскан
Нейтрального цвета брезент.

И в сером асфальтовом сквере,
Где плачет фонтан, ошалев,
Отлично привинченный лев
Забыл, что считается зверем.

С пузырчатой пеной в ноздрях,
Кольчат и колюч, как репейник,
Дракон не теряет терпенья,
Он спит, ненароком застряв

Меж средневековьем и этим
Прохладным безветренным днём.
Он знает, что сказка о нём
Давно уж рассказана детям.

Пусть море не моет волос,
Нечёсаной брызжет крапивой,
Пусть бродит, как бурое пиво,
Чтоб Швеции крепче спалось!

1923

Ольга Ковшевная

Единого слова ради

Об альманахе «Без цензуры» (2023, редактор—Александр Герасимов)

«…Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды»,—метафора великого русского советского поэта хорошо известна каждому настоящему русскому писателю. Не в теории—на самой суровой практике творческой работы. Здесь ключевое слово—«русскому», потому что русский язык, как никакой другой, что давно отмечено и учёными, обладает колоссальными возможностями художественной выразительности. Потому далеко не случайно наш язык привлекает внимание людей многих и многих национальностей. Они нередко утверждают: «Ужасно трудный язык!»—и тем не менее учат, чтобы, овладев им, восхищаться: «Какой же он красивый, гармоничный! Как умеет выразить неистовый гнев и нежнейшую ласку, умножить радость и утишить горе!» Недаром, даже оказавшись по той или иной причине в эмиграции, русские и спустя много лет не забывают родную речь как основную носительницу нашей культуры, стараются поддерживать соотечественников в сохранении собственной идентичности в первую очередь через литературу, через печатное слово.

Во многих странах именно эмигрантами основаны и, несмотря на трудности, естественно возникающие или искусственно созданные (особенно в последнее, отличающееся русофобией, время), не влачат «жалкое существование», а живут и даже развиваются, находя поддержку культурной общественности, русскоязычные газеты, журналы, а то и издательства. Они есть на всех континентах (как, например, «Чайка» в США или «Жемчужина» в Австралии), иногда придерживаются разных политических взглядов, но свою главную функцию—сохранения и продвижения русского языка—выполняют исправно.

Одним из таких журналов, уже более двадцати лет выходящих в Германии (с 2015 года в содружестве с Международным литературным клубом Astra Nova) и открытых для русскоязычных авторов со всего мира, является EDITA («Литературный журнал в Вестфалии»). Журнал принимает и публикует произведения любых жанров. Выходят четыре номера в год, ежеквартально, каждый объёмом восемнадцать авторских листов. И есть очень интересное приложение к журналу—альманах «Без цензуры», публикации в нём—в авторской редакции. Несмотря на кажущуюся «всеядность» издания, публикуемые материалы отличаются удивительно хорошим качеством, профессионализмом. Присылаемые произведения оцениваются редколлегией (её члены живут в разных странах) и только потом попадают на страницы журнала или альманаха «Без цензуры». Все годы изданием руководит его основатель, известный как в Германии, так и в России поэт, прозаик и переводчик с немецкого Александр Барсуков. Благодаря высокому уровню требований, за десятилетия читатель увидел на страницах издания сотни имён как маститых, так и начинающих талантливых авторов. Перечислить всех просто невозможно. Это говорит о доверии писателей как главному редактору, так и составителям журнала и альманахов.

Для примера возьму свежий, двадцать девятый номер альманаха, первый в 2023 году, редактором-составителем которого стал член редколлегии журнала EDITA Александр Герасимов.

Думается, прежде всего следует сказать несколько слов о самом составителе. Кстати, его рассказы открывают этот выпуск альманаха.

Александр Герасимов, прозаик и драматург, родился в таёжном Приамурье, на малой родине был педагогом, редактором газет и телевидения, председателем государственной телерадиокомпании, сейчас живёт в Калининграде.

Герасимов—великолепный художник слова, его главная тема—Природа и Человек. Большинство его рассказов, часто небольших по объёму, но неизмеримых по глубине, а главное—по любви к родной земле, посвящены Приамурью, его природе и людям, они насыщены тысячами красок, сотнями звуков, десятками запахов—лесов… рек… озёр… цветов… грибов… дождей… снегов… И всё это прописано тончайшими кисточками истинно русского языка. О недавно вышедшей в Вестфалии, а затем и в России книге рассказов этого автора лётчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Владимир Джанибеков написал: «Книга „Соприкосновение. О России с любовью“—сокровище для людей, пребывающих вне Земли. Эту книгу Александра Герасимова взял бы на орбиту».

А теперь и о других авторах этого выпуска альманаха «Без цензуры».

Двенадцать прозаиков и поэтов. Есть маститые, есть и начинающие.

Среди первых—публицист, критик, журналист, писатель, желанный едва ли не во всех литературных журналах России, Владимир Куницын, он представил в альманах россыпь блистательных рассказов. Автор—виртуоз рассказа, тонкий психолог, философ по образованию и мировосприятию.

Николай Андреев—великолепный журналист, из тех, кого называют «акула пера», автор широко известных фундаментальных книг-исследований об Андрее Сахарове, Владимире Высоцком, Михаиле Горбачёве. Редактору альманаха Александру Герасимову он предложил интереснейшие малоизвестные факты из жизни недавно покинувшего мир М.С. Горбачёва. Такого, возможно, не знали даже члены Политбюро и тогдашний председатель КГБ Крючков. Написано захватывающе-увлекательно.

В альманахе известные в России писатели из Воронежа—прозаик Сергей Пылёв и поэт Александр Лисняк. Привлекут читателя глубокие, порою ироничные, стихи Вадима Новожилова из Калининграда, рассказ о первой любви Павла Рыкова из Оренбурга.

Но особо хочу сказать ещё о двух авторах этого выпуска альманаха. Два редактора ведущих литературных журналов России—Лидия Довыденко (журнал «Берега», Калининград) и Марина Саввиных (журнал «День и ночь», Красноярск). Сами редакторы в альманахе впервые, но в их журналах публиковались многие авторы этого немецкого издания.

Проза Лидии Довыденко—в основном очерковая, документальная—чрезвычайно привлекательна своей глубокой причастностью к событиям и поступкам героев, о которых она пишет. Рассказывает ли об исторической фигуре, повествует ли о людях истерзанного войной Донбасса, или вдруг (как тут, в альманахе) о рыбаках-любителях Калининграда—всюду чувствуется ненапускная личная заинтересованность и умение видеть в каждом герое «душу живу». А ещё—её слово очень лирично, отчего суховатый порой сюжет наполняется красками и звуками жизни. «Рыба и овощи ласкали желудок. В речах моих товарищей сквозило наслаждение от пережитого ими во время рыбалки, странным образом перетекавшее и в мои артерии. Плескался смех, как неторопливая балтийская волна. Казалось, небо, деревья, кустарники подвинулись ближе к костру, молча приникли ухом к неприхотливой мужской беседе». Читаешь и словно входишь в тот мир, встречаешься с его героями, сопереживаешь им…

Стихи Марины Саввиных—это даже не стихи, это—сама Поэзия. Она погружает тебя в необычайный мир многозначных слов и образов, из которых складывается уникальная вселенная Марины Саввиных, пронизанная зыбким, почти призрачным светом её чувств, магнитными силами переживаний. Они обволакивают тебя и не отпускают, да тебе и самому не хочется лишаться их очарования—наоборот, хочется погружаться в них, пытаясь постичь их, насладится изяществом и красотой.

Ангел ласковый, замедли свой полёт
На земле, припав с мольбою христорадца,
Микельанджело целует нежный лёд,
Не умея с добротой твоей расстаться.
Что он шепчет, этот грешный человек,
Как в тоске неутолимой плачет глухо,
Не увидишь—не подымешь мёртвых век,
Не услышишь—пустоте не внемлет ухо…

А рядом в альманахе—новое имя: Максим Седелкин, дворник из Благовещенска, что на Амуре, на родине Александра Герасимова,—со стихами, уровню которых может позавидовать иной поэт с десятком книг.

Тряси меня, как яблоню, пока душа жива.
Да будут миру явлены плоды мои—слова.
Да будут они собраны; я несказанно рад
Отдать себя, по-доброму, не требуя наград.

Станислав Федотов на страницах немецкого издания представлен как автор большого исторического повествования. Если как литератор он родился из довольно редкого сплава физика и лирика (окончил радиофизический факультет и аспирантуру Томского университета), что отразилось в его стихах, то весьма неожиданно такой сплав проявляется и в прозе. Повесть «Катрин» по сути—историческая. Но факты истории («физика») пронизаны любовью во всех её проявлениях («лирика»)—от трепетной эротики до высокодуховной. Такую прозу хочется читать и перечитывать.

Очень хорош альманах, подготовленный Александром Герасимовым.

И вернёмся к языку.

Перед самым Новым, 2023-м, годом на неформальном саммите глав СНГ президент Казахстана Токаев неожиданно поднял вопрос об огромном значении русского языка для стран Содружества. Его поддержали президенты Путин и Лукашенко, и было решено объявить 2023-й Годом русского языка в СНГ. При известии об этом невольно вспоминаются слова великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины—ты один мне надежда и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя—как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Александр Евсюков

В диалоге со временем

Дмитрий Мизгулин. Избранные сочинения. Публицистика, литературные заметки, рассказы, очерки 1987–2021 гг.

О поэзии Дмитрия Мизгулина сказано немало. За четыре десятилетия осознанного творчества поэт прошёл серьёзный путь, обрёл собственный узнаваемый голос, заслужил внимание коллег и ценителей. Его знают, обсуждают и периодически цитируют. Мне же хочется проанализировать другие направления его литературного дарования, достаточно полно представленные в двух финальных томах юбилейного четырёхтомника.

Произведения для удобства расставлены по жанровым полкам, а на каждой из них расположены в не очень строгом, но близком к хронологическому порядке. Здесь и рассказы, и литературные эссе, и очерки о паломническом посещении Афона, и краткие афористичные заметки о быте и бытии, объединённые автором в цикл «Ночник».

Судя по датировкам, первыми опытами в прозе для Мизгулина стали рассказы, написанные в конце восьмидесятых, вскоре после прохождения срочной службы. Собственно, они и составили его сборник «Три встречи», опубликованный в 1993 году. Что ж, необходимость поделиться новым личностным опытом армейской инициации нередко подталкивает вчерашних юношей на писательскую стезю. На первый взгляд, почти все собранные здесь истории посвящены двум магистральным темам: армия и охота. Довольно очевиден и излюбленный авторский приём: рассказ в рассказе, исповедь попутчику, случайному знакомому. Сюжеты вроде бы тоже не поражают оригинальностью: мужа подло бросила любимая жена, заранее отписав себе всё имущество («Серёга»); неумелый охотник, спугнув уток, в отместку убивает красавца-журавля («Серебряный журавль»); злопамятный комдив выживает со службы капитана-правдоруба («Характер»); а шеф-повар ресторана вспоминает, как помимо собственной воли напоил проверяющего особенным напитком («Генеральский чай»). Видимо, автору сложно выдумывать коллизии, и потому легко поверить, что в основе каждой из этих историй—реальное жизненное происшествие. Порой здесь уместно вспомнить армейские байки (рассказ «Усы»), но куда ощутимее задумчивая грусть и сострадание. «Вот вчера был он, Серёга Колесников, военнослужащий, уважаемый человек, были у него дом, жена, сын, а нынче не осталось ни дома, ни жены, ни сына и даже, казалось, фамилия стала звучать иначе».

Однако стоит ли читать такие истории сегодня? Помедлив, отвечу утвердительно. Уже в этих небольших рассказах молодого автора пробивается собственная интонация, личностная боль, без которой не стать писателем. В моменты прозрения частные как будто случайные детали естественным образом обретают взаимосвязь со всем мирозданием: «В памяти поочерёдно всплывали капитан, Красноводск, ветхая церквушка, лицо женщины и её глаза, и между всем этим существовала неслучайная тревожная связь…» У этих прозрений привкус горечи, но именно они будят душу и не дают прозевать жизнь: «…оказывается—всё не так. Оказывается, наше ожидание—это уже жизнь, и больше и лучше, может быть, уже ничего и не будет…» Но ведь так хочется, чтобы было—и больше, и лучше, а для этого нужны осознанные действия здесь и сейчас.

Эссе—раздумья о классической русской мысли и литературе—здесь они неразрывны—написаны в промежутке 1989–92 годов. Главные герои: Тютчев, Лесков, Замятин, Гофман, Пушкин, Хомяков, Горький, Бердяев… Позже к ним добавятся предисловия, послесловия или же развёрнутые некрологи. Но именно в этот переломный период, наряду с усилием мысли и стремлением найти опору в классической литературе, остро чувствуется наибольший трагизм происходящего. «Русь рухнула, распавшись изнутри. То, что мы видим ныне,—это заключительные этапы её вселенского распада, распада нации и государственности, спасение которых могло бы произойти только на путях возврата к традициям и духовным истокам»,—это написано в 1990 году в эссе о Ф. И. Тютчеве.

Распад, безусловно, произошёл—как на уровне государственном, так и семейном, и даже на уровне каждой личности. Однако, к счастью, он не стал заключительным и окончательным. Россия продолжила бороться за себя силами не великих, но честных, совестливых и талантливых в своём деле людей: «Так, в смутные времена благодаря таким людям шли поезда, плыли пароходы, работали

заводы и электростанции, больницы и школы. <…> Вот такие митины и удержали Россию от хаоса»[1].

А русская культура, освободившись от цензурных ограничений, тут же столкнулась с другой опасностью. «Чужая стихия, „западническое“ просвещение, захлестнула-таки всю нашу словесность, превратив её, как и предполагал Достоевский, в прессу. Эпоха прессы сделала своё дело: вместо литературы—репортаж, вместо критики—полемика». Бывшая культура с охотой стрекозы из басни Крылова оторвалась от осмысления народной жизни и предпочла бесконечную говорильню и самопиар, что, по мнению Мизгулина, является как раз западнической традицией. «Отметим, что славянофилы были специалистами различных отраслей знаний, причём—профессиональными. Западники же дали только обильную публицистику». Увы, практического выхода из этого культурного тупика не видно до сих пор.

Мизгулин этого периода весьма категорично подчёркивает своё непризнание советской литературы. «В советской литературе нет тайны слова»,—пишет он. Его раздражает «трибун» Маяковский, как самого Маяковского раздражал Лермонтов. Он не скрывает и неприязни к «пролетарскому писателю» Горькому: «Образцом силы духа и свободы стали челкаши, поставленные в один ряд с принцем датским». Можно подумать, что они оба—искусственные, сильно распропагандированные государством величины. Но, как показал уже постсоветский период, и Маяковский, и Горький пережили восхваляемый ими строй и даже обрели новую актуальность.

Позже на примере писателя Алексиса Парниса в статье «Одиссея русского грека» Мизгулин, не скрывая, восхищается характером и стойкостью этого воина и поэта, под огромным давлением не отрёкшегося от своего друга и учителя-коммуниста Никоса Захариадиса. «Но важнее для него был ответ партийному суду: мы своих капитанов не предаём».

В 1991 году Мизгулин стремился полемически осмыслить «парадоксы Бердяева», вполне справедливо ставя под сомнение ряд его философских выводов, а некоторые и прямо опровергая, как, например, суждение об итоговой победе «славянофилов» над «западниками». Спустя тридцать лет в эссе «Последний русский философ», фактически ставшем некрологом Александру Казинцеву, автор, скорбя о большой потере, раскрывает и своё видение значения его философии: «Такого единого понимания событийности русского мира ни у кого ныне нет, да и, похоже, уже никогда не будет». Это самое значение—в способности видеть и прозревать всё рядом в истинном свете: малейшее и величайшее, от пути снежинки до причин и последствий кровавой революции. Видеть, говорить и не бояться действовать.

Как не боялись действовать в конце девятнадцатого века основатели Самаровского судносберегательного товарищества—небольшого, но успешного банка в сибирской глубинке. Минуя все промежуточные инстанции, они обратились сразу к министру финансов Российской империи и зарегистрировали своё предприятие всего за одиннадцать дней! Этим самоорганизованным и предприимчивым русским людям посвящено эссе «Сибирские банковские традиции». Действительно, «тянет на историческое открытие».

Однако не может быть прочного успеха в делах, если забыть о Боге. «Спрашивают иногда: как вы пришли к Богу? А мне удивительно наоборот. Как можно пройти мимо?» И Он незримо присутствует в помыслах и действиях героев и, конечно, самого автора. Каждое упоминание церкви несёт особенную теплоту и сакральный смысл. Особый раздел—цикл очерков «Под покровом игуменьи горы Афонской», написанный в 1998 году,—посвящён совместному с отцом Виктором Грозовским (священником и поэтом) паломничеству на Афон, в удел самой Богородицы. Почти сразу начинаются неожиданные сложности. «Удивительно, но русскому священнику проникнуть на Святую землю нелегко». Без письменного разрешения администрации Константинопольского патриарха «приходится выбирать два иных пути: либо при собеседовании с чиновником из администрации изображать из себя светского человека, либо надеяться, что при проходе через таможню… не очень бдительные стражи порядка примут русского батюшку за греческого монаха» К счастью, вскоре все трудности благополучно разрешаются.

Погружение в жизнь монашеского государства оказалось незабываемым. Здесь и своё исчисление времени: «Кстати, время на Афоне определяется совсем иначе, чем в Европе, и называется „византийским“. Отсчёт идёт с заката солнца—в это время стрелку устанавливают на полночь—и так каждый день». И свой обряд захоронения: «На Афоне хоронят без гроба. <…> Через три года могилу раскапывают, и если тело ещё не истлело, то, значит, усопший вёл неправедную жизнь». Возникает и уже не покидает ощущение, что связь земного с небесным здесь ближе и прочнее, чем где бы то ни было.

Отдельный жанр, оказавшийся близким автору уже в новом веке и вобравший в себя все волнующие его темы в максимально лаконичной форме—от единственной афористичной фразы до зарисовки в несколько страниц, удачно назван «Ночником». «Подумал сначала: осколки. <…> Подумал: а может, проще—дневник? Хотя какой это дневник? Дневниковые записи требуют

1. Лётчик Митин—герой романа Петра Кириченко «Из тумана забвения».

системности — как повесть или роман. Системности не только временно́й, но и логической. А в этих заметках системности нет. Правда, одно их объединяет — время написания. После трудового дня — поздним вечером. А то и ночью. Поэтому у многих писателей — дневник. А у меня ночник».

Итак, малые непоэтические жанры в творчестве Мизгулина как бы сменяли друг друга во времени, заступали на творческую вахту: вначале рассказы, затем литературные эссе, очерки и, наконец, «Ночник». Самая краткая и свободная форма, не требующая вымысла, в итоге оказалась и самой продуктивной — записки собраны под обложкой внушительного тома. Отмечу, что дневники, как системные записи, само написание которых в итоге поглощает целые годы жизни (пожалуй, самый монументальный и выразительный пример в русской литературе — Лев Толстой), или записные книжки, как мысли-вспышки, наблюдения-всполохи (и тут уже на сцену выступает Чехов),—это ещё и разные типы мышления, восприятия и последующего преображения действительности. Для таланта, родственного чеховскому, краткость формы — действительно родная сестра, а для сходного с толстовским — дальняя родственница. В этом плане Мизгулин ближе к Чехову, причём он успевает собрать и свести воедино свои «несистемные» записи.

Автор вспоминает путешествия, далёкие и близкие: Австралия, Чехия, Греция, Латвия, Индия, ЮАР… И каждое из них — очередной шаг к познанию мира и себя в нём. Мизгулин напряжённо размышляет о месте современной литературы в жизни литераторов, читателей и не-читателей. Книгу стало совсем несложно опубликовать, но она больше не культурное событие, а всё чаще — балласт в кладовой. И в этом немалая доля вины самих современных писателей, многие из которых «как доктор, который исследует свои болезни, лечит сам себя, а на других пациентов не обращает внимания». Для авторов и их издателей «интерес стало представлять событие, а не движение человеческих душ».

Временами иронически одёргивая самого себя, автор «Ночника» не может не обращаться к политическим вопросам и глубже — к судьбе самой страны, частью которой он себя ощущает: «…мы — главное разочарование XX века. Одни нас боялись, другие на нас надеялись. СССР был надеждой на что-то новое, на прорыв, на освобождение». Напротив, «сегодня именно мы и переписываем историю Великой Отечественной — пытаемся представить великую Победу без идеологии (коммунисты — вперёд) и без лидера (Сталин — сатрап). Убираем. А что остаётся?» Остаётся — «строй феодальный, кастовый. Есть пирамида: наверху власть, потом вассалы, обслуживающий персонал, аппарат подавления. Внизу народ». Причём охотнее всего этот строй поддерживается теми людьми, кого модно называть турболоялистами: «Как-то незаметно патриотом стал считаться тот, кому всё нравится в нашей России, начиная от дорог, кончая руководством (причём всем — от мала до велика…). Если, не дай Бог, тебе что-то не понравилось (включая дождливое лето или результаты сборной по футболу) — ты автоматически становишься агентом американцев и врагом Отечества!»

К сожалению, редактура книги при очень достойном оформлении небезупречна. Вот ряд показательных примеров, доработка которых могла бы улучшить её в новом издании. «Но ни легенды, ни жизнь не знали случая, чтобы сына (из высших духовных побуждений) убила бы мать»,— утверждает в одной из заметок Мизгулин. Однако такой сюжет известен. Нелюбимый автором Горький в числе прочих «Сказок об Италии» написал и новеллу «Мать изменника», где именно мать во имя спасения родного города убивает собственного сына. Или же «легендарный капитан Кук», который якобы высадился на побережье Австралии в 1728 году, хотя на самом деле он родился в ноябре 1728 года и уж точно не с первого дня жизни стал флотским капитаном. Писатель Кутзее из южноафриканского вдруг переименован в южноамериканского. Якобы разбомблённый Иран вместо реально пострадавшего Ирака. Ну а захватом и разграблением Константинополя завершился Четвёртый, а не Первый крестовый поход.

Однако и при наличии частных неточностей, при повторах в круговороте мыслей, порой явно осознанных, а порой не сокращённых уставшей редакторской рукой, возникает ощущение цельной творческой личности, честной и взыскательной к себе, знающей цену ошибок и не боящейся их, страдающей и находящей утешение в вере и в творчестве. Мизгулин в своих заметках, как и в других произведениях, явно стремится «мысль разрешить» и может возвратиться к ней не единожды спустя месяцы и годы. В целом именно россыпь заметок из «Ночника», при всей их «осколочности» и мозаичности, представляется мне второй по значимости творческой ипостасью автора. Это своего рода летопись движений души.

Сам Дмитрий Мизгулин — из породы людей дела. Общественный деятель, бизнесмен, меценат. Человек, которому небезразлично не только своё, но и общее благо. Это всё реже сочетается с полнокровным, а не декоративно-формальным литературным творчеством. Многим не хватает веры в художественное слово, в его значение и отдачу. Многие сбиваются с писательского пути, посчитав его ложным или бесперспективным. Длинную же дистанцию выдерживают люди со стержнем.

И ещё одно наблюдение из «Ночника». Казалось бы, простейшее дело — поменять лампочки на площадке — вдруг становится для соседей

непосильным. Им привычнее спотыкаться в темноте и ругать власти. «Так вот и сидим во мраке, не решая многих проблем, ждём, что кто-то сделает». Простое до банальности, но так сложно выполнимое правило: важно не ждать, а делать.

«Эпоха закончилась.
А жизнь продолжается».

И каждый из нас продолжается в ней, слыша отзвуки времени и отвечая ему в ежечасном выборе между спасением и гибелью.

*Ди*Н симметрия

Владимир Маяковский

О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах

На съезде печати
у товарища Калинина
великолепнейшая мысль в речь вклинена:
«Газетчики,
думайте о форме!»
До сих пор мы
не подумали об усовершенствовании статейной формы.
Товарищи газетчики,
СССР оглазейте,—
как понимается описываемое в газете.

Акуловкой получена газет связка.
Читают.
В буквы глаза втыкают.
Прочли:
— «Пуанкаре терпит фиаско».—
Задумались.
Что это за «фиаска» за такая?
Из-за этой «фиаски»
грамотей Ванюха
чуть не разодрался:
— Слушай, Петь,
с «фиаской» востро держи ухо:
даже Пуанкаре приходится его терпеть.
Пуанкаре не потерпит какой-нибудь клячи.
Даже Стиннеса—
и то!—
прогнал из Рура.
А этого терпит.
Значит, богаче.
Американец, должно.
Понимаешь, дура?!—

С тех пор,
когда самогонщик,
местный туз,
проезжал по Акуловке, гремя коляской,
в уважение к богатству,
скидавая картуз,
его называли—
Господином Фиаской.

Последние известия получили красноармейцы.
Сели.
Читают, газетиной вея.
— О французском наступлении в Руре имеется?
— Да, вот написано:
«Дошли до своего апогея».
— Товарищ Иванов!
Ты ближе.
Эй!
На карту глянь!
Что за место такое:
А-п-о-г-е-й?—
Иванов ищет.
Дело дрянь.
У парня
аж скулу от напряжения свело.
Каждый город просмотрел,
каждое село.
«Эссен есть—
Апогея нету!
Деревушка махонькая, должно быть, это.
Верчусь—
аж дыру провертел в сапоге я—
не могу найти никакого Апогея!»
Казарма
малость
посовещалась.
Наконец—
товарищ Петров взял слово:
— Сказано: до *своего* дошли.
Ведь не до *чужого?!*
Пусть рассеется сомнений дым.
Будь он селом или градом,
своего «апогея» никому не отдадим,
а чужих «апогеев»—нам не надо.—

Чтоб мне не писать, впустую оря,
мораль вывожу тоже:
то, что годится для иностранного словаря,
газете—не гоже.

1923

Анатолий Вершинский

При любой погоде

Звёзды

Сулят ли счастье знаки зодиака,
пугают ли заслуженным возмездьем,
мы верим откровеньям звёзд, однако
феномен, именуемый созвездьем,—
лишь рой огней, источники которых
не то горят, не то уже погасли,
но свет их мчит в космических просторах,
чьи факелы нужды не знают в масле.
Меж светочами—тысячи столетий,
а мы считаем их единым целым
и верим звёздным знакам, будто дети,
что преданы мечте душой и телом.

Мы грезим тайной века золотого,
а был он или будет, нет ответа.
И всё ж воображение готово
намёки на него, как блики света,
свести, собрать в единое соцветье,
хотя меж ними даже и не годы,
а часто—не одно тысячелетье.
Под флёром грёз нестрашен лик свободы,
как лик уродца в облике паяца.
Жить можно с голой правдою в союзе,
но, чтобы выжить, нужно оставаться
невольниками собственных иллюзий.

Часы

Ты пекла не видел? Смотри же!
От жáра расплавлен металл.
Костром погребальным в Париже
собор Богоматери стал.

Такое случилось впервые.
Сгорело убранство внутри.
Сгорели часы вековые
на кровле Нотр-Дам де Пари.

Умельцы, творцы, демиурги
спасают шедевр мировой.
«Ракета», завод в Петербурге,
создаст механизм часовой!

Почешут соперники темя,
друзья усмехнутся в усы,
узнав, что парижское время
российские мерят часы.

Глубина

Русская душа и впрямь потёмки?
Всякая—чужая и своя?
Кто ответит? Разве что потомки,
коль не бросят отчие края.

Иль она темна для верхогляда?
Не бывает полной темноты.
Просто запастись терпеньем надо—
и в потёмках свет увидишь ты.

В слюдяном, как древнее оконце,
зеркале колодезном, куда
даже в полдень не заглянет солнце,
ночью отражается звезда.

Пичуги

Прохожий опустился на скамейку,
открыл набитый сдобою кулёк—
и сразу голубиную семейку
раскрошенною булочкой привлёк.

А между сизарями—воробьишки:
как шлюпки среди шхун, снуют они.
Но голуби, повздорив из-за пышки,
воробышков не трогают—ни-ни.

И малые пичуги из-под носа
больших и оттого беззлобных птиц
утаскивают хлебушек без спроса…
И наглость, и терпимость—без границ.

Синева

Бабье лето на излёте.
Осыпается листва.
Сквозь прорехи в позолоте
проступает синева.

До чего же небо ясно!
Нет ни облачка на нём.
Нам погода неподвластна,
эту пору не вернём.

Завтра тучи дождевые
занавесят небосклон.
А сегодня—как впервые—
синью воздух напоён!

Гром

Школьное учение—«услуга»!
Как в салоне—стрижка и бритьё.
Или в парке—скашиванье луга.
Или в бане—парка и мытьё.
Думал ли Владимир, наш Креститель,
школы учреждая на Руси,
что приравнен будет здесь учитель
к банщику? Да Боже упаси!

Нужно было вральманам речистым,
память о войне втоптавшим в прах,
подлое сочувствие к нацистам
выпестовать в наших школярах,
чтобы после длительных усилий
люди у державного руля
поняли, чему детей учили
сбитые с пути учителя.

Будущее пишется эскизно,
сломанное чинится не вдруг.
Делателей дела ждёт Отчизна,
а не потребителей услуг.
Снова «конно, людно и оружно»
Правда ополчилась против Лжи.
Грянул гром! И крестятся недружно
властью облечённые мужи…

Процесс

Княгиню Ольгу судят школяры.
Сценарий действа найден в интернете.
Урок—подобье ролевой игры,
где прокурор, судья, защитник—дети.

Подростки по заданью «классных дам»
клеймят язычницу, по нормам чести
отмстившую убийцам мужа—там,
где слабостью сочли б отказ от мести.

А слабости властителю никто
прощать не станет: власть его прольётся
сквозь пальцы, как вода сквозь решето,
коль воду зачерпнуть им из колодца.

Нам пращуров за кровь судить не след:
у Божьего суда поболе веса.
Зачем же разыграли злой сюжет
зачинщики княгинина «процесса»?

Крещением она грехи свои
отринула. И неподсудна ныне.
А чем славна—прочтите в житии
святой равноапостольной княгини.

Но логика кощунников проста:
всю славу нашу низвести до срама.
Им волю дай—засудят и Христа:
за то, что торгашей изгнал из храма.

Бусы

Разлука—всегда испытание,
и сердце, рассудку переча,
уже паникует заранее:
а вдруг не заладится встреча?

И с девочкой, стройною, строгою,
застывшей в немом ожиданье,
мы скованы общей тревогою,
как будто на первом свиданье.

Я в пальцах коробочку тискаю,
обвить ожерельем не смею
такую, казалось бы, близкую,
такую далёкую шею…

Расколот ледок отчуждения
простой сердоликовой снизкой!
И мнимого нет охлаждения:
чужая становится близкой.

Такой навсегда и останется—
до смерти, следящей за нами.
Нездешнего мира посланница
торчит за окном временами.

Всё реже на шею усталую
ложатся дарёные бусы…
Я старости тоже не жалую.
Какие у немочи плюсы?

Но годы считаю спокойно я:
со мною по-прежнему рядом
та девочка, строгая, стройная,
с навеки оттаявшим взглядом.

Константиново

И струи, от ветра косые,
и строки, прямые, как меч…
В объятой ненастьем России
звучит стихотворная речь.
Наверное, только в народе,
что издавна русским зовут,
умеют при всякой погоде
ценить поэтический труд.

И, думать забыв о простуде,
под пенье небесной воды
следят зачарованно люди,
как строки смыкают ряды,
как движутся строфы литые,
в тумане, похожем на дым.
И листья летят золотые
вдогонку словам золотым…

Враг

Сплошные тучи, как стена,
над Родиной нависли.
И наш противник — сатана
в прямом, буквальном смысле.

Не легендарный персонаж,
чьи слуги — вурдалаки.
Одет в «Армани» ворог наш
и ездит в «Кадиллаке».

И не рогат, и не хвостат
подобно римским фавнам,
но вмиг тому устроит ад,
кого сочтёт неравным.

А кто неровня сатане?
Считай вопрос излишним.
Такая честь моей стране
дарована Всевышним.

Но как спастись от сатаны?
Соборною молитвой.
Молитесь, братья и сыны.
Молитесь перед битвой.

На ветру

Пернатые кочевья
пустеют поутру.
И парусят деревья
на шквалистом ветру.

Им холодно до дрожи,
и в ожиданье вьюг
кого-то тянет тоже
отправиться на юг.

Но цепко держат корни,
и слышно до небес,
как молится соборне,
клонясь под ветром, лес.

На хмуром небосводе
ни звёзд, ни солнца нет,
но при любой погоде
нисходит горний свет.

Как рать в булатных латах,
им лес преображён…
Вернувшихся пернатых
весною примет он.

Вдвоём

Из ночных небесных скважин
до утра вода лилась.
Зябкий воздух свеж и влажен,
под листвой опавшей — грязь.

Детвора спешит из школы —
через лужи, напрямик.
Жаль, что скоро будут голы
сквер соседний и цветник.

Слышно карканье воронье
вместо трелей певчих птиц.
Наступает межсезонье —
сущий ад для райбольниц.

Перетерпим время это,
переможем, не впервой.
Наша песенка не спета:
«Чёрный ворон, я не твой».

Эдуард Хвиловский

Уходят в воздух ароматы вод

1.

В пределах дня—невидимый предел
неведомого и тройного смысла,
который до сих пор не поредел

и где все убеждения зависли,
найдя, быть может, искренний задел
той самой настоящей благодати,

которую с огнём не отыскать
в отдельной позолоченной палате,
где есть что, не раздумывая, взять,—

но брать не надо даже при доплате,
чтобы потом никак не горевать
ни до, ни после золотой потери

на самом сущем из возможных деле.
Как говорил Люберий: «Вот тетрадь,
а вот перо. Запишешь—сразу спать».

2.

Кто знает… где созвучий всех объём
оценок добивается снаружи
и снова пробивает стены лбом,

пока широкое не сделается у́же?
Часть мыслей иногда на голубом,
на красном или жёлтом ненароком,

потом на добром, часто на знакомом,
скорее узком, нежели широком,
в конце концов скрывается за домом

или в овраге, некогда глубоком
и оттого предметном и бедовом.
Вы можете сказать здесь просто «да»

иль просто «нет»—вас всё равно не слышат.
Вот так и образуется гряда,
пока перо-стило о чём-то пишет.

3.

Каким бы ни был месяц, год и век,
идёт по той же улице начальной
всё тот же предпоследний человек,

весёлый и по праздникам печальный,
обосновавший как-то свой побег
туда, куда никак не убежать,

хотя то и предписано с вершины
когда-то было. Истину понять
не довелось на пажитях чужбины,

где некого и нечем удивлять,
считая год за два и оба за год,
и снова что-то как-то узнавать.

Уходят в воздух ароматы вод,
и невозможно даже осознать,
кто и за кем, куда, когда уйдёт.

4.

Ушло—и нет, и круг квадратом стал,
потом каким-то жёлтым резонансом,
и кто-то где-то что-то оборвал,

воспользовавшись игровым нюансом.
Зачем, и кто, и для какой игры?
(Возможно даже, что и для «серьёза».)

И до какой неведомой поры?
И в силу чьей невидимой печали?
И до какой жары или мороза?

И почему мы этого не ждали?
Откуда эта вся метаморфоза
в просторном некогда и светлом зале?

И для чего вообще такие вбросы?
Возможно, мы давно в полуфинале?
Или в финале? Вот и все вопросы.

5.

Звучит салют, и множится молва
о том, что было, не было и есть
в историях простого меньшинства,

за что молве по разуму и честь.
А выскочек размелют жернова,
которые у нас в достатке есть

везде, где появлялся наш Макар,
телят гонявший так, что не присесть,—
иначе и не разогнать весь пар,

рассказывая то, что не сказать.
Затем внезапный пронесётся шквал—
и станет так, что и ни дать ни взять,

и волны вдруг ударят о причал,—
им тоже очень хочется узнать
о том, кто, где, кого и как достал.

6.

«Что связывает с прошлым», кроме строк
примерного в недавнем прошлом брата?
Там были и разливы, и поток

от наших кухонь до шатров Сократа,
где позолоты больше не блестят.
Там было всё отзывчиво и свято,

и был прелестный, настоящий дым,
в котором остросложности коптят,
чтоб было неповадно остальным

судачить о подвохах в подоплёках
и презирать того, кто нелюдим
во всех подземных и наземных сроках.

7.

Ответа нет ни у зеркал, ни у
одной струны из многих в фортепьяно,
чернеющее в угловом плену,

подобно многим из того же клана,
встречающего лето, и весну,
и осень—клавиш чистым перебором

и чистой волей музыкальных тем
с неизмеримым внутренним простором.
В них раствориться хочется совсем—

хоть во дворце, а хоть и под забором,
без теорем и памятных дилемм,
вне всех морей, озёр и океанов,

без шума,—даже пусть и от земли,
без труб, литавр и прочих барабанов
вблизи, у центра или же вдали.

8.

«Запавшее молчанье среди клавиш»
подобно всем молчаниям другим.
Его и не убьёшь, и не исправишь.

Где был огонь, наличествует дым
прекрасного из близкого далёка,
которое красивая юла

в своих коловращениях цветных
фельдъегерю неспешно отдала
в своих же закоулках мозговых.

Ей помогали в этом зеркала
и знания движений ведовских,—
и отразили общие дела

внутри большой, невидимой свободы
единственные нужные слова,
и тихие в ночи сомкнулись воды.

9.

Предугадать подобное молчанье
сложнее, чем молчание ягнят
или в лесу внезапный камнепад,

которого неведомо звучанье
там, где не наблюдаем перепад
высот и всё просчитано дозором

и волей запечатанных в нём тем
с неизмеримым внутренним простором,
в котором нет того, что насовсем,

но лишь на время, да и то с укором
от дольников, катренов и морфем
и под ключом без всех замочных скважин,

поскольку нет и не было замков
на выставке с таким же вернисажем,
как этот, что внутри вот этих слов.

10.

Совсем светло, совсем темно, и снова
совсем светло—иль это снится мне.
Пусть так. Пусть хоть совсем не так—подкова

и над дверьми прибита, и в окне
висит другая на верёвке прочной,
и есть зола в чулке, а он в саду

закопан ночью под луной огромной,
и яблочные косточки в меду
припрятаны в бутылке экономной,

Андрей Деменюк

Пока не гаснет свет

● ● ●

Жизнь заставляет принимать решенья,
Ведь каждый день несёт другой вопрос.
Век интернета в этом отношенье
Век каменный ничуть не перерос.
Мы так же не улавливаем сути
И так же не врубаемся в канву,
И так же выбор наш сиюминутен
В попытках удержаться на плаву.
И те же нам положены пределы
В способности предвидеть результат.
И с Чернышевским порешав: «Что делать?»—
Мы с Герценом кричим: «Кто виноват?»
И каждый сам всё за себя решает»
Начав с дилеммы: «Быть или не быть?»
Но день за днём всё так же вопрошает,
За Пушкиным вослед:
Куда ж нам плыть?

● ● ●

Каждый—гений. По отдельности…
В совокупности—беда.
Цель понятна части цельности.
Но частично…
Иногда…
Будет всё—как всё получится.
Или—всё наоборот…
Человечество не учится.
Человечество живёт.

● ● ●

Любого дня
Секундный срез,
Как и разрез
Тысячелетий,
Покажет тот же самый вес
Неразделимых антитез
У мира в плоти и скелете:
Беда и радость,
Тьма и свет—
Две стороны одной медали,
Ведь жизнь проста:
Рожденье, смерть—
Перпетум мобиля детали.

● ● ●

Пока часы на ночь и день
Шинкуют бесконечность,
Ты наступаешь на ступень,
Где наступает вечность.
И стынут в янтаре, как пыль,
Твои лета и зимы,
Что в дуализме «небыль-быль»
Почти неразличимы.
А память, словно ревизор,
Всё ставит под сомненье
Там, где теряет кругозор
Бинокль слепого чтенья.
И всё короче компромисс
С нулями круглой даты,
Чей опыт углубляет смысл
Ещё
На штык
Лопаты…

Оккам

В привычном ритме алгоритма
Мысль не расходуется зря.
И на порез случайный бритвой
Приклей клочок календаря.
Привычки дедовы, отцовы
Осели в генокоде ОС.
Ответы все уже готовы
И на незаданный вопрос.
И нет мгновений для решений,
Не занесённых в кондуит.
Привычкой прежних поколений
Исчерпан опытов лимит.
Энтузиасты и схоласты
Любви не требуют ничьей.
Фантасты и экклезиасты
Нашли согласие в ничьей.
В сухой земле постмодернизма
Зарыл Раскольников топор.
И бродит призрак коммунизма
В пустынном замке Эльсинор.

● ● ●

Вот и жизнь со мной случилась.
Проплыла
Каким-то галсом…
И разрезала, как море режут килем —
Пополам.
Мир, конечно, не распался.
Это только я распался,
Но итог конечный тот же,
И, конечно, — по делам.
Но зато не по безделью…
Как умел я жил,
Покуда
Бог людей уехал в отпуск,
Всё оставив на меня.
Я не справился, конечно.
Но и ждать такого чуда
Было странно,
Я замечу…
Лиц конкретных не виня…
Уж каким я уродился,
Вот таким меня родили.
Не судили, не рядили,
И не их за то судить.
Всё равно ведь я отвечу
За отца и сына,
Или
Отчего бы стала красной
Нас связующая нить?
Можно плакать и молиться,
Можно хмуриться отважно,
Можно тешиться обманом,
Обмануть свою судьбу.
Можно то, а можно это…
Только это всё не важно.
Всё записано в скрижалях
И у каждого на лбу.

● ● ●

В этом мире всё неловко,
Всё нескладно и неладно,
Как ненужная обновка
Всё топорщится досадно.
Он шершавый, угловатый,
Неудобен, несподручен,
Словно к ручке кривоватой
Он шпагатиком прикручен.
Ось, поставленная косо,
Натирает круг прецессий,
Шестерёнки и колёса
Рассыпаются в процессе.
Всё здесь падает и бьётся,
Всюду сколы и занозы.
И зачем-то из колодца
Даже днём видны тут звёзды…

● ● ●

равнодушная вечность не знает итогов
потому-то со смертных и взятки гладки
я по миру прошествовал как фотограф
оставляя повсюду свои отпечатки
на двери холодильника кружке кране
на тарелке на ложке ключах сигарете
на монете газете и тач-экране
на жетоне метро и на всём на свете
я оставил всех пальцев моих негативы
по маршруту движения мимоходом
днк лишь на ручках дверных хватило б
обесчестить Венеру моим генокодом
только в том-то и смысл чтоб иметь итогом
миллиард вариаций на тему бренной
этой жизни придуманной нежным Богом
исполняющим блюз на струне Вселенной

Композитору В. Пономарёву

Мы братья с тобою по счастью
Участия в этом кино.
Мы хлебом единым причастья
Заели несчастья вино.
Мы даже на пальцах не будем
Считаться на первый-второй:
Мы оба — последние люди,
Скреплённые речью одной.
Ушедшие в прошлое годы
Нам больше не застят глаза:
Для нас расступаются воды,
Бескрайние, как небеса.
Мы где-то у берега Леты
Кладём под язык валидол…
Но жизнь — в кулаке,
Как монета
С достойной ценою в обол.

● ● ●

На миг любовь
Объединяет хаос
В какое-то подобие
Судьбы.
А память из того,
Что в ней осталось,
Выстраивает смыслы,
Как столбы:
От фонаря до фонаря дорога
Действительна,
Пока не гаснет свет…
Но верится: есть замысел у Бога,
Как выкроить из фабулы сюжет.

Геннадий Ёмкин

И багряней станут листья

О словах

Не купил. Не смыслы вывихнул.
Не украл. И не нашёл.
А казалось—просто выдохнул.
И сказали: «Хорошо!»

Но крутили всё же, мерили.
Что такое? Расскажи!
Оказалось—не материя.
Оказалось—часть души.

Молитва

Слово молвил за друзей
Искреннее, ненарошное.
И просил душою всей:
—Дай им, Господи, хорошее!

Помолился. Помолчал.
Попросил-то ведь немалое…
Перед образом свеча
Догорела вся, истаяла.

Дотлевал фитиль, и плыл
Дым, и таял понемногу.
Вспоминаю. Не забыл
Ни о ком?
Ну, слава Богу!

● ● ●

Так покойны воды в сентябре…
Гладь воды тиха, подобна глянцу.
Ветер дунет—чернь на серебре,
И листва прощальная багрянцем
Всё скользит, скользит…
И напоён
Каждый день тишайшей самой грустью.
И летит листва за окоём,
И плывёт листва куда-то к устью.
В эти дни я верю—не умру.
Ничего такого не случится.
Просто чернь пройдёт по серебру
Гуще,
И багряней станут листья.

Благая весть

Отцу Льву

Едва зелёной дымкой ранней
Леса подёрнутся,
И вот—
Воскресный светлый звон пасхальный
Во все пределы поплывёт
Через поля, долины, реки,
Через едва зелёный лес,
Благовествуя, что вовеки
Христос воскрес! Христос воскрес!

И чудо!
Вестью светлой по́лны,
От счастья выплакав глаза,
Вот-вот сорвутся колокольни
С колоколами в небеса!
Чтоб дольше, дальше эту радость
Нести с восторженных небес!
Чтоб в сердце каждом отзывалось:
«Христос воистину воскрес!»

● ● ●

Николаю Зиновьеву

С пацанами мяч гоняю.
Мне двенадцать. Я беспечен.
Ничего ещё не знаю
Я о будущем и вечном.

Но уже оттуда пуля
Мне навстречу вылетает.
Через восемь лет в Кабуле
Всё узнаю.
Всё узнаю.

А пока в окошко мама
Мне кричит:—Сыно-ок! Обед!
Это много или мало
Ей для счастья—восемь лет?..

Звезда

Рутковской Надежде

Милые!
Мне рассказать охота
О саровских наших чудесах—
Свет закатный тёмной позолотой
В синих затеряется лесах,
Высоко на бархатно-глубоком,
Первыми лучами не остра,
Чуть дрожа, прекрасна, одинока,
Дивная рождается звезда.
Тихая свидетельница чуда—
Провиденьем Божиим храним,
Свой пустынный подвиг многотрудный
Совершает старец Серафим…

Свет закатный…
К пу́стыньке дорогу
Боровые сосны сторожат.
А на стрелке Сатис и Саровка
Затянули в омуты закат.
Птица крикнет в пойме заполошно.
Птица крикнет
И опять уснёт.
Тишина густая…
Тронуть можно…
Лишь к вечерне колокол зовёт.

Тихо так…
Торжественно-печально
Над уснувшей Родиной моей.
И звезды высокое молчанье
Сердцем понимаю я полней—
Ничего рассказывать не надо!
Просто слушай!
Слушай и молчи!
Слышишь, там, на пу́стыньке на дальней
Снова кто-то молится в ночи…

Охлади сердечный пыл и ропот.
Верь душе! Ей дан особый слух—
В шуме листьев тихий слышать шёпот:
«Милые! Стяжите мирен дух!»
Верь душе! Она всему основа.
Пусть душа ведёт тебя всегда!

И опять сгорает над Саровом
Свет закатный,
И встаёт звезда.

Нижегородские соловьи

Светлане Леонтьевой

1.

Славны курские и прочие
Соловьиные места.
А у нас, в Нижегородчине,
О ста разных голосах
По оврагам да терновникам,
За любою городьбой,
По сиреням да шиповникам
Княжич свой!

Куст калины—чем не вотчина?
Вот и гнёздышко совьют.
И во всю Нижегородчину
Запоют!

Взять, семёновские… Шалые…
Свистнет—лезвие ведёт!
О таких ли и вздыхала ты
Ночи напролёт,
Дорогая Серафима?
Он манил тебя не золотом.
А стелил пиджак на мяту.
Помнишь, помнишь, Серафима?
Всё над омутом, над омутом,
Где с глубокой старины
Все с усами пол-аршинными
Жили в омуте сомята
И, наверное, сомы…

Хулиганисты и в Павлове
На Оке,
Свистнут—звёзды плавают
По реке.
И плывут на встречу с Волгою,
Не зови…
И свистят им вслед, и цокают
Соловьи.

Есть и почта соловьиная,
И не диво, что случается,—
Запоют в Липелее ли, в Линде ли,
В Люнде, в Лидовке отзывается—
Завздыхают сирени и ломятся
Изо всех палисадов прочь,
И у каждой девчонки бессонница
Во всю ночь.

Хохлома играет солнышком—
Чернь по золоту!—закат.
Запоют—один про гнёздышко,
А другой про соловьят:
— Ах, родная, много ль надо нам?!
Каждый ладушку под крыло…
Распевают—стелют бархатом,
Осыпают серебром.
Серебром тотчас и бархатом
Отзовётся тут и там:
— Ах, родные! Много ль надо нам,
Соловьям?
И коленца с новой силою
Сыплют, дюжины подряд!
— Мы таких нарóдим, милая,
Соловьят!

В маломальской самой вотчине
Распевают от души.
Соловьи Нижегородчины—
Хороши!

2.

Из заглавных ударил.
Страстно. Неуёмно.
Да с переливами.
И одной соловьихе ясно:
— Вот-он, ми-лый мой!
Ми-лый, ми-лый!

Вот жигáн отжигает лихо:
— Уведу-у! Уведу-у! Уведу-у!
И красавица-соловьиха:
— Ах, подру-уженьки, пропаду-у!

В бузине, заполошный, взъерошенный,
Чешет клювиком грудь.
И подруга его огорошена:
— Где-ты, где-ты?
— Там-там-там-та-ам…
— Где-где-где-где?
— Фиють-фиють-фьють…

Годовалый юнец старается,
Ломкий пробует голосок.
От кручёной воды отражается:
— Цок-цок-цок-цок!

И поют соловьи соловушкам,
Каждый с гнёздышка своего.
Обмирают от счастья хорошие,
Слыша каждая—своего.

Соловьиные ночи не длинные.
Милый, милую выбирай!
Будет счастье всем соловьиное!
Месяц май.

3.

В краснотале или в смородине,
Подмастерье или солист,
Запоют соловьи на Родине—
Сердце вдрызг!

За деревней ли самой маленькой,
В три жилых-то всего двора,
В Нижнем грянут ли по окраинам—
И до самого
До утра.

Всякий куст соловейке отчина.
Песня каждая—самая-самая!
Вот и есть моя Нижегородчина—
Соловьиное царство заглавное!

Чем не родина куст смородины
Соловьихе и соловью?
Куст калиновый—чем не родина?
Сядут рядышком и поют…

Пойте, птахи мои невеликие!
Пойте, милые! Пойте, славные!
Ваше пение, даже тихое,
Стало музыкой мне державною.

По окраинам ли рабочим,
По просёлкам лесным твоим,
Край любимый, Нижегородчина!
Соловьи…

Сергей Кривонос

Вновь трещина через эпоху прошла

● ● ●

…И нет суетливым сомненьям числа,
Ведь в жизни то косо, то криво.
Вновь трещина через эпоху прошла,
И стала страна над обрывом.

Неужто оборвана памяти нить?
Неужто всё стало несвято?
Но надо нам выстоять и победить,
Как наши отцы в сорок пятом!

● ● ●

Ни с моря погоды, ни манны с неба
Не ждали. Но, веря в успех,
Мы даже и летом жили под снегом,
И нас не щадил этот снег.

Да, это была пора выживанья.
Меж вьюг, бушевавших окрест,
Мелькание виделось вышиванок
С тавром зловещим «сс».

А снег превращался в льдистую горку,
И всё же цветы весны
Пробили весьма пожелтевшую корку
С оттенком голубизны.

В цветах весенних—мажорная сила,
Своя, неизбывная, прыть,
И красное вместе с белым и синим
Затмило «жовтоблакить».

● ● ●

—Не пойти ли в иуды, Пилат?
—Ни к чему это. Будет беда.
Пусть хоть сотни в иуды хотят,
А Христос—он один навсегда.

Лучше буду я в кресле скучать,
Побеждать неуступчивый страх…
—Тридцать сребреников получать—
Не пилатовский, видно, размах?

Всюду войны. И кости хрустят.
Поразмысли, суть дела проста:
Чтоб прославиться, нужен пустяк—
В нужный час указать на Христа.

● ● ●

Сдвинулось время, а может, сместилось пространство,
То ли запутался, то ли запуган народ,
Предана память, история, предано братство,
Кто вышиванку не носит, тот не патриот.

Всюду доносы, допросы, запреты, наветы,
Словно бы символы жизни—раздор и разбой,
И превращён год пятнадцатый нового века
В прошлого века погибельный тридцать седьмой.

● ● ●

Нам многое дано, однако жаль:
Любой из нас как будто обворован—
Ведь смерти не удастся избежать,
Коль Божий мир когда-то был дарован.

На каждом этот тяжкий крест лежит,
Но словно заново сейчас открылось:
Смерть не нужна, чтоб появилась жизнь,
Но жизнь для смерти есть необходимость.

Новый Моисей

Среди толпы взволнованных людей
Вертлявый появился Моисей
С повадками причудливыми клоуна.
«Я знаю к счастью верную тропу»,—
Промолвил бодро и повёл толпу
С уверенностью лживо-непреклонною.

Не встретилось обещанных чудес.
«Хотя бы манну Бог послал с небес,—
Промолвил старец, измождённый голодом.—
Похоже, сам не знает Моисей,
Куда вести измученных людей.
Ну что сказать—и зелено, и молодо».

А Моисей уверовал: над ним
Сияет неспроста священный нимб,
Удачливо судьбою предназначенный.
Но люди присмотрелись: всё не так,
Над Моисеем—шутовской колпак,
А это знак того, что их вожак
Шутить способен лишь да околпачивать.

* * *

И любимых порой ненавидят. Бывает, они
Предают безрассудно, не глядя в глаза виновато.
Так и я ненавижу Отчизну в печальные дни
Рокового разгула доносов, убийств и предательств.

О победах мифических громко в фанфары трубят,
На обломках разрушенной памяти радостно скачут.
Ненавижу такую страну, ненавижу, любя,
Но живу и надеюсь, что скоро всё будет иначе.

Я в державу впадаю, как будто река в океан,
И пронзают меня в сердце Родины бьющие грозы.
Но она славит тех, кто вели в Бабий Яр киевлян,
Кто людей разрывал, привязав их за ноги к берёзам.

И по Киеву движется чёрной толпою беда,
Рассекают покой устращающе отблески свастик,
Прогибается с болью под нею брусчатка тогда,
И мучительно стонет ослепший от свастик Крещатик…

Да, любимые могут предать и пойти по рукам,
Эта истина крепко усвоена мной не из книжек.
Но Отчизны своей никогда не предам, не продам
И поэтому ныне так сильно её ненавижу.

Письмо себе, семнадцатилетнему

Серёга, здравствуй! Как ты там живёшь,
В битловско-брежневских семидесятых,
Пока ещё ни в чём не виноватый
И часто с правдой путающий ложь?

Не огорчайся тем, что быт убог,
Не так уж и плоха Страна Советов,
В которой люди ходят на поэтов,
Как будто на хоккей или футбол.

Пока всё просто, всё тебе с руки,
Но за ошибки жизнь накажет строго,
А потому не убегай с уроков,
А коль сбежал, то сочиняй стихи.

Взгляни вокруг—не барствует народ,
Но, радуясь, живёт «в семье единой»,
И Пугачёва вскоре «Арлекино»
На конкурсе победно пропоёт.

Поверь, Серёга, правде нет цены,
А вот судьба десятки раз обманет…
Тебе, я знаю, не служить в Афгане,
Что станет рваной раною страны.

Ты, может, ожидаешь—под конец
Я напишу возвышенное что-то,
А мне сейчас одно сказать охота:
Живи по чести, как учил отец.

Поговорить с тобой—полно причин,
Проблемы впереди стоят оравой…
Я написал письмо. Но как отправить,
Чтоб ты его, Серёга, получил?

* * *

Я к детству возвращаюсь снова,
Как будто к речке за селом,
И вижу рыжую корову,
Что пахнет тёплым молоком.

Цветы рассыпав, словно крошки,
Сидит соседка на бугре,
А мы гуляем—я и кошка,
Нам хорошо на пустыре.

Лежит довольная корова,
Пчела кружится у цветка.
И так нам хочется парного
Из новой чашки молока.

И через броды-огороды
К знакомой тётке побыстрей
Вдвоём за молоком подходим:
Сначала кошка, я—за ней.

* * *

«Третий снег».
Евг. Евтушенко

— Сегодня выпал третий снег
И, чуть повременив, растаял.
— А разве ты снега считаешь?
— Считать снега—запретов нет.

— Вот третий снег… И мы одни.
А помнишь ли?..
— Я не забыла.
Снегов судьбы немало было,
Да и не таяли они.

— В тот чёрный день снег пролетал
Не сказочно, не величаво,
А как-то робко и печально,
Как будто что-то понимал.

— Да, это много лет назад
Случилось…
Не забылось чтобы,
Его суровые сугробы,
Как в балке, в памяти лежат.

— Но что на прошлое роптать?
Снега судьбы потом растают,
Они тебе не помешают
Снега природные считать.

— Сегодня выпал третий снег,
А следом выпадет четвёртый.
Так просто всё, но отчего-то
Ты постепенно погрустнел.

— Наверное, от непогод…
Себя считая виноватым,
Я думаю, что, может, пятый
Былое напрочь занесёт.

● ● ●

На тропинках небес тучи в звёздной пыли,
Непоседливый ветер гоняет их резво.
И краснеет восток, словно кто-то вдали
Тонким месяцем небо разрезал.

Наполняется сад хриплым криком грачей
И стучится в окно веткой ясеня сонно.
Вот и ветер уже за поводья лучей
На дыбы поднимает гривастое солнце.

А у чувств моих нежности есть два крыла,
И к тебе тороплюсь, чтобы сердцу открылось:
Жизнь моя неприметна и очень мала—
На ладонях твоих поместилась.

● ● ●

Прониклось поле общим непокоем,
И весь простор—от солнца огневой.
Труд хлебороба—это наши корни,
Мы ничего не значим без него.

Темны рубашки, но светлеют лица,
Шумят колосья, души веселя.
Всем комбайнёрам здесь, среди пшеницы,
Дарует силу мудрая земля.

Не потому ль, уставшим от работы,
Когда в мазуте лица и в пыли,
Им кажется порою привкус пота
Солоноватым привкусом земли?

Рассыплет звёзды, словно зёрна, полночь,
И месяц над натруженным селом,
Над скошенным и неостывшим полем
Наклонится созревшим колоском.

● ● ●

В час, когда дожди шагами шаткими
Скучно-скучно ходят у порога,
Я хочу быть доброю лошадкою,
Чтобы с внуком поиграть немного.

На спине возить его по комнатам,
Оживляя всех захожих взгляды.
Мне не надо бить о пол подковами
И овса, конечно же, не надо.

Отложив до вечера поэзию,
Словно конь по полю командира,
Повезу весёлого наездника
По полу двухкомнатной квартиры.

И в атаку кинемся бесстрашно мы,
Зарумянятся в азарте лица.
А потом наездник мне, уставшему,
Из ладошек даст воды напиться.

● ● ●

Уехали из дома сыновья
И возвратятся, видимо, не скоро.
Старушка-мать под сгорбленным забором
Стоит, платочек грустно теребя.

Заржавел в хворост брошенный топор,
В хлеву мычит голодная корова.
Усыпанный разбросанной поло́вой,
Похожим стал на свалку старый двор.

Кого дождёшься по такой поре?
Дождь всех прохожих вымочил до нитки.
И так скрипит раскрытая калитка,
Как будто кто-то плачет во дворе.

Марат Валеев

На крючке

Из новой книги

Озеро Долгое

В Пятерыжске (есть такое сельцо на севере Павлодарской области в Казахстане) раздолье для купальщиков и рыбаков. Плескаться и удить можно как на Иртыше, так и в пойменных озёрах. Среди последних наиболее популярным слыло Долгое. Это красивое уютное озеро, с берегами, поросшими рогозом и тростником, с покачивающимися на лаковых зелёных листьях желтоглазыми кувшинками, в ширину имеет всего пару десятков метров, а протянулось параллельно с Иртышом примерно на километр.

Выглядит Долгое (то есть—длинное) как речка, но таковой, конечно, не является, так как и начало его, и конец находятся в пределах видимости, особенно если смотреть с высокого правого берега, под которым и располагается иртышская пойма. Своенравный Иртыш, спрямляя себе путь, за тысячелетия течения отошёл на сотни метров от старого русла и проложил новое, оставив после себя намытый им вот этот вот высокий песчаный берег, склоны которого с годами стали покатыми и покрылись зарослями боярышника, осинника, черёмухи, ирги (которую мы называли просто «красная ягода»), ежевики и хмеля. Под берегом зеленеют обширные луга с кудрявыми ивовыми рощицами, с множеством пойменных озёр, среди которых не последнее—наше Долгое.

Озеро это неглубокое—всего метра два-три. И в причудливых переплетениях водорослей Долгого водятся горбатые темноспинные окуни, краснопёрая сорога и серебристая плотва, золотистые караси, тускло-бронзовые лини и, конечно же, щуки—отдельные экземпляры этих озёрных хищниц могут весить и два, и три килограмма, а однажды отец приволок целого «крокодила», который потянул на одиннадцать килограммов, но есть эту древнюю щуку было невозможно, мясо у неё было безвкусное и жёсткое, и родители скормили её уткам и курицам.

В Иртыше рыбный «ассортимент» побогаче: добавьте ко всему, что водится в озёрах (кроме линей), осетров, стерлядей, нельм, язей, налимов, пескарей, лещей, ельцов, сазанов, вьюнов, ну и ершей,—и получите довольно богатую ихтиофауну. Правда, в Иртыше рыба посветлей, с размытой окраской, как и вода, а в зеленоватом из-за обилия водорослей озере те же окуни, сорога, щуки раскрашены как-то более отчётливо и выглядят темнее своих иртышских собратьев. И там, и тут водились и раки—важные свидетели экологического благополучия водоёма. Они также отличались расцветкой: озёрные раки были потемнее речных.

Иногда Иртыш по весне разливается настолько широко, что захватывает многие пойменные озёра, в том числе и наиболее отстоящее от реки Долгое, как вот нынче. И это благо: вымываются лишние водоросли, особенно противный «резун», стебли которого покрыты мелкими зубцами и оставляют на теле неглубокие, но очень болезненные порезы. В половодье происходит и обмен ихтиофауной, при этом в озёрах никогда не остаётся рыба, которая может жить только в проточной воде. Даже ерши и пескари. А вот чебаки, щуки, окуни, караси могут спокойно поменяться местами. И очень быстро затем приобретают окраску, свойственную для стоячей или проточной воды.

На озере рыбачить нужно поплавочной удочкой, на Иртыше желательно донной, так как сильное течение постоянно сносит поплавок и приходится идти за ним по берегу, пока не клюнет, а потом возвращаться на исходное место и перезакидывать снасть. Но и там, и тут свои преимущества. На Иртыше при хорошем клёве (а он там редко бывает плохим) запросто можно было натаскать за несколько часов полный трёхлитровый бидончик, а то и больше, всякой мелочи, когда счёт чебакам, пескарям, окушкам ведётся уже не на десятки, а на сотни.

На озере же уловы бывают обычно скромнее, зато здесь на живца можно выворотить не одну щуку (однажды я принёс их домой не то семь, не то восемь штук). И хотя на Иртыше, если у тебя есть перетяг или ты попал в компанию к кому-нибудь, промышляющему наплавной сетью (впрочем, в обоих случаях это чистой воды браконьерство), можно было наловить также стерлядей, язей, громадных лещей, иногда и нельму, мне больше нравилась озёрная рыбалка. Здесь она выглядела настоящей охотой: сидеть на берегу или в лодке надо без излишнего шума и резких движений, так

как рыба в прозрачной и весьма ограниченной акватории озера прекрасно всё слышит и видит и очень пуглива. Поэтому я уходил на озеро ранним-ранним утром, когда солнце только-только ещё начинало просыпаться.

С утра на Долгом почти безветренно, и уютное, лежащее меж камышовых зарослей озеро ещё дремлет, укрывшись лоскутным одеялом тумана. Но уже то там, то тут слышались громкие всплески и по воде разбегались круги. Это у окуней и щук начинался утренний жор, и они гонялись за чебачками, да и порой за своими сродственниками поменьше, по всему озеру, иногда даже вылетая из воды и обрушиваясь на свои жертвы сверху. Вот для чего я и спешил на рыбалку пораньше: надо было успеть наловить сорожек, у которых в это время тоже был неплохой аппетит и которых ещё не распугали радостным визгом и громким бултыханием в не остывшей даже за ночь тёплой воде набежавшие ближе часам к десяти-одиннадцати утра в купальные места озера—Две лесинки и Красненький песочек—пятерыжские ребятишки.

Снарядив изловленными живцами жерлицы (обычно пару штук), я аккуратно, по возможности бесшумно закидывал их в укромные и свободные от кувшинок уголки, под широкими листьями и между длинными стеблями которых могли стоять в засаде зубастые хищники. Ну а главным надводным хищником в это время на озере, получалось, был я. Хотя, такова уж диалектика жизни: сорожки охотились в воде на всяких безобидных букашек; сорожек преследовали окуни да щуки; а уж им укорот наводил я—человек, повелитель природы, «язви его-то» (так обычно мило и беззлобно поругиваются коренные пятерыжцы, потомки прииртышских казаков)!

Если щука хватает живца, надо усмирить свой азарт и не вытаскивать жерлицу сразу, а терпеливо дождаться определённого момента, когда вдруг притопленный поплавок (у меня он обычно был вырезан из приличного куска белого пенопласта, и когда щука хватала наживку, проваливался под воду с негромким, но отчётливым звуком «бупп-п!») начинает быстро уходить вглубь и вбок, обычно куда-нибудь в гущу водорослей. И лишь когда леска натягивается струной, а удилище начинает рваться из рук, вот тогда и приступаешь к борьбе с очень сильной хищницей, не желающей расставаться ни со своим завтраком, ни с уютным домом-озером. И не всегда этот поединок заканчивается в пользу рыбака—щука может или порвать леску, или перекусить её острейшими зубами, а то и переломить конец ивового удилища.

Человеку с непрочной сердечно-сосудистой системой от такой рыбалки лучше отказаться: всепоглощающий азарт, острые переживания запросто могут завершиться «кондратием». Однажды в такой момент в лодке со мной оказался напросившийся на рыбалку мой хороший городской знакомый. Так «кондрашка» чуть не хватила не меня, а его, когда после нескольких минут моей отчаянной борьбы со здоровенной щукой натянутая струной леска жерлицы лопнула с дребезжащим звоном, а я, потеряв равновесие, сначала упал на напарника, и уже вместе мы чуть не свалились за борт.

А потом я, вскочив на ноги, ещё и остервенело начал хлестать удилищем с болтающимся обрывком лески по воде и во всю ивановскую орать всякие непотребные ругательства, а утреннее гулкое ухо далеко окрест разносило мой рёв. Но если бы я не дал выход скопившимся за эти несколько минут переживаниям, моё переполненное возбудившейся кровью и с тяжёлым грохотом колотящееся о рёбра сердце просто бы лопнуло с тем же звоном, что и толстенная леска!

Вот за такие переполненные адреналиновыми всплесками минуты я и любил рыбалку на озере Долгом и потому хаживал сюда куда чаще, чем на Иртыш…

На крючке

Как-то на рыбалку со мной увязался мой младший братишка. Тогда мне самому-то было лет восемь, а брательнику и вовсе пять. И я его категорически не хотел брать—рыбалка, сами понимаете, дело важное, почти интимное, многолюдия не терпит. А малолетний балбес запросто может помешать этому важному делу: начнёт там камушки в воду кидать или, того хуже, сам в неё шлёпнется. И всю рыбу распугает к чёртовой матери. Нет, мне он там на фиг не нужен!

Но Ринат, когда узнал, что я собираюсь на рыбалку, как начал монотонно ныть с вечера: «Хочу на рыбалку!.. Хочу на рыбалку!.. Хочу на рыбалку!..»—так остановился только на следующее утро. Когда вышедший из себя отец сказал мне: «Возьми его тоже! Только смотрите там у меня!»

Ну что, пришлось взять. Нас с утра пораньше разбудил отец—он собирался на работу. Мама приготовила нам бутерброды: намазала маслом два куска хлеба, присыпала их сахаром и завернула в газетку. Черви у меня были нарыты ещё с вечера. И часам к девяти утра, с благословения мамки, мы с брательником, шаркая сандалиями, ушли на озеро Долгое. Я тащил удочку, Ринат—бидончик, в котором покоились баночка с червяками и свёрток с бутербродами.

Минут через двадцать пути—идти надо было с километр—мы были уже у цели. С утра в продолговатом озере, обрамлённом зелёными камышами, ещё никто не купался, хотя день обещал быть жарким. Детвора обычно набегает часам к одиннадцати-двенадцати. Так что эти пару часов нам никто мешать не будет. И брательник тоже!

—Ты садись сзади меня!—велел я ему.—Будешь снимать рыбу с крючка и бросать в битончик

(именно «битончик» — так мы всегда называли эти трёхлитровые алюминиевые ёмкости, предназначавшиеся для молока дома и для рыбы на рыбалке). Понял?

— Ага! — согласился Ринат.

Я вынул из бидончика бутерброды и червей, положил их на земле рядом с усевшимся на корточки братом, а сам зачерпнул воды из озера — она была уже (или ещё) тёплая, и мне сразу захотелось искупаться. Но я пересилил себя — искупнуться можно будет потом, со всеми. А сейчас надо заниматься важным мужским делом — ловить рыбу.

Я размотал удочку, с трудом наживил на крючок извивающегося червя и забросил леску подальше от берега. Пробковый поплавок шлёпнулся на неподвижную и слегка курящуюся паром зелёную воду озера метрах в полутора от меня. По воде разбежались круги, и, немного покачавшись, поплавок замер.

Я застыл на берегу в классической рыболовно-пацанской позе, выставив для упора одну ногу вперёд и сжимая удилище обеими руками.

Но долго стоять, впившись глазами в слегка покачивающийся поплавок, мне не пришлось: он притонул раз, другой, третий и поехал в сторону. Ага, взяла! Я резко выдернул удочку, и через голову на берег полетел первый улов — трепещущая серебристая сорога с оранжевыми плавниками.

Рыбка сама соскочила с крючка и шлёпнулась за спиной брательника, запрыгала на берегу, налепляя на свою серебристую чешую песок.

— Рыба!!! — заорал во всё горло мой брат, подбежал к ней и упал на неё животом. — Поймалась!

— Раздавишь! — по-хозяйски прикрикнул я на Рината. — Неси его в битончик давай!

Ринат, сжимая сорожку обеими руками, вприпрыжку побежал к бидончику. А я в это время поправлял сбитого на крючке червя. Он был цел, только сполз немного вниз.

— А можно я его помою, а то он грязный? — услышал я вдруг просьбу брательника.

И не успел даже в ответ открыть рот, как увидел, что первая моя сегодняшняя рыба плюхнулась в воду, вырвавшись из рук этого растяпы.

— А она уплыла, — убитым голосом сказал Ринат и скривил лицо, собираясь заплакать.

Улов мне, конечно, было очень жаль. Но не лупить же из-за одной рыбки родного брательника? Тем более, судя по первой поклёвке, рыбы здесь с утра собралась тьма. И все голодные.

— Ладно, — великодушно сказал я Ринату. — Ещё поймаем. Ты только больше не купай их в воде, ладно?

— Ладно, — шмыгнул носом брательник, снова устраиваясь на корточках на отведённом ему месте. И, покосившись на бумажный свёрток, добавил: — А когда исть будем?

— Когда поймаем пять… нет, десять чебаков, — поставил я перед нами жёсткую задачу.

И, оставив рядом с ним на земле леску с наживлённым крючком, вернулся к удилищу и, широко размахнувшись, как обычно в те пацанские годы, через плечо закинул свою снасть в воду (это став взрослее, я научился посылать леску от себя). И тут же услышал дикий рёв, от которого у меня душа ушла в пятки.

Схватившись обеими руками за рот и упав на землю, орал Ринат. А из-под его ладоней к моему удилищу тянулась леска. Это могло означать лишь одно: я вогнал своему брату в лицо крючок. Случалось, что я цеплял себя сам за рубашку сзади, за штаны, как-то даже палец порвал крючком. Но чтобы так, живого человека… Да ещё своего брательника, за которого мне сейчас дома так всыплют, что я надолго забуду про рыбалку!

Но сейчас главное не это. Может, не всё ещё так страшно?

Я подбежал к брату, упал перед ним на колени и попытался оторвать его грязные ладошки от лица.

— Покажи, куда зацепило… Да отпусти ты руки!

Но брат продолжал верещать как резаный и ещё сильнее прижимал руки. В конце концов рёв его перешёл во всхлипывания, и он убрал от лица одну ладошку, потом вторую. И меня всего передёрнуло.

Крючок впился в верхнюю губу. Он вошёл туда почти весь, оставив снаружи лишь миллиметра два цевья с ушком, к которому и была привязана свисающая леска. Крови в месте прокола выступило всего лишь пара капелек.

— Ничего страшного, — успокоительно забормотал я испуганно заглядывающему мне в глаза братишке. — Тебе больно?

— Шють-шють, — прошепелявил Ринат, стараясь не двигать верхней губой.

— Ну и нормально. Щас придём в больничку, тебе его быстренько вытащат, и всё!

— Боно буит! — испуганно забубнил Ринат, тряся свисающей с губы леской.

При этом он выглядел так уморительно, что я не выдержал и хихикнул.

— Такую большую рыбу я ещё не ловил!

Брат сморгнул слезинки с глаз и тоже заулыбался. Так, жизнь вроде налаживается. Крючок я, конечно, сам не вытащу, да Ринат меня к себе и не подпустит. Значит, надо срочно топать в наш фельдшерский пункт, к тёте Любе. Она всё сделает как надо.

Но не тащить же брата за собой на крючке? А у меня ни ножика нет, ни спичек, чтобы отрезать или пережечь леску.

Так, а зубы на что? И я, аккуратно перехватив леску у братишки под самым подбородком, чтобы не потревожить сидящий в его губе крючок,

перегрыз её зубами. Так что теперь у Рината с губы свисало всего сантиметров десять лески.

Подобрав бидончик и забыв на берегу червей и бутерброды, мы поспешили с братом в деревню. К счастью, на нас никто особенно внимания и не обратил—ну, идут два брата с рыбалки. Да и улицы были почти пустынны в это время.

Фельдшерица оказалась на месте (не помню, как её звали, но пусть будет тётя Люба). В амбулатории было пусто, прохладно и пахло йодом. Тётя Люба охнула и всплеснула руками, увидев, кого и с чем я привёл.

— Вот паразиты!—запричитала она, рассматривая Ринатову губу.— А если бы в глаз? Мамка-то уже знает?

— Она на работе,—сказал я.—Мы ей потом скажем. А вы как крючок вытаскивать будете?

Ринат при слове «вытаскивать» начал поскуливать и потихоньку попятился к выходу из амбулатории.

— Ты куда?—укоризненно сказала тётя Люба.— Хочешь с крючком остаться? А как кушать будешь? А целоваться, когда подрастёшь?

— Не хошю,—помотал головой брательник.

И непонятно было, чего он не хочет: жить с крючком или целоваться, когда вырастет? Наверное, и то, и это. И потому он покорно пошёл с фельдшерицей за белую ширму.

Мне тётя Люба велела подождать за дверью. И я нетерпеливо переминался с ноги на ногу у входа в амбулаторию и прислушивался к негромким приглушённым командам тёти Любы, доносящимся из-за неплотно прикрытой двери, и тревожному дисканту моего брательника. Потом на какое-то время там стало тихо. Вдруг Ринат очень громко ойкнул. А спустя пять минут его, с заплаканными глазами и залепленной пластырем верхней губой, но при этом уже улыбающегося, за руку вывела на улицу сама фельдшерица.

— На́ тебе твой крючок, рыболов несчастный!— сказала она и протянула мне пахнущую спиртом разжатую ладонь. А на ней отдельно лежали чем-то откушенное ушко с леской и сам немного выпачканный в крови крючок.—В другой раз внимательнее будь, ладно?

— Ладно!—часто закивал я головой.—И это… Спасибо вам большое, тётя Люба!

— Идите уж, рыбачки́!—засмеялась фельдшерица, и мы побежали домой.

Конечно, родители, увидев заклеенную губу моего брательника, тут же выведали, что произошло. Наказывать они меня, не считая словесного выговора, не стали. Но наложили строжайшее табу на наши совместные походы на рыбалку. По крайней мере, года на три.

Однако у Рината тот случай напрочь отбил всякую охоту к рыбалке. Так что в семье у нас главным добытчиком рыбы долго оставался только я…

За стерлядью

1.

…Целый день я вчера мастерил себе два закида на стерлядь, каждый длиной по полста метров. И это ещё не особенно длинная снасть. У нас деревне взрослые мужики умело забрасывают закида́ и по семьдесят, и по восемьдесят метров!

Задача такой снасти—доставить крючки с насаженными на них червяками до «ходовой» Иртыша, то есть до самой стремнины реки, где наибольшие течение и глубина. Туда, где и любит обитать стерлядь, а то и осётр. Да и мелюзги всякой, которая любит безнаказанно обгладывать наживку, там нет.

Стерлядь—самая странная рыба, какая есть в Иртыше (и не только там, конечно, но сейчас речь идёт об Иртыше). Остроносая, с плоским ртом в низу треугольной головы, обрамлённым жгутиками коротеньких усов, с веретенообразным и жесткокожным ребристым телом, огранённым несколькими рядами костистых шипов и наростов, с акульим хвостом, она для непривычного глаза выглядит отталкивающе.

Но для настоящего рыбака эта самая древняя страховидная рыба и самая желанная. Её у нас ещё называют красновиной. Мясо у красновины вообще-то жёлто-розовое и совершенно бескостное, держащееся на вкусно похрустывающих на зубах хрящиках.

Горячая и ароматная уха из стерляди, с плавающими на поверхности юшки янтарными кружочками жира, бесподобна, а разваренное мясо очень нежное и буквально тает во рту. Только что выловленную стерлядь можно есть и прямо на берегу. Её распластывают, присаливают, дают постоять минут десять-пятнадцать и затем впиваются в сочную мясистую плоть зубами, стараясь при этом не поранить губы и щёки не срезанными с кожи шипами.

Раньше стерляди на Иртыше, говорят, было завались. Она ловилась даже на простые удочки. Но когда аппетиты и рыболовецкие возможности живущих на реке людей, особенно с появлением моторных лодок и наплавных сетей, стали расти, стерляди стало куда меньше, и кучковалась она теперь как можно дальше от берега.

В шестидесятые годы, о которых идёт речь, красновина на закида́ (именно закида́, а не закидушки) ещё шла. Главное, надо было уметь как можно дальше закинуть эту снасть от берега.

Мне тринадцать, и я уже умею забрасывать закид—длинную леску со свинцовым грузом на конце и привязанными повыше от него, на равном расстоянии друг от друга, четырьмя-пятью крючками на длинных поводках.

Сначала это была двадцатиметровая, потом тридцатиметровая закидушка. Но до стерлядей они, похоже, так и не доставали. Я ловил на закидушку

крупных ельцов, окуней, случалось—и подъязков. Однако стерлядки мне так и не попалось ни одной, даже самого маленького «карандаша», как называли у нас мелочь красновины.

2.

Но вот я выпросил у матери денег с получки на леску, купил её аж стометровую бухту и целый день просидел на полу: аккуратно размотал эту бухту, разделил пополам, перемотал уже на две деревянные плашки с V-образными выпилами на концах, оснастил грузилами, поводками с крючками и поперечными палочками-хватами в метре высоты от грузил, чтобы удобно было, размотав утяжелённый грузилом конец лески над головой, послать её в реку, туда, где по дну ползают стерляди, нащупывающие своими усиками всякую живность и хватающие её своими плоскими ртами, оснащёнными не зубами, а костяными тёрками.

Черви у меня уже были—накопал накануне за огородами, на влажной луговине, целую банку. Стерлядь лучше всего, конечно, ловится на бормыша—так у нас называют белых ракообразных личинок бабочки-однодневки, живущих в глинистых норках под водой. Но тельца этих бормышей очень нежные и при ударе крючков о воду в процессе закидывания донки просто слетают с них.

А вот на перетяг бормыши годятся как нельзя лучше, так как эта снасть, можно сказать, стационарная, однажды установленная, она «работает» всё лето. И ведь кто-то же додумался! Берётся бухта проволоки с пресс-подборщика, выжигается в костре, чтобы была мягче, от неё, уже выжженной, отмеряется метров сто—сто пятьдесят, на берегу вбивается кол, к которому привязывается один конец проволоки, с оставшимся мотком будущий браконьер (а эта снасть была признана браконьерской, хотя и куда более щадящей, чем перемёт, от берега до берега, с острыми самодельными крючьями) садится в лодку с напарником, и они быстро плывут наискосок по отношению к течению, одновременно разматывая проволоку.

Когда почти вся проволока размотана и натянута, к концу её привязывают тяжёлый груз, обычно пару-тройку башмаков от гусеницы трактора, и сбрасывают в воду. Пока напарники возвращаются обратно, готовят к навязке на перетяг с пару десятков поводков с крючками, тяжёлый груз в это время уже просаживается в илистое дно реки и перетяг, таким образом, оказывается закреплён намертво.

Остаётся, сидя на корме лодке и подтягиваясь руками за проволоку, навязать поводки с уже наживлёнными на крючки белёсыми бормышами через каждые несколько метров, осторожно опустить натянутую течением и гудящую, как гитарная струна, проволоку в воду и плыть на берег, ждать—или ловить на удочки и закидушки мелкую рыбку, или ехать либо идти домой заниматься своими делами.

Перетяги, как правило, наживляются на ночь и проверяются рано утром. Ну и днём снасть можно зарядить пару-тройку раз, хотя надо при этом опасаться рыбнадзора: они нередко наезжают на своих катерах из соседнего, всего в пяти километрах, райцентра Иртышск или из своего—Железинки, правда, подальше, по реке все тридцать километров.

Это рыбной ловлей назвать, в общем-то, нельзя—ты не видишь и не чувствуешь, как клюёт и садится на крючок стерлядь. Попавшись, она обычно ведёт себя вполне спокойно и с крючка, как правило, не срывается. Так что лишь остаётся сесть в лодку и, подтягиваясь по проволоке, снимать улов—если он, конечно, есть. Но обычно есть. За ночь на перетяг может «сесть» от одной-двух до десятка стерлядок, а то и осетров (они тогда ещё тоже водились в Иртыше).

За день можно поймать, таким образом, килограммов восемь-десять ценной рыбы и, оставив что-то себе, ещё и торгануть. А наплавной сетью так вообще можно вытянуть из реки за несколько тоней уже десятки килограммов красновины!

Но у меня не было ни сетки, ни перетяга—для его установки обязательно нужна лодка, не моторная, а обычная вёсельная. Лодки тоже не было. Так что я тогда, даже если бы и захотел побраконьерничать, не смог бы. Нечем было!

И я честно решил сам наловить на мамкин день рождения стерлядок. Я уже и так довольно знатный добытчик в нашей семье—заразившись от отца рыбалкой, я часами мог торчать всё лето на пойменных озёрах или на Иртыше, вылавливая щук на жерлицы, таская на самодельные удочки с ивовыми удилищами окушков и чебачков. Но стерлядь ещё не ловил. И вот настал мой час, вернее, её, стерляди!

3.

Вооружённый двумя пятидесятиметровыми закидами и донной удочкой (чтобы между делом ловить ещё и всякую рыбную мелочь вроде ельцов, сорог, пескарей и окуней), я ранним-ранним июльским утром, когда ещё и солнце не выкатилось из-за ивовой рощи на восточной стороне Иртыша, где в тумане плавала верхушка Иртышского элеватора, отправился, позёвывая, в сторону Коровьего взвоза.

Миновав ещё спящее село с лениво побрёхивающими во дворах собаками, но уже задорно орущими петухами, я спустился мимо длинной полосы огородов по полого снижающейся, гладко утоптанной тропинке под берег Иртыша.

Там, за Коровьим спуском (сюда пастухи водили поить совхозных коров, выпасаемых неподалёку в степи), на берегу уже маячили несколько фигурок рыбаков. Одним из них оказался отец моей одноклассницы дядя Коля Анисин. Он приехал на своём «газончике», который оставил перед

Коровьим спуском, и сейчас сидел на коряге и покуривал, отгоняя табачный дым от загорелого лица.

Дядя Коля тоже был заядлый рыбак, но никогда не видел его с удочкой. Он ловил только стерлядей. Вот и сейчас справа и слева от него виднелись сразу четыре или пять поставленных закидов с глиняными «кивками», прикреплёнными к провисшей над водой леске, тянущейся из воды и перекинутой через воткнутые в песчано-илистый берег рогатины. И дядя Коля внимательно за ними наблюдал, переводя взгляд с одного на другой. Но «кивки» висели неподвижно.

Дальше, на Белых камнях, торчали две маленькие фигурки кого-то из наших пацанов, но те были с донными удочками — было видно, как они время от времени суматошливо взмахивают над головой удилищами, выдёргивая серебристых чебачков.

Я решил далеко от дяди Коли не уходить — это место заведомо было стерляжье, здесь, на береговой ровной полосе протяжённостью метров в двести под крутым яром, всегда ставились закида́. А дальше берег был усыпан обломками известняка, гальки, и закида разматывать было неудобно — леска обязательно за что-нибудь цеплялась.

Проходя мимо дяди Коли, я учтиво поздоровался с ним. И остолбенел: у ног дяди Коли, в воде, на проволочном кукане, конец которого был прикручен к воткнутой в землю палке, лениво шевелили хвостами и плавниками тесно прижавшиеся друг к дружке своими ошипованными боками остроносые крупные, под килограмм и более, стерлядки и один плотный, с более тупым носом, карыш — осетрёнок килограмма на два-три.

— Так вы с ночи здесь сидите, дядя Коля? — севшим от острой зависти голосом спросил я.

Дядя Коля хмыкнул:

— Да ну, буду я ещё тут ночь торчать! Вот пару часов назад приехал и самый клёв застал…

Пару часов назад… Это что, мне надо было бы в три часа вставать?! Да ни за что! Мама в пять-то меня едва растолкала.

4.

Это она на днях обмолвилась, что соскучилась по стерляжьей ухе и хотела бы прикупить рыбки у нашего известного деревенского браконьера Гришки Качургина (тот ловил красновину наплавной сетью на моторной лодке и продавал рыбу), но я гордо заявил, что сам наловлю.

И вот я на берегу, стою и капаю слюной над чужим уловом. Надо было и мне не два, а три закида смастерить! Глядишь, тоже бы наловил такую же ораву красновины. А карыш-то, карыш каков! Чисто водный динозавр!

Взяв, наконец, себя в руки, я быстро прошагал мимо дяди-Колиных снастей, но далеко отходить не стал, так, метров на двадцать, и стал было выкладывать из своего трёхлитрового бидончика свои закида́ (для стерлядей у меня был кукан, только из шпагата). Но дядя Коля заворчал, что я могу перехлестнуть его крайний закид, и я нехотя отодвинулся ещё на десяток метров.

Размотал первый закид, воткнул планку в землю, для верности вдавив её ещё и каблуком башмака, насадил на специальные стерляжьи крючки с длинным цевьём (у меня их было по три на каждом закиде) червей, взялся за поперечный захват и, медленно, с небольшим ускорением, раскрутив по вертикальной орбите грузило, на четвёртом или пятом обороте послал его над водой и немного вверх в намеченном направлении.

И сам удивился, как, стремительно унося за собой распрямляющиеся витки лески, грузило точно булькнуло в воду с нужным отклонением поперёк течения. И пока тяжёлый свинец не лёг на дно, натягивающуюся леску сносило и сносило. Наконец леска натянулась до конца и легла окончательно, почти поперёк реки и чуть наискосок.

Я хлопотливо воткнул впереди планки одну из принесённых с собой рогатин, приподнял и навесил на её развилку, потом зажал натянутую и чуть дребезжащую от хода течения леску между большим и указательным пальцем, немного подтянул к себе, послушал. Нет, пока рывков на том, далёком конце не было. Значит, мелочи, обгладывающей крючки, там, на глубине пяти-шести метров, не было. Ну-с, будем ждать, когда на извивающиеся концы червей на моих крючках наткнётся стерлядка.

Я разгрёб на берегу песок, добрался до влажной и тугой глины, выколупал кусок, хорошенько размял его для пластичности и налепил на протянувшуюся над водой леску закида. Она сразу провисла под весом кивка. Теперь, если начнёт клевать, я сразу увижу — кивок будет дёргаться, подниматься или опускаться. Конечно, я тогда уже знал, что есть специальные звоночки для этого дела. Но у нас в сельском магазине их не было. Так что все рыбаки у нас обычно использовали этот дедовский способ.

Дядя Коля, время от времени поглядывающий в мою сторону, поймал мой взгляд и с улыбкой одобрительно оттопырил большой палец. Дескать, всё правильно делаешь. А то! Не на Иртыше ли я вырос?!

5.

Второй закид я размотал метрах в десяти от первого. Но с ним мне пришлось помучиться. Сначала я рано запустил раскрученное грузило, и оно упало в воду, утащив за собой даже меньше половины лески. Второй раз я закинул всё, но со свистом ушедшая за грузилом леска легла не навстречу течению, а за ним. И когда грузило улеглось на дно, то его снесло совсем к берегу.

Пришлось снова забрасывать, предварительно насадив новых червей—насаженные ранее были сбиты от ударов о воду.

Пока я провозился со своим закидами, уже и белое колесо солнца выкатилось на востоке, утренний туман над рекой рассеялся, стало заметно припекать. Было уже часов семь утра. Помыв руки в тёплой воде (сразу захотелось искупаться), я решил устроиться с удочкой между своими двумя закидами, чтобы потаскать чебачков.

В это время всегда хорошо клюёт—вон как снуют у берега стайки мальков, а на гладкой поверхности воды—пока ещё не было ни ветерка—то и дело с бульканьем расплывались круги. Это шустрые ельчики выхватывали падающих в воду мушек, прочих насекомых и всё, что было похоже на еду. Иногда из воды вылетали и с плеском падали обратно небольшие щурята, окуни, гоняющие мальков. Жизнь в Иртыше кипела! Интересно, а что творится на его дне, особенно около крючков моих закидов?

Но пока глиняные кивки висели неподвижно. А мой сосед, дядя Коля, начал сматывать свои закида́. Он работал на автобазе в райцентре, это ему каждый день надо было ездить туда за двадцать пять километров, чтобы получить путёвку и отправиться в очередной рейс. Да и ему уже можно было отправляться домой с чистой совестью—вон сколько у него на кукане красновины!

Вздохнув, я размотал свою удочку-донку, сбегал за торчащей неподалёку от меня из береговой кромки оставленной кем-то рогулиной, выдернул и принёс к своему месту дислокации, воткнул поближе к воде. Наживил крючок, забросил удочку и, закрепив удилище в рогатине, стал ждать поклёвки. Она не заставила себя долго ждать.

Сначала пошли пескари—один, второй, третий! Их сменили ельцы—некрупные, сантиметров на восемь-десять, но тугие, с мясистой спинкой. Они энергично ворочались в сжатой ладони, пытаясь вырваться, пока я их снимал с крючка, и ладонь ощущала трепет это тугой рыбной плоти, страстно желающей вернуться обратно в воду. Но ельцам, как и ранее пойманным пескарям, приходилось плюхаться в теснину наполненного водой бидончика, который глухо позвякивал от ударов мечущихся рыб.

6.

Охваченный азартом утреннего клёва всякой пузатой и не очень мелочи, едва успевая поправлять сбившегося или менять обглоданного червя, я на какое-то время забыл о своих закидах. Но вот, закинув в очередной раз удочку и закрепив её на рогульке, я бросил взгляд на закид слева, и у меня перехватило дыхание.

Натянутая леска ослабла настолько, что глиняный кивок лежал в воде. Так могло быть лишь в том случае, если там, далеко от меня и на большой глубине, кто-то хватанул червя на крючке и сдвинул с места тяжёлый свинцовый груз. Это могла сделать лишь крупная рыба.

Дрожащей рукой я ухватился за лежащую в воде леску, потянул её на себя и ощутил чувствительный толчок, потом другой. «Есть!»—возликовал я и, дёрнув на себя сильнее обычного—ну как обычно подсекал клевавших на закидушках окуней или подъязков, стал обеими руками, попеременно перехватывая ими леску, вытягивать закид из глубины.

Это была долгая история—всё же полста метров!—и я всё боялся, что тот, кто сидит там, на крючке, а может, и не один он, возьмёт да сорвётся. Но нет, тяжесть была стабильной, и леску натужно стало водить то влево, то вправо. У меня пересохло в горле, под коленками противно затряслось что-то, гулко билось сердце.

И вот оно, что я страстно хотел увидеть на том конце, всплыло и, вспарывая задранным кверху носом воду, неумолимо приближалось ко мне. Стерлядка!!! И не маленькая—даже отсюда я видел—сантиметров сорок, а то и поболе!

И вот, наконец, я выволок свою первую в жизни самостоятельно выловленную красновину на берег и на всякий случай протащил её подальше от воды к яру, и она покорно волоклась за леской, оставляя на песке две параллельные бороздки от костяных шипов на брюшке. А после этого я с дикими криками стал скакать вокруг своего драгоценного улова, исполняя какой-то языческий танец. Хорошо, что дядя Коля уже уехал, а то бы он наверняка посмеялся надо мной.

И лишь потешив свою душу, распираемую радостью и гордостью, я присел на корточки над лениво ворочающей своим облепленным песком акульим хвостом стерлядкой, крепко зажал в левой руке её носатую колючую голову с тусклыми маленькими глазками, а правой стал вытаскивать крючок, застрявший у неё глубоко во рту.

7.

Но провозился я с этой процедурой недолго, так как крючки на закидах у меня были навязаны с длинным цевьём, специально для стерляди, да и сама рыба, сделав рот дудочкой, помогла мне, и скоро я насадил её, тяжёленькую, за килограмм, пожалуй, на кукан, свободный конец кукана привязал к рогатулине и опустил стерлядку в воду.

Полюбовавшись, как темноспинная рыбина, то и дело высовывая острый нос и колючий хребет из воды, плавает у берега, я наконец посмотрел в сторону второго закида. И от неожиданности заорал на весь Иртыш:

— А-а-а-а-а, бли-и-и-и-ин-н-н-н!

А может, и не «блин», точно не помню сейчас. Так ещё бы: леска на втором закиде то натягивалась

до упора, пригибая рогулю к воде, то вновь ослабевала и опускалась. Я со всех ног кинулся к этой своей снасти и торопливо стал выбирать леску. Шла она, не в пример первому случаю, очень тяжело. И я уже размечтался, что мне на крючок сел не иначе как карыш.

Но когда я вытянул уже больше половины лески, на поверхность всплыли сразу две стерлядки, правда, поменьше первой, и стали дёргаться на поводках в разные стороны. Две! Это было что-то! Ещё и часа не прошло, как я пришёл на рыбалку с закидами, а мне попались уже три стерлядки. Этак до обеда я их натаскаю чёрт знает сколько! Может, там, в глубинах Иртыша, меня дожидается целая стая стерлядей…

Суетливо снимая с крючков красновины — надо было поторопиться, наживить и забросить закида снова, раз пошёл такой клёв, я только сейчас обратил внимание на рокот лодочного мотора. Поднял голову и оторопел. Прямо к тому месту, где сейчас находился я, направлялась моторная лодка. Ещё минута, и она уткнулась носом в берег.

В лодке сидели два взрослых мужика, один в фуражке с блестящим лакированным козырьком и с кокардой, с биноклем на груди. На борту потёртой дюралевой лодки красовалась белая надпись: «Инспекция рыбнадзора». Оба-на! Только их здесь и не хватало в столь радостный для меня момент.

8.

Рыжеволосый и рыжеусый мужик в кокарде спрыгнул с носа лодки на берег, подошёл ко мне. Второй, чернявый и в обычной кепке, остался сидеть на корме, покуривая и поплёвывая в воду.

— С уловом! — ехидно улыбаясь, поздравил меня обладатель форменной фуражки. — Ну и куда складываешь свою добычу, рыбачок?

Я промолчал, вытирая испачканные руки о штаны. Инспектор пристально огляделся по сторонам и шагнул к рогулине, в воде у которой бултыхалась первая моя стерлядка. Он присел, отвязал кукан, приподнял стерлядку и пробормотал:

— Ну ничё так! Тащи сюда и тех! — приказал мне инспектор.

— Вам надо, вы и тащите, — сумрачно сказал я.

Откуда он только приплыл так по-партизански? Из Иртышска, наверное, они сюда часто наезжают, чтобы подкараулить и выловить наших деревенских браконьеров (да их у нас и было три-четыре человека, торгующих рыбой), рыбачащих с наплавной сетью или на перетяг. А сегодня никто из них с утра на промысел не вышел, как чувствовали, и даже дядя Коля со своими закидами и ведром стерляди смылся вовремя. Зато я, дурачок, попался!

Этот гад явно собрался лишить меня первого моего стерляжьего улова. Эх, если бы я увидел его раньше, то сгреб бы всех стерлядок в охапку и задал стрекача в сторону деревни, лови меня потом! А тут что уж, попался. Я знал, что стерлядей без особого разрешения ловить нельзя. А откуда ему у меня быть, этому разрешению?

— Ты понимаешь, что я должен тебя, вернее, твоих родителей оштрафовать за незаконный вылов осетровых пород рыб? — начал меня стращать инспектор. — И знаешь на сколько? Штанов у вас не хватит, чтобы рассчитаться, понял? Как твоя фамилия?

— Сидоров, — сказал я.

— Ага, Сидоров, — согласился инспектор. — А Иванов и Петров уже ушли? Или это вон они там поодаль рыбачат? И тоже на закида? Ладно, некогда мне тут с тобой. Обойдёмся на первый раз без протокола, но больше мне не попадайся…

Инспектор подобрал моих стерлядок с песка и вместе с той, что на кукане, закинул в лодку. Они с костяным стуком ударились о дно лодки, похоронив мою мечту побаловать мать стерляжьей ухой на её день рождения.

Но этот изверг в фуражке ещё, оказывается, не закончил свою борьбу с попавшимся ему злостным браконьером. Он поочерёдно подошёл к моим вытащенным на берег закидам и у каждого в нескольких местах перочинным ножом изрезал леску, а грузила с крючками закинул в воду.

— Вот так! — удовлетворённо сказал служивый. — А теперь поехали.

Он оттолкнул лодку от берега и запрыгнул на её нос, а его напарник завёл мотор и не спеша стал выруливать от берега. Я сквозь навернувшиеся на глаза злые слёзы высмотрел на берегу приличный кусок высохшей до состояния камня глины, швырнул его в сторону удаляющейся лодки и, подхватив свой бидончик и гремя им, со всех ног бросился бежать в сторону деревни.

Маты, полетевшие с лодки в мою сторону, стали свидетельством того, что я в кого-то из этих мужиков попал, и стали хоть малой компенсацией за причинённый мне на сегодняшней рыбалке материальный и моральный ущерб.

А ведь так всё хорошо начиналось!..

С внуком не до скуки!

Симметрия

Позвонил внук-первоклассник, поздравил с Новым годом. Разговорились про учёбу его, про дружбу с одноклассниками. Я, зная, что он продолжает таскать в школу конфеты таинственной Таисии, поинтересовался, что же его в ней так привлекает.

— Что ты имеешь в виду, дед? — спросил Игорёха.

— Ну, она хоть красивая?

— Красивая, — вздохнул внук.

— Как выглядит? Опиши мне её.

— Как я её тебе опишу? — не понял вначале Игорёха. — В тетрадке, что ли?

— Нет, на словах,— терпеливо пояснил я.— Ну вот какие у неё волосы?
— Коричневые, длинные,— подумав, ответил он.
— А глаза?
— Синие.
— Большие?
— Как сказать… Больше, чем у Даши.
— Ага, ничего так,— одобрительно сказал я (про Дашу смолчал — это у нас уже пройденный этап, ещё с подготовительной группы).— Шатенка. А ещё что тебе в ней нравится?
— Ну, она обнимает меня, когда я ей конфеты дарю,— стеснительно сказал Игорёха.— Спасибо говорит.
— Ишь ты, обнимает,— ворчу я.— А ты?
— А я потом убегаю,— сообщает мне Игорь.
— Ну, это нормально,— говорю я. А про себя думаю: вырастешь — уже не убежишь.
— Ну а так, в общем?.. Она высокая, маленькая, толстенькая или худая?
— Она симметричная!— ошарашивает меня Игорёха.

Вот так да! Так ещё никто о женщинах не говорил. А ведь это очень ёмкое и точное определение. Симметричная — значит, правильная, значит, пропорциональная, всё у неё в норме то есть. Это же почти идеал!

Однако, хороший вкус моего внука.
— Ну, раз симметричная — продолжай с ней дружить,— выношу я свой вердикт.

По грибы

Грибы у нас пошли. Ну и мы пошли по грибы. С внуком. Он впереди чешет — кусты только потрескивают.
— Деда!— кричит.— Я гриб нашёл!
— Нет, Игорёша,— говорю.— Этот гриб плохой.

Конечно, поганка тут же получила сандалией.
— Стой!— кричу.— А вот этот не бей.
— Почему?— внук опустил ногу.— Он же тоже поганка. Такой же белый.
— Не, белый вон тот, под кустиком,— поясняю.— А этот груздь называется. Так что в корзинку его. И белый тоже возьмём.
— Деда, да какой он же он белый?— сорвав коренастый боровик, вертит его в руке наследник.— У него вон шляпка какая тёмная.
— Ну, белый — потому что… потому что благородный,— просвещаю я Игоря.— Как белогвардейцы в своё время. Их ещё звали вашими благородиями.

И тут же последовал следующий вопрос:
— Деда, а кто такие белые гвардейцы?

Это я зря такую тему поднял. Поэтому отмахиваюсь:
— Да ну их! Тем более что мы с тобой, внучек, происходим из красных.
— Вот из таких, что ли?— кричит довольно внук, показывая на мухомор.
— Не, внучек, этому тоже поддай пенделя своей сандалией! Потому что это мухомор. Хотя — не надо! Раз он вырос, значит, для чего-то всё же нужен.
— О-о, какой важный!— радостно кричит Игорь уже с соседней полянки.

Так, чего он там ещё нашёл?
— Так это же обабок!— радуюсь я.— Хороший гриб!

А внук меня уже и не слышит, ломанулся в самую чащу леса и звонко кричит оттуда:
— Ой, деда, глянь, какая смешная толпа грибочков! Друг по дружке на пенёк лезут!

Так, добытчик наш, похоже, опята нашёл! Надо срочно ковылять к нему, пока не распинал всё. Точно: на старой замшелом пне тесно жмётся друг к дружке разудалая компания опят. Люблю я эти грибочки — сухие, чистенькие и всегда оптом растут.
— Во, молодец!— довольно бормочу я, вынимая из кармана перочинный нож.— Эти дружные ребята называются опята! Запомнил? Дай-ка я их аккуратненько ножичком срежу — и в корзину.

Нет, не угнаться мне за этим неугомонным пацаном! Опять на весь лес раздаётся его ликующий голос:
— Деда, а этот брать? Фу, какой склизкий! У него что, насморк?
— Фу, внучек, подожди, я отдохну маленько…— отдуваюсь я, шлёпаясь пятой точкой прямо на траву у найденного Игорёшкой гриба.— О, это хороший гриб! Маслёнок называется, Он и должен быть немного скользким. А вот у тебя, паря, вижу, насморк начинается, ходишь вон, сам на грибы из носа капаешь… Ба, а вот и сморчок! Вроде не его сезон, а вот торчит тут. И его в корзинку!

Где-то неподалёку строчит короткими очередями дятел, задумчиво кукует кукушка. Хорошо!

Игорь широко зевает:
— Деда, я что-то спать хочу. Пошли домой, а? Вон и корзина у нас уже полная, и в кепку ты уже напихал грибов.

Понятно — наглотался парень кислорода! У меня во всём теле тоже приятная истома.
— Вот я старый гриб!— хлопаю я себя по коленям и с кряхтеньем начинаю привставать с земли.— Так увлёкся этой тихой охотой, что совсем внука своего загонял. Ну, пошли скорее домой, хватит блуждать по лесу.
— Деда, как ты себя назвал? Что ли, ты тоже гриб?

Внук бежит по тропинке уже впереди меня, причём задом наперёд.
— Ох, внучек, гриб!— сокрушённо подтверждаю я.— А ведь был орёл! Ну, полетели! А то бабуля заждалась нас…

И мы «полетели» на дачу, где нас уже ждала бабуля: неугомонный Игорь, сверкая отполированными подошвами сандалий,— галопом во все

лопатки, я — лёгкой иноходью, перемежаемой дряблой рысью…

Эх, а ведь были и мы рысаками!

Внук за городом

Внук семилетний позвонил (он живёт сейчас за городом, у сватов). Радостный такой.

— У нас урожай уже большой! — кричит в трубку.

— Да ну! — удивляюсь я. — И что же там у тебя уродилось?

— Клубника, — докладывает Игорёха. — Уже двадцать четыре штуки!

— Скоко-скоко? — переспрашиваю. — А ты не ошибся? Может, меньше?

— Не-а, — я чувствую, как он мотает головой вместе с приложенным к уху мобильником. — Я каждый час пересчитываю! Хочешь, деда, прямо сейчас посчитаю ещё раз?

— Ну, считай, — разрешаю я, время у меня есть.

— Раз, два… пять… двенадцать… двадцать… О-о-о-о, уже двадцать семь!!!

От его радостного вопля у меня засвербело в ухе.

— Да, это уже много, — соглашаюсь. — Уже можно есть.

— Нет, деда. Они ещё не все красные. И не буду я их трогать, пока… пока сто штук ягод не будет, вот!

— А зачем тебе сто?

— Да не мне! А чтобы на всех хватило. Ладно, деда, пойду-ка огурцы посчитаю…

Правильный у меня внук растёт. Во-первых, дачником уже точно будет. Во-вторых, справедливый и добрый. Так что не даст нам, старикам, с голоду помереть, если что.

Игорёха и Сосиска

Игорёха нашёл на грядке с петрушкой большую такую серовато-зелёную толстую гусеницу. Он пришёл в восторг от её вальяжного вида, принёс домой, посадил в стеклянную банку и сказал, что будет её растить, пока из неё не вылупится бабочка (парень знает, как получаются бабочки). Носит Сосиске (так он её назвал) свежие листочки петрушки, и та их с аппетитом уплетает.

Домашние пришли в ужас, когда увидели, как он свободно обращается с личинкой бабочки: спокойно берет её в руки, разговаривает с ней, моет банку после того, как Сосиска покакает. Бабушка с мамой хотели выкинуть гусеницу, но хитрый Игорёха тут же «пустил слезу»:

— Я вообще тут один (имея в виду — среди взрослых), и у меня никого нету: ни собачки, ни котёнка, ни попугайчика… Ладно, несите Сосиску обратно на грядку, но тогда купите мне собаку!

Сразу отстали от него («только не собака и не кошка, у ребёнка аллергия будет или глисты»), и Игорёха продолжает возиться с гусеницей. Он уверен: вот-вот она превратится в куколку, а там и до бабочки недалеко. Большой, яркой, с нежными трепещущими крылышками…

Зубы для деда

Звонит внук.

— Деда, а у меня сегодня ещё один зуб зашатался!

— Да ты что? — деланно пугаюсь я. — Болит?

— Не-а! — радостно кричит внук. — Думаю, он у меня где-то в марте уже выпадет.

— Откуда ты знаешь?

— Да знаю, — с превосходством заявляет Игорь. — Уже же не в первый раз.

Ну да, Игорю как-никак уже восемь лет. И молочные зубы, отслужив своё, покидают его дёсны, чтобы дать место постоянным зубам.

И тут меня поджидает бомба.

— А знаешь, деда, я их все в коробочку складываю…

— Да ну?

— Ага. Уже семь штук. И знаешь, что я решил?

— Что?

— Ты же уже старенький (ну, это вопрос спорный!). И вот когда у тебя совсем не станет зубов, я тебе отдам свои. Носи, деда!

Я поперхнулся.

— Спасибо, внук, ты очень добрый!

— Ага! — радостно согласился Игорёха.

Люблю внука. Уже сейчас заботится обо мне. То ли ещё будет, когда вырастет!

Чётки

— О, что я нашёл!

Этот радостный вопль возвестил, что пока мы — дед, баба и мама с папой нашего драгоценного наследника — степенно беседовали, Игорёха опять нашёл для себя что-то интересное в моём кабинете. Оказалось, что в этот раз он вытащил из ящика стола чётки и сейчас с энтузиазмом вращал их на тонкой кисти своей руки, отчего косточки чёток негромко и сухо пощёлкивали.

— Бусы. Только они странные какие-то, не блестящие, — присмотревшись к находке, сказал Игорёшка. — Некрасивые. Нет, не возьму я их.

— И правильно, — с облегчением сказал я. — Понимаешь, Игорёша, я бы их тебе пока всё равно не отдал, хоть и очень тебя люблю и мне для тебя ничего не жалко.

— А почему? — обиженно надул губы внук.

— Видишь ли, эти чётки, которые ты принял за бусы, попали ко мне от моей мамы, твоей прабабушки. А ей — от её мамы, моей бабушки и твоей, получается, уже прапрабабушки. А не блестят они потому, что сделали их не из драгоценных камней или янтаря, а из обыкновенных финиковых косточек. Небогатые были мои предки, вот и смастерили чётки из подручного материала.

Игорёшка пропустил между пальцев несколько косточек чёток и сообщил:

— Точно! Я, когда кушал финики, из них такие косточки вылазивали! Здорово! А что такое чётки, дед Марат?

Наша беседа явно заинтересовала всех находящихся в комнате: баба Света, папа Влад и мама Оксана повернулись к нам и стали внимательно слушать.

— Как бы тебе объяснить, Игорёша… Ты знаешь, что такое молитва, кто такой Бог?

— Нет, мы ему ещё не рассказывали про такие вещи,— поторопилась вмешаться мама Оксана.— Ещё не время.

— А расскажите сейчас!— загорелись глаза у внука.

— О, мой юный друг, это длинная история,— вздохнул я.— Но всё же давай я тебе попробую рассказать. Тысячи лет назад, когда всем жилось ну очень тяжело— не было ни электричества, ни телевизоров и компьютеров, машин и самолётов, школ и больниц и даже нормальной еды и одежды, люди всего боялись. Они поверили, что на небесах есть такое всемогущее создание, которое может заступиться за них, дать им необходимое, если его хорошенько попросить. Но и может сильно наказать, если плохо себя вести. Это всемогущее создание назвали Богом…

— Ух ты!— восхитился Игорёшка.— Я тоже хочу его кое о чём попросить…

— Подожди, ты слушай дальше. И вот самые умные из этих людей стали придумывать молитвы— просьбы, в которых они просили Бога о важных для себя и своих родных и близких вещах. А чётки эти— от слова «считать»,— придумали для того, чтобы по бусинкам, камушкам или косточкам— у кого из чего были эти чётки— откладывать, как на счётах, число прочитанных молитв, обращённых к Богу.

— Деда, а ты что, тоже молишься, если держишь чётки у себя в столе? И о чём ты просишь Бога?— с любопытством спросил внук.

Я смешался. Что мне ответить внуку, если я в своё время был убеждённым атеистом?

— Видишь ли, Игорёша,— начал я осторожно.— В наше время люди больше верят в себя, в свои силы и возможности, чем в Бога. Понимаешь, за те долгие годы, что люди молились и молятся Богу и просили его о помощи, многие из них убедились, что помогает он далеко не всем и не всегда, поэтому и стали больше полагаться на себя. И ведь достигли очень многого, вплоть до того, что стали летать на другие планеты. Я вот тоже больше верю в себя. А чётки… знаешь, зачем они мне нужны? Не только как память о предках, но и как такой инструмент, который помогает мне сосредоточиться, когда я что-то важное обдумываю и перебираю пальцами косточки. А ещё это успокаивает нервную систему, так как в кончиках пальцев находится много нервных окончаний. Ну как, понял теперь, что ты за «бусы» нашёл у меня в столе и зачем они мне нужны?

— Ага!— довольно кивнул вихрастой головой внук.— Это, деда… Ты дай мне, пожалуйста, чётки на два… нет, на три дня. Ну дай, я верну!

— Ладно, возьми, если, конечно, с возвратом,— поколебавшись, согласился я.— Но зачем они тебе-то?

Игорь обхватил мою шею и горячо зашептал мне в ухо:

— Собачку себе у этого… у Бога буду просить!

Так, придётся собирать семейный совет и решать вопрос с собакой. Давно уже парень просит купить ему пушистого друга, а родители всё откладывают! Но придётся и разъяснить парню, что к чёткам этот подарок никакого отношения не имеет. Иначе ведь потом за его желаниями не угонишься!

Рассказ внука

Вчера звонит внук (напомним, Игорёха у нас первоклассник) и гордо сообщает, что он написал рассказ.

— Да ну,— не поверил я.— Какой ещё там рассказ? А ну-ка открой тетрадку и прочитай мне, что ты написал!

— Я уже сдал рассказ,— сообщает мне Игорёха.— Это не тетрадка, это один листок. И его уже повесили на стенку достижений!

— Та-а-ак… И что же, я так и не увижу теперь, какой рассказ написал мой внук?— расстроился я.

— А я его тебе так расскажу,— обрадовал меня Игорь.— Я его наизусть запомнил.

— Да ты что! Значит, ты долго думал над ним, можно сказать, выстрадал его,— похвалил я начинающего писателя.— Ну, давай читай!

— «Лабораторные опыты с вирусами и бактериями проводит Игорь Владиславович»,— почти без запинки зачитал мне внук свой опус.

Зато заикаться начал я.

— Как… как… какие опыты? А ну-ка ещё раз!

И внук повторил, слово в слово.

— А это…— прокашлялся я.— Почему именно такие слова ты написал?

— Ну, нам сказали писать о чём чаще всего думаем.

— Ну да,— вспомнил я.— Ты же у нас биолог.

У парня дома, представьте только себе, два микроскопа (у меня в двенадцать лет появилась половинка бинокля, и пацаны выстраивались в очередь посмотреть в этот окуляр, и это было невероятное богатство, а тут— два микроскопа!). И Игорь таскает домой и разглядывает под многократным увеличением всяких жучков, гусениц, песок стал разглядывать, пыль. Потом стал смешивать всякие жидкости и тоже разглядывает их. Потом стал всем рассказывать, что вывел опасную для людей бактерию, но сам же её и уничтожил. А сейчас работает над добрым микробом, который бы лечил людей. В общем, готовый этот… как его… микробиолог.

Таким образом, вопросов по поводу, почему внук выбрал именно такую тему своего «рассказа»,

у меня не возникло. Ещё до школы, в пять-шесть лет, он, увлёкшийся… динозаврами, насобирал коллекцию примерно в два десятка игрушек-копий видов этих доисторических чудовищ и спокойно, без запинки выговаривал все их названия, что мне удавалось не сразу.

Писать Игорь тогда ещё не умел, хотя буквы распознавал уже все. А сейчас что ж, он уже и читает по слогам, и, как видим, пишет. И я пока затрудняюсь предположить, что же из нашего парня со временем получится.

«Дилектолом нивелситета», где работают его дедушка (другой) и мама, он быть уже расхотел, палеонтологом тоже, и динозавры его грустно пылятся без хозяйского глаза уже который месяц. Сейчас вот ударился в микробиологию. Но—ведь и на писательство при этом уже сделана замашка. Рассказ он написал! И хоть и крупными печатными буквами, но без ошибок.

— Признайся—говорю,—мама помогала?

— Немножко,—честно сказал внук—Когда писал слово «Лабораторные».

Ну, семилетнему школяру это простительно. У нас многие, уже закончившие учёбу кто где, продолжают говорить «лабалатория», «колидор» и «билютень», а то и пишут так же.

Так что—будущий писатель Игорь, точно! Вон даже подпись себе уже выбрал какую внушительную…

Школьные новости

Внук к этому дню уже получил в общей сложности пять пятёрок. И втюрился в девочку по имени Таисия. Он ей и рисунки посвящал, и конфеты все перетаскал из дома. А Таисия на него—ноль внимания. Мало того, на той неделе она его толкнула. Игорь, оскорблённый в самых своих лучших чувствах, в ответ толкнул её.

Не по-джентльменски, конечно. Но сейчас он пытается вернуть к себе расположение Таисии (хотя его вообще-то и не было), для чего приударил за другой девочкой по имени Зоинька. Вернее, обратил, наконец, внимание на неё, чего она давно и безуспешно добивалась.

Теперь Игорь носит конфеты ей и дарит их, выбирая момент, когда это видит Таисия. Зоинька на седьмом небе и выражает свои чувства нежным поглаживанием Игорька по спине. А вчера ударила портфелем по спине Савелия, который за что-то там дал щелбана Игорьку.

Даже ума не приложу, что будет, когда они повзрослеют. Ко второму классу…

ДиН симметрия

Юргис Балтрушайтис

Два стихотворения

I.

Как трудно высказать—нелживо,
Чтоб хоть себя не обмануть—
Чем наше сердце втайне живо,
О чём, тоскуя, плачет грудь…
Речь о мечтах и нуждах часа
В устах людей—всегда—прикраса,
И си́лен у души—любой—
Страх наготы перед собой,—
Страх истины нелицемерной
Иль, брат боязни, хитрый стыд,
О жалком плачущих навзрыд,
Чтоб точным словом, мерой верной
Того случайно не раскрыть,
Чему сокрытым лучше быть…

II.

Но есть и час иной напасти,
Когда мы тщетно ищем слов,
Чтоб с тайны помыслов иль страсти
Хотя б на миг совлечь покров,—
Чтоб грудь, ослепшая от муки,
Явила в знаке, или в звуке,
Иль в скорби молчаливых слёз,
Что Бог судил, что мир принёс…
И, если пыткой огневою
Весь, весь охвачен человек,
Он только холоден, как снег,
И лишь с поникшей головою
В огне стоит пред тайной тьмой,
Вниманью чуждый и немой.

1923

Иса Айтукаев

С первого дня!

Первомайская черешня

Почему самая ранняя черешня называется первомайской, я не мог понять с детства. По привычке, как и все, всегда называл её так и я, хотя она и созревала в последних числах месяца.

В очередной свой отпуск, прилетев за сорок лет второй раз в эту пору, вернее, тридцатого мая, я спросил у сестрёнки Айны:

— Черешня-то поспела?

— Первомайская поспела,— ответила она.— У соседа Ахада. Наша созреет дней через десять.

Айна повела меня за дом, где над нашим забором раскинулись несколько веток старого огромного дерева соседа. Прямо над головами среди густых тёмно-зелёных листьев свисали, как гроздья винограда, спелые чёрные ягодки. Сорвав несколько штук и с удовольствием проглотив их, я спросил у сестрёнки:

— А сосед не заругается?

— Не-е. Они и не спиливают их, чтобы мы ели,— успокоила Айна.— Это же первая, майская. Её обычно едят. На заготовки уходит второй созрев.

Ё-моё! Вот оно что, оказывается! Она просто первая, майская, а не первомайская, наконец догадался я и усмехнулся.

— Чему улыбаешься?— спросила сестра.

Почему-то не хотелось сознаваться ей в своей разгадке многолетней загадки, и я ответил, что вспомнил один курьёзный случай с моим одноклассником Ахадом.

— Кушая черешню соседа Ахада— вспомнил случай с другом Ахадом?— улыбнулась Айна.

— Ага.

— Расскажи…

Это было давно. Мы оканчивали восьмой класс. Некоторые одноклассники после восьмилетки решили поступать в техникумы, и мы договорились сложиться по пять рублей и устроить вечеринку, вроде выпускного бала. Но у меня возникла проблема— где взять деньги, так как мама категорически отказалась мне их давать. У Ахада оказалась такая же ситуация, и мы, расстроенные, не знали, что нам делать.

Не видя иного варианта получить эти злополучные рубли, мы решили идти на воровство. Совхоз у нас был богатый, выращивали практически всё— утопал во фруктовых садах и овощных полях! И редкий смельчак упускал случай что-нибудь да стащить.

Торговцы, или спекулянты, как тогда их называли, закупали черешню от пяти до десяти рублей за десятилитровое ведро. Покупатели приезжали как из близлежащих городов, так и из соседних республик. Обычно вечером, чтобы затариться и успеть к утру на городские рынки. Мы спланировали операцию: рассчитали время, маршрут, объёмы, и получалось, что мы тыка в тыку (только-только) успеваем до темноты получить у покупателей свои вожделенные деньги.

Шли мы через пустырь, где самые высокие заросли и некошеная трава. Дойдя до опушки заповедного сада, залегли, чтобы осмотреться, понаблюдать за обстановкой. Стояла мертвецкая тишина, никого не было видно и слышно. Присмотрев самое большое дерево, на котором плоды были уже в самом соку, прижимая вёдра к телу, чтобы они, издав шум, не выдали нас, мы не торопясь, как хищники, крадущиеся за добычей, подошли к нему и начали взбираться наверх, благо ветви от земли не более полутора метров. Ахад, как обезьянка, прошмыгнул почти на самую верхушку с левой стороны, а я запрятался среди листвы веточек с правой.

Ягодок было много, и все крупные и спелые. Малейший шум мог нас выдать, поэтому мы старались класть их в ведро, подвешенное на самодельные крючки, а не бросать.

Едва слышно перешёптываясь, мы наполняли свои ёмкости, обговаривая обратный путь, понимая, что выбраться из сада— это только полдела, нужно ещё пройти через пустырь незаметно Можем нарваться на объездчика или на кого-то из администрации села.

Опустошив вокруг себя все ветки, я пересел на другое место, чуть поодаль от Ахада, и, заметив, что он что-то говорит, тихо спросил:

— Что ты там говоришь?

— Ничего. Это я молюсь. Прошу Бога сделать так чтобы мы не попались.

— Ну ты даёшь!— фыркнул я.

Он был в нашем классе единственный, кто фанатично верил в Бога и совершал, как положено мусульманину, все молитвы. Остальные не сказать,

что не верили, но относились к религии более легкомысленно.
— Ты бы ещё и Ленина попросил! — съязвил я.
— При чём здесь Ленин? — возмутился друг.
— Как при чём? Мы же комсомольцы, а воруем совхозное, народное добро! — не унимался я.

Но Ахад промолчал. То ли решил не вступать в полемику, то ли побоялся, что нас услышат.

Через несколько минут он прошептал:
— У меня ведро почти полное. Я потихоньку, дополняя, спущусь.
— Давай, — одобрил я. — Мне ещё минут пять добирать.

Не успел он спуститься до середины дерева — как гром среди ясного дня, раздался голос:
— А ну сюда! Спускайся быстро!

Я застыл на месте, боясь даже дышать. «Во попались!» — промелькнуло в голове.
— Дядя Киши, ты это мне говоришь? — жалобно прохрипел Ахад.
— А кому ещё? Быстро вниз!

Я быстро сообразил, что старый, в толстых очках, сторож Киши меня не видит из-за густой листвы и мощного ствола, и, приложив палец к губам, подал знак другу, чтобы он меня не выдавал. Ахад незаметно кивнул и начал спускаться. Но от волнения и страха не удержал своё тяжёлое, полное ведро, и оно полетело, рассыпая черешню, вниз, чуть не задев нашего уличителя, из-за чего тот ещё больше разозлился.
— Ах ты, негодник, воришка! — распинался «владыка сада Кащей Бессмертный», как мы называли его между собой.

В селе его считали самым беспощадным и жестоким стражем садов и полей. Считалось, где он охраняет, там практически невозможно что-либо украсть. Ему бы ищейкой работать в милиции или на пограничной заставе.
— Дядя Киши, отпусти меня, я больше не буду воровать, честное комсомольское! — начал хныкать Ахад, прекрасно зная, что это глухой номер.
— Ах, ты ещё и комсомолец! — закипая, воскликнул «Кащей Бессмертный». — Вот пусть завтра в школе с тобой и займутся!

Сторож потащил моего друга в сторону своей сторожки, беспрерывно понося его на чём свет стоит.

Казалось, прошла вечность, когда я осмелился спуститься на землю, остерегаясь, что наступлю на какую-нибудь тонкую веточку и она хрустнет. Не отрывая взгляда от направления, куда увели моего злополучного друга, я чуть ли на четвереньках, осторожно переставляя ведро перед собой, двинулся к пустырю и только среди высокой травы немного выпрямился и пустился наутёк.

Добравшись до села, оглядываясь во все стороны, я за считанные секунды очутился у машины закупщиков и ели прошипел:
— Скорее деньги…

Вывалив им в дощатый ящик своё ведро, я выхватил свой заработок и что есть мочи побежал домой.

Ясное дело, весь вечер трясся, как осиновый лист на ветру, вот-вот ожидая, что явятся за мной. Немного успокоившись, решил замести следы преступления: вымыл ведро и запрятал его подальше — с этой «ищейкой» шутки опасны. Потом подумал: и деньги надо бы спрятать. Начал искать и обнаружил в заднем кармане брюк две купюры по пять рублей. Оказывается, как позже узнал, эти спекулянты в тот день покупали по рублю за килограмм.

К вечеру следующего дня, твёрдо решив, что поделиться с Ахадом деньгами — это благородное дело, завтра уже отдавать старосте для вечеринки, я направился к его дому. Друга дома не оказалось, и я вернулся домой — завтра в школе отдам.

Мы учились с обеда. Войдя в школу, я увидел его у двери кабинета секретаря комсомольской организации и по его виду понял, что он в сильном негодовании.
— Ну что, как у тебя дела? — осторожно поинтересовался я.
— Как-как?! Сам, что ли, не видишь? — резко ответил Ахад. — Почему я один за всё страдаю?! Вчера попало от отца. Почётного железнодорожника страны! Сегодня с утра вызывали в контору совхоза, накатали протокол об административном наказании и штраф три рубля! А сейчас будут на комитете осуждать. Могут исключить из комсомола…
— А к мулле не водили? — решил пошутить я.
— А-а, ты ещё и смеёшься?! Меня все считают вором и негодяем, а ты ещё смеёшься?
— Да успокойся ты, всё пройдёт, всё утрясётся…
— Что пройдёт?! Что наладится?! — в ярости, красный как рак, начал истерить Ахад. — Почему я один только вор? Почему тебя тоже не осуждают и не наказывают?
— Потому что я не попался! Не пойман! Как говорится: не пойман — не вор!

Я развернулся и ушёл в класс.

Фигу ему с маслом, а не пять рублей!

«Супертёща»

Помните анекдот про тёщу?

Сидят трое мужиков и обсуждают мам своих жён. Первый жалуется: «У меня тёща — сущая гадюка! Целый день шипит и шипит». Второй подхватывает: «А моя — как тигрица! С утра до вечера рычит и рычит!» Третий сидит, понурив голову, и молчит. «А ты что ничего не говоришь?» — удивлённо спрашивают товарищи. «К сожалению, — вздыхает третий, — у меня тёща хорошая…»

Почти аналогичная ситуация и у меня.

За почти сорок лет, как я знаю свою тёщу, у меня к ней не было никаких претензий и нареканий.

Все друзья и приятели, не скрывая, завидуют мне и утверждают, что с тёщей мне очень повезло.

Я, конечно, не буду умалять её достоинства: она действительно хороший человек. Иногда кажется, что я живу со своей невыносимо ворчливой женой из-за прекрасной тёщи.

Но друзьям всё же я отвечаю и рекомендую:
— Жену и тёщу надо воспитывать с первого дня!

Хотя у всех и общепринятое представление о кавказцах: мол, мы все—искусные повара и кулинары, но о себе скажу честно, что кухня и я—абсолютно несовместимые вещи!

Кухня для меня—это запретная, табуированная зона! Скажу больше: до семнадцати лет я понятия не имел, как готовится еда. И был очень потрясён, когда узнал, что на готовку уходит столько труда и времени! Я, или в силу того, что не задумывался над этим, или что сёстры избавили меня от этого процесса, думал, что всё это просто достаётся из печи и холодильника…

Слава Богу, женился я очень удачно, и моя жёнушка оказалась истиной женщиной: сразу уловила, что в кухонных деяниях я полный профан, и звала меня на эту территорию только тогда, когда приготовит и расставит всё на столе.

А готовит она! Пальчики оближешь—это совсем ни о чём! Поэтому из её рук я готов был есть яд как шоколад!

И в первое время всё шло безукоризненно, но как-то, расположившись на кухне на ужин, я не заметил на столе соли.

Так как ворчать и упрекать в чём-либо жену я не любил и никогда этого себе не позволял, вспомнил эпизод из грузинского короткометражного фильма, сказал ей:
— Подставь стул к столу…

Когда она выполнила моё указание, попросил:
— Встань на него…

Она удивилась, но поднялась и искрящимися глазами посмотрела на меня.
— А теперь посмотри на стол,—еле удерживая себя, чтобы не расхохотаться, сказал я.—Чего на нём не хватает?
— Тьфу ты!—расстроилась жена.—Я-то размечталась, что ты хочешь есть и любоваться мной.

С того дня не было случая, чтобы она не доложила и не поставила чего-то на стол, когда я садился есть.

А давеча тёща пригласила нас к себе в гости. Жена попросила мать накормить меня, пока она в соседней комнате на швейной машинке что-то ей перешивала. Тёща накрыла мне стол и побежала в зал смотреть очередную серию нескончаемой «Санта-Барбары». Голодный после работы, я налёг на ужин, но заметил, что моя дорогая тёща не подала к столу хлеба.
— Тёща!—окликнул я её громко.

Кстати, я её никогда не называл ни по имени-отчеству и никак иначе, только—тёща. Как-то брат её решил было заняться моим воспитанием и упрекнул меня в этом, объясняя, что это неуважительно с моей стороны. «А что плохого в этом слове?—удивился я.—„Мама“, „папа“, „дядя“, „тёща“—прекрасные русские слова! А „тёща“—так это вообще от слова „тешить“, „успокаивать“!» А ещё, самое смешное, ни один мой друг или приятель никогда не помнил, как её зовут. Все так и называли её—тёщей. В первые годы она, бывало, и возмущалась, что таковой она является только мне, но со временем свыклась и не обращала внимания, когда мои товарищи, невзирая на её ворчание, с любовью звали её тёщей.
— Чего тебе?—торопливо спросила она, недовольная, что я отвлёк её от сериала.
— Возьми стул и поднимись на него,—хладнокровно указал я.

Но! Тут вмешалась моя сообразительная жёнушка:
— Мама, не становись на стул. Посмотри, чего у него не хватает на столе, и дай ему.

Конечно, моя «супертёща» тоже обиделась и долго дулась на меня, но зато с тех пор на кухне что у жены, что у её мамы—полный ажур! Претензий—ноль!

Хм, а ещё не верите, что воспитанием надо заниматься с первого дня!

Вячеслав Лямкин

Светлый день

Чертовки на Рождество

Тем, кто на Христово Рождество
На страничке своего инстаграма
Напоказ выставляет лицо
С рогами древнего Ваала…
Автор

— Бабусенька, приветики!

Молоденькая девица в фиолетовом полушубке, в капроновых колготках и демисезонных ботиночках на тоненьком каблучке протиснулась с чемоданчиком на колёсиках в узкую, выкрашенную тёмно-оранжевой краской дверь. За ней следом пролезла ещё одна девица — точная копия первой, только в жёлтой шубке, коротенькой, еле достающей до пятой точки.

— Привет, внученька, привет, Вита… Виталяна!

— Виталина! Бабусенька, сколько раз говорила: Виталина! Пора бы и запомнить! — надула пухлые губки внучка, захлопала длиннющими нарощёнными ресницами, нагнав сквозняка в избу.

— Дак, этак, такое разве сразу упомнишь? — закряхтела виновато старушка. — Гостья-то ты у бабушки редкая! Давеча вспоминала, когда ты последний раз-то была в гостях, да не могла припомнить. В шестом классе, однако, с отцом приезжала. Ладно, чего на пороге толкётесь? Проходите в дальнюю комнату, там кровать побольше, ночью прижмётесь к друг дружке — не замёрзнете… Я гостям всегда рада. Забыла спросить: это кто с тобой?

— Это Викуся! Подружка моя! — махнула девица тоненькой ручкой в сторону жёлтенькой шубки.

— Как, Кукуся? — переспросила бабка, плохо слышавшая на правое ухо. — Вас и не отличишь, одно лицо. Только по цвету, — и тут же всполошилась: — Ой, погодь, очки одену. У вас что с лицом-то? Однако, побил кто? Наши, что ль, деревенские?!

— А что случилось? — занервничала Виталина, быстренько достала зеркальце из сумки и посмотрелась в него, но, не найдя никаких изменений, закатила глазки — зря беспокоилась.

Бабка надела очки и присмотрелась к внучке:

— Да вона губы все опухшие! Словно кто приложился!

— Бабусенька, ты отстала от жизни! У нас в городе твои ровесницы тоже губы колют, причём давно!

— Модно, что ли, это?! Ну, если модно, то пускай колют — ихнее дело! У нас тут, в глубинке, другая мода: дров кубов десять запасти да уголька тонн шесть купить, чтобы зиму пережить. А я смотрю, вы совсем легонько одеты, ляжки наголо, а у нас морозы обещали под сорок. Ладнысь, располагайтесь, я пойду на стол накрою, а то с дороги проголодались, поди.

Бабка отдёрнула занавеску и, посмотрев в окно, добавила:

— Вон она! Первая-то звёздочка на небе уже появилась, значит, и разговеться пора.

Бабка ушла на кухню, подкинула дров в русскую печку, загремела кастрюлями, шугнула рыжего кота, дюзнувшего блин.

— Бабусенька, а у вас тут что, интернет не ловит?! — Виталина вышла из комнаты с телефоном в руке, а за ней — её копия. У одной телефон в розовом чехле, а у второй — в жёлтом.

Стали по углам бегать, связь ловить. Одна даже на лавку запрыгнула к потолку, к образáм телефон поднесла — может, там связь хотела найти.

— Ну вот, я же тебе говорила! Тут нет интернета! — сдавшись, запричитала Викуся-Кукуся. — Лохушка, надо было слушать, что говорят! И чё поехали в такую дыру? Всё Рождество насмарку! Мне папа голову оторвёт, узнает, где я была!

— А у нас этого иньтирнэта и отродясь не было. Молодёжь, кому по сотику позвонить надо, вон на соседнюю сопку ходят, говорят, там билайна какая-то ловит. А нам, старикам, разве туда подняться? Два стационарных телефона на всю деревню — один на одном краю, другой на другом. Кому приспичит — сходят, позвонят. А так одно живое общение. Вона у меня вместо иньтирнэта! — и старушка показала на Ветхий Завет, лежащий на подоконнике. — Но что я с разговорами да с разговорами? Давайте к столу! Блинов напекла вам, борща на говяжьих рёбрышках натомила в печке, лепёшки с чесночком, сметанка деревенская — ложка стоит…

— Фи! — сморщила носик внучка. Её подружка повторила за ней. — Бабусенька, мы такое не едим. Но я всё предусмотрела. Викуся, там в чемоданчике — чипсы и роллы. Неси! И бутылочка шардоне! Импорт! Бабусенька, тебе налить?

— Не! Я заморщину не пью! От неё мерещится чёрт-те чего и голова ужас как болит. Я себе

наливочки смородиновой налью,—ответила бабка и принесла из сенок графинчик с напитком.
— Ну, девоньки, давайте за Рождество и за встречу! Сегодня не грех! Праздник светлый! Рождение Спасителя!
— А что, сегодня чей-то день рождения?—переспросила Викуся.—Мы почему не в теме?! Ах, вспомнила! Как мы могли запамятовать?! Спаситель—это режиссёр такой известный. Блокбастер снял. Его ещё на «Оскар» номинировали,—козырнула она своими знаниями.
— Ага, его, сердешного!—бабка перстом указала на небо.

Выпили, бабка крякнула от удовольствия. Закусили. Девицы—роллами, бабка блин тёпленький, маслянистый в рот засунула, на удивление своими зубами его перемолола во рту…
— Бабусенька, я смотрю, у вас зубки-то все ровненькие. Мосты вставляли? На пенсию, что ли?—заметила Викуся.
— Свои это, Кукуся. Я каждый день лучка по две головки съедаю. А летом иду в огород, пёрышко чесночка или лучка сорву—и в рот,—ответила не без гордости бабка.—А на нашу пенсию не вылечишь зубы, а на полку их положишь!
— Бабусенька, а у тебя ёлочка-то где?—спросила вдруг внучка.
— Какая ёлочка?
— Ну, новогодняя! Рождественская!
— Дак это, милая моя, я её давно уж не наряжаю. Как дед помер. Мне одной с котом-то зачем? Я в Новый год спать в десять вечера ложусь. У меня телевизор рябь одну показывает. Уж лет пять как… Единственная радость—я кажный год седьмого числа рано утром встаю, иду до трассы восемь километров, чтобы успеть на рейсовый автобус до райцентра. А там в церквушку! Помолюсь, свечки поставлю—за ваше здравие, за упокой родичей наших. А вам зачем ёлка-то?—спохватилась бабка.

Внучка забегала по избе в истерике:
— Что за день-то сегодня такой пропащий!
— Ещё какой пропащий!—вторила подружка, бегая за Виталиной по пятам.
— Интернета нет! Ёлки нет!—продолжала Виталина.
— Да я ещё тут ноготь сломала!—добавила Викуся.
— Да что твой ноготь?! Тут дела поважней! Я сегодня должна запостить историю, как встретила Рождество у бабушки в деревне. Не забывай, я же известный инстаблогер! У меня огромная аудитория подписчиков! Они ждут этой чудной рождественской душещипательной истории, как я добиралась до своей любимой бабушки, чтобы встретить с ней Рождество! Они хотят ко мне присоединиться! Быть со мной! Ставить мне лайки!
— У неё почти три тысячи подписчиков, на минуточку!—уточнила с гордостью Викуся-Кукуся, обращаясь к бабке, как будто та тоже вела страничку в инстаграме.—А у меня две тысячи!—продолжила Викуся.—Но я её скоро обгоню!
— Подписчики, инстаблогер, запостить…—бабка в недоумении развела руками.—Лайки какие-то… Собаки, что ли? Тьфу, чертовщина! Матерки одни! По-русски объясните! Аз, буки, веди! По-простому! Чего надо?!
— Дерево!—Викуся-Кукуся изобразила руками ёлку.—Зимой и летом одним цветом! Чего тут непонятно?!
— Значит, ёлку надо! Сейчас чего-нибудь придумаем. Ивана, соседа, позову! Поди, притартает вам ёлку. Помнишь Ваньку-то? Рыжий парнишка, тебе ещё огоньки с пойменных лугов таскал. Он как с армии вернулся, так в деревне и остался, фермерствует. На нём токмо деревня и держится.

Бабка намотала на голову пуховую шаль, накинула старенькое драповое пальтишко, прыгнула в валенки и вышла на улицу, запустив в дом клубы холодного воздуха.
— Я придумала!—вскрикнула Виталина.—Даже если интернета не будет, то мы будем снимать на камеру, а потом выложим в инстаграм!
— Точно! Башка варит! Зря стрессовали! Надо успокоиться! Я на одного астролога подписана, она говорит, нужно в эти дни не стрессовать, не агрессировать, а привлекать положительную энергию Вши!
— Какую?—не поняла Виталина.
— Энергия Вши!—повторила подружка, сделав вид профессора: мол, ты чего, неуч?—Какое-то индийское учение, модное сейчас,—прямая связь с космосом. Сейчас модно говорить не «Бог», а «Вселенная».

Викуся достала телефон и, подойдя к русской печке, начала снимать её на камеру:
— Забавное строение, в историю обязательно выложу! Я такую ни разу не видела. На ней что, варят? Это вместо плиты?

В сенках хлопнула дверь, послышались голоса.
— Ваня, гостьи городские,—слышался голос бабки.—Да ты таких и отродясь не видал! Расфуфыренные, размалёванные! Тьфу! Срамно смотреть! Но если отмыть, должны быть ничего. Помощи просят. Ваня, спасай бабку!

Дверь открылась, и бабушка завела бородатого паренька.
— Знакомьтесь! Ваня!—представила его бабка.
— Здрасьте!—кивнул, смущаясь, Иван, топчась в сапогах на пороге.—Бабушка сказала, вам помощь нужна.
— Приветики!—лисой вокруг паренька закружила Викуся.—Ёлку нам надо, срочно! Сообразишь?

Бабка, заметив Викусины старания, закашлялась:
— Ты энто, от парня-то отстань, женатик он! Я его для делу позвала, а не для твоих утех бесстыжих!

— За пару тысяч привезу,— выставил условие Иван.— У нас тут только березняк вокруг, а за ёлкой за три километра ехать придётся. И магарыч!
— Что за магарыч?— спросила, нахмурив переносицу, Викуся.— Слово какое-то новое. Из английского лексикона, что ли?

Виталина порылась в сумочке и достала пятитысячную купюру.
— У меня меньше нет!

Иван, потоптавшись на месте, взял деньги:
— А у меня сдачи нет!
— Но я надеюсь, тут на магарыч ваш хватит? Привезёте ёлку, установите, и мы в расчёте.
— Хватит!— улыбнулся довольный Иван и вышел из дома.

Через два часа большая пахучая ёлка стояла посреди комнаты, наряженная старыми бабушкиными игрушками. Даже гирлянда оказалась рабочей. Девицы весь процесс снимали на телефон. И как привезли ёлку, и как Иван её заносил в дом и устанавливал. И как её наряжали.

Иван вскоре ушёл домой, а бабка пошла его проводить да занести с улицы охапку дров— в этой суете не заметила, как печка прогорела.

Вернулась, подкинула берёзовых дровишек и вдруг встала как вкопанная: девицы напялили на себя короткие юбки, белые блузки с глубоким декольте и чулки на подтяжках, водрузили на головы рожки, прикрепили к по́пам хвосты и в таком образе чертей фотографировали друг дружку на телефонную камеру.
— Бабусенька! Идите, сделаем с вами селфи!— улыбалась Викуся, пытаясь обнять бабушку, но та, скинув с себя оцепенение, замахала руками, словно подавившись костью.
— Чур, чур меня! Привидится же такое!— бабка шарахнулась от чёрта Викуси и, запинаясь о пустые вёдра, вывалилась за дверь.
— Чего это с ней?— удивилась Викуся.
— А не обращай внимания!— захихикала Виталина, делая селфи.— Возраст! Да и выпила своей бурдомаги деревенской, видно, развезло.
— Предлагали же ей шардоне!— согласилась Викуся.— Вот калоша старая! Чуть праздник не испортила. А если ей плохо станет, чего делать будем? Больница-то далеко…

Бабка же тем временем пошла к деду Спиридону, который в деревне держал пасеку и снимал порчу с людей молитвами.
— Старый, я к тебе за советом! Подмогни, если не в тягость! Черти у меня в доме засели. Как их выкурить, не подскажешь?
— А то верно, подскажу,— пробасил Спиридон.— Выкуривают их! Сначала со свечой по периметру избы обойди, молитву прочитай. И опосля веником все углы святой водой окропи. Три раза повторить надобно. А потом вьюшку закрой, дым в дом пойдёт, и тем же самым веником гони их, гони, чтоб не очухались.

Бабка вернулась, когда гостьи уже улеглись.

Девицы застелили себе постель, накрутили папильотки, переоделись в пижамы и мило ворковали, закутавшись в тёплые одеяла, представляя, как завтра они вернутся в город— в привычную среду обитания, где их будут окружать комфорт и роскошь, горячая ванна, дорогие машины и рестораны, интернет, без которого они не могут жить…

Бабка заглянула в окно и, увидав на голове Викуси рога, снова чертыхнулась:
— Засели, окаянные! Ну, сейчас я им задам!

Вспомнив наставления Спиридона, бабка зашла в сени и, щёлкнув тумблером, отключила свет. Достала из чулана веник и вошла в дом.
— Ай!— взвизгнула Викуся.— Ужас как боюсь темноты. Бабусенька, это вы?!
— Я! Лежите, не вставайте! Свет по всей деревне отключили.

Бабка налила ведро воды, поставила его в комнату, плеснула в него святой водицы. Опустила в ведро веник— пускай набухает, размачивается.
— Сейчас я вам свечи принесу. У нас частенько перебои с электричеством.

Она подкинула дров в печку— морозец на улице крепчал— и, дождавшись, когда дрова разгорятся, прикрыла вьюшку. Дым стал постепенно заполнять избу. Бабка взяла свечку, лежащую перед образами, зажгла её и стала обходить все углы. Свеча коптила нещадно.
— Праздник-то какой светлый,— осторожно шагая и бережно неся в руках свечу, шептала старушка.— Рождество Христово! А энти в чертей переоделись, нечисть в дом занесли. Безбожницы!

Бабка зашла в комнату, где расположились девицы, и стала обходить кровать со свечой.
— Кхе, кхе, кхе!— закашлялись девицы, спрятавшиеся под одеялом. Только Викусины рожки видны.
— Бабусенька, а что вы делаете?— Викуся не замедлила снять всё это на телефон.
— Я дом от нечисти избавляю!
— От какой нечисти?
— А сейчас, милая, увидишь!

Бабка вышла в горницу, поставила свечу на стол. Взяла в руки ведро с водой. Попробовала веник на вес— ага, тяжёл стал, напитался водой. Ну-с, приступим!
— Бабусенька, какой-то дым, что ли? Горелым пахнет! Ты печку-то посмотри! Кхе, кхе, кхе.
— Запричитали, окаянные!— вполголоса сказала бабка. И тут же добавила:— Сейчас, милые, сейчас!

Прошлась бабка по периметру избы, окропила углы, шепча молитву. Свет от догорающей свечи тусклый-тусклый. Ничего не разобрать. Вошла бабка в комнату, запрыгнула на кровать (откуда только такая прыть, сама удивилась) и давай лупить девиц мокрым веником да приговаривать:

— Кыш, нечистые! Решили бабке праздник испортить! День-то сегодня какой светлый! Рождество!!! А вы с чертями дружбу завели!

Визгу тут поднялось, писку. В тёмной задымлённой комнате и не разобрать ничего. Мокрый, тяжёлый веник замысловатые узоры в воздухе описывает — то Викусе по макушке припечатал так, что рога в сторону отлетели, то Виталине по ботоксным губёшкам.

Растерялись девицы, но дверь как-то впотьмах да в слезах нащупали — выползли на улицу в чём были, кашляют, плачут, слюной плюются.

Бабка закрыла за ними дверь, приоткрыла вьюшку, чтобы дым в трубу снова пошёл, отворила форточки в избе и села на лавку в кухне… смотрит на образа́ в углу.

— Ну вот, вроде опять чисто и свежо в избе стало, — облегчённо вздохнула старушка и, перекрестившись перед иконой, добавила: — Прости нас, грешных, Господи! Ибо зачастую не ведаем, что творим…

Светлый день

С вечера разыгралась метель. Завыло в печной трубе, окна занесло тонким слоем снега. То и дело порывы ветра ударяли о стену дома, поднимая вверх снопы снежной пыли. Скрипели протяжно ворота, натыкаясь на перекладину, сдерживающую массивные створки: «Бух-бух-бух».

Егорыч не спал…

Ворочался с боку на бок, прислушивался к звукам непогоды, вставал пару раз, ощущая ногами прохладу деревянного пола, и, отдёрнув штору, вглядывался в окно.

Ночь выдалась на удивление белой — кучевые облака тянуло с севера, и видно было, как треплет голые ветки рябины в палисаднике, как раскачивает верхушку громадины-сосны, растущей напротив дома. В такт разыгравшейся метели — сначала отдалённым, где-то за околицей еле слышным, а потом совсем близким и неистовым — в глубине Егорычевых дум зарождалась тревожность…

Тревожность от переживаний о насущном — о работе, о семье, о бытовых нуждах…

Так иногда бывает — всё наваливается скопом. Вот и у Егорыча так получилось.

Где тоненько, там и рвётся. Первая подвела корова Жданка — проглотила с соломой какую-то железку, и её начало дуть. Ветврач Алёхин выписал лекарства, сказал: если через три дня не пройдёт, придётся колоть. Жалко кормилицу, семь лет верой и правдой служит. По двадцать литров молока и утром, и вечером даёт.

А тут ещё на работе неприятности…

Голова Ивана Егоровича давно покрыта лунной сединой, а он всё ещё один из самых ценных вальщиков. В коллективе, где он лет тридцать как бригадирствует, к нему уважительно обращаются: Егорыч, — и в этом кратком «Егор-р-р-рыч» чувствуются спокойствие и уверенность.

В его бригаде — давняя традиция: Егорыч раньше всех приезжает на делянку.

Любит Егорыч эти минуты: по-хозяйски осмотрит место стоянки, проверит, всё ли в порядке, откроет вагончик, вскипятит воду, заварит крепкого чаю и, с удовольствием обжигаясь горячим напитком, смакует последние минутки тишины.

Тракторист Серёга Коломейко, балагур и любитель поговорить, на своём железном коне слышен издалека.

За ним подъезжает вальщик Володя Семёнов на старенькой иномарке.

Подтягиваются и остальные мужики. Слышны анекдоты, шутки. Пьют чай. Вскоре работа закипает. Кто цепи точит, кто идёт валить деревья, кто — сучки обрубать. У Егорыча никто без дела не сидит.

А дней семь назад слёг с воспалением лёгких Володька Семёнов.

На подмену Егорычу в бригаду отправили Андрюху Холюкина.

Андрюха — парень резвый. В одной руке пирог держит, другой цепь точит. Егорыч вокруг него пару дней крутился, присматривался…

— Самое главное, Андрюха, не торопяха твоя, а с умом к делу подойти. Прежде чем её ронять, ты подойди, осмотрись. Покумекай, куда лучше уронить. Вот тут, видишь, подрост поднимается. А там, в гуще, трактор всё передавит. А ты её вот сюда, милую, промеж вот двух сосенок, вдоль дороги: и Коломейко удобно её оттуда достать, и не напакостишь. Понял? В какую сторону валить будешь, стой, запил сделай, а затем от запила вкруговую заводи…

— Угу, — кивает головой Холюкин, дожёвывая свой пирог. — Чего тут? Понятно! — и, взяв в руки Still, пошёл в чащу.

Зарычала бензопила, отдаваясь гулким эхом в округе, словно чудище, пробудившееся ото сна. Вцепилась острыми зубищами в сочный ствол, раскидывая в стороны кору и опилки.

Со скрипом начинает заваливаться пушистая громадина, а потом с треском ломаемых сучьев и последним вздохом-гулом ударяется о землю, поднимая вверх столп снежной пыли. И если посмотреть на солнце, видно, как в воздухе летают мелкие снежные частички, и наступает тяжёлая тишина.

И теперь Андрюху уже не остановить. Вошёл в азарт парень в погоне за кубами. За премией. И словно и не слышал он наставления Егорыча.

Валит деревья направо и налево. Куда удобней. И по барабану ему подрост или гнездо какой-нибудь птахи. Или дупло белки. Или как её трелевать будет тракторист. Лишь бы быстрей да больше. Лишь бы упала.

А потом Андрюха и вовсе нарушил ту «химию», которую создал Егорыч в бригаде, посягнул на святое: стал приезжать раньше Егорыча на деляну. Приехал Егорыч утром, а тот уже на его месте сидит, чай пьёт.

Тут Егорыч и не выдержал.

— Убирай его к чертям собачьим! Нельзя ему в лесу! — с такими словами ворвался он через несколько дней в кабинет лесничего Мохова.

— Иван Егорыч, давай всё по порядку, — Мохов пригласил вальщика присесть. — Кого убирать и за что?

— Да Холюкина. Ну нельзя же так! Растёт подрост — валит на подрост! Гнездо на дереве видит — валит на гнездо.

— Егорыч, но нельзя вот так, сгоряча.

Мохов понимает бригадира, но кубы и на него давят, а для лесхоза это обстоятельство важнее, чем всякий там подрост.

— Работать некому. Ты поправь парня. Скажи, что нельзя так. А там и Володька Семёнов выйдет. Терпи уж, Егорыч. Терпи!

— Может, в сучкорубы его? — предложил Егорыч.

— Володька твой выйдет, и переведём тогда, а пока пускай работает! — отрезал Мохов и добавил: — Он там из бухгалтерии кому-то родственник.

Когда Егорыч уходил, лесничий предупредил его:

— Чуть не забыл! Лесхоз разрешил валежник собирать — соответственно, народ на деляны полезет, кучи порубочных остатков ворошить начнут, так что смотрите там повнимательней…

Квартал, где идут рубки, находится километрах в пяти от посёлка, где живёт Иван Егорыч.

Егорыч, не спавший полночи, вдруг засобирался. Подгоняемый нехорошим предчувствием, решил прогуляться до деляны, проверить, всё ли в порядке, а то в пятницу его вызвали в лесничество, и он раньше уехал, а теперь душа болела, как там да что.

Егорыч вышел во двор, проведал корову — сердечная вроде начала поправляться.

Он занёс в сенки дров, набрал угля.

— Куда тебя леший несёт?! — всплеснула руками жена. — Выходной! Сидел бы дома, Иван! Нагуляшься ещё!

Но Егорыч махнул на супругу рукой: мол, сиди, не твоё дело, — и начал одеваться.

В какой-то момент за окном наступило затишье — метель подутихла; казалось, растеряла свою мощь на зимних неуютных полях, но вскоре разыгралась с большей неистовостью.

В утренних сумерках Егорыч прошёлся мимо крайних домов, утонувших в убродном снегу, нацепил широкие охотничьи лыжи, перебрался через мосток и вышел в поле. Он шёл, чуть наклонив корпус вперёд, гнул голову к груди, пронизанный северным ветром, и казалось, нет ему спасения от непогоды. Метель хлёстко била в лицо острыми хрусталиками, но вот среди снежной пелены, застилающей глаза, просматривается неясное очертание соснового бора.

Егорыч скрылся между деревьями, и ему стало спокойно.

Сильные порывы ветра, разбиваясь о вековые стволы-скалы, теряли мощь. Метель рвала теперь вверху, тревожа заснеженные хвойные вершины, а Егорыч шёл по известной только ему дороге и чувствовал разливающееся по телу тепло.

Забравшись на взгорок, он остановился передохнуть у высокой разлапистой сосны и, подталкиваемый необъяснимым желанием, вдруг прикоснулся к шероховатому стволу.

Тяжесть накопилась на душе. Захотелось вдруг поделиться.

Ствол испещрён морщинками толстой коричневой коры. Егорыч погладил его, коснулся щекой, вдыхая запах сохранившейся ещё летней пыли. Ему вспомнились руки матери. Они были такие же тёплые и шершавые, как эта кора. Он вдруг вспомнил, как она умирала — лежала на своём диванчике у печки, смотрела в потолок и что-то шептала пересохшими, обескровленными губами.

— Иван, иди! — сказала сестра, выходя из комнаты. — Она тебя звала!

Он подошёл к матери, взял за руку. Последние её слова залегли в душу:

— Ваня, живи по сердцу да людям помогай, чтоб знала, что не зря тебя ростила…

Ему тогда показалось, что рука тёплая, как вот эта кора, как земля, вобравшая в себя весеннюю влагу и теперь обдуваемая ветерком, немного суховата сверху, а копни чуть глубже — там сочный чернозём, сила, дающая прорасти хлебу… такую он её и запомнил.

Но воспоминания и дальше его не отпустили. Вспомнилось, как пришёл в лесхоз после развала совхоза в девяностые и работал сначала на тракторе, потом на лесовозе, а позже перешёл в вальщики…

Пробежавшись по вехам своей жизни, вдруг подумал: как быстро пролетели годы…

Немного отдохнув, Егорыч продолжил путь.

Он шёл дальше, защищённый со всех сторон могучим сосняком, унося с собой частичку тепла того дерева, у которого недавно стоял.

Ветер, играясь в сосновых вершинах, взлохмачивал колючие кудри, покрытые снежной сединой. Егорыч сократил путь — спустился в ложбинку и упёрся в три стёжки свежих следов.

Он ускорил шаг, и вскоре до его слуха донёсся звонкий ребячий гомон.

Как и говорил Мохов, населению разрешили брать валежник. Летом хорошо его собирать,

а сейчас зима, и дорога в лес одна—накатанная к деляне лесовозами снежная колея, где идут вырубки. Этим многие и пользовались. Кто на лошади с санями приедет, сучков нагрузит, кто на машинёшке с прицепом…

Их было трое—Маринки Петровой пацаны: старшему Димке—четырнадцать, среднему Олегу—двенадцать и младшему Шурику—одиннадцать лет. Жили они на соседней улице с матерью и бабкой. Маринка воспитывала пацанов в строгости, но в любви и в заботе, потому мальчишки росли правильными, трудолюбивыми и всегда держались друг за дружку.

Да и у бабки не забалуешь:

—Чего дома сидеть? Дуйте на деляну, каждый по охапке принесёт сучков—на одну топку бани наберётся!—отправила она своих орлов в лес.—Утром сходите, а к вечеру баньку подтопим!

Стараясь не выдать себя, Егорыч обошёл их стороной и, скрытый кучами наваленных веток, некоторое время наблюдал за ребятнёй. Мальчишки, увлечённые делом, ворошили кучи с ветками, выбирали большие сучки и, топориком отделив хвою, складывали их в одно место.

Димка отделился от братьев и побрёл в сторону куч, за которыми и прятался Егорыч.

Подойдя к ним, он стал ворошить ветки, выискивая крупные.

Неожиданно рядом предательски протяжно скрипнуло дерево.

Егорыч посмотрел вверх, затем взгляд его пробежался по стволу дерева к корню.

Егорыча обдало жаром: сосну запилили с одной стороны и пытались свалить, но направили не в ту сторону, и она, ветвями зацепившись за другие деревья, повисла в воздухе, держась на сучке. Ветер раскачивал дерево и заставлял его протяжно скрипеть.

Сразу перед глазами Егорыча встала картина, как Андрюха делает запил на дереве и, когда то повисло, машет на него рукой и идёт к другому… Останься вчера на деляне Егорыч, этого бы не произошло, не ушёл бы, пока сосна не оказалась на земле.

Внутри оборвалась какая-то струнка, когда вдруг после очередного порыва ветра дерево дёрнулось и, медленно скользя по соседней сосне, поползло вниз.

—Матерь Божья!—прошептал Егорыч, а затем раздался крик, в котором он с трудом узнал собственный голос:—Уходи! В сторону, в сторону!

Мальчишка, оказавшись под нависшим деревом, встал как вкопанный, не понимая, что происходит—откуда взялся этот дядька и что он ему кричит.

Лесная громадина, протяжно скрипнув, снова дёрнулась, но, зацепившись веткой за соседний ствол, вдруг зависла в воздухе. Повисела секунду, а затем, с шумом разгоняя снежную пыль, ломая ветви и сучья, рухнула вниз, словно в пропасть.

Всё смешалось в одном мгновении: самонадеянная ухмылка Андрюхи Холюкина и недоуменный взгляд мальчишки, когда Егорыч, преодолевший расстояние между ними, оттолкнул того в сторону…

Последнее, что запомнил Иван Егорыч,—как рассеивались утренние сумерки и начинался светлый день…

Владимир Вещунов

Мама

Григорию стукнуло шесть годков: вполне взрослый паренёк. Мамка выбила на работе, в стройтресте, путёвку «Мать и дитя». «Выбила», поскольку дом отдыха «Золотые пески» не был предназначен для малярш, да ещё матерей-одиночек, да ещё в бархатном августе. Однако в пору гуманной демократии властями изредка пускалась единительная дымовуха, и жирующие тузы и тузики испытывали волнующую связь с народом в «Золотых песках».

Класс материнства и рабочих-строителей в общероссийской здравнице представляла Лизунова с сыном, сельский пролетариат — механизатор Пашков. Пролетарии, соединяйтесь! — и Лизуновых с Пашковым посадили в столовой за один стол… Наконец-то сбылась мечта матери-одиночки! Сколько папок отверг негодный мальчишка, а дядя Гоша вредняшке сразу поглянулся, и он ему так и заявил:

— Гоша, иди к нам в папки!

Чубатый, усатый весельчак-балагур без особых раздумий принял предложение беспапного Гринятки и после «Золотых песков» повёз внезапную семейку к себе в Золотую Долину. Щедрому медово-солнечному золоту, казалось, не будет конца.

Подивились сельчане: наконец-то холостяжка Гошка остепенился. Семьянин!..

Песельно-плясовая пашковская родня, будто Краснознамённый ансамбль, закружила новоиспечённого сынка Георгия. Гриняточку затаскали по своим избам в подсолнухах разные дядья, кумовья, сватовья, сношеницы, племяшки из могучего рода-племени Пашковых. И все дивились судьбоносной схожести — один к одному, под копирку! — Георгия и Григория, и схожести их имён. Только кисельная пашковская сродственница, но уважаемая, учительница, скривилась на свадебке, подготовишке к большой свадьбе:

— Григорий Георгиевич… Фи, как тяжело звучит!

Точно гуси, накинулись на злопыхательницу Пашковы. И весь этот колхоз с новыми его членами — Зинулей и Гринулей — в минуту наивысшего подъёма и воодушевления по поводу осемеивания любимого Гоши-Гохи-Жоры запечатлела незабвенная фотка. Незабвенная… Символ великого идеального сродства. Идеального — то есть несбыточного. И солнце покрывается пятнами. Истекло августовское его золото.

У матери заканчивался отпуск. И она засобиралась в город, чтобы уволиться, продать гостинку и кое-какую мебелишку, увязать к отъезду вещички. Потом должен был подъехать Гоша и забрать Зинаиду. Но мать почему-то на всю эту отъездную канитель взяла Гриняточку. Пашковы ни в какую не хотели отпускать мальчонку, да и сам он не отцеплялся от штанов папки Гоши. Однако упёртая Зинаида настояла на своём:

— Вон сколько у тебя, Гриш, дружков и подружек в садике и во дворе, и Вика! Неужто не попрощаешься с ними?

Она дала время подумать Гоше. И он всё хорошенько взвесил… Бедная, извелась вся, его ожидая, его звонка. Все глаза выплакала. Благо не успела наделать глупостей: не уволилась, не лишилась крыши над головой. Как в воду глядела… Однако не успокоилась. И вовсе как-то завыла тоскливо. И на Гришу тоска накатила, и он едва не заподвывал. Такая тоска источила его по отцовству… Что-то важное ушло из жизни, пустота образовалась. Тягучий, пронизывающий сквозняк покинутости. Будет ли он когда-нибудь так нужен, как в это лето? Согреет ли его ещё такая всеобщая ласка?.. Выматывающая душу нежданная сиротская взрослость…

Он выдвинул нижний ящик пего-рябого комода. Вытащил толстокорый альбом в дерматине кирпичного цвета. В нём хранилась дорогая фоточка, облитая золотом отцовской, материнской и пашковско-всемирной любви. Да и матушка дорожила этим снимком. Она вставила его в прорези-скобочки в обрамлении подсолнуховых солнышек, намалёванных ею фломастерами по-детски наивно. Гриша бережно вынул уголки фотографии из скобочек и приблизил её к затуманенным глазам. Словно хотел войти в неё, в то чудесное летечко, где он расселся в серёдке пашковского племени на травушке — кум королю и сват министру! Папкин племяш Никола только что дембельнулся и нахлобучил на дядькиного мальца солдатскую фуражку. Одна фурага и восседает — счастливой моськи Гриняткиной и не видать…

Чубчик козырьком, уши топырятся… Оглядев себя в зеркало трюмо, по-серьёзному сохмурил брови. Надел бейсболку, которая ему была

великовата: уже не ушастик. В тени длинного козырька лицо ещё серьёзнее стало, взрослее. Он уже и так большой. Когда мамка опаздывала на работу, в детсад через квартал самостоятельно ходил. Этой весной, в мае, с гигромой в больнице лежал. Один. С загипсованной ногой, на костылях. Как инвалид. Все маменькины деточки, как лялечки, без мам хныкали. Так с мамами и лежали. А он сказал:
— Не волнуйся, мама, и не беспокойся! Здесь нянечки добрые и уход хороший. И тефтели с пюрешкой как у тебя! Недели две-то я и без тебя перебьюсь.

Это из-за Вики Петровой гигромная шишка под коленкой вздулась. Строили в песочнице за́мок, а у Петровой лопатка большущая, как сапёрная. Саданула нечаянно… А он ещё за неё заступался. Вывозилась вся в песке, а Валентина Борисовна ругать её стала:
— Ну ты и грязнуля, Петрова!

Гриша и защитил подружку:
— Она не Петрова, она — Вика!

Воспитательница тогда Гришу ухажёром назвала… А жидкость в коленном суставе выкачали, и шишка сдулась. И Гриша даже не хромает. Но то место, где болячка была, надо беречь, чтоб не ударить невзначай… Когда детей в июне на садишную дачу вывезли, он почти не нюнил, как другие. Правда, целый вечер прождал маму и всё никак не мог понять, почему она не приехала и не забрала его домой. Потом привык, и она приезжала каждый день, да ещё на всех кучу яблок и мандаринов привозила. А после дачи ездили с мамой по грибы. С корзинами, как в деревне. Полные набрали, с верхом. К мухоморам даже не прикасались. Как так, самые красивые — и ядовитые?!.. Обманщики! Валентина Борисовна тоже красивая, а ругается… Сыроежки тоже не трогали. Симпатичные: шляпки голубенькие, салатенькие, красненькие; ножки в белых гольфиках. Но слабенькие, крошатся. Маслят набрали, рыжиков, подберёзовиков, груздей. А вдоль ручья мокрые грузди пошли. У них шляпы с бахромой, усеяны хвоинками. Радёшенька мама была: такие на засолку хороши!.. Из-за грибного ручья она-то и заплутала. Упетлял он в самую дремучесть. Там с еловых лап до самой земли космами свисала хвойная пакля. В такой дремучей тайге прячется избушка на курьих ножках, где Баба Яга. Но совсем не страшно. Так как Гриша дорогу назад, к станции, знал. И заполошную мать грубовато, по-мужски, одёрнул:
— Ма, не туда идём! Вон туда надо, там станция!
— Да-да, туда! — почему-то поверила она сыну и удивилась его уверенности: — Гриша, а откуда ты знаешь куда?
— Ну ма-а!.. — досадливо поморщился он. — Какая ты непонимонная!

Ему-то было всё ясно. Но как объяснить? Может, солнышко на ум подсказало. Вон оно уже куда клонится. Туда и надо!

И птицы знают свой путь, и океанская рыба лосось возвращается на место нереста в студёной речке. Божьи создания, ведомые Создателем. И дитя человеческое, любимое творение Божие, особенно бережётся. И чутко, Отечески, то дитятко, которое лишено земной отцовской заботы. Чистая детская душа и воспринимает сокрытое Божие попечение, непознаваемое ве́дение. Чистая… Но коли помутится в житейском море, заклёкнет для Света указующего — вовсе лишится памяти о доброте Отцовской, да и человеческой тоже. А если же задастся вопросом: откуда это ве́дение заботливое, то и ответ явится, и вера озарит и утвердит в жизни. И смысл жизни — к цели благой устремится: очищение от мути, нечистоты, освобождение от груза грехов…

Будто сразу повзрослел Гриша, будто уже догадывался о Боженьке.
— Знаю, и всё! — твёрдо сказал он.

Мать по привычке хотела взъерошить вихры сына, да положила руку на его плечо:
— Большой уже ты у меня. Мужичок!..

Большой-то большой, но до недавних пор «ш» не выговаривал. Своё имя толком не произносил. Гриса — и всё тут! По этой дурной привычке и в Золотой Долине опозорился: папу Гошу перед всеми Пашковыми — Госей назвал. Расстроился очень… Может, обиделись Пашковы и не пустили его к своей семье?.. А вон какой мамкин ухажёр был! Увивался за ней: Зина, Зиночка, Зинуля!.. Он, Гриша, тоже ухажёр — Викин. Не бросил её, когда воспитательница разругалась. Заступился. А ещё замарашку Вику в угол поставили за нарушение гигиены. Она, бедненькая, уже хныкать начала. Жалельщик Гриша вежливо попросил воспитательницу:
— Валентина Борисовна, да уж выпустите её! Жизнь-то проходит!

Ещё бы! Гриша с Викой такой дом из кубиков отгрохали и куколками заселили. Живи — не хочу!.. И почему же Гоша не приехал? Ведь так обещал. Из дома отдыха до Золотой Долины с ветерком на такси доставил. Бешеные деньги! Для любимой и сынули ничего не жалко! Так не терпелось ему познакомить обретённую семью с родичами!.. Неужто обманщик, как Валентина Борисовна, как мухомор в лесу? Красивые, а недобрые… Зря послушался мамку, не остался с Гошей в Золотой Долине. Вон как Пашковы упрашивали! Остался бы — и всё бы сладилось… Вот и рассердились, маму Зинкой обозвали, с гонором она и упёртая до невозможности. А Гоша помалкивал. Переживал, наверное. И сейчас, поди, переживает. И маму жалко. Страдает. И ему, Грише, отец нужен. Сколько можно без отца?!.. Лёшка, дружок садишный, здорово в папке нуждается! Приходят отцы забирать детей из садика, а он к ним так и липнет, папами зовёт. Ну, Гриша и прикрикнул на него:

— Ты, Лёша, глупый, что ли? У меня тоже папы нет, но я ведь не липну.

Валентина Борисовна велела извиниться:

— Лизунов, подойди и скажи, что тебе очень жаль!

Ну, Гриша и извинился:

— Мне очень жаль, Лёша, что ты такой!

— А я всех дядей папами зову! — огрызнулся тот. — У меня всё равно когда-нибудь будет папа! Вотушки!

Вообще, без отца жить небезопасно. К тем, у кого отцов нет, грабители так и лезут... Мамка на работе задержалась; Гриша сам домой пришёл, ключ у него на шее, на верёвочке. Тут дядьки какие-то стучат, электросчётчик проверить. А Гриша басом их отшил:

— Идите отсель! У нас электричества нет! Мы углём топим!

Другой мужик стучался тоже, когда мамки не было. На постройку бассейна собирал, кто что может. А что Гриша может? Ведро воды. Так дядьке и сказал.

Да-а, плохо без папки! А мамке — без мужа, без опоры. Одной тяжеловато на ноги сына поднимать. А ему скоро в школу! Вон сколько тысяч надо на сборы: костюм, рюкзачок, учебники, тетрадки, школьные принадлежности, на столовку... Да и любит она Гошу. Помочь надо ей!

Гриша уже читал и писал. И цифры складывал. Валентина Борисовна пристала:

— Лизунов, сколько будет два плюс два?

— Четыре! — отчеканил он.

Но воспитаха не унималась:

— А можешь объяснить почему?

Вот непонимонная! И Гриша здраво рассудил:

— Так уж сложилось!..

Улыбчивое солнышко заглянуло в окно... Печатными буквами у Гриши лучше выходило. И он вывел на тетрадном листке в клеточку: «Мама я за папой паехал». Положил записку рядом с фотографией. Были бы у него деньги, тоже на такси бы погнал — поскорее к папке! Гоша мигом тогда домчал их до Золотой Долины!..

Присел на дорожку. И с мамой присели и помолчали, когда собрались в дом отдыха. Как в песне поётся: «Присядем, друзья, перед дальней дорогой! Пусть лёгким окажется путь!..» Вот и обернулось всё так хорошо, что Гошу нашли. И Гриша вернёт его. Обязательно!

Дорога до электрички была длинная. От садика школьный стадион, трамвайное депо. На трамвае Гриша не поехал. Кондукторши вредные, придираются к возрасту. А вот на электричке можно проехать бесплатно. Целых три остановки прошагал до станции Третья Рабочая. Никаких Рабочих больше не было, а она почему-то — Третья. Выходной, суббота. Мамку и по выходным на сдаточные объекты бросают. Даже по воскресеньям, и даже по праздникам. На Новый этот год она к Грише чуть не опоздала, так задержалась на штурмовщине. Только сели за стол, куранты забили. Двенадцать!.. Будто без неё никак нельзя. Маляр-штукатур — тоже важный человек! Гриша с профессией ещё не определился, много их перебрал. А вот Вика уже выбрала: архитектором станет. У неё дома из песка и кубиков здорово получаются...

Дачников на перроне — пруд пруди! Навьюченные, с колясками, с собаками. И всё-таки смог протиснуться Гриша в толчее к окошку. Как в песне поётся: «Всё гляжу я в окошко вагонное, наглядеться никак не могу...» У него почему-то дух захватывало и сердце замирало, когда даль за далью летела...

В вагонной суете колготились пирожочники, мороженщицы, газетчики, узбечки с барахлом, гитаристы с песнями, слепые-попрошайки; «зайцы», бегающие от контролёров; пивобрюхи-пивососы с бутылками...

Солнце летело рядом с электричкой, щедро рассыпая лучи по вагонным окнам, ослепляя, радуя Гришу надеждой на скорую встречу с папой Гошей. Как и тогда, в грибном лесу, указывало оно верную дорогу...

А пирожки-то запашистые! Так на поезд спешил, что даже маковичков не взял в дорогу. Да ладно, Пашковы от пуза накормят. У них такие кружевные блины на сметане!.. Мама раным-рано встала, напекла целую миску. А сама на работу... Маковички со сметаной — пальчики оближешь! И без сметаны тоже... Сколько будет два плюс два, Валентина Борисовна спрашивала. Да Гриша целых пять маковичков может слопать! Так бы напузился — во! Он даже похлопал себя по пузёшке. Да-а, жалко, что не взял! Вон все что-то жуют, пьют. Мороженки в такую жарень — само то!.. «Зайцы» — здоровые мужики, парни, девки. Они-то что бегают? Деньги-то наверняка есть. На пиво экономят. Вон пивобрюх прямо из горла махом вбухивает в себя целую полторашку «Балтики». У мамки на работе тоже такие есть: от них дурнотой пахнет. А вот Гоша всегда побритый, одеколоном надушнённый. Форсистый!

— Форсу много в тебе, Георгий! И откуда? — недоумевала Зинаида. — Сельский механизатор, тракторист, комбайнёр.

— Первый я парень на деревне, Зин!

— А что же холостякуешь?

— Вредный я, ёжкин крот, на выбор, Зин, разборчивый. А вот ты мне навсегда приглянулась, по всем статьям. Всё при тебе. Само то! Холостяжеству — бой! Зазноба ты моя!..

А ей послышалось: заноза. Но переспрашивать не стала, лишь усмехнулась:

— Ну-ну!..

Вот этим «ну-ну» всё и обернулось...

Катил Гриша Лизунов, на что-то надеясь, чтобы всё без «ну-ну» обошлось. Будто кони подковами

стучали — так дроботили колёса поезда по рельсам. Чётко, уверенно. Тра-та-та!.. Однако грусть дорожная, а то и щемящая, томила подчас детскую душу. Как-то всё сложится?.. Станции, полустанки, грохочущие мосты через речки с кувшинками. Долины, перелески, холмы… Бескрайние просторы, необъятный окоём. Дух захватывает!..

— И куда же ты такой малёхонький едешь, да ещё один, без взрослых?

Эта тётечка впервые ехала на дачу к знакомым. Чувствовала себя не в своей тарелке, но старалась казаться умной и интеллигентной в разговоре с соседями по вагону.

— Да что вы говорите?!.. — то и дело восклицала она, гусыней вытягивала шею и глубокомысленно вздыхала: — Да-а, всё не так просто…

Она уже многим изрядно надоела, и Грише тоже: «Заладила одно и то же!» И на её вопрос он хотел гордо заявить, что едет к папе, но удержался от такого хвастовства:

— Меня на станции встретят!

Соврал и поёжился, боясь, что «гусыня» и дальше станет расспрашивать. Но она уже к «политикам» прилепилась, картинно удивляясь и вздыхая, по-гусиному поводя головой…

А дорога стелилась то грустью, то надеждой… И в вагонном разговорном гуле Гошин голос чудился… Встречная электричка пронеслась полоской света. Вздрогнул. А вдруг Гоша в ней?! К ним мчится!.. Но голос, похожий на Гошин, отвлёк от коварной догадки. А то сорвётся, рванёт назад. Потрогал ключ на шее, который чуть холодил. А за окном солнце рассиялось. И в вагоне. Затопляло светом своим сорные разговоры…

— Мы с тобой, Лёха и Петро, настоящие сливы общества!

— И Жулька с нами. Всё понимает, только не разговаривает. А, Жуль?..

Жулька — косматая болотная кочка, одни лохмы, глаз не видно, лишь один носик поблёскивает. Шерсть под носом раздвинулась — улыбка нарисовалась. Мужики, троица, крадче в пластиковые стопочки водку разливают. Без закуски, лишь крякают, засаленными рукавами занюхивают. Жулька по-бабьи тяжко вздыхает, поскуливает. Морщится от злого запаха. Ничего ей не перепало. Забыли о ней пьянчужки. Тряхнула головой, сбросила космы с глаз, на мальчика уставилась. Он тоже голодненький.

— Трое с водкой, не считая собаки.

— Вот ты, Колян, и есть слива. Шнобель у тебя как слива. Носогубные бобоны и морщины. Шмутьё бы хоть обновил!

— Здоровье дороже! Так ведь, Жуль?.. Вот ей ничего не надо обновлять, вон какая шуба! Да, Жулечка?

— Э-эх, запузыривает Россия! Водка — сладкая напасть. Так и лезет, стерва, в пасть!

— Дмитрий Иваныч виноват!

— Кто-кто? Какой Иваныч?

— Менделеев нахимичил.

— А «Путинку» — тоже он?..

— Вон Украина обиделась на нас, аж до похудения.

— Что у них, что у нас — штатные шестёрки.

— Это как это?

— Ну те, которые шестерят перед Штатами.

— Внимание, граждане пассажиры! Премьера старой песни на новый лад с моей верной подругой гитарой:

> Широка страна моя родная,
> Много в ней лесов, полей и труб.
> Я другой такой страны не знаю,
> Из которой деньги прут, и прут, и прут!..

— Да-а, элитка забанила граждан! Мировой интернационал ростовщиков. Цивилизация «шарли».

— Мудрёно!

— Всё научно! Был культ личности, теперь культ наличности. Газовый начальник, наше достояние, вон как забубенивает! Шестьдесят миллионов в день — на рыло!

— И куда ему столько?

— Ха-ха!.. Нет ответа!..

— Подайте шлепому кто школько может!..

— Да, редкостный кадр и настоящее достояние! По-честному сдал дружбана Улю… лю… каева. Теперь культ личности — это культ наличности.

— Да что вы говорите?! Да, как всё непросто!..

— Что ж поделаешь, человек — сущность экономическая.

— Где корыто полное, там и родина.

— Мороженое: сливочное, пломбир, эскимо, фруктовое!..

— Вот эта сучность и чмырит свой народ.

— Какой он свой? Генетическое отребье — мы для этих сучностей. Ксения Анатольевна Собчак так выражовываются. В президентши метит.

— С каких мухоморов?

— Пущай свой выводок «Дом-2» в правительство забирает.

— Папаня ейный чуть главным в Кремле не засел.

— Она папашино завещание выполняет, дочерний долг.

— Демшиза! «Сладостно отчизну ненавидеть и жадно ждать её уничтожения».

— Ох, Россиюшка!.. Клюнула в её темечко стая жареных петухов.

— Вершители, блин!

— Что высоко, то иссохнет. Что низко, то исполнено будет!

— Дай-то Бог!

— Президенту направить бы Россию по китайскому образцу или хотя бы в сторону Швеции.

— Слепой поведёт — все в яму рухнут.

— Как с глухаря вода. Опять токует.

— Над пропастью во лжи.

— Пирожки горяченькие, домашние, с капусточкой! Сосиски в тесте!..
— Маещки, футболощки, щулощки, носощки!..
— Что это вы, дамочка, в нос всё говорите и грассируете?
— Не француженка я, а простуженка.
— Газеты свежие! Самая популярная среди наших женщин «ЗОЖ»! Специалисты-диетологи рекомендуют во избежание иммунного дефицита и авитаминоза заготавливать на зиму настой на ежовых иглах и сок бобриный.
— Ты, газетчик, целуй со своим «зожем» пьяного ёжика взасос!
— Не мешай, дядя, газетному обзору! Пущай обозревает!
— Печальная новость в новостной газете «Жук Жак»! Кошка премьер-министра Новой Зеландии Джасинды Ардерн по кличке Паддлз погибла в результате наезда автомобиля.
— С такой кликухой немудрено в ДТП вляпаться!
— Не могли кошке нормальное имя дать.
— Кошка-то не виновата, что у них премьер такой.
— Зато у нас хоть куда! На все сто! Чудо!
— Тут же сообщается, что в Норвегии запрещено плакать. Слёзы — признак эмоциональной нестабильности.
— Что норвегам плакать? У них от нефти государство проценты накопительные на сберкнижки кладёт, пенсии добавляет.
— Вот это настоящее государство! Заботится.
— А есть ли у нас государство?
— Было когда-то...
— Было да сплыло...

Гришин слух зацепило весёлое название газеты «Жук Жак», и он улыбнулся. А вот кошку жалко. Да и не кошка это была, а кот. И звали его Пазл. Всё напутали. Жалко Пазла!..
— Первая кошка Новой Зеландии... Тьфу ты! Опять про неё!..— скуловоротная, раздирающая позевота.
— Ты весь вагон проглотишь!
— Это вы — глотатели пустот! Нате, жрите!..— стал разбрасывать газеты.
— Вот это да-а!..
— Это у него от кошки зеландской крыша поехала.
— У всех у нас давно уже крышак набекрень!
— Фламинго со сбившимся навигатором.

Газетную эстафету свихнувшегося на кошке подхватил его конкурент.
— «Наши будни» сообщают: «Президент поздравил с девяностолетним юбилеем самую старейшую правозащитницу Л. Алексееву, которая в ответ попросила освободить из заключения Сенцова, обвинённого в подготовке теракта в Крыму. Путин пообещал, что вообще-то можно, но не сразу». В этом же издании от семнадцатого августа Мария Захарова обнародовала данные о том, что накануне президентских выборов тысяча девятьсот девяносто шестого года личный состав посольской резидентуры ЦРУ выделил пятьсот миллионов долларов для избрания Ельцина.
— По всему миру свои щупальца раскинули.
— Бурбулисы, Гайдары в объятия к этим щупальцам полезли.

Пропою я вам частушки,
Слушайте внимательно,
Про лондоновску избушку
Олихаркателя.

Там бассейн, спортивный зал,
Хоромы все из мрамора,
Олигарх в них заплутал
Со своей мадамою...
Чтоб он там совсем пропал,
Обезьяна ср...ная!

— Молодец, частушечник! Это по-нашему!
— «Толстушка» «По секрету всему свету» раскрывает подробности резни в Сургуте. Уроженец Кавказа, тысяча девятьсот девяносто восьмого года рождения, нанёс ножевые ранения в центре города восьмерым прохожим. Уточняются имя и фамилия неизвестного.
— Неизвестный... А год рождения полиция и СМИ откуда узнали? Темнилы толерантные!
— Газета «За фук!» приводит любопытный факт, что в Швеции анонсирован мультфильм для детей «Сказка про Крота, который хотел узнать, кто накакал ему на голову».

Гриша брезгливо поморщился, ему вспомнилась весёлая Гошина присловка: «Ёжкин крот!» И он представил, как Гоша обрадуется ему: «Ёжкин крот! Кто к нам пожаловал! Да это сам Григорий Георгиевич! Это сынок мой любимый! Прошу любить и жаловать!..»
— Евромаразм крепчает!
— Еженедельник «Рабочий и колхозница» поместил скандальную новость, как Ургант обозвал передачи Соловьёва «соловьиным помётом». В этом же номере главный раввин России Берл Лазар заявил, что евреи в России чувствуют себя уверенно, зажигают ханукальные свечи на центральных площадях с мэрами и губернаторами в ожидании Машиаха. Здесь же перепечатка из немецкого журнала «Фокус». Обозреватель этого авторитетного издания высказался о госпоже Меркель: «Она боится собаки Путина и не боится Путина».
— Да-а, всё не так просто!..
— Тётечка, у вас такие ногти длинные! — Грише надоело слушать всякую болтовню, и он решил поддеть «гусыню».
— Нравятся?
— Нравятся. Наверное, по деревьям лазить хорошо.
— Да что ты говоришь?
— Тёть, а тёть, а зря вы краситесь! Вас уж, наверное, никто не возьмёт.

— Это не есть хорошо, мальчик!.. Да-а, всё не так просто! Какие нынче современные дети пошли, шибко грамотные!

Гриша воспитанно кашлянул, сдвинул бровки домиком, участливо и вежливо обратился к беременной женщине:

— Тётя, садитесь! Я уже большой, постою. А вашему ребёночку ещё силы нужны, чтобы из животика вылезти.

Гвалт поднялся, заполох:

— Бежим, толпа! Она идёт!..

Тучная ревизорша с бляхой на груди заняла полвагона.

— Общественно-политическая газета «Анализ» отмечает, что центральные каналы российского тв охотно предоставляют эфир украинским русофобам. И задаётся вопросом: почему так происходит? И, как всегда, популярный «Поводырь» помещает заманчивые объявления: «Продаётся дом рядом с тихими соседями», «Салон белой и чёрной магии „Чаровница" предлагает: приворот, отворот, гадание по линиям жизни, лечение наложением рук, чистка вашей кармы».

— Чистка карманов!

— Спешите! «Толстушки» на тридцати двух страницах, цена тридцать рублей. Остальные—всего по десять! Покупайте свежие новости!..

— Мама, мама! Вон птицы! Крыльями махают. Аисты! Меня же аист принёс?

— Вороны накаркали! Не лезь в окно! Сиди давай!

— Граждане пассажиры! Во избежание террористических актов...—разнеслось по вагону радиопредупреждение.

— Уже в швырнадцатый раз предупреждают!

— Да, для иных политика—плёвое дело. Как два пальца обсосать. А судить надо не выше сапога.

— Каждый суслик—агроном!

— Лучше ни о чём не думать.

— Хм-м... Это—мысль!—поддакнул пофигисту напыщенный, как индюк, господин.

«Индюк думал—и в суп попал!»—неприязненно усмехнулся Гриша.

— Слышь, Петровна, Путин с Медведевым себе зарплаты выписали аж по сорок тыщ.

— Тушёнку небось кажин день жрут!..

Болтовня вагонная, сумбурная, бестолковая... В ней как бы голос Гошин. Знатный политик, душа любой компании. Вот бы стал душой своей семьи: Гоша, Зина и Гриша!.. И поезд резвым скакуном стукотил, а от него в даль дымчатую грустью стелилась охристая дорога. И Гришу то картинки скорой встречи порадуют, то взгрустнётся: сбудутся ли?..

— Знатные у нас песельники в «Ромашке»!—похвалился дачник с голосом, похожим на Гошин.

— Сколько талантов закопалось в землю, связавшись с дачами!—усмехнулась дама с нервной собачкой.

— И здоровья!—добавила пучеглазая, с набрякшим лицом, дама, похожая на Тортилу.

— Сиреневка! Следующая—Золотая Долина!

На Сиреневке гуртом вывалились последние дачники. А Гриша уже за ними потянулся, встал в тамбуре наизготовку. Вот-вот откроются две половины двери—и он выпрыгнет на перрон...

Вместе с Гришей на станции высадились старушка с кошкой в корзине и тётка с двумя полосатыми «челночными» баулами. Челночница загрузилась в легковушку, а кошатницу забрал мотоцикл с люлькой. Подкатил на велике белобрысый, покрутился, напрасно кого-то выглядывая, и упылил. Гришу никто не встретил. Вот бы Никола Пашков на «Ямахе» подрулил! А ещё лучше, если бы папка подъехал на «Беларуси»! Никого!..

Лесостепная русская сторона. Дали неоглядные. На равнине ды́мка белее молока. Вспененные облака. Жаворонок ручьисто журчит в вышине. Ветерок атласный ласкает лицо Гриши. Вдоль дороги, обочь, травы стеной. За придорожным травостоем волнилась овсяница. В её лосных волнах играли разноцветьем полевых цветов сарафанные ситцы. Сколько жизни в высоких травах! Стрекочут, скворчат, жарят кузнечики. Весёлые пташки вспархивают тут и там.

Гриша-удалец вичкой-сабелькой срубил длинноусые колоски овсяницы. Брызнули, сыпанули прямо в ноги зелёные кобылки, ударяясь о кроссовки. Всполошились, заперелётывали кургузые перепёлки. Стрекочущие кузнечики разом замерли—и облачко их зелёно-золотистое взнялось, воспрянули сомлелые цветы. Гришу обдало жаркой духмяностью, в носу защекотало, и он чихнул. И точно от чиха засигали через дорогу длинноногие кобылки, путаясь в ногах мальчика.

По дороге пыль змейкой заскользила. Извиваясь, свилась в кольцо, заколесила, закуролесила, завихрилась... И опала, улеглась.

Воздух струился от зноя, в нём слюдяные стрекозы дрожали... И резко срывались к оврагу. В край его корнями вцепился раскидистый вяз. Под ним, в тени, чирикал воробушком ручеёк. Рябь его блескучая слепила глаза. Гриша зажмурился крепко-крепко... Так же и река у дома отдыха блистала. А он по плёсу скакал на закорках Гоши. И мама так же блескуче смеялась... Струйчатая вода, тонкие морщины ручейка—как у мамы... Наверное, ещё не пришла с работы, не знает, что сын за папкой отправился...

Ладошкой зачерпнул водицы, попил, лицо ополоснул. Спустился к тихой заводи с рябью мальков, снующих в шелковистых водорослях. Жук-плавунец с наслаждением потёр нектарные лапки на розоватом цветочке зонтичного сусака. Спустился по стеблю к воде и нырнул, как заправский пловец, запузырил. Водомерка важно заскользила на

четырёх лыжах, оставляя светлые ниточки следов… Поедут они всей семьёй снова в дом отдыха, к реке. А Гриша изобретёт и смастерит такие же лыжи, как у водомерки, чтобы на другой берег по воде перейти. А то тащатся на водных лыжах за моторками, как хвосты. А сами не могут… А он как пойдёт прямо по воде! Вот все удивятся!..

Осока, камыши, солдатик рогоза. Неумолчный звон насекомности в мощной зелени. И надоедные комары вьются, прямо в ушах звенят.

Поднялся на дорогу. Чудно́е небо! Таким разным бывает. Всё время меняется. Сейчас вот музыкальное, как на музыкальном часе в садике: птицы, как ноты, в нём летают, поют… Облачко—яблочко наливное. Другое взбилось—зефиркой… Попить—попил. Сейчас бы яблочек и зефирок—о-о, сколько бы слопал!.. Облачко—как лодочка. Поплыли! Гриша за вёслами, гребёт, тужится. Корпусов дома отдыха уже не видно. Гоша маму обнимает, жену свою. Потом Гришу, своего сыночка, меняет его за вёслами… Потом загорали, купались, бегали втроём наперегонки. Как весело было, хорошо!.. Эх, вот бы босичком по пуховым облакам побегать! Наперегонки с облаком—зайцем-побегайцем… А вот облако—кудрявое. Как пудель Викин, Антон. Она ему попонку сшила. Говорит, что сама. Наверное, и сама, и мама помогала, и бабушка. У Вики и дедушка есть. Всё у неё есть. А у Гриши, кроме мамы,—никого. Мама…

Вику в пятницу родители сразу после полдника забрали, в цирк. Гриша тоже с мамой в цирк ходил. Ох, сколько всего там интересного!.. Пудельки, модно постриженные, по кругу бегали, озорно лаяли. Один через другого прыгали, в чехарду играли. Антон, он покрупнее, тоже с Викой в чехарду играет… Нарядная девушка в кокошнике, на Вику похожая, тоже с ними бегала, подбадривала. А потом она двух огромных лохмачей вывела—алабаев. Её даже и не видно было среди них. Они на задних лапах ходили, потом боролись и свалились в кучу малу. Вот забава!.. А тигров жалко. Не хотели они подчиняться дрессировщику, огрызались, рычали. Отпустили бы уж их на волю!.. И скакун на волю тоже рвался. Тесно ему, и разбежаться негде. Стройный, порывистый, с тонкими сухими ногами. Потанцевал для публики балетно—и упёрся, заржал негодующе, вздыбился. Заперекатывались мышцы под кожей с золотым отливом. Конь-огонь! Вытянулся струной и помчался по кругу, понёсся… Вот-вот вылетит из душной раковины цирка вольным ветром!..

Гриша даже попробовал вылепить скакуна из песка, но стройные ноги не получались, рассыпались. Раздосадованный, начал поглядывать на дорогу: а вдруг мама тоже пораньше придёт, и они тоже в цирк пойдут, и Гриша опять будет любоваться огнистым скакуном?..

И вдруг он краем глаза увидел, что мама и впрямь идёт по дороге.

— Мама!—радостно закричал и бросился к штакетнику.

«Гришенька, сы́ночка!»—обычно отзывалась она, просовывала руки между высоких штакетин, гладила его и шла ко входу, к воротам. Теперь даже не оглянулась, прошла мимо. Он отдвинул болтающуюся штакетину, пролез в дыру.

— Куда ты, Лизунов?!—закричала воспитательница.—А ну вернись! Назад! Кому говорю?!..

— Ма-ама-а!..—спотыкаясь, бежал он в слезах, падая, и звал, звал:—Ма-ама-а! Ма-ама-а!..

Уткнулся в подол, схватился за него ручонками…

— Мальчик, ты что?..

Поднял зарёванные глазёнки—чужая тётенька!

— Ты обознался, детка.

Ушибленно поплёлся назад. Обознался… Перепутал маму с чужой тётей. Как же так?.. И волосы пышные, золотистые; и кофточка белая в горошек, и юбка синяя в полоску… И так горько ему стало. Как будто мамка предала его, бросила. Как будто он предал её. А всё из-за того, что ждал, ждал и так заждался, что и обознался. Почти стишок сложился. И от стишка этого успокоился, а то бы ещё надрывался…

Как хорошо, что у него есть мама! Больше он её никогда ни с кем не перепутает, не обознается. Мама есть, и Гоша папкой станет. Вот и будет полная семья. Всё будет как у людей. А то: мать-одиночка. Какая же она одиночка, если у неё сын есть? Их же двое. А будет вообще трое! И всё будет хорошо!..

Вольно раскинулась меж голубых холмов долина, облитая солнцем. Всхолмления, берёзово-осиновые рощицы. Уютные хуторки в их тени поодаль дороги. Оттуда доносились лишь петушиные клики, взлаивание собак.

Полуденное солнце било прямо в лицо Гриши. Надвинул пониже длинный козырёк бейсболки. На околице деревни мосток через высохший ручей. Прошёл по нему, шаткому и скрипучему,—и нос к носу столкнулся с телёнком. Бычок—белый бочок. Хорошо, что на привязи. Рыжие—они вредные. Раскорячился, верёвка натянулась—вот-вот порвётся. Набычился, будто уже бодает. Рожки ещё только шишками вылупились, а уже гроза грозой. Страшно—аж жуть!.. Поняв, что мальчик не боится его, запрыгал по-телячьи, играться захотел. Конечно, скучно здесь ему одному. И поиграть не с кем. Надавал Гриша лёгких, ласковых щелбанов по белой звёздочке на лбу. Стишок начал:

— «Идёт бычок, качается, вздыхает на ходу…» Нет, это не про тебя, игрунчик. Ты вон какой прыткий! Ладно, спасибо за внимание! Некогда мне, Рыжик. К папке спешу. До свидания!

Другой быча, рогатый, жарой будто слепленный в пельмень, дремал на заклёклой, ископыченной

земле. Оводы и слепни лупасили его, грызли, а он не обращал на эту бесноватую свору никакого внимания. Стороной обошёл Гриша опасное место: как бы на него не набросились злыдни. От комаров на даче-то натерпелся. А эти носятся, как пули, с ног собьют, до болючих волдырей изжалят. Бр-р!..

Деревня томилась в душном безветрии. Даже бабочки спали на лету. У лужи, затянутой ряской, понурились гуси. Гусиные перья разбросаны по небу, а гуси—вот они, тут.

—Тега-тега!..

Даже не зашипели. Утки выхрамывали в тени забора.

—Утя-утя!..

Даже не крякнули. Полуденный зной. Август в золотом забытьи… И вдруг покатился подсолнухом. С какого палисада-огорода сорвалась эта золотая кудрявая голова? С пашковского. Вот-вот—и они все бросятся к своему Гриняточке! И папка впереди!..

Частокол забора, резной палисад. Янтарные ожерелья облепихи плавятся с терпким, вязким запахом. Индюк-расфуфыра. Такой же ехал в электричке. Как, бывает, люди походят на индюков и других птиц и зверей!.. Маслянистый красный гребень. А с клюва то ли сопля висит сукровичная, то ли кишка. На шее «слюнявчик» жамканный. Мясистый бородавчатый нарост на клюве кровью налился. Хвост веером задрался. Саблевидными окрылками землю скребёт. Шпоры о землю точит. Вот-вот нападёт, несураз. Ой-ой, как страшно!.. Поклекотал, задумался.

—Индюк думал—и в суп попал!

Пробормотал пугало миролюбиво, хитро покосился: мол, здорово я тебя напугал! То-то же!.. И Гриша погрозил ему пальцем: вон как дулся, а сам добрый, притворщик; да и узнал, поди.

Курицы-копуши запурхались в пыли. Пеструшки и рябенькие хохлатки.

—Цыпа-цыпа!..

Заквохтали квочки. Из-под зубчатого забора вылез их господин, петух. Отряхнулся, вытянулся во весь молодецкий рост и прогорнил, как трубач. Гоша говорил, что он бойцовский, дом сторожит надёжнее Мухтара. Да, боец-красаве́ц! Огнистый, хвост—серпы калёные, чёрные. Косится, зыркает враждебно, кокочет, боком-боком к мальчику подступает. Не признал Гришу. Крылья топорщит, разминает. Вот-вот взмахнёт ими и наскочит, побьёт, заклюёт!.. Сжалился. Грудь колесом. Выгнулся жирафом и заорал благим матом. Аж оглушил!..

Мухтар загремел цепью, зашёлся в лае до визга. Овчар, шерсть чёрная с глянцем, жёлтые подпалины на щеках и в подбрюшье. По-киношному геройской кличкой наградили. Гоша целый день знакомил Мухтара с Гришей, приручал. Поначалу дружба не ладилась, побаивался мальчик грозного пса. Стыдил Гоша:

—Гриша, ты куда? Постой, ёжкин крот! Не надо показывать, что ты Мухтара боишься!

А мальчик чистосердечно признавался:

—А зачем я ему буду врать? Я ведь и вправду его боюсь!

Потом сдружились. Гриша на Мухтаре даже прокатился, как на коняшке. Когда он у Пашковых гостил, Мухтарка как миленький был, собака-танцевака. Подлизывался, ластился, костомаху выпрашивал. А тут не признал, зверь зверем. Рвётся с цепи, забор ломает. Из пасти аж дым валит, вот-вот огнём полыхнёт. Аж поперхнулся от злости. Зашёлся в лающем кашле, в стариковском. Так тебе и надо, собака-кусака, собака-бяка!..

Другой кашель раздался рядом. Ослепила никелем «Ямаха». Щуря глаза из натекающего пота, поднял тёмно-зелёное забрало «инопланетной» каски Николай:

—Мало́й, ты, поди, Гошку ищешь? Тю-тю его! Умотал, завербовался.

Насупился Гриша: Никола малы́м его назвал, как чужого; и Гошу грубо—Гошкой, дядю своего. Да и не поверил ему:

—Обманываешь! Вон его голос! Он песню поёт.

—Померещилось тебе. Это на дачах!—Николай махнул рукой туда, откуда доносилась песня.— Не веришь? Ну как хочешь… На край света за длинным рублём он подался, бешеные деньги, на Тихий океан, Курилы…—как взрослому, стал объяснять.—На ихнем острове рыба попёрла, бабки. Пути́на!.. Нам здеся и не снилось! Туда и сквозанул. Устроится—и я к нему!.. Терпи, казак, атаманом будешь!—и он «показаковал» на своей ненаглядной «Ямахе».

Пыль с чадным выхлопом взнялась. Петух поперхнулся, издал ржавый карк.

Не распустил нюни Гриша, лишь носом шмыгнул. Померещилось… И в электричке у дядьки голос был как у Гоши. Прислушался: да это же Гошина любимая песня! Самодельная, он её сам сочинил:

> Над садами плыл запах сирени.
> От любви опьянён, я твои целовал колени…

Это он маме в любви признавался. Там папка, там, на дачах! Это его песня! Кинулся Гриша на папкин голос, побежал. Ключ на потной шее болтался, бейсболка ёрзала на взмокшей голове, сбилась набок. Скомкал её в кулаке и припустил ещё шибче… Уже другая песня завелась: «Расцвела под окошком белоснежная вишня…» Тоже папкина. И мамина любимая. И Гриши. Втроём складно в парке дома отдыха пели. Все отдыхающие заслушались… Хоть бы папка пел и пел! Чтобы песни не кончались. Папкин голос дорогу указывает, к себе зовёт…

Фанерка указательная на крестовине: «Садоводческое товарищество „Ромашка“». Но на голос прямо не побежишь. Проулки, закоулки, криулки…

Запыхался, пот глаза щипал, отёр запалённое лицо шапочкой. В висках от бега кровь бухала, сердчишко скакало. Отдышался. За калиткой под сливой за дощатым столом уже не песня стройно звучала — пьяно горланили вразнобой. Нет, не видели никакого Гошу. В «Ромашке» все друг друга знают, и Пашковых здесь нет!..

Убитый горем, как согбенный старичок, побрёл не зная куда. Подзаборная шавка с тявканьем наскакивала на него. Хозяева увещевали её:

— Ляля, Ляля, не обижай мальчика!..

А он даже не замечал её наскоков. Шёл себе и шёл... Ему всё-таки мнилось, что Гоша был на даче, пел — и сбежал. Предал. Обманщик, мухомор. Никакой он не папка. Он никто!.. А Гриша от горя в лесу заблудился. Раньше запросто выходил. Протяжный, тоскливый вой поезда. Эхо за эхом разносятся над лесом, путают стороны света. Куда идти?.. Выбрел на завиток лесной поляны. Рой солнечных зайчиков при колыхании деревьев вокруг поляны играл на ней. И Гриша, чуть не расплакавшийся от отчаяния, немного приободрился. Ничего, вон в телевизоре девочку Таню показывали. В лес за грибами с родителями пошла. Целую неделю, аж шесть дней, — одна в лесу! Как же выжила? Медведи подходили, не тронули, волки, рыси... Да они только на злых серчают. А Таня, как и Вика, добрая. Машенька из сказки трём медведям даже постель постелила, порядок у них в избушке навела. А Маша из мультика вообще с Мишей дружит и прикалывается над ним по-доброму... И Боженька добрый. И всё доброе — если перед ним не злое. Мама про доброго батюшку Серафима рассказывала. Он был такой добрый-добрый, медведя хлебушком потчевал. А Миша мёд ему приносил, который пчёлки в дупле собирали...

Плачет кто-то, зовёт на помощь. Кошечка, шубка бело-рыжая в чёрную крапинку. Лапкой пытается освободить из паутины жука-оленя. Он на танчик похожий, только с рогами. Рога и запутались. Гриша козявок не боится. И мышек тоже. Только комаров, которые жгуче жалят, а потом почесуха. Отмахнулся от них длиннокозыркой. Бережно выпутал жука. Тот на его ладошке встал на задние лапки, на цыпочки. Потянулся, повёл тяжёлыми рогами — и взлетел вертикально, как солдатик. Ну и Жук Жак!.. Гриша заворожённо посмотрел ему вслед. Радостно: освободил! С помощью доброй кошечки. А она трётся бархатной щёчкой о руки мальчика, мурлычет благодарно. И не мяучит, а жалобно говорит: «Ма-ма!..» Вот это да-а!.. Наверное, помочь ещё кому-то хочет. С ней Гриша не потеряется. Она к людям выведет. Пошёл за ней. В высокой траве терял её, кискискал. Она поджидала его, отзывалась: «Ма-ма!» Вот бы поводок к ней привязать, а то убежит, и он один-одинёшенек останется... Но она не убегала. Куда-то вела. Наверное, к себе домой. Может, у неё там котята голодные, вот она и тревожится. Но где же её дом? Дачи давно кончились. Впереди тёмный лес. Долго уже скитаются. Гриша подустал. Натерпелся за день. Эх, не надо было своевольничать! Втемяшилось: папка, папка... Да ведь и мамке хотел помочь, извелась вся... Нет, лучше бы вдвоём с ней поехали. И что?.. Смотался Гошенька в сторону моря. А для неё — удар. Нет, правильно поступил, чтоб её не травмировать... Устал. Облака — пуховые подушки... Свернуться бы калачиком в духмяной траве, поспать бы полчасика под пение мурлыки... Поезд будто рядом «подковами» простучал. Так эхом близко донеслось. И там... И там... Будто кони повсюду... Так мечталось Грише увидеть скакуна в деревне, промчаться на нём!.. Вот летит он, как ветер; грива развевается, искры из-под копыт!.. Не то что Колькин мотик. Что это за деревня, если кони не скачут? А ещё Золотая Долина. Никакая она не золотая!..

— А у вас коней нет!.. — уже сонно пробормотал Гриша, сморённо сворачиваясь калачиком в травяной перине. — Какая-то ненастоящая деревня, ненастоящие, обманные Пашковы...

Снился ему горизонт, он ширился, алел, шевелился. И оттуда, издалека-далёка, шла мама. К нему, навстречу... Солнце подсвечивало горизонт снизу, играло сполохами: зеленоватыми, голубыми, сиреневыми, фиолетовыми... Каждый охотник желает знать, где сидит фазан... Тёплое, усыпляющее мурлыканье не даёт Грише даже ворохнуться в своём гнёздышке. И не только в своём. На пару с ласковой кошечкой, похожей на маму. Нежный цветочный запах струйкой вьётся из травы вместе с вьюнком, зовёт в путь. Кошечка сморщила личико, повела розовым носиком, задела пряный «граммофончик» цветка, чихнула потешно.

— Будьте здоровы, сударыня! — вежливо пожелал Гриша.

Трава сочная, влажная, а он не мокрый. В обнимку с тёплой пушистой кошкой спал, потому и не промок. Как же её звать? Кискиснул. С наслаждением выгнулась, подняла хвост трубой и повела мальчика дальше. Оглушительно грянул хор лягушек. Будто дорожный марш.

Спустились в лощину. В сыром воздухе кисло, прогоркло пахло прелой листвой. Звенело комарьё, всё плотнее, злобнее окружая Гришу. Хорошо, что надел плотный джинсовый костюмчик. Но бейсболки не было. Сползла с головы, когда уснул. Не возвращаться же? Потрогал ключ на верёвочке: на месте. В лопуховых зарослях сорвал целый «зонт» и стал им отхлёстываться от налётчиков. К кошке не так лезут, но и от неё отгонял лопухом злыдней.

Кусты тальника и вереска спутались с разнотравьем, сбились, как войлок. Киса юркнула в тьму эту, и оттуда птица вылетела с отчаянным писком: «Пить! Пить!..» Подобрал Гриша суковатую палку,

пробил ею в зарослях пролаз, протиснулся через зелёную стену. Вот тебе и «пить-пить»! Из валуна, поросшего зелёным мхом, бьётся, курлычет живая водица. Рядом у бочажка на косматой кочке, похожей на Жульку,—другая кочка. Жабища замшелая, страшила, в пупырьях, бородавках. Пучится, скосоротилась, скрипит, урчит. Рожу корчит, стращает. Сама милота! Василиса Прекрасная. Стрелу Ивана-царевича—в щелястый рот!.. Хлопнул Гриша в ладоши. А она таращится, лупит глазами. Замахнулся палкой на неё. Бултыхнулась в иззелена-чёрную воду бочажка. Подставил Гриша ладони под родниковую струю, обжёгся холодным искристым глотком. Ох и вкусная живая водица! И киса задрожала вся, лакая из ручейка, так пить захотела. А с той стороны к валуну тропинка протоптана. По ней и побежала киса. Гриша за ней едва поспевал. Избушка завиднелась. Развалюха, похилилась. Выветренные, выгоревшие на солнце бревёшки—как худые рёбра. Дверь с облупившейся краской чуть приоткрыта. Кошка прошмыгнула в щель. Гриша меленько постучал и вежливо произнёс:

— Туки-туки!..

Отозвалась лишь кошка и не мяукнула, а как бы сказала: «Ма-ма». Гриша пошире приоткрыл дверь, она жалобно проскрипела. Вошёл. Затхлостью шибануло. Хотел культурно снять кроссовки, да в полумраке едва не споткнулся о чуни—сапоги с обрезанными голяшками. Они стояли перед топчаном. От порога до него шагов семь: столь тесной оказалась малуха. На топчане скомкался ворох тряпья. Всю эту кучу пыталась разгрести кошка. Наконец из-под ветоши послышался слабый старческий голос:

— Мама, это ты?..

Гриша догадался, что старуха так зовёт кошку.

— Бабушка, ты не спишь?—кинулся к ней.

— Мнученек!.. Ты, Мама, его привела?.. Попить бы!..—еле выговорила старуха иссушенным ртом.

Справа от чуней, над печкой, сделанной из железной бочки, висел ковшик. Гриша схватил его и побежал со всех ног к роднику. Даже жабы не испугался. Обратно, чтобы не расплескать живительную водицу, двигался мелкой побежкой, словно щепотью. Мама в нетерпении поджидала спасителя у постели постанывающей бабушки. Гриша поднёс ковшик к губам старушки. Напившись, она облегчённо вздохнула. В телогрейке, выжженной пóтом, свесила ноги в залатанных валенках. В такую жарень!..

Морозило её. День последний стыло глядел и темно. Она уже собралась встречать зиму жизни своей. В августе—холод смерти…

Испила ещё водицы, и голос её стал мягким, матовым:

— Так-то лежала, думала, не упаду… Нет, упала… Лежала бы себе и лежала, и тихо бы отходила, облекалась в смертушку. Нет, жить, грешной, захотелось, помолиться на ясный образ неба. Вот и приподнялась—и бухнулась на пол. Еле-еле назад заползла. Уж как Мама хотела пособить, исстрадалась вся. Уже который день кряду так-то недвижно лежала…—то ли сама с собой, то ли с Мамой и мальчиком делилась наболевшим старуха.—Некому и воды подать. Мама-то не может, переживает. А я занемогла, занедужила, нехожалая.

Услышав своё имя, кошка со звонким мурлыканьем разлеглась на коленях у бабушки, и та принялась её наглаживать:

— Песельница дивная! И где обучалась такой высокой ноте? Приголубила Мама бабушку, согрела. Не приблудилась, дом обрела. Коли б не она… Сиротство на старости лет. Зябкость, затхлость, гиблость… Вон сколько света от Мамы моей! Вот и тебя привела, спасителя. А у меня, мнученек, всего-то один рот и два уха: охотнее надлежит слушать, чем говорить. Как звать-то тебя, сударик?

Морщинки на лице её собрались живым узором: седенькая, с приветливой детской улыбкой.

— Бабушка, а от тебя хорошо пахнет!—радуясь её живому виду, подбодрил старушку Гриша.—Улыбкой прям!.. Моя мама тоже приятно пахнет. Её Зинаида звать, а меня Гриша. А тебя, бабушка, как?

— Меня, Гришенька,—Фрося.

— Приятно познакомиться!

— И мне, милок, приятно!

— Ну вот, мы с мамой только вдвоём, у нас больше никого нет. Познакомились с одним… А ну этого Гошу! Обманщик. Мухомор. Не оказалось его в деревне. Сбежал. Зря я за ним поехал. Теперь мама за мной поедет. Доставил я ей хлопот. Испереживается вся…

— Так тебе, Гриша, в деревню надо!

— А как же ты, баб Фрося? Не-ет, одну я тебя не брошу! Ножки у тебя болят. Воды некому подать. А Мама не может… А моя мама найдёт нас. Обязательно! Она знаешь у меня какая?! О-о!.. Сыщица настоящая! «Тайны следствия» по телеку смотрит, про Машу Швецову. А та все следы распутывает. И Мухтар бы мой след взял, да Пашковы меня даже не позвали к себе. Колька ихний скажет маме, что я на дачах… Что ж, не было папки, и Гоша не папка!.. Бабушка, может, и хорошо, что у нас с мамой никого нет? Некому ссориться… У нас в садике Илюша умер. У него папка с мамкой ругались. А он переживал. Сердечко и не выдержало. Мы его хоронили. Все горько плакали. И я… А вот у Вики семья счастливая. Папа у них работает. Вика говорит, что у неё мама красивая и она вся в маму пошла. А когда её мама выспится, Вика говорит, что она и добрая тоже… А как люди умирают, баба Фрося?

— Наверное, их аист уносит.

— Не-е, Илюшу не аист унёс.

— Ты уже, Гришенька, большенькй, в возраст вошёл. Так вот слушай: смертушка останавливает зло в человеке, избавляет от болезни.
— А Илюша добрый был.
— Он-то добрый, ангел, можно сказать. Умер — и родители перестали ссориться, а он — перестал болеть.
— Когда я умру, меня в земельку закопают. А я всё равно из земли вылезу и домой пойду, к маме. И к тебе, бабушка Фрося, и к Маме-киске. И будет нас вообще трое, четверо даже. И всё будет хорошо!

Сладко мурчащая кошурка сквозь дрёму услышала и «кис», и «Маму». Вопросительно посмотрела на мальчика. Соскочила с коленей бабушки и вышла на улицу: дверь плотно не закрывалась.
— Куда это она, бабушка?
— Поохотиться или травки пожевать. Знатная охотница! Дичью меня снабжала: мышами, воробьями, голубями, сороками. Я, хоть и не емши, велела ей самой съесть. Унесла она добычу и припрятала про запас.
— Баб Фрось, а ты ещё вырастешь?
— Нет, Гришенька.
— Ну тогда можно не кушать.
— Посмотри на печке, я там горбушку хлеба на сухарики разломила.

Гриша отодвинул чуни-обрезы за печку, пошарил ладошкой по плите:
— Ничего нету!
— Ах, Мама! Неужто не всех мышей переловила? Хоть опилки жуй, да и опилок-то нет.
— А ёжики тоже мышей ловят. Баба, а у тебя ёжики есть?
— Фыркают, пыхтят в огороде, во дворе, а то и возле крыльца бухтят.
— Один мальчик нашёл в лесу ёжика. Принёс домой, кормил его орехами, наливал молочка. Наступила весна. Залез ёжик на подоконник, расправил крылышки и улетел.
— Да это же не ёжик! Кто это был?
— Ха-ха! Я тоже так поначалу удивился. А мальчик посмотрел ему вслед и подумал, что это ерунда какая-то!
— А ты, милок, такой ерундой голову-то себе не забивай!
— Почему ты, баб Фрося, такая сердитая?

С хитроватым прищуром она скрипуче проговорила:
— С метлы упала! На себя и сержусь.

Гриша расхохотался.
— Смешинка в рот попала? Вот слушай!

Страшненькой старухе
Девяностый год.
Страшненькую бабку
Боится даже волк,
А в избе с испугу
Гаснет и огонь!

— Не-е, бабушка! Вот Викина Барби Яга — так Яга!
— Ишь, какой ты воспитанный! Не дерёшься в садике?
— Бывает.
— А из-за чего?
— Из-за игрушек.
— И кто у вас самый сильный?
— Валентина Борисовна... Бабуня, а мама тоже иногда на меня сердится. Даже по попке нашлёпала. В войнушку во дворе играли, а я устряпался, как анчутка. Бабуль, а кто такая анчутка, ты не знаешь?

Старушка лукаво сощурилась и помотала головой: якобы не знает.
— Эх ты!.. Много будешь знать — скоро состаришься. Да ладно, так и быть, помогу отгадать: четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка чертили чёрными чернилами чертёж. Все слова на букву «ч». Здорово!.. Это когда ты была молодой, чернилами писали. Мы в садике шариковыми ручками пишем, фломастерами рисуем. А чертежи сейчас на компьютере чертят. Вика архитектором станет, и ей смартфон подарили. Но воспитательница строго запретила... Вика с детской горки не решается скатываться. А то упадёт, и голова будет грязной. Она мне по секрету призналась, что мышек боится. Вот трусиха! А я не боюсь! Только вот жаба у родника — ох и стра-ашная!

Бабушка взяла руку мальчика в свои ладони:
— Жму твою мужественную руку, Григорий! И меня давил мышиный страх. И волки, бывало, подходили... А ты не испугался жабы и принёс мне водички. Вовремя напоил, а то я умирала от жажды. А вообще, жаба только с виду страшная. А так она добрая и полезная. Воду в бочажке холодит и чистит. Раньше в деревнях этих лягух нарочно в жбанах с молоком держали. Молочко тогда холодненькое, всегда свежее, вкусное.
— Мама ко мне всё с йогуртом и кашей пристаёт. А я этим наелся на всю жизнь! Теперь-то мы с тобой, бабуля, не отказались бы. Скорей бы уж она приходила! О-ох!.. Да-а, сейчас бы яишенку, глазунью! Тебе, бабушка, и мне. И Маме, киске нашей. Разбить по два яичка. Шесть яичек. И на сковородку! Ох и заскворчит!.. Я Лёшу спросил: «Какую ты кашу любишь?» А он говорит: «Яичницу». Э-эх!..
— А моя Мама непривередливая. Всё подряд ест!.. — как бы позавидовала баба Фрося и сглотнула голодную слюну. — Зеленушку огородную, кашку медвяную, калачики гусиной травки, опята, фрукты, овощи, даже картошку... — перечислила она кошачьи хотелки. — А в целебных растениях разбирается, как народная травница... Ох, огород-то, поди, весь зарос, давно не пропалывала. Гришенька, иди посмотри, какую травку Мама кушает, такую и мне принеси.

Она мышковала на пустыре до самых холодов. Потом перебралась в подъезд многоэтажки. Там

тоже было холодно, и она жалась к тёплой двери квартиры на первом этаже. Из квартиры выходила женщина и кормила её колбасой. С теплом кошку увезли на дачу, чтобы она ловила мышей. Хозяева приезжали только на выходные, по воскресеньям возвращались в город. Она на них не обижалась. Другие же хозяева своих питомцев привозили и увозили с собой в кошачьих контейнерах. А она целыми днями гуляла сама по себе, ловила мышей и крыс, лазила по деревьям, охотилась на птиц. Соседние дачи были добрые и злые. На одних её угощали чем-нибудь вкусненьким, и даже молочком. Другие, откуда прогнали и где злобствовали собаки, она обходила стороной. И всё же познакомилась со многими кошками и котами и с некоторыми дружила. В будний день родила трёх котят, но ударил заморозок. И они замёрзли. Обезумев от горя, положила их у закрытой двери своего дачного дома, как будто кто-то мог выйти и оживить их. Проплакав всю ночь, похоронила деток в ложбинке под берёзой. Подгребла лапкой землицу на могилку, опавшую берёзовую листву. Чтобы собаки не учуяли. А они уже стали сбиваться в свирепые стаи. Брошенные хозяевами, голодные, одичавшие, охотились на кошек, пожирали друг друга и нападали на людей. Дачники на зиму покидали свои владения. Многие оставляли на произвол судьбы, бедствовать, умирать своих недавно ещё любимых питомцев.

Бросили и её. И она пришла к бабушке. В обезлюдевшей дачной округе старушка зазимовала одна. Её тоже бросили. После смерти котят и пережитого горя у кошки вместо «мяу-мяу» выходило «ма-ма». И потому бабушка Фрося стала навеличивать её Мамой. И не только из-за этого. А ещё и за ласку, за дивное пение, за душевную теплоту. За целебную силу. Ибо здоровье Фросино пошатнулось, после того как сын не приехал за ней. Сама же Мама наведывалась иногда к своим деткам на могилку, подправляла холмик и покров из берёзовой листвы.

Да, жизнь всем даётся, да не у всех удаётся. Не заладилась у сына, а вообще-то он хороший. А такая, как она, обузой до земли оттянет плечи. Время-то какое раздорное! Даже не тужится страна сбросить, как змеиную кожу, непорядок, несправедливость. Россия по природе—богатая. А богатство для чего Богом дадено? Чтобы не было бедных. В старину говорили: надо держаться плуга и Бога. Добрая страна держится на честном труде, на любви друг к дружке и к Богу. А на русской богатой земле смерзаются судьбы, как птицы в комья на ледяном ветру. На многих ставят крест ещё до гробовой доски…

Долго читала слухом все составы, бегущие далече, из города. Надрывные, прощальные крики поездов исщемляли сердце. Она-то знала, что прощальные. В глазах сына видела. Как он плакал—и слёзы прятал. И она, чтобы не выказать прощания, сглотнула комок слёзной горечи. Отвернулась. Оглянулась: прошлое маячило, пёстро разодетое… И вот—нависло тенью… Горечь сиротства—на старости лет. На самой закрайке жизни. Осталось её всего-то на воробьиный скок, а время тягучее не отпускает. Что за доля?.. Прошлой весной сынок свёз, полтора года минуло. А она даже не знает, как он теперь… Домок на солнечном угоре осунулся, осел в низину: пласты земные подвинулись. И жизненные…

Лупили дожди, громили грозы, сотрясая малуху. Глухой, мутный шум леса вплотную подступал к лачуге. И волчий вой, похожий на вой одинокого поезда, рвал душу…

Поезда в вихрях летели, гремели подковами. Лесопосадки для снегозадержания вырастали вровень с дорожными столбами. Вёрсты вились следом. Не одну вьюгу за хвост оттаскала Ефросинья. Километрами мяла годы, укладывала на путейских ветрах. Шпалы укладывала. Артистка Мордюкова похоже изобразила. Полустанок ветрогонный, без имени. Навламывалась, надсадилась. Садануло поясницу, чуть ноги не отнялись. Вот та надсада и аукнулась… И вроде схлопнулись годы. Смежились облака. Но в отверстые окна меж ними, как белые голуби, возносились молитвы. И от библейской синевы неба слезами перехватывало горло…

Дражайшее счастье заложили они с незабвенным Арсением, Арсюхой родным. На дрезине, как на авто дорогом, девок катал. А потом только её одну, Ефросинью, Фросюшку свою… Острым словцом владел. Выпивох подчинённых журил:
— У вас пятница—тяпница. А понедельник для вас—поделомник.

Занедужил, в горячем августе—морозить его стало. Фрося—в слёзы. А он лишь посмеивался:
— У тебя, Фросюшка, август—авгрусть, сентябрь—слюнтябрь. А нам ещё с тобой грибы ловить и рыбу собирать!

Просквозило на жгучих путейских ветрах. До смертушки ожгло лёгкие… Стужи здешние—лютые. Калят—аж рельсы скрипят, рвутся с треском, бабахают с разрывом. И провода путейские рвутся, как нитки. Закуржавеют—то постанывают, гудят, точно косточки болезные, то стреляют. А он дюжил.
— На холоде,—любил повторять,—крепчает душевный настрой!

Как ярая лайка затравливается на зверя, так и Арсений сгорал на работе. Льдистые звёзды шприцами кололи горячечное тело, а он и ночами торил и торил намеченный свой путь… Его крепость и ей передалась. Счастливы не только те, у которых всё хорошо, но особо те, у которых хорошо несмотря ни на что!.. А тот безымянный полустанок до станции подрос—до Портново. Не портачил Арсений

Портнов, а сшивал накрепко свои пути, железно, навеки!.. Дал же Господь шестое чувство неба! Небесные и земные пространства ширили душу… Сколько путей отворили они с Арсением! Напитали безлюдные земли жизнью. Уложили железные полотна для связи мира и людей. Только вот её связь с семьёй сына не сложилась. Ничего, может, и его дорога окрепнет. Её же стёжка вот к этому полустанку привела — к безымянному, к лачуге. К остановке — Последняя. Последняя ли?.. В конце ноября, перед холодами, пришла Мама. В помощь, во спасение. И перестала Ефросинья уничижать себя, называть Бедой Бедовной. А то ведь маятник её уже замедлился до щипанных минут. В мышином страхе слышала волчьи шаги. В крадущейся тишине лунный свет погреть бы мог, да он едва пробирался сквозь насунутое оконце… Совсем было смерклось в душе, в жизни. И вот, уврачёванная Мамой, задюжила. Как тут не уврачуешься, коли кошка, такая же брошенка, как и старуха, оказалась столь дивной, целительной песельницей? В такт её напеву и стишок сам собой у бабушки сложился:

Ах, какие звуки-завитушки!
Сладкие, как мамины ватрушки!

Вот и стала баба Фрося величать свою кошурку Мамой. К тому же та не мяукала, а произносила: «Ма-ма». Мурлыкала сладко, колыбельно. Даже разговаривала. Балакала, колябушки, как деточка, гулила. А вот «мама» у неё внятно звучало. Да, кошки — они как люди, даже лучше!.. А их бросают, и собак. Бросают престарелых отцов-матерей, дедушек-бабушек. Одних — как надоевшие игрушки, ненужные. Других — как негодных, неугодных, обузных… Да ладно, всего легче обманывать себя и считать чем-то, будучи ничем. Сподобил Господь Фросю немощью уразуметь это. И вот, будучи ничем, сгодилась. Морок в нору уполз. Растаявшие, как туман, сны снова затабунились. Замерцали в них узелки памяти… Надела крупной вязки свитер, связанный Арсению. Его надевала по особым дням. Сунула ноги в чуни, накинула полушалок. Мама с песнопением, празднично повела её на свежий воздух.

Ещё месяц стружкой корябался о меркнущие звёздочки… Плотничал Арсений на больничной пенсии в последних летах… И природа как бы пребывала в последних летах. Однако что-то тайное ещё пощёлкивало, сверлило тишину…

Клочья тумана плавали в лощине. Тучи «медведи-волки» забродили. Дрыном загрозилась да с молитвой открестилась от них. Как от напастей. До дрожащих луж. Орлиный восход крылья распростёр. Светало. Заблистали капли на росном окне. Не гнилуха-развалюха. Жилка-жиличка! Обитель на двоих с Мамой. А та, хозяюшка, уже в огороде морковкой лакомится, щурится довольно. Отёрла Фрося кудрявой ботвой каротельку, повкушала вместе с Мамой сахарную морковку, потискала дёснами.

Лучи над лесом взнялись внахлёст и осыпали Фросино урочище солнечным дождём. С радостным дивом взирала она на распахнутую тайну природы, жизни всей.

Полтора года сама управлялась, дюжила. Так оттеплило в жизни, посветлело при Маме… Неделю назад занемогла, потом и вовсе слегла. Уж птица-ночь смертно стонала, а Мама утешала, колыбелила с плачем, отдавая своё тепло… А потом, спасительница, привела и спасителя. Да, время не только уходит, но и приходит. А с годами не мудрость является — отбрасываются зряшные ожидания. Зряшные, обманные, пустые. И только одно ожидание — подлинное. Жизнь человеку дана, чтобы он встретился с Богом. Вот и у неё продлилась она, и мнученек явился, погожий мальчик. Может, и впрямь в достоинстве отойдёт ко Господу? Он ко благу всё управит. Случится плохое — моли Его, и плохое прекратится. Случится хорошее — возблагодари Бога, и хорошее останется… Нет, не запыхлятина она, Ефросинья, не Беда Бедовна! Лишь потёртости на боках её лошадки-жизни. Впереди ещё вехи и вешки. Дни на убыль — а вроде как на подрост…

— Бабушка, бабушка!.. — послышался у крыльца звонкий голосок Гриши.

Он внёс пышную охапку моркови вместе с мокрой ботвой. Сам весь мокрый, снял кроссовки на крыльце. Кошка, отряхнувшись, отфыркавшись, подняв хвост трубой, с разливной песней ластилась у его босых ног. Мягкий, сладковатый морковный запах, со свежестью родниковой воды и зелени, окутал старуху. Поохивая, она чуть не задохнулась от такого животворного духа, даже слёзы прошибло. Гриша деловито вывалил урожай на кухонный столик, застеленный клетчатой клеёнкой. Подал бабушке влажную каротельку с длинной косой:

— Бабушка, а Мама — такая жрунишка! Грызёт моркошку, как зайка. Вот потому у неё зрение хорошее и глаза красивые. А мы с ней к ключику бегали, морковку помыли. А жаба как рявкнет, а лягушки как загорланят!.. А я, бабушка, нисколечко не испугался. Мы жабе тоже морковку оставили. А она такая вкуснятина! Сладкая-пресладкая!.. Пока я ем, я глух и нем! — и он смачно начал хрумтеть сочной морковкой.

Изумрудная коса её моталась, брызгами орошая Маму. Та морщилась, фыркала, вгрызаясь в своё морковное лакомство. Неделю назад у старухи при падении выпал последний зуб. И она тщетно пыталась потискать дёснами морковку. Чмокая, катала её языком во рту, как соску. Ногтями стала отколупывать кусочки морковной плоти, зажёвывая их влажными кудерьками ботвы. Оголодала.

— А у тебя, бабушка, зубы есть, чтобы моркошку есть? — заметил её мучения Гриша.

— Отправитель — Небо. Почтовый ящик — голова. Складно ты, Гришенька, сочинил, в рифму. Как Пушкин!
— Не-е!.. Он про Вещего Олега, князя, складно сочинил и про его коня: «Покройте попоной, мохнатым ковром, в мой луг под уздцы отведите!..» Мама любит это стихотворение. Оно — как песня. Мама его мне часто напевает.
— Светлая у тебя головушка, и слова складные нашлись.
— И ты, бабушка, у меня нашлась! У меня с мамой. Да ещё с твоей Мамой, с нашей. Вон сколько у нас мам! Целых две!..

Он нашарил под морковной охапкой тёрку:
— Бабушка, тёрка ржавая.
— В запущи живу, Гришенька, в запущи.
— Ничего, я ножиком тебе морковку настрогаю.

Вот и он, заботник, стал нужен, будет ухаживать за бабушкой. И она позаботилась о нём, приютила. Она ласковая, и кошка Мама, и Гришина мама. И всем будет тепло и радостно! Да, все, кому мы делаем добро, — они нам свои.

Морковная стружка оказалась старухе по силам, и она аж зачмокала от удовольствия, приговаривая:
— Ишь какой мальчок, Гриняточка-выручалочка!..
— Вон как Мама распелась! У неё трели как у свирели! А как красиво смотрит, всё понимает!.. У Вики тоже красивые глаза. Вика — такая кулёма! Не ладится у неё с чтением: «Мы-а, мы-а — папа. Пы-а, пы-а — мама». Вот умора! Но всё равно она красивая!.. «Ладно, — говорит, — пойду за тебя, Гриша! Но принц у меня будет другой!» Ну конечно — принцесса!.. На новогоднем утреннике даже громче моей мамы за меня болела: «Мишутка, быстрей!..» Я и победил. Мы в мешках наперегонки бегали. Так смешно и весело! Дети путались и падали. А мама меня в Мишутку на ёлку нарядила. И я тоже падал, но всего только раз упал и обогнал… У Вики и счёт смешной. Я её спросил: «Сколько ног у собачки?» А она говорит: «Столько, сколько у стульчика». Вот умора!.. А вообще-то правильно. Находчивая она у меня!.. А я Лёшу спросил, кого он из девочек в садике любит. А он — никого. Холостой. Эх, я вот неумывайка! Не то что Мама. Вон как личико лапкой моет. Гостей намывает, гостью, маму мою, нашу… Я дома помоюсь, в садик пойду, меня там никто не узнает. Всех детей обрадую, что бабушка нашлась!
— Гришенька, ты почему босичком? У тебя, поди, уже сопельки есть?
— А тебе, бабушка, зачем?.. Вставай давай! Хватит высиживать! Выздоравливай, в прятки поиграем или в жмурки… На златом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты будешь такой? Нет, кто ты будешь такая?
— Портная!
— Ура-а!.. Сошьёшь мне костюм для первоклассника! А то мне скоро в школу, а я без костюма. Мама говорит, чтобы собрать первоклашку в школу, денег надо потратить как на свадьбу. А у неё зарплата — на заплату. Вика тоже портниха. Попонку для своего Антошки сшила. И ты для моего коня попону сошьёшь. А в этой деревне ни одного коня нет. Ещё Золотая называется. А ну его! Гошу не приобрели, зато бабушку!.. Расскажи сказку про чебурашку-ниндзя!
— Жила-была черепашка, которую звали Низзя. У неё было много-премного игрушек. Но она жадничала, никому их не давала поиграть и всем говорила: «Низзя!»
— Ты тоже, бабушка, находчивая, как и Вика. Тебе в КВН надо! А хочешь, я расскажу тебе сказку про золотого петушка? Сказка называется «Золушка».

Баба Фрося шутливо погрозила пальцем:
— Вот хитрован! Бабушку хотел обмануть.
— А моя мама всё равно скоро придёт! — неожиданно посерьёзнел Гриша, лицо его плаксиво сморщилось, и он потрогал ключ на шее.
— Придёт, придёт, милый! — запричитала старуха. — Как же к сыну своему не прийти?..

Она понимала, что за его говорливостью и показной беспечностью кроется напряжённое, тревожное ожидание. Поначалу-то обрадовалась живой человеческой душе, может, и спасительной для неё. Но затем внутренняя тревога мальчика передалась и ей. Обезноженная, немощная, как она могла помочь ему? Если уйдёт от неё, может заблудиться, пропасть. Оставалось уповать на Господа. В кромешной тайге до зимовья староверки Агафьи Лыковой добрались. А тут и деревня неподалёку, и дачи, и станция. Найдёт Зинаида Гришеньку своего. Обязательно найдёт!
— Конечно, придёт! — твёрдо повторила старуха. — Вон и Мама всё гостью намывает. Вишь, ушмыгнула на улку. Почуяла кого-то. И ты, Гриша, выйди и покричи свою маму. Она и услышит. Только никуда не убегай, а то мама придёт, а тебя нет.

Домой пришла пораньше. Суббота всё-таки, выходной. Постучала, приговаривая:
— Туки-туки!..

Обычно Гриша с радостным криком: «Ма-а-ама!..» — бежал со всех ног и лязгал щеколдой. Тихо. Прислушалась. Ни телевизора, ни стрелялок не слышно. Почуяв неладное, затарабанила, закричала:
— Туки-туки! Гриша! — своим ключом открывая дверь.

Влетела в квартиру. У комода на столе увидела тетрадный лист и фотографию. Несколько раз прочитала записку. Невидяще приложила её к мокрым глазам и ватно опустилась на стул, в слезах бормоча:
— Что я наделала? Что я наделала?..

Заголосила, завыла. В исступлении порвала фотографию на мелкие клочки. Достала из комода кой-какие денежные сбережения. Бросилась на улицу. Поймала такси, сказала куда ехать. Водитель столь длинному маршруту до Золотой Долины не удивился и про оплату не спросил. Лишь мотнул головой. Мрачный, низколобый угрюмец. В другое время с таким рядом никогда бы не села. Тугодумно морщил лоб. Тяготили какие-то мысли. Даже музыку выключил…

Ветер свистел в приоткрытое боковое окно. Сёк её розгами. За самообман, за самообольщение. За то, что посмела влюбиться, как девчонка. Забыла о сы́ночке. Хотя и ему угоден был Гоша…

Дом отдыха… Мнилось — дом счастья!.. Горячие взоры — подобие любви. Шальные рассветы — с сердцем не сладить! Пахло степью и рекой. Вольно раскинулась с затонами, рукастая. Лыжины барж скользили по ней. Белый теплоход приветствовал: «На теплоходе музыка играет…» И чайки-кричайки. Катались на лодке. Зина удивлялась золотому, не крестьянскому, загару Георгия. Дурачились. Отрадно звенел Гришин голосок. И Гоша восхищался роскошными волосами Зины с отливом нежно-розового заката… Последний день в доме отдыха… Окунёвые всплески, тихие круги. Как замирала, дрожала в предчувствии любви! Комочек облачка, комочек пряного ветерка. Слизала с губ капли ивовой росы со счастливыми слезами. Заплаканный счастья платочек… Крона берёзы в солнечной короне, в венце венчальном. Такой невестой грезилась себе… Сверкнул этот день хрусталём стрекозиным. Столько стрекозок дрожало…

Одёрнула себя, смахнула видения: «Ишь, Алиса в Стране чудес! Нет уж!.. Стёрся дня того след, растаял». Однако чепуха, пузырящаяся в голове, всё донимала и донимала… Да, шероховато с ней, занозисто, и родинку на ключице углядел Гоша. Тогда и горизонт, размытый от слёз, увиделся подсинённым, как глаза её. И лицо в зеркальце — как будто нет лица. Встреча с собой — самая неприятная… А Гоша вроде бы в чувствах признался: «Зазноба ты моя!» А ей послышалось: заноза. Переспрашивать не стала, но заноза в голове не давала покоя. Смуты мучительная боль… Слепила, состряпала счастьице, малярша-штукатурша. Втюрилась, тюря! Совсем берега потеряла. Да, минутная слабость может длиться долго… Покатил «семью» в Золотую Долину… Решение левым мизинцем. Муж — объелся груш! Обидно, досадно, да ладно. Это было давно и неправда. Пепел потушен! Но ранка от ожога шаяла. Зарубцевалась было, а сын разбередил. Так ведь сама дала повод, страдалица. Уже в глухой полынье утопла надежда, а льдинка её, осколочек, всё колола и колола… Плохая она мать!..

Пять годков Гришеньке стукнуло, когда беда нагрянула. Строили дети в садишной песочнице за́мок. Закадычная Гришина подружка Вика нечаянно лопаткой ушибла ножку ему. Под коленкой шишка вздулась с ужасным названием — гигрома. Грозила сложная операция, ведь в сгибе сухожилия — мог обезножеть мальчишечка. Да к этому времени придумали новый метод — выкачивать жидкость из шишки.

Отправлял ли кто-нибудь малых деточек в больницу?.. Нет печальнее шествия!.. Храбрился:
— Не беспокойся, мама! Уж недели-то две я и без тебя перебьюсь.

Мужественно поковылял с нянечкой от мамы в глубь тёмного коридора, забитого тяжёлым больничным духом. Лишь разок обернулся — и едва не кинулся к маме. Зинаиду будто пополам разорвали и забрали самую жизненную суть. Да так оно и было. Её и сы́ночку словно пуповина связывала, некий невидимый кокон пеленал их как бы в один организм. И какой недобрый человек придумал: мать-одиночка? Это она-то — одиночка?!.. Вскакивала ночью с постели, зная точно, что Гришутка хочет пи-пи, хотя не подавал ни звука. Сквозь дебри своих снов она чутко улавливала его пугливое бормотание. И наводила порядок в сыновней деревушке Сонино, изгоняя колыбельными всяких бук и бяк.

И смех, и грех… Сто́ит мамке воссесть на унитазный трон в позе читающего орла, как Гриша уже сопит возле туалета, покряхтывает. А ведь только что спрашивала о его желании. Головёнкой отчаянно мотал: не хочу!..

Во всякое свободное время летела к своему «партизану». После выкачки ножку ему загипсовали. Спать неловко, в туалет на костылях сходить — мучение. Спасибо, другие мамочки ухаживали. А то бы без содержания пришлось брать. А жить-то на что?.. Лежали мамаши не только с малютками, но и с ребятишками постарше Гриши. Ночевали в коридоре на кушетках, раскладушках. Зинаида бы к сы́ночке переселилась, но места для неё не нашлось. Да и сын просил не волноваться:
— Ты же, мам, каждый день ездишь!

И всё-таки корила себя: мать называется! Упросила сестру-хозяйку: выделила та закуток. После операции мать с ребёнком должна находиться. Всего лишь разок-то и ночевала. Вот уж Гриша радёшенек был!.. Только он без костыльков потёпал, Зинаида уломала лечащего врача выписать сына до срока. Схватила его в охапку, укутала в свой пуховик и на шаровике привезла домой. Праздник был, словно Гришенька только что родился. И впрямь произошли роды послегигромной ножки, когда разрезала мама ножницами ненавистный гипсовый панцирь…

Так и перемежались в покаянной материнской памяти печальные дни со светлыми. С солнечными…

Вот Зинаида — мадонна с младенцем! Возносит на руках чудо своё перед стройтрестовской

бригадой, нагрянувшей к роддому с цветами, поздравлениями. А папка смалодушничал, не пришёл… Это её, её сынулька, Гришенька!..

Возится, бывало, деточка, возится, никак уснуть не может. Мамочки димедрол суют. А Зинаида только начнёт сказочку самодельную — сы́ночка и успокаивается, сладенько засыпает. Простудится, бывает, лобик горяченький, сопельки-кашлюнчики. Другие мамаши сразу в панику: дифтерит, бронхит, воспаление лёгких, врача, скорую!.. Весь арсенал в бой: таблетки, прогревания, шалфеи-мяты, «шпагоглотание» со рвотным люголем… А Зинаида приложит к птенчиковой грудке ладошку и проникается, проникается материнской любовью к кровиночке своей. Вспоминает самое трогательное, слёзное, незабвенное…

Больничка. Всё-таки не уберегла Гришутку: бронхит. Закутанная в шаль, ходит с ним Зинаида по коридору. Здесь прохладнее, посвежее. Нянькает замотанного в одеяло ребёночка. Какой взрослый взгляд у крохотулечки! Словно говорящий: «Приболел немного, мам, но ты не переживай. Я живучий, дело идёт на поправку, недельки через две выпишут. Я люблю тебя, мамочка, скучаю по твоей колыбельной: „Баюшки, мой Гриша…“ В палате нельзя, там лялечки спят».

Как много сказали глаза-смородины! И взрослая мудрость их ошеломила Зинаиду. Она даже замерла. Маленький человечек. Будто и не ребёнок… Личико её, Зинаидино. Точно такой же запечатлела фотка восьмимесячную Зину. Словно под копирку!.. Оттого и копия, что любит. Оттого и утешение, и взрослость. Ведь она сама, как ребёнок, нуждалась в этом. У матери была своя жизнь; не везло ей с мужьями, падчерице Зине — с папашами. Теперь вот бедолажность как бы повторяется…

Недолюбленных долюбят дети…

Бабка-шептунья приходила, мякишем хлебным скатывала щетинку на спине у Гришеньки, над животиком болезным узелки вязала. Но мучился малыш, хныкал, совсем не спал. Вот и ходила мамка с сыночком на руках взад-вперёд по комнате и складывала всякие «баюшки». Часа по два так вот укачивала беспокойного. Стоило присесть, сморённой, как больки просыпались и будили бедняжку. И опять Зина едва ли не до рассвета меряла шаги. Ладно, в декретном была… Не раздражалась, не уставала — видать, Боженька для деточки силы давал.

Ходим, ходим, бродим, бродим —
По дороге сны находим…

Эта шагословка о десяти светлых снах сложилась после недели хождений с больным сыночком на руках.

Вот он, вот он —
На дороге первый сон!

Сны, найденные на счастливой дороге, оказались ангелами-целителями и быстро повыгоняли из Гриняточки бессонные больки. У Зины навечно осталось ощущение молочного тельца в руках, словно она пуповиной неразрывно связана с Гришенькой.

Потому и расставания с сыночком были столь болезненны, как разрыв этой пуповины. Сдали нарядную, уютную дачу стройтрестовского детского сада. С тщанием и любовью навела последние малярные штрихи Зинаида. Ведь на этой даче будет отдыхать её Гришутка. В садике-то он компанейский, а как здесь, в отрыве от мамы, поведёт себя? Как бы не ранить его сердечко! Мамочкин же сынок. Однако ж весь садик на оздоровление отправляется. Сосновый бор, речка, природа! И дружки-подружки.

Повезли детишек на автобусах, разукрашенных гирляндами воздушных шаров. Никто из «дачников» и не расстроился. При погрузке в суете все были радостно возбуждены. Лишь кое-кто из мамаш украдкой смахнул слезу. Зинаиде же стало тоскливо. Первое расставание… А Гриша, пострелёнок, даже толком не попрощался, резво ушмыгнул в автобус. Лишь из окна его весело махал ручонкой… На другой день на вечерней электричке Зинаида помчалась к Гришутке. Только вошла в дачные ворота, как из кустов вылетел, сердешный, и залепетал, захлёбываясь в рыданье:
— М-ма!.. М-ма!.. П-почему меня не з-за-забрала-а?!..

Ночь не спал, глупыш. Всю подушку горючими слезами оросил…А мамка так и не пришла, забыла, бросила. Весь день прождал в кустах, тарзан. Едва успокоила… Пообвык потом. И всё же с великим облегчением дождалась окончания оздоровления и возмужания сына.

Возмужание… Пошли к зубному врачу. У кабинета очередь. А за дверью крики и вопли. И Гриша не выдержал, заплакал.
— Не плачь, Григорий! Ты же мужчина, целых пять лет!
— Я — не Григорий, а Гриша. Я — тряпка! Уведи меня отсюда!
— Не тряпка ты у меня, сынок, помощник мой!..

Взбодрила Зинаида сына, почти по-геройски вёл себя у стоматолога, только кряхтел да ойкал. Даже врач похвалил за стойкость и мужество. Ноет ранка на месте удалённого зуба, но Гриша терпит, лишь иногда щёку припухшую поглаживает. Во дворе тётенька из соседнего дома повстречалась:
— Такой большой, а всё с мамой за ручку ходишь!
— Мама, у тёти дети выросли, вот она и завидует. Ты не переживай, а я тебя ещё и поцелую!..

Умничка он у неё. Серьёзный. За маму беспокоится, переживает. Будет кому в старости воды подать, допокоить… И враз ощутила Зинаида душевную

усталость. Всё иссушает маета, которую сама же выдумала. Отсветы беглого дня на ладонях. Опустила лицо в слёзную пригоршню. Плохая она мать!..

Первый раз в садик повела Гришу. Туман липкий, морось въедливая. Лужи из-за бензиновых машин—будто листы стальные в тяжёло-цветных окалинах.

Шуршит Гриша в болоньевом плаще, хлюпают голяшки большеватых сапог. Всё велико: от соседской бутузки Катьки досталось. Сиротинкой выглядел. Его даже и не видно в чёрном плаще с капюшоном. Точно монашек. И казённый дом впереди…

Пообвык, с ребятами играл… Вот уже всех детишек из садика забрали—а мамки всё нет! Родители утешали: придёт скоро, пробки на дорогах. Ползал, терпеливец, со зверушками, машинками на полу. Технику в гараж поставил; зайчат, медвежонка с жирафом спать уложил. Чумазый, в соплях, без колготок, босенький. Уревелся по мамке, сердешный, опруденился…

Влетела, заполошная, взмыленная. Ещё до обеда с объекта сорвалась—да транспорт, пробки… А Валентина Борисовна тут же всучила нерадивой мамашке кисть с суриком и велела красить плинтуса в игровой. Сама же закинула ногу на ногу и принялась нервно сосать «мальборину».

Мать вовсю пласталась; будто кровью, краской заляпала кроссы, обтёрханные джинсы. Гриша, сгорбившись, как старичок, тихонько всхлипывал на скамеечке. Горестно подпёр щёчку солёным от слёз кулачком, словно сиротиночка, ждал своей участи.

Закончила мамка истязательный малярный марафон—а разогнуться не может. С опаской посилилась распрямить спину. Прострел! Будто гром треснул в пояснице и молнией ожгло её. Скрючили силы небесные неразумную родительницу и ткнули лбом об пол, дабы не пресмыкалась перед царицкою детского сада-ада. Как не пресмыкаться, Господи?! Не потрафи царицке—затюкает малышонка. Словно внял Господь жалобе—отпустило поясницу. Кособочась, кривясь от боли, едва разогнулась мать.

—Всё, Лизунов! Можешь быть свободен!—смахнула пепел с коленки воспитаха.

А Гришечка, как на тюремном свидании, бросился на шею маме, да так до самого дома не отпускал её.

Эта самая жуткая вина перед сыном нет-нет да и саднила душу. И вот страшный удар новой вины! И день, как ночь, навис чёрным бредом…

—Где ваш искомый переулок?

Она вздрогнула, непонимающе заозиралась. Упёрлась взглядом в глинистую корку земли, вспоротую корявым корнем тополя. Развилок. Неподалёку пашковский дом.

—Здесь, здесь!..—суетливо расплатилась с таксистом и вылезла из машины.

Облака на просвет—кисея кисеёй. Как бы сквозь них увиделась пашковская горница… Гринятка скачет на папке Гоше. «Коняшка» лбом ушибается о комод, чешет шишку. Заливается колокольчиком «всадник»:

—Конь-огонь, здорово ушибся? Сможешь катать меня? Ах, не сможешь?! Ну тогда…

Учителка встряла:

—Лошадь сдохла. Слазь!

При ребёнке такое ляпнуть! Это о родиче своём, о «рысаке». Тракторист—с комплексом полноценности, с шампанским в крови: «От любви опьянён, я твои целовал колени». Трынди-брынди, балалайка!.. Наобещал. Обещанного три года ждут. Да, хрупкие надежды нередко разбиваются о твёрдые обещания. Стёрся жизни его след…

Частоколы деревенских заборов, кое-где блескучие легковушки. Удлинялись тени, спадала жара. Пустынно на улице. Щемящая тоска дорожной пыли. И небо уже белёсое, линялое. Пролетела лохматая галка, щёлкнула, буркнула, ругнулась.

Зубастый, хищный тын пашковского подворья. Индюк—всмятку. Вислозадая брюхатая дворняга протащилась гиеной. С треском разорвалась сонная тишина. «Инопланетянин» Коля Пашков чуть не сбил на «Ямахе» брюхатую псину, расшугал пернатую живность. Заквохтали, улепётывая, куры; загоготали гуси, закрякали утки. Петух заклёкло каркнул. Не взлаял, а издал чёрствый карк Мухтар.

—Что ты ко мне, Зин, прямо так это?..—смешался под жёстким взглядом Зинаиды Никола.—Да, тут твой мало́й искал папу Гошу. Тю-тю ваш папа! Умотал в сторону моря. Ха! На Шикотане молоденьких рыбообработчиц навалом! Так что…

—Где Гриша?!

—На дачах,—Пашков махнул рукой в сторону дач.

—Зачем он туда?!..—от гнева сбивчиво спросила Зинаида.

—Песню услышал. Думал, Гоша поёт…

—Как же так?.. Отпустить ребёнка одного?!..

—Я ему говорил, Зин, говорил… Не молчи так на меня, Зин. Я не я…

Всё нутро её облилось горечью, всё в ней опало. На ватных ногах дошаркала до развилки. Тополиной ветки перст загрозился на неё. С гнезда сорвалась птица. И ветер крыльев сорвал Зинаиду и погнал, погнал… Заметалась от дачи к даче…

—Нет, не видели!

—Нет, никакого мальчика не было!

—Спрашивал один мальчонка какого-то Гошу. Нет у нас никаких Гош!.. Вон туда побежал!

Тяжёлое, набрякшее лицо, рыбьи глаза, черепашья шея. «Недвижимость» под столом храпит. Похоже, здесь пировали, пели. Рванулась, куда «тортила» рукой махнула. Собачонка пристебалась.

—Ляля, Ляля, не обижай тётеньку, успокойся!.. Да-да, видели мальчика, к урочищу побежал.

Это сведение придало ей силы. Она верно бежала по следу сына: вот-вот догонит! И обострившееся, как у волчицы, чутьё гнало её по следу…

Однако дачи кончились. Тёмно-зелёное урочище зияло бездной. Она поглотила её мальчика. Кладбище деревьев, суковатых, как кресты…

Пронзающий пространство вой поезда. Душераздирающий. Её вой. Упала в траву. Вцепилась в неё, рыдая, и стала рвать, рвать, скрести землю. Обессиленно, опустошённо замерла. Всё полынью прогоркло. И судьба. Как будто день замкнул тяжёлым своим взглядом последнюю надежду. Заволокло душу тучами…

Небо в ней отдалось рокотом… Она лежала в траве и смотрела в небо, как трава. Реактивный самолёт чертил в нём белую полосу, будто указывая ей путь. Неподалёку военный аэродром, гарнизон. Вертолёты, поисковые отряды, мчс, волонтёры, добровольцы… Девочка Таня шесть суток в тайге блуждала. И нашли!.. А Гриша вообще самостоятельный, из тайги вывел… Нет-нет, какие добровольцы? Гриша где-то рядом!.. Замерла, вслушиваясь, выискивая слухом и обонянием сыночка. Шелест перьев одинокой птицы. Взлетела с испуганным криком. Из-под взмаха крыльев кинжалом блеснула змея. Отпрянула Зинаида — и наступила на шапочку. На Гришину бейсболку!.. Схватила её, прижала к слёзному лицу и начала целовать, приговаривая:

— Прости меня, Гришенька! Прости!..

Слух, взгляд, вся её суть полетела на сыновний зов. Сердце материнское чуяло, рвалось… Кусты тальника и вереска спутались с разнотравьем. Стена травостойная, глухая, в колючках чертополоха, — пробитая кем-то. И она вошла в эту гущу, разгребая тучные волны высокой травы. Подол юбки отяжелел от травяной влаги в комарином логове. Прелой листвы крепчайшая закваска шибанула в нос. Жаба пучилась на кочке у бочажка. Перед ней изумрудью поблёскивала влажная ботвяная коса с ярко-оранжевой морковью. С огорода! Близко жильё!.. Из расселины камня курлыкал родник. При такой живой водице — конечно же, должна быть человеческая жизнь! Так и есть, к роднику протоптана тропинка. Вся в кудерьках морковной ботвы. Кто-то совсем недавно мыл морковь. Кто-то… Гриша, конечно! Морковный жрунишка…

А он уже вышел встречать её вместе с Мамой по совету бабы Фроси. Облака развесились цветасто, будто стирка на небе. Будто мама постирала. Она уже совсем рядом!

— Ма-ама-а! Ма-ама-а!.. Мы здесь, у бабушки!

*Ди*Н симметрия

Владимир Набоков

Летают на качелях серафимы

• • •

Живи, звучи, не поминай о чуде, —
но будет день: войду в твой скромный дом,
твой смех замрёт, ты встанешь: стены, люди
всё поплывёт, — и будем мы вдвоём…

Прозреешь ты в тот миг невыразимый,
спадут с тебя, рассыплются, звеня,
стеклом поблёскивая дутым, зимы
и вёсны, прожитые без меня…

Я пламенем моих бессонниц, хладом
моих смятений творческих прильну,
взгляну в тебя — и ты ответишь взглядом
покорным и крылатым в вышину.

Твои плеча закутав в плащ шумящий,
я по небу, сквозь звёздную росу,
как через луг некошеный, дымящий,
тебя в своё бессмертье унесу…

• • •

И в Божий рай пришедшие с земли
устали, в тихом доме прилегли…

Летают на качелях серафимы
под яблонями белыми. Скрипят
верёвки золотые. Серафимы
кричат взволнованно…
А в доме спят, —
в большом, совсем обыкновенном доме,
где Бог живёт, где солнечная лень
лежит на всём; и пахнет в этом доме,
как, знаешь ли, на даче, — в первый день…

Потом проснутся; в радостной истоме
посмотрят друг на друга; в сад пройдут —
давным-давно знакомый и любимый…

О, как воздушно яблони цветут!..
О, как кричат, качаясь, серафимы!..

1923

Альба Асусена Торрес

Дождь в апреле

Перевод с испанского Анатолия Матвеева

Суббота

Я жду, чтоб время сдвинулось к шести,
Я жду, чтоб вечер поиграл с дождём,
Иль, может, с солнцем, или с тем влюблённым,
Которого в ночь ожидает праздник.
Я жду тебя, а в это время в парке
С деревьев птицы рвутся в небеса.

● ● ●

Я дальше ухожу, чем улетает птица,
Не ведавшая в жизни о гнезде.
Спешу туда,
Где матери объятья
И где река из детства моего.
К твоим глазам, откуда прорастает
Исчезнувшая Родина моя.

● ● ●

Ты там, где тишина, и ты молчишь.
А мы? А мы болтаем без умолку.
И ветер, пробегая по листве,
Доносит всем обрывки разговора:
— Куда б ни шли, мы все туда идём,
Где видишь ты все изумруды моря,
И перелёты птиц, и их волненье,
Когда крылом касаются звезды.
И молимся мы под лучами света,
Чтоб ангелы хранили твой покой.

● ● ●

О, если б я могла нарисовать,
Как листья проплывают облаками,
И музыку, что бабочкам под стать.

Песнь 3

Дождь в апреле, слова намокли,
Затаившись в моей душе,
В ожидании, что на небе
Снова солнце засветит мне.
Да сегодня травой из снега
Прорастут в полдневном часу,
Как голубка на борт ковчега,
Весть зелёную принесут.

● ● ●

Приходите ко мне, светотени и тени,
И субботой забытые улицы в голубизне,
И шаги предрассветные из ниоткуда,
Чтобы страхи ночные,
В моей затаившись руке,
Вместе с красками ночи
Ушли б в никуда.

Москва

Едва погаснут города огни,
Как небо начинает зажигаться.

● ● ●

Я, полюбившая тебя, не глядя ни на что,
Я—женщина, и я преодолела
Путь, обозначенный луною в океане.
Я—девочка, оставившая мать,
Не вняв советам, убежав из дома,
Украв огонь и тайны бытия.
Я—дождь полей пшеничных,
Я—роса, к траве приникнув, задрожу от утра.
Я—чистая спокойная вода.
Я—тишина иль прелесть тишины.
Я—женщина, не внемлющая Богу.
Вселенная твоя…
А ты не знаешь.

● ● ●

Я, мама, еду в Брянск,
На поезде я еду.
И он меняет мне пейзажи за окном.
И солнышко меня ласкает точно так же,
Как ты меня ласкала
Давным-давно, давно…
Я еду, мама, в Брянск.
Быстрей, быстрей куда-то…
Ах, если бы домой…
Ах, если бы домой…
Как без тебя я буду?
Как без тебя я буду?
И хочется тоску слезами мне излить.

● ● ●

Когда ты меня называешь по имени,
Я слушаю звуки, оно так звучит,
Как вечером тысяча птиц,
Заполняющих воздух собой.
Когда ты его произносишь,
То каждый мой волос до кончиков
Жизнью задышит.
Мне нравится имя моё,
Что живёт водопадом смешинок.
Мне нравится, так как оно не моё, а чужое.
Мне нравится, как твои губы его произносят.
А утром целуешь меня, и над всем
просыпается небо,
И странное чувство приходит оттуда,
Куда не доходят твои и мои голоса.

Стена

И горьким вкусом прошлого
С друзьями наслаждалась,
И, взяв стрелу, прицелилась в тоску,
Которая проникла в мои поры.
Но всё напрасно, ранила в себе,
Что бережно хранила эти годы,—
Воспоминанье о тебе.

● ● ●

Нет, это не мечта меня зовёт,
А твоё имя.
Я повторяю с нежностью его.
И в каждой букве ангел оживает.
Ах, осторожно—крылья.
Вселенную мою переполняет,
И в имени твоём
Пылающие нежностью леса
И от Луны горящие озёра.
И твои фразы сводят и разводят
Метафоры и войны.
Это слово, что сказано
И что зовёт меня.
Как это точно:
«Я тебя люблю».
Нет, это не мечта меня зовёт.

● ● ●

Но кто-то должен был сказать про это.
Возможно, ты, когда в тебе печаль,
Или когда влюблённая о детстве тебе
расскажет,
Тихо повторяя слова ушедших,
И ручьёв журчанье…
А может быть, придумала ты слово?
Признаюсь, я однажды полюбила,
Но из-за страха, что в душе копится,
Я промолчала, не сумев признаться.
О, если б за тебя любовь сказала
Или за птицу, что стучит в окно.

Охота

На рассвете мой возлюбленный уехал
По дороге, освещённою луной.
А заря и море просыпались,
Разгорался жизненный огонь.
Он ко мне вернётся, мой любимый,
Когда солнце спрячется за морем,
Когда птичий крик разбудит ветер.
Для него готовлю своё тело.

500 лет

Когда меня обнял,
И мы поцеловались
На берегу морском…
И мой огонь
Твоей коснулся глины…
И вдруг я поняла,
Что не открыл Америку Колумб.

● ● ●

Байкал и Ангара.
И твои руки.
И ночь на коже
Тенью на песке.
Полуночные чайки целовали
Плывущую в безмолвии Луну.

Диана Синёва

Невыразима лёгкость бытия

* * *

Невыразима лёгкость бытия,
Когда на стёклах замерзает иней,
Рисуя новый мир из хрусталя,
Нежданно погружая в тайну линий.

Когда снежинки падают, искрясь,
На тёплые открытые ладони,
И кажется, одна мечта сбылась
У тех, кто за богатством не в погоне.

Невыразима лёгкость бытия,
Когда в бокале чьё-то счастье бьётся,
И воздух дрогнет, нежностью пьяня…
И это счастье в ком-то отзовётся.

И тотчас станет радостно, легко,
Ведь счастье так задумано однажды,
Что лишь коснётся светом одного —
Другого обогреть стремится так же…

* * *

Приходи, посидим у костра…
Ночь сегодня — мелодия струн.
Я пока досчитаю до ста,
Чтобы время скакнуло в июнь.

Приходи. И не думай, что я
Буду жадно о чём-то просить, —
Обними тишиною меня,
Чтобы душу с разбегу излить,

Чтобы дать тебе к сердцу ключи
И открыть позабытый рояль…
Только ты, я прошу, не молчи —
Слишком долго кружился февраль.

Приходи тишиной облаков,
Серебристой излучиной рек,
Лёгким трепетом нежных стихов,
Приходи — и замедли мой бег…

* * *

Мне хорошо в Твоём пространстве,
Я словно греюсь у костра.
Снежинок белое убранство
Узоры лепит у лица…

Так может разве что присниться —
Но нет, я вижу наяву,
Как в небо вдруг вспорхнула птица,
И мысли вслед за ней плывут…

Плывут туда, где нет границы
Меж солнцем, небом и землёй,
Где люди могут, словно птицы,
Умыться бархатной зарёй…

И снова можно верить в чудо
И украшать улыбкой мир,
Закрыв глаза, быть разом всюду,
Освоив новый свод мери́л.

Так может разве что присниться —
Но нет, я чувствую, как Ты
Во мне стираешь все границы
И строишь новые мосты…

* * *

За окном тихо падает снег,
Серебром укрывая мосты,
И в морозном сиянии рек
Отражается лик высоты.

Всё спокойнее мысленный бег,
Сердце просит: «Сейчас не спеши!»
И скрипучим дыханием рек
Открываются створки души.

Открываются, чтобы обнять
Белоснежную зимнюю даль
И в безмолвии эха узнать,
Что скрывает серебряный рай…

Александр Орлов

По земле я бродил до поры

● ● ●

Когда дует ветер с размокших болот
И сделать мне трудно полшага,
Я верю в тебя, и любовь не прервёт
Надежды, в которых бродяга

Скрывал свои мысли от всех и всегда
И в тундре безлюдной не умер.
И снилось ему, что ушли холода
И вылечен Господом тубер.

И он возвращается в убранный дом,
Спешит в красный угол—и вскоре
Он видит: Спаситель идёт босиком,
Следы оставляя на море.

Навстречу Ему он по морю в слезах
Бежит и, споткнувшись, в пучину
Уходит и видит: сгорает впотьмах
Душа его наполовину.

● ● ●

Ты прислала письмо мне намедни,
Расставанья кончается срок.
Этот жизни зловещий урок
Для меня уже будет—последний.

Ты мне снишься, и надо чуть-чуть
Мне здоровья и времени тоже.
Вспоминай обо мне, не забудь:
Для меня ты свободы дороже.

Никогда я не буду другим.
Меня смерть не успела осалить.
Серебрится над омутом наледь…
О тебе мы с рекой говорим.

Ещё шаг, на прощанье курю.
Накуриться мне нужно до смерти.
Под молитвы я встречу зарю,
Расцелуй мои слёзы в конверте.

● ● ●

Сугробы в полночь подрастут.
Я взглядом белый мир окину
И задержусь на пять минут—
Не перейти мне снеговину.

Пронзает холод всё насквозь,
Я сделать не могу и шага.
Господь, прошу, меня не брось!
Я человек, а не дворняга.

Да, я живу не лучше пса,
Но жизнь одна, и жить охота.
Ты посмотри в мои глаза:
Я сын небесного народа.

Ты призови—и я дойду,
Я доползу… Но ночью этой
Не дай замёрзнуть и в аду
Меня, скитальца, исповедуй.

● ● ●

Свет звезды колюч—
Но я шёл на тьму.
Знаю, я живуч,
И—назло всему.

Через вьюжный вой,
Гиблый снеговал
Шёл я не впервой…
Но сейчас упал.

Кто поможет мне,
Снова силы даст?
Или по весне
Порастает наст—

И найдут бушлат
И меня под ним?
Был я виноват,
Когда был живым.

Волкодлак

Письмо, опущенное в ящик,
Получит вскоре адресат,
И от него весноуказчик
Вернёт меня к зиме назад.

В тот день, когда Никола Зимний
В народе звался «волчий сват»,
И был мороз гостеприимней
Для подрастающих волчат.

И я своим считался стае,
Подвластен был мне молодняк,
И в молчаливом белом крае
Я долю заносил в общак.

И с вожаком двойное соло
Мы превращали в волчий хор,
И в стае не было раскола,
Я был задирист и матёр.

И обходил силки лесничьи,
Меня убить пытались зря,
Я не скрывал любовь к добыче,
Хоть в спину били егеря.

В кругу волчиц во время гона
Я был, как раньше, одинок,
Но чувствовал, что обречённо
Земля уходит из-под ног.

И вылез я из бурой шкуры
И притупил свои клыки,
Но вижу я вослед прищуры—
И сводит ночью желваки.

В письме к тебе, далёкий схимник,
Я написал как на духу
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставив на снегу…

* * *

Идёт на убыль снегогон,
И с ним уходит всё былое,
С избытком чисел и имён…
И всё вокруг в немом покое.

И мне в преддверии тепла
Светло становится и жарко.
И только ты понять смогла,
Весна, всемирная бунтарка,

Как леденеют от зимы
В заботах безутешных люди,
От многодневной полутьмы,
В мольбах угодникам о чуде.

Иду я вверх по облакам,
Которые заснули в луже,
И пусть не верят чудесам
Зимой оставленные души.

* * *

Прощальный снег во время зимобора
Уходит осмотрительно и скоро
И забывает мне сказать о том,
Что прошлое в сознанье ледяном

Нагонит в полнолунье злобных стуж,
И я увижу сотни русских душ,
И каждая покажется близка…
И времени остывшая река

Заманит в безымянную исстругу—
И ангелу, как истинному другу,
Уставший от сражений и погонь,
Я протяну из прошлого ладонь.

* * *

Всё происходит в жизни неспроста,
Сердитый ветер бьётся у ограды.
Я слышал: воцарилась пустота.
И понимал, что мне уже не рады.

Так, значит, я не нужен никому,
Судьба моя, выходит, чёрной масти…
Что делать? Тьму и холод обниму—
Попутчики, свободы вечер скрасьте!

Меня спасал в дорогах только Бог:
Я дом забыл, приметы и поверья.
Чего я жду? От неба звёздных крох.
И годы провожу в земном задверье.

Проходит жизнь, но вся она—моя,
И с небом не прерву я разговора,
Я возвращаюсь в отчие края—
На Сретенье встречайте зимогора.

* * *

Вслед—метели песни поют,
Ты меня годами ждала…
Не укроюсь я в бабий кут,
Холода мне роднее тепла.

И теперь—гадай не гадай—
Время свадеб пришло уже.
Наливай мне браги по край,
Чтоб утихли вьюги в душе.

По земле я бродил до поры,
Одинок был, зубаст и хмур,
Не искал уютной норы,
Резок был—порой чересчур…

Да и ты всё знаешь сама.
Предо мной раскинута ширь,
Не страшны ни сума, ни тюрьма,
Завари в дорогу чифирь.

Сергей Стрельцов

Скрижаль Господня

* * *

Никто не думал умирать,
все исполняли то, что надо,
но вот иной не минул ада,
иной увидел Благодать.
И цену крови знаем мы,
но не по сказкам дней вчерашних,
а по атакам бесшабашных
на силы тьмы.

* * *

Приказ ему: на правый бой,
ей: ждать его до самой смерти,
и так взрослеют наши дети,
нас защитившие собой.
И как постичь кровавый смысл
безудержного лихолетья?
И мы наследуем мгновенья,
где снова жизнь.

* * *

Приблизился Армагеддон,
уже везде антихрист слышен,
и что на это мы напишем
в исходе праведных времён?
Пока рука бойцов в крови,
пока у Церкви стон и бойня,
мы будем говорить сегодня
лишь о Любви.

* * *

Молитва—это словопренье
со злющим бесом о любви,
она войдёт в края свои,
наполнив всех своих терпенья,
и нет иной во век веков,
и кто её не знает—тужит,
и бес бессовестный всё кружит,
и нет конца его оков,
но мир не в силах оторвать
меня от силы Провиденья,
и я желаю Откровенья
и с ним Господню Благодать.

* * *

Питатель наш, Великий Бог один
находит наше слово недостойным,
но у Него, Владыки всех и вся,
достойное единое находим.
И так живём, и каемся Ему,
что мы не видим цели нашей жизни,
и утешения её не стоим,
и в правде не стоим, но часто падать
нас учит хитрый и лукавый бес,
но вместе с тем мы просим о спасенье
и обретаем в час нечаянья его.

* * *

Противник мой не человек,
но бес сильнейший и упрямый,
но в Рай Небес иду за мамой,
и так весь век, и так весь век.
И полно горевать о том,
что слаб я сердцем и душою,
грехи слезами я омою,
чтоб не пропасть совсем потом.

* * *

Приотворю окно души.
Пусть Бог войдёт—и я увижу,
что горе дальше, счастье ближе,
и сердце просит: не греши.
И там, где счастья больше нет,
никто не знает утешенья,
но ад—не лучшее решенье
на склоне лет.

* * *

Мерцают звёзды ввечеру,
уже молитва ждёт полночи,
я возвожу на небо очи
и понимаю, что умру,
и мир меня не упокоит,
я не от мирови сего,
и свыше сходит Божество,
и сердце ноет.

● ● ●

И смерть придёт, как краткий сон,
и я усну, чтоб пробудиться,
и век мой упорхнёт, как птица,
чтоб вновь прийти в конце времён.
И я забуду всё, что я,
и стану человек Господень,
и Бог меня разбудит в полдень
лишь для себя.

● ● ●

Молитвенность есть Божий зов
отсюда на страну далече,
и каждый день она всё крепче
зовёт в свой кров.
И славословие любви
есть утешения начало,
которое душа узнала
во дни свои.

● ● ●

Husht was the lute.
Robert Southey

Умолкла лютня у певца,
певец умолк и замолчал.
Кто говорит, он не стяжал
себе венца?
Ему вдруг улыбнулся царь:
пой дальше, что ты замолчал?
Но только ворон прокричал,
спешащий вдаль.

● ● ●

Меня не усекли мечом,
и пуля грудь не разорвала,
но мир душа не возжелала,
и казни жду себе потом
за то, что пел одну надежду
на Царство Бога моего,
и нет желанней ничего,
и не было желанней прежде.

● ● ●

У Всепречистой я прошу
не утешения земного,
но только праведное слово,
с которым я не согрешу,
и если здесь средь бед и зол
я буду миром наслаждаться,
то чем мне после оправдаться,
когда всё изолью в глагол?

● ● ●

Мне мир не дорог ни минуты,
и славы не ищу мирской,
желан мне праведный покой,
а не приобретенья путы.
Не нужен дом, не нужен стол,
не нужен кляузник на ближних,
Господь один мне нужен в Вышних,
а в нижних—добрый богомол.

● ● ●

Богородица, прости
ум мой грешный и лукавый,
жизни путь моей неправый
и на Небо пропусти.
Я не прав перед Тобой,
о Царица Славословья,
но спешу к Тебе с любовью,
нет защиты мне иной.

● ● ●

Мечтам, заботам, злобе дня
свою не уступлю я душу
и, обходя моря и сушу,
найду Единую Тебя!
О Богородица, Царица!
Одна Владычица Моя
Ты каждый день календаря,
с Тобой и мне не оскверниться.

● ● ●

Приобретая врачество
в моей молитвенной юдоли,
я больше не кричу от боли,
но постигаю Божество.
И открываются мне вновь
врата святого покаянья,
как всемогущее призванье
иметь Любовь.

● ● ●

Я пел бы долго на земле,
не ведая конца и края
своим стихам, изнемогая,
но не во зле.
Но вот уйду, но вот умру,
и я найду себе спасенье,
и новое стихотворенье
небесному найду перу.

● ● ●

Пока, не ведая печали,
я молод был, и был я юн,
перстами прикасался струн,
которые тогда стонали
о том, что ждёт нас впереди,
что сердце наше изувечит,
и на душе мне было легче,
как в Вечном Царстве Судии.

● ● ●

Постой, читатель мой, постой!
Поговори со мной немного
во Славу Доблестного Бога
и душу счастья удостой.
Молись, молись всегда, везде
и постигай начала Света,
и Бог вопроса и ответа
решится, что сказать тебе.

● ● ●

Я буду славословить Бога,
не уклоняясь от того,
и нет иного ничего
достойного, судя всё строго.
И там, где больше смерти нет,
я выйду в Сретенье к святыне,
которую не ведал ныне
среди сомнений и тенет.

● ● ●

Простой урок нам свыше дан,
и он—алтарь священной славы,
и дни приблизились лукавы
из дальних стран.
И я—поэт, который был
отравлен вихрем лихолетья,
но после мне послал похмелье
Владыка Сил.

● ● ●

Причастник истин всех святых,
подвижник к ним придёт в молитве,
и будут годы даровиты
среди иных,
и вспомнит он на небесах,
что не напрасно подвизался,
что праведным путём спасался
и был монах.

● ● ●

Молюсь, но чувствую—напрасно.
И день за днём веду беседу,
что безответственному бреду—
нет!—не согласна.
И там, где буду я потом,
найду Святое Утешенье,
и это Чаша Совершенья
Любви Христом.

● ● ●

И вот мне нету дерзновенья,
молитва к сердцу не идёт,
но Бог меня ещё зовёт
восстать из тленья,
и там, где после буду я,
не тьма суровая обнимет,
но дух мой радость восприимет,
как все начала бытия.

● ● ●

Мечтам я укажу их суть,
они лишь тени на челе,
и что от них сегодня мне
в судьбинный путь?
Восстану, буду петь и звать
пристанище у Провиденья,
коль даст Господь стихотворенья,
я буду знать, что написать!

Екатерина Малиновская

Фонарь-звезда

* * *

В вагоне уложите спать
И не будите в Новосибе!
Пускай прокатится опять
Со мною армия России.

И в мягкой шапке со значком,
Как будто гордый кот британский,
Мне улыбается тайком
Солдат улыбкой басурманской.

В давно забытых поездах
Житьё по-прежнему чуднóе.
Запястье, плечи, пятка, пах—
Родное.

Мосты

Значит, кто-то нас вдруг
В темноте обнимает за плечи.
Бродский

Мосты вселяются без спроса
Надеждой скорой переправы
В слова и мысли, чаще—в слёзы.
Соединяют нас лукаво,

Слегка жестоко. Их коварство
Туман реки холодной скроет.
И даже если что-то ноет
Внутри, мы вверимся лукавству.

И мы ступаем осторожно,
Мы верим свято в переходы.
Ступней и рук касаясь ложью,
Мосты уводят вниз, и воды

Нас ловят нежно, незаметно,
Не дав ступням коснуться края
Другого берега. Играя,
Мосты уносят нас бесследно.

И мокрый контур, окружая,
Обнимет медленно за плечи.
Нас видит берег, отражаясь
В глазах как линия, как вечность.

Все реки—слёзы, только слёзы,
И в этом счастье переправы.
Мосты являются без спроса.
Соединяют нас лукаво.

Прогулка

Не каждую сосну отдельно…
Пастернак

На холмах улицы берёзовой
Туманный май.
Деревья сонные и слёзные
Играют в рай.

Восходит мир плодами грешными.
Смоковниц сок
Стрелою входит в тело вешнее,
В тугой висок.

Как в круг великого спасения,
Как в контур глаз,
Сырая оторопь весенняя
Вступает в нас.

И мы идём с тобой по улице,
Себя храня.
Безумец ты, и я безумица.
Пойми меня.

И тает дым… Сквозь тело юности
Проходит новь.
И нет ни глупости, ни мудрости—
Одна любовь.

Как будто небо хочет высказать,
Что жизнь легка,
Но вместо слов бросает рисинки
Сквозь облака.

И слоги, словно осень, мокрые,
Хотя весна.
Она сюда, должно быть, сослана,
Принесена.

И мы с тобой как будто взятые
Землёю в плен.
Но смысл дыхания невнятного—
Лишиться стен.

И деревá качает полностью,
Хоть ветер стих.
Все слёзы радости и совести
Для нас двоих.

● ● ●

Я живу на холодной реке,
Где огни вдалеке,
И цветочные буквы просты,
Украшают холсты.

Через реку мосты, а один,
Единения сын,
Переходит, шатаясь, дорогу.
Мною правит немного.

Я всё путаю стороны сна.
Где же та сторона,
Что не ведает дна,
Что втянула мосты
Прямо в сердце полночное?
Ты—
Это голод реки,
Это город холмами глотает кресты.

Мне сказали ночные мосты:
В этом городе спрячешься ты.

Огонь

Со мной страна, которой нет.
Стоит в земле, которой бед
Не смыть, не свыть, не сосчитать.
Всё только в прах и только вспять.

Не рушить и не распинать.
В лице *лица не увидать*
Ни в расстояниях, ни вблизь.
Всё только в век и только в жизнь.

За мной иди. Смотри в меня!
Уже почти кричат: «Огня!»
Уже сквозь шёпот за стеной
Огонь рождается больной.

Не жги свой дом! Не тронь огня,
Глаза закрыв, смотри в меня,
Смотри, и звук, как солнца мёд,
В тебя войдёт и оживёт.

Смотри зрачком, смотри и пой,
Как дрянь становится женой,
Как рыба ян врастает в инь
И с ней ныряет в неба синь,

Как мы становимся одним,
И, грея руки над больным
Огнём, мы водим хоровод,
И вместе с нами Смерть поёт.

Смотри! Ведь глаз не сосчитать!
И мира нет, и снова вспять.
И нет земли, и нет беды.
Всё—только
Ты.

Сибирь

Это место—холодный космос.
Бесконечный, как синий рай.
Мой единственно верный остов,
Ледяной и далёкий край.

В нём есть море зелёного цвета,
Что сейчас, как туман, бело.
В нём вода пеленой одета
И прозрачная, как стекло.

В тёмном зеркале рек великих,
Енисея и Ангары,
Отражаются звёзд лики,
Безымянных планет миры.

Я гляжу глубоко, долго,
Я не здесь, я уже за,
И стихия со звуком Блока
Заливает мои глаза.

Всё в потоке одном суровом—
Смерть и буря, любовь и ширь—
Всё слилось серебром в слово.
Это слово моё—
Сибирь.

● ● ●

Ночью город голосит.
В нём фонарь-звезда кричит,
И белеет теплоход
В отражении чёрных вод.

Опоясанный крестом,
Бог гуляет нагишом,
Огорчённый и больной,
По холодной мостовой.

Вдалеке осколки скал.
Он, отчаявшись, устал,
Вероятно, от всего.
Все проходят сквозь Него.

Как забытый телефон,
Как безумный глупый сон,
Как разбитое окно,
Это больно и смешно.

Недалече я стою.
Может, я заговорю
Разговор случайный с Ним.
Жалко мне, что Он один.

● ● ●

Нет хороших стихов. И уходят сквозь дремлющий город
Все мои города. Далеко. Неизвестно куда.
Я такая же, как… Между Каином и Квазимодо.
Как расстроенный пульс, как висят в голубях провода.

Я всегда без тебя. Без ответа, как шёпот больного.
Чей-то брошенный шарф, чья-то карточка с грязным углом.
Не имея конца, не имею отца никакого.
Только грубая речь. Только холодом дышащий дом.

Это ночь говорит. В ней одной одиночество. Громче!
Хватит прятать слова, я со всеми хочу говорить.
Что-то тикает так, словно время становится тоньше.
Будто эти часы чей-то голос хотят повторить.

Дорогая игра—в облака, в небеса, в небоскрёбы,
В зеленеющий лес, в чей-то юный сверкающий смех—
Всё ехидный обман, как случайная ранка на нёбе.
Что-то хитрое там, наверху, объегорило всех.

Я прошу в темноте, чтобы всё это только казалось,
Чтобы призраки зла позабыли голодный оскал,
Чтобы чьё-то тепло, как дворняга, за мной увязалось,
Чтоб молчали часы и беспомощный дождь перестал.

Голубое окно догорит, и продолжит чуть слышно
Время тикать в висок, словно глупый от старости гном.
Нет конца у игры, но порой наступает затишье.
Помолчат с полминуты, поплачут и кончат на том.

● ● ●

Во дворе застыло время.
Снег решёткою накрыт—
Тенью сетки баскетбольной.
Мне не больно мне не больно—
Из-под сетки снег твердит.

Вот енот, а вот лисичка
Спит в бумажном колпачке.
В фантик жёлтенький одета,
Спит бумажная конфета
На заснеженном сучке.

Время стрелкою застыло,
Встал бумажный циферблат.

Пять минут—и всё, что было
Между мной и жизнью, было
Пять минут назад.

Олег Бажанов

Рассвет

Игорю Степанову не везло в жизни. Отца он не знал. Мать, по молодости гоняясь за призрачным счастьем, оставила маленького сына на попечение бабушки. Так и рос Игорёк до седьмого класса в небольшом провинциальном городке, воспитываемый бабушкой, пока неожиданно мать не решила остепениться и вспомнить, что у неё есть почти взрослый сын и престарелая мать.

Она вернулась—с обещанием больше никуда не уезжать. Игорь радовался, он, как нормальный ребёнок, скучал по материнскому теплу и ласке, но женщина, которую он увидел на четырнадцатом году своей жизни, оказалась чужой. И никакие подарки не могли сделать её роднее. Самой родной для него навсегда осталась бабушка.

Мать нашла работу. Потом выскочила неудачно замуж. Уехала. Через год снова вернулась. Уже насовсем.

Ещё через два года Игорь с троечным аттестатом закончил школу. Поступил в строительный колледж. Когда ему исполнилось восемнадцать, принесли повестку из военкомата.

Мотострелковая бригада, базирующаяся в Северо-Кавказском военном округе, оказалась не самым плохим местом службы: жизнь по распорядку, новенькая форма, регулярное трёхразовое питание, автомат Калашникова со штыком и прикладом. Миномётчик рядовой Игорь Степанов с интересом осваивал военную профессию. И даже стал подумывать о том, чтобы через год срочной службы подать рапорт на сверхсрочную.

В августе Грузия напала на Южную Осетию. И уже через три месяца после призыва ехал рядовой Степанов в полном военном снаряжении в кузове армейского «Урала» на войну. Бригадная колонна с приданными танками и бронетранспортёрами растянулась на несколько километров. «Вот это силища!»—думал Степанов.

Но поучаствовать в боевых действиях Игорю оказалось не суждено. В первую же ночёвку на осетинской земле со стороны Грузии прилетел снаряд. Он попал в здание школы, пробив в нём огромную сквозную дыру. Погибла учительница, ночевавшая в школе. Никто из мотострелков не пострадал—бригада стояла за селом на окраине. Рядовой Степанов вместе со своим земляком Юркой Стешиным нёс службу на посту в посёлке, у почты рядом со школой. Стешина отбросило ударной волной к стене, и он отделался ушибами. Игорю в плечо угодил осколок разорвавшегося снаряда. Ранение оказалось тяжёлым.

Дальше были госпиталь во Владикавказе, потом в Ростове—операция, медицинская комиссия и заключение: не годен к воинской службе. К Новому году Игорь Степанов оказался в родном городке в не совсем праздничном настроении. Его армейская карьера закончилась, не успев начаться, оставив на память ограниченную в движениях левую руку и небольшой осколок снаряда, что привёз Степанов домой в своём вещмешке.

Сразу по приезде Игорь обнаружил в квартире проживающего вместе с матерью незнакомого мужчину. Оказалось, что любимая бабуля, заменившая Игорю мать, умерла, узнав, что внук попал в госпиталь. Мать не стала сообщать о смерти бабушки, сославшись на то, что не хотела расстраивать сына.

Несколько дней Игорь не разговаривал с матерью и не выходил из своей комнаты. Новый год он встретил безработным. Через неделю пошёл искать работу. Поиски хоть чего-нибудь приносящего доход затянулись до весны. В стране нагуливал жир его величество кризис, и инвалида никто не хотел брать. Небольшой пенсии по инвалидности, что полагалась Игорю от государства, ему хватало на то, чтобы не умереть с голоду. Мать, регулярно приносившая водку для своего ухажёра-приживальца, за квартиру платила сама, не требуя денег от сына, благо что зарплаты продавца в продуктовом коммерческом магазине на это хватало.

Так ничего и не найдя до весны и почти отчаявшись, Игорь стал по вечерам всё чаще прикладываться к бутылке, уступая настойчивым приглашениям матери и её приживальца «посидеть, поболтать». Мать частенько делила с мужчинами компанию и пила до тех пор, пока не засыпала за столом. Игорь помогал маминому ухажёру отнести её в спальню.

Заканчивался солнечный апрель, подходили майские праздники. Генка—школьный товарищ Игоря—однажды повстречал его на улице. «Сарафанное радио» небольшого городка доносило, что Генкин отец круто пошёл «в гору» на волне кризиса, ведя не совсем честный бизнес, но Игорь был рад встрече. Поговорили. Генка, узнав о трудностях,

взялся помочь своему приятелю с работой. Хоть отец Геннадия и заседал в городской Думе, Игорь сомневался, что тот станет для него что-нибудь делать. Но через неделю Генка позвонил:

— Есть место сторожа на частной турбазе. Платят немного, но условия проживания будут по высшему разряду: бревенчатый дом на две комнаты с кухней, вода, электричество подведены, газ привозной, питание бесплатное. Зимой тепло. Территория большая, но в основном засажена лесом. Несколько элитных коттеджей в пару этажей да сауна с бассейном, забор высокий вокруг. Сама база стоит на берегу реки. Я там был, мне понравилось: пляж, лес сосновый вокруг, грибы, ягоды! Райское место! Рабочие по уборке территории приезжают по графику раз в неделю. Если много отдыхающих, функционирует столовая. Согласен?

— А что делать-то нужно?

— Тебе нужно будет находиться на турбазе неотлучно: принимать-провожать гостей, выдавать чистое бельё, следить за порядком, дорожки подметать. И вся эта красота всего в двадцати километрах от города. В ту сторону ходит маршрутка. Ну как, согласен?

— А отпуск дадут?—зачем-то спросил Игорь.

Он даже не поинтересовался, сколько будут платить,—надоело слоняться без дела. И он был рад предложению, а спросил просто так.

— Через год отпуск получишь,—недовольно сказал Генка.—Пару недель. Соглашайся, дурная башка! Желающие на это место имеются. Еле уговорил отца тебя взять.

— База принадлежит твоему отцу?—удивился Игорь.

— Нет. Хозяин этой красоты работает в Сургуте. Нефть качает. Ну и живёт постоянно там. Просто сам он здешний, вот и приобрёл недвижимость для вложения денег. А с моим предком они дружат. Отец как бы присматривает за базой. Так я не понял, ты согласен?

— Когда нужно быть на базе?—вместо ответа поинтересовался Игорь.

— Вот прямо сейчас и собирайся. Я за тобой заеду через полчаса. Успеешь?

— Да мне собирать-то нечего: сумка с одеждой да несколько книг. Успею.

Игоря радовала возможность уехать из дома, где его уже ничего не держало.

База отдыха оказалась почти такой, как её описывал Геннадий: блестящий высокий металлический забор отгораживал участок леса в четыре с половиной гектара, за воротами открывался вид на несколько двухэтажных, сложенных из ровных, аккуратно обтёсанных брёвен домов под красной черепицей, прячущихся друг от друга среди стволов высоких сосен. Внутри территории прямо у въездных ворот притулился одноэтажный деревянный домик с большими окнами. Здесь и проживал сторож.

— А где тот, что работал до меня?—поинтересовался у Генки Игорь, когда они вышли из машины под тень высоких деревьев.

— Вчера рассчитали. Слабоват оказался до спиртного,—Геннадий многозначительно посмотрел на товарища.

— Не бойся. Не подведу,—Игорь понял намёк.

Ему хватило двух часов, чтобы обойти всё хозяйство. Вместе с Геннадием Игорь сверил по описи имущество, осмотрел гараж с грузовым мотороллером внутри, сараи, сауну, коттеджи и подсобные помещения. Больше всего ему понравился совсем новый мощный дизельный генератор, спрятанный за металлической дверью в кирпичном домике, издалека похожем на избушку без курьих ножек.

— Его в этом году приобрели,—Генка с гордостью похлопал ладонью по отливающему серебром чугунному блоку цилиндров.—Уже подключили. Смотри—здесь всё делает компьютер: нажимаешь кнопку, и...—Геннадий продемонстрировал, как нужно управляться с техникой: после нажатия пальцем на экран на нём засветился дисплей со множеством значков и иностранных букв.—Ты давишь сюда и сюда, происходит запуск, и вот здесь высветятся напряжение и сила тока. Всё за тебя сделает автоматика, но можно регулировать параметры и вручную. Так что если вдруг отключится электричество, смело запускай генератор. Он с пониженным уровнем шума—никому не мешает.

— А почему отдыхающих-то нет?—огляделся Игорь.

— Через два дня начинаются майские праздники. Так что уже завтра жди гостей. Кого принимать и куда размещать—я тебя буду предупреждать. Указания будешь получать и от моего отца. Но не волнуйся: главное, чтобы на базе был порядок. И чтобы гости были довольны. По любым вопросам сначала звони мне, а уже потом моему отцу. Всё ясно?

Геннадий говорил тоном начальника, но Игорь не имел права на него за это обижаться. И он не обижался—место работы, предложенное другом, понравилось.

После скорого ужина, собранного из того, что привезли с собой, Генка уехал, сославшись на дела.

— Если что—звони! Завтра приеду рано и собаку тебе привезу для охраны,—бросил он на прощание из приоткрытого окна своего чёрного «Мерседеса».

Темнело. Одиночество не пугало. Игорь повесил на ворота замок и решил сделать обход той территории базы, что ещё не успел осмотреть. Он взял фонарик и направился в сторону реки.

К берегу вела прямая сосновая аллея. Высокие деревья, посаженные умелой рукой ещё лет сорок назад, образовывали удивительно ровный коридор. В конце аллеи песчаный берег круто

обрывался, и от края обрыва начиналась пологая деревянная лестница с перилами. Она вела к самой воде. Игорь остановился возле верхней ступеньки и стал смотреть на изгиб реки, плавно несущей свои спокойные воды к далёкому южному морю, на наливающееся сумерками розоватое небо, на покрытый лесом с узкой песчаной косой противоположный берег. Наверное, таким в детстве он и представлял себе тридевятое царство из сказок, что читала на ночь бабушка…

Всплеск рыбьего хвоста вывел его из задумчивости.

— Как хорошо-то! — крикнул вдаль Игорь и снова набрал полные лёгкие пьянящего чистотой лесного воздуха с примесью запаха реки. — Как хорошо!..

Вернувшись в сторожку, Игорь открыл дверцу холодильника и проверил содержимое: колбаса, яйца, минеральная вода, масло, сыр, хлеб в целлофановом пакете — Генка оказался заботливым начальником.

Заварив на скорую руку чай из пакетика, Игорь устроился возле цветного телевизора с ощущением, что наконец-то ему повезло в жизни.

Будильник прозвенел ровно в шесть часов. За окном рассвет уже торопил начинающийся день.

Позавтракав, Игорь совершил утренний обход вверенной ему территории. Внешне всё было в порядке.

Генка приехал к восьми. Открыв заднюю дверь «Мерседеса», выпустил из салона большую овчарку. Та, по-хозяйски осмотревшись вокруг, прямиком направилась к стоящему в нескольких шагах сторожу. Игорю стало немного не по себе от размеров собаки, её зубов и выражения чёрных глаз, но он не пошевелился.

— Карина, это свой! — строго прикрикнул Геннадий.

— Я свой, — стараясь говорить спокойно, произнёс Игорь, глядя в бездонные собачьи глаза. — А тебя, значит, зовут Кариной? Хорошее имя.

Беспристрастно обнюхав Игоря, овчарка села возле его ног и стала смотреть на Геннадия, ожидая команды.

— Она тебя уже охраняет, — хохотнул Генка. — Подружитесь!

Он подошёл к Игорю и протянул руку. Друзья поздоровались. Убедившись, что хозяину ничего не угрожает, Карина оставила свой пост и потрусила по тропинке между деревьями.

— Своё хозяйство проверяет. Она здесь не в первый раз, — посмотрел ей вслед Геннадий. — Ну, пошли и мы заниматься делами!

Они вошли в открытую дверь сторожки. Поинтересовавшись, как Игорь провёл ночь, Генка достал из кармана исписанный блокнот и стал объяснять, кто в ближайшие дни приедет отдыхать. Игорь делал записи в свою толстую тетрадь.

— Главу администрации с семьёй разместишь во втором коттедже, — давал указания Генка, глядя в свой блокнот. — Они пробудут пару дней. Продукты у них свои, готовить будут сами. Следи только, чтобы мангалы были чистыми. Для всех, кто приедет с ними, откроешь третий дом. Подготовь чистое бельё. Для меня с отцом держи в готовности дом возле сауны. В него никого не впускай.

— А самый красивый коттедж для кого? — поинтересовался Игорь.

Геннадий посмотрел на него:

— Этот большой дом — хозяина. В его отсутствие туда могут входить только уборщицы, и то под твоим присмотром. Там много всяких дорогих вещей… Слушай дальше: остаётся ещё один дальний домик… — Геннадий посмотрел в блокнот и задумался. — Его держи на всякий случай про запас. Может кто-то из нужных людей подъехать. Но без моего звонка в него никого не впускай. Если гости захотят попариться, включишь сауну. И поменяй в бассейне воду. Всё понял?

— Понял, гражданин начальник! — весёлым голосом отрапортовал Игорь.

Начиналась настоящая работа, и это обстоятельство не могло не радовать.

Гости стали прибывать уже к обеду. Геннадий сам выходил встречать их автомашины. Игорь только открывал и закрывал ворота, не забывая вежливо здороваться с приезжающими.

Сидящая у ворот на цепи Карина ответственно облаивала каждую въезжающую дорогую иномарку.

К вечеру собрались все, кого ожидали, и Игорь повесил на ворота замок. Гулянье началось задолго до ужина и продолжалось до глубокой ночи.

Игорь старался не попадаться отдыхающим на глаза. Покормив Карину, он прицепил к её ошейнику поводок и пошёл вдоль забора на вечерний обход территории базы. На удивление собака оказалась воспитанной и послушной. Уверенно шествуя на поводке впереди сторожа, она угадывала направление, чутко настораживая уши на долетающие громкие выкрики отдыхающих, каждый раз оборачивая к Игорю умную морду и как бы спрашивая: «Гавкнуть?»

— Тихо, тихо! — говорил он ей. — Пусть люди веселятся. У них праздник.

«А у нас?» — смотрела чёрными бездонными глазами собака.

— А у нас работа, — вздыхал Игорь. — Ничего, подожди, Карина, вот они уедут, будет и у тебя вкусное торжество.

Праздники пролетели быстро. Игорь даже не заметил, как наступила середина мая. Он втянулся в работу и совсем не тяготился обязанностями сторожа, дворника и коменданта. Все приезжающие на отдых были людьми солидными и вели себя

соответственно. Даже если заказывали девочек по вызову, то тех привозили дорогие машины, а сами девчонки выглядели как фотомодели из модных журналов. Игорь уже знал по именам нескольких постоянно посещающих вверенную ему базу жриц любви. И они при встрече всегда мило улыбались ему как старому приятелю, кидая мимолётное: «Привет, Игорёк!»

Геннадий после праздников не приезжал, звонил раз в два дня. С продуктами в конце недели присылали водителя отца. Водитель на чёрном джипе привозил чистое постельное бельё, забирал в прачечную грязное и ни о чём не спрашивал. Игорь понял, что ему доверяют.

Всё складывалось замечательно. Только приезжающие на отдых редко общались со сторожем. Лишь по необходимости: принеси, подай... Единственным другом, с которым можно было поговорить на базе, была Карина. В отсутствие гостей она свободно разгуливала по территории, чувствуя себя полной хозяйкой. Ей её работа нравилась так же, как и Игорю его. Собака признала в Игоре главного и в его присутствии характер не показывала.

Прошёл месяц, и Геннадий привёз Игорю запечатанный конверт.

— Там твоя первая зарплата,— бросил он, отдавая конверт в руки.

Игорь пересчитал деньги. Сумма была небольшой, но, учитывая то, что сторож жил на всём готовом, приемлемой.

— Обмоем?— предложил Игорь.

— При случае— в другой раз,— отказался Генка.

Благодатный, увитый зеленью июнь подходил к концу. Игорь, несмотря на плохо действующую левую руку, каждое утро чисто подметал дорожки, убирал опавшие сухие ветки из-под деревьев, поддерживал необходимый порядок. Никто из гостей на него не жаловался. Геннадий пару дней ближе к вечеру приезжал с друзьями. По возрасту все были не старше тридцати и бессовестно хвастались друг перед другом новенькими дорогими машинами. Компания шумно проводила время. Пьяный Генка каждый раз приходил в сторожку к Игорю с коньяком и водкой, но Игоря со своими друзьями не знакомил.

Во второй приезд компания друзей заявилась вместе с девчонками. После полуночи гульба набрала самую силу: база утопала в электрических огнях, громко, на весь лес, звучала музыка, её рёв перекрывали выкрики и смех пьяных гостей. Даже в сторожке при плотно закрытых дверях и окнах невозможно было уснуть.

Игорь взял поводок и повёл Карину к реке. Музыка доносилась до берега и мощными волнами прокатывалась по пляжу. Постояв недолго у воды, Игорь решил уже возвращаться в сторожку, и тут, в тиши повисшей музыкальной паузы, отчётливо услышал тихий плач. Он прислушался. Показалось? Игорь посмотрел на насторожившуюся собаку. Карина, навострив уши, застыла в напряжении, повернув морду по течению реки. Игорь знал, что там за кустами ивняка находится площадка для отдыха, оборудованная деревянными столиками и скамейками. И именно оттуда снова донёсся слабо различимый плач, заглушённый вновь зазвучавшей музыкой.

— Вперёд!— тихо скомандовал Игорь, и Карина натянула поводок в темноту.

Игорь зажёг фонарик и шагнул в кусты.

Прямо за ивняком на песке сидела полураздетая девушка. Возле неё стоял голый мускулистый парень— один из гостей Геннадия. Парень был пьян и, увидев выскочившую из кустов огромную собаку, от неожиданности повалился на спину.

— Помогите!— жалобно закричала девушка, заметив Игоря.

— Карина, сидеть!— приказал Игорь собаке.

Та послушно уселась на песок возле ног упавшего парня, не сводя с того глаз.

— Что тут у вас?— спросил Игорь, глядя на девушку.

Та попыталась встать.

— Помогите!— снова попросила она.

В этот момент Карина зарычала и ощетинилась, сделав стойку по направлению к реке. Игорь увидел, как из воды на берег выходит мокрый и тоже совершенно голый мужчина.

— Ты кто такой?— мужчина застыл на границе воды и берега, заметив ощетинившуюся собаку.

— Я забираю девушку,— вместо ответа сказал Игорь и помог ей подняться.

— Лучше сам убирайся отсюда!— с угрозой в голосе прошипел мужчина и сделал шаг.

Карина зарычала громче.

— Ещё одно резкое движение, и я отпускаю собаку,— предупредил Игорь.

— Ты сторож, что ли? Мы с тобой завтра поговорим,— пообещал мужчина.

— Завтра и поговорим.

Игорь подождал, пока девушка подберёт разбросанную одежду, и пошёл вслед за ней, держа собаку за ошейник.

Шли молча. Возле домиков девушка, сказав:

— Спасибо вам! Только не говорите никому!— прошмыгнула в открытую дверь ближайшего коттеджа, стараясь остаться не замеченной компанией, сидящей у костра.

Игорь посадил Карину на цепь и закрылся в сторожке. Он приготовил постель, выключил свет, лёг, закрыл глаза и постарался заснуть. Но мешала музыка, доносившаяся с улицы, и из головы не выходило происшествие на пляже. Вновь и вновь он мысленно возвращался к случившемуся и, взвешивая свои действия, оставался в уверенности, что поступил правильно.

Рано утром его разбудил громкий стук в дверь. На пороге стоял Геннадий с опухшим от спиртного и бессонной ночи лицом.
— Ты чё вчера натворил?! — Геннадий был настроен решительно. От него за метр несло перегаром.
— Это ты про девчонку на берегу? — догадался Игорь. — Помог девушке дойти до домика.
— Ты знаешь, на кого ты «наехал»? Ещё собаку грозился спустить!
— Гена, всё не так было…

Но Геннадий не дал Игорю возможности оправдаться:
— Как там было, мне уже рассказали. Ты обидел двух очень уважаемых людей. Очень уважаемых! И из-за кого? Из-за какой-то шлюхи! Проститутки!
— Она не проститутка. Я проституток знаю.
— Знает он! Я тебе говорю — проститутка!
— И что теперь?.. — не стал дальше спорить Игорь.
— А вот что теперь — я не знаю!

Гена прошёл в комнату и тяжело опустился на кровать.
— Сиди в сторожке и не показывайся никому на глаза, — произнёс он через некоторое время. — Я постараюсь гостей увезти сразу, как проснутся. Может, прокатит. Главное, чтобы у них не возникло желания с тобой разборками заниматься прямо тут.
— Что, так серьёзно?
— Не представляешь как! — Генка повысил тон.
— Это твои друзья?
— В бизнесе друзей нет! — уже спокойно произнёс товарищ. — Понял? Это нужные люди. Иди открой ворота, запрись в комнате и сиди тихо! Нет тебя…

Прошло три часа. Игорь через окно смотрел, как иномарки с крутыми номерами одна за другой покидают базу. На всякий случай он закрыл в сторожке Карину, и гостей никто не провожал.

Геннадий позвонил на следующий день.
— У меня для тебя плохие новости, — произнесла трубка его голосом. — Отец велел тебя уволить.
— Когда мне уходить?

Внутри всё сжалось, Игорь почувствовал спазм, подкативший к горлу. Работу терять не хотелось. И на базе он уже ко всему стал привыкать.
— Я упросил отца — можешь отработать две недели. За это время мы подберём замену, — трубка засигналила короткими гудками.

Весь оставшийся день Игорь ходил с опущенной головой, мысленно прощаясь с высокими соснами, с уложенными брусчаткой дорожками, с красивыми домиками, с сосновой аллеей, с песчаным пляжем — со всем, что успел полюбить. Покидать это замечательное место его душа противилась. А деревья, чуть покачиваясь на ветру, поскрипывали своими уходящими ввысь стволами, как бы подбадривая Игоря и будто шепча ему: «Всё хорошо. Всё будет хорошо…»
— Вот, Карина, — говорил он внимательно слушавшей его овчарке, — через две недели мы с тобой расстанемся. И я больше не увижу ни тебя, ни этой сторожки, ни этих сосен…

Собака, будто разделяя его тоску, негромко заскулила и лизнула Игоря в лицо.
— И мне не хочется с тобой расставаться! — Игорь обнял овчарку за шею, и та принялась лизать его в ухо.
— Перестань! — Игорь здоровой рукой стал трепать Карину за холку. — Ты-то чего сопли распустила? У нас с тобой ещё есть две недели. Пошли службу нести.

Внешне ничего не изменилось в распорядке Игоря. Он поднимался всё так же рано и до темноты наводил порядок, принимал и провожал гостей. Только Генка стал звонить лишь для того, чтобы дать очередные распоряжения.

Когда до назначенного срока увольнения осталось восемь дней, Геннадий приехал на базу на своём «Мерседесе».
— Как идёт поиск моей замены? — поинтересовался Игорь.
— Уже нашли. Через десять дней готовься сдавать дела.
— Почему через десять? Мои две недели истекают через восемь.
— Истекают. Тут вот какое дело: звонил хозяин, сказал, чтобы базу подготовили для его жены и дочки. Они приезжают как раз на десять дней. Просил, чтобы никого лишнего на базе в это время не было. Я подумал: раз ты всё тут знаешь, поработай, пока жена хозяина и дочь будут отдыхать. Расчёт получишь за все дни.
— Раз надо — поработаю, — пожал плечами Игорь. — Когда прибывают дорогие гости?
— Завтра вечером. А с утра в твоё распоряжение прибудут две бригады из клининговой компании: одна наведёт блеск внутри домиков, другая — снаружи. К приезду хозяйки всё должно сиять! Пляж возьми под особый контроль — чтобы там ни одной соринки!.. Продукты привезут тоже завтра.
— Понял. Всё сделаем.
— Да, и сам чтобы выглядел прилично! Что это у тебя за спортивный костюм? — Геннадий с критической улыбкой оглядел Игоря. — На какой помойке нашёл?
— На толкучке купил! — надулся Игорь. — Китайский.
— Ладно, — примиряюще улыбнулся Генка. — У нас с тобой размер один. Завтра пришлю фирменное что-нибудь, чтобы не стыдно было тебя хозяевам показывать.
— Не надо ничего… — Игорь попробовал отказаться.
— Считай это премией тебе за хорошую работу! — не стал его слушать Геннадий. — Пошли, осмотрим завтрашний фронт работ.

К приезду хозяйки база отдыха выглядела идеально. Постарались специалисты по уборке: всё было помыто и подкрашено. Даже окна на чердаках коттеджей сияли чистотой.

Игорь в обед сводил Карину на речку, искупал её с шампунем, вычесал специальной собачьей щёткой, отчего огромная овчарка стала казаться ещё больше в размерах, а её благородная шерсть пышно лоснилась на солнце. Потом он сам принял душ и надел переданный с водителем, доставившим продукты, спортивный костюм и кроссовки. Генка не пожалел денег на «премию» и приобрёл для Игоря фирменный «Адидас».

Было ещё светло, когда за воротами пропел знакомый автомобильный сигнал. Игорь расторопно отворил ворота, и на территорию базы не спеша въехал огромный чёрный внедорожник с тонированными стёклами, за ним — «Мерседес» Геннадия. При виде этих двух машин пристёгнутая на цепь Карина приветливо завиляла хвостом.

Внедорожник без остановки проследовал к хозяйскому дому, а «Мерседес» занял место на стояночной площадке возле сторожки.

Закрывая ворота, Игорь заметил, как из внедорожника первым появился отец Геннадия — крепко сбитый седеющий мужчина. Он открыл заднюю дверь салона и, подав руку, помог выйти из машины двум стройным девушкам. Затем услужливо распахнул перед ними двери коттеджа, и все трое скрылись в нём.

— А где хозяйка? — поинтересовался Игорь у подошедшего Геннадия.

— А ты что, не разглядел? — удивился Генка. — Приехала хозяйка и её пятнадцатилетняя дочь. Кстати, дочка — такая девица… — Геннадий состроил мечтательное лицо, подняв оттопыренный большой палец правой руки. — Во! Вся в мать. Я б её… Но обе с характером. Так что придётся тебе здесь перед ними попрыгать.

— Значит, попрыгаю десять дней, — усмехнулся Игорь. — А ты не упускай свой шанс, начинай ухаживать за дочкой. Глядишь, года через три станешь зятем нефтяного магната.

— Ты её мамашу не знаешь! — стал суровым Геннадий. — Такая змеюка! Никого к дочери не подпускает. Ну, увидишь сам… — Генка переменил тон на начальствующий: — Баня готова?

— Готова. Сауна нагрета. Вода в бассейне чистая, — доложил Игорь.

— Иди растапливай мангал, а я узнаю, что приготовить.

Хозяйку и её дочь Игорь рассмотрел поближе, когда они выходили из сауны, завёрнутые в одинаковые махровые халаты. Одного роста, почти одинаково сложённые, обе светловолосые и светлоглазые, распаренные, без косметики на лицах, с мокрыми волосами, — они больше походили на двух сестёр, чем на мать и дочь. Когда хозяйки проходили мимо Игоря, раскладывающего на пышущем жаром мангале шампуры с кусками сочного мяса, тот учтиво поздоровался. Первой ответила на его приветствие дочь. Мать немного задержалась с ответом, смерив Игоря с головы до ног строгим взглядом. «Прав был Генка: они похожи! — подумал Игорь. — Дочь — красавица. А мать — очень серьёзная женщина».

Два дня на базе гостили Генка с отцом, и все два дня они окружали своими заботами хозяек. Игорю доставались лишь мелкие поручения: принести, отнести, наколоть, разжечь, убрать. Несколько раз он украдкой засматривался на хозяйскую дочь, когда та появлялась в купальнике. Природа щедро одарила пятнадцатилетнюю девушку почти оформившейся женской красотой, и контраст между детской невинностью в лице и женственной сексуальностью в фигуре притягивал мужской взгляд. Однажды, когда Игорь в очередной раз провожал глазами девушку, направлявшуюся на пляж, он наткнулся на жёсткий взгляд её матери. Ничего хорошего этот взгляд ему не сулил, и Игорь, сделав вид, что осматривает территорию, направился в обратную от пляжа сторону.

На третий день утром Генка пришёл в сторожку сообщить, что они с отцом уезжают. И настоятельно рекомендовал приятелю не маячить перед глазами хозяйки и особенно её дочери.

— Они даже меня с папанькой просили не беспокоить их до самого отъезда. Анна Викторовна сказала, что никого не хотела бы видеть. Её дочке Полине заниматься нужно — она в следующем году едет учиться заграницу. Вот так.

— Не волнуйся, сделаю всё как надо, — пообещал Игорь.

— Ну, бывай! — Генка на прощание пожал руку. — Если что — звони!

На базе, кроме Игоря, остались только хозяйка и дочь. Карине они обе не нравились, потому что свободолюбивой овчарке почти всё время приходилось сидеть на цепи, и виновницами этого безобразия она по-собачьи справедливо считала двух чужих женщин, перед которыми все люди почему-то расшаркивались. Она даже пыталась лаять на них издалека, громко выражая своё несогласие с отсутствием свободы.

Игорь, выполняя свою работу, старался не попадать в поле зрения хозяек.

До конца дня эти две важные персоны его не тревожили. И весь день прошёл спокойно.

На следующее утро, поднявшись в шесть часов, Игорь почистил хозяйский мангал, принёс заготовленные с вечера дрова и стал заниматься делами, расписанными по плану на целый день.

Хозяйка с дочерью поднялись поздно. Вначале они позавтракали, затем сходили на речку, потом

стали заниматься приготовлением обеда. После обеда они снова ходили на пляж, потом на пару часов скрылись в доме. Когда, ближе к вечеру, заслышав женский смех, Игорь выглянул в окно, увидел, что Анна Викторовна с дочерью качаются на качелях. Подходило время ужина, и стоило проверить готовность мангала возле хозяйского дома. И момент показался очень удачным — Анна Викторовна с Полиной находились на площадке по другую сторону большого коттеджа. Игорь взял в левую руку пустое ведро для золы, в правую — сумку с дровами и направился туда, где стоял фигурно выкованный мангал. Вытряхнув золу и угли, он уже собрался уходить, когда услышал за спиной:
— Вас Игорем зовут?

Он обернулся. В нескольких шагах стояла дочь хозяйки в лёгком летнем сарафане на тоненьких бретельках. Голубые глаза смотрели открыто, на лице — приветливая улыбка.
— Игорем. А вы бы не ходили босиком, тут шишки везде острые, — позволил он себе сделать замечание, досадуя на то, что его заметили.
— А мне нравится ходить босой. А вам?
— Говорят, не ходите…
— Так вам нравится? — девушка не обращала внимания на грубость.
— По-разному, — пожал плечами Игорь. — Может, нужно чего сделать, приготовить, принести? Вы не стесняйтесь, меня зовите.

Он почувствовал, что ему приятно смотреть на дочь хозяйки и приятен сам разговор, но нужно было помнить о своих обязанностях.
— Мы уху хотим сварить на ужин, — ещё раз улыбнулась девушка. — Рыба свежая есть. Но её почистить нужно. Возьмётесь?
— И почищу. И сварю, — Игорь с готовностью поставил ведро с золой на землю. — Где рыба?
— В холодильнике.
— Давайте я заберу её и у себя в сторожке почищу. У меня там специальное место есть. А варить можно и на костре. А хотите — на газовой плите.
— Я думаю, на костре вкуснее, — рассмеялась девушка.
— Значит, сварим на костре! — даже не попытался скрыть довольную улыбку Игорь.
— Сделаем так: мы возьмём рыбу и пойдём к вам. И вы мне покажете сторожку.

«Уверенная в себе!» — подумал Игорь. А вслух спросил:
— Ваша мама не будет против?

Он уже заметил неторопливо вышедшую из-за угла дома Анну Викторовну. Женщина с интересом прислушивалась к разговору молодых людей.
— Против чего? — не поняла Полина.

Она стояла спиной и не могла видеть мать.
— Ну, того, что вы пойдёте со сторожем.
— Глупости какие! — хмыкнула Полина. — У меня мама самая лучшая на свете! И очень умная…
— Добрый вечер, Анна Викторовна! — поздоровался Игорь.
— Здравствуйте! — с лёгким налётом улыбки на лице поздоровалась хозяйка.
— Мамочка, мы с Игорем насчёт ухи договорились! Он нам её приготовит на костре! — бросилась навстречу матери дочь с такой радостью в голосе, будто речь шла о чём-то очень значительном.
— А мы ему поможем, — красивым голосом произнесла хозяйка, не отводя строгих глаз от молодого человека. — Мне тоже интересно посмотреть, как тут живёт персонал. Вы нам покажете свои владения, Игорь?
— Покажу, — растерялся он. — Только они ваши…

«А мама у Полины совсем не злая, — думал он, сопровождая хозяек к сторожке. — Строгая. И красивая. Особенно глаза — в душу проникают».

Учуяв женщин, дремлющая у будки Карина поднялась и приготовилась выразительно гавкнуть, но Игорь погрозил ей кулаком, и она снова улеглась на землю, напустив на морду безразличный вид.
— Воспитанная у вас собака! — сквозь лёгкий смех тепло произнесла Анна Викторовна.

Из её уст это прозвучало похвалой, и Игорь почувствовал ещё большее расположение к этой женщине. Ему захотелось сделать ещё что-нибудь приятное для неё и для её дочери.
— А знаете, какая она понятливая! — он подбежал к овчарке и присел на корточки.

Хозяйки остановились и стали с интересом наблюдать, что же будет дальше.
— Карина, — обратился Игорь к поднявшей голову собаке, — если ты пообещаешь подружиться с Анной Викторовной и Полиной, я отпущу тебя с цепи.

Словно поняв его слова, овчарка подползла к Игорю на брюхе и положила голову ему на колени, глядя умными глазами на женщин.
— Понимает! — восхищённо воскликнула Полина.

Игорь отстегнул от ошейника цепь и приказал:
— Ну, иди знакомься.

Потом посмотрел на Анну Викторовну и Полину:
— Вы только не бойтесь. Она всё понимает.

Большая овчарка легко поднялась на лапы и, чуть виляя хвостом, подошла к женщинам. Сначала она лизнула руку Полине, приведя ту в неописуемый восторг, потом подошла к Анне Викторовне и села возле её ног.
— А почему она мне не лижет руки? — удивилась хозяйка.
— Уважает, — пояснил Игорь. — Вы у неё лапу попросите.

Анна Викторовна присела на корточки и, глядя собаке в глаза, спросила:
— Ты мне лапу дашь, подруга?

Отвернув в сторону морду, овчарка подняла правую лапу. Полина громко рассмеялась, а Анна Викторовна пожала собачью лапу со словами:

— Ну, будем дружить, Карина. Какая ты у нас гордая!

Игорь, наблюдавший сцену знакомства, был очень доволен произведённым эффектом.

— Молодец, Карина! — похвалил он овчарку. — Иди гуляй!

С благодарностью взглянув на Игоря, собака сорвалась с места и потрусила по дорожке в сторону пляжа.

— Не убежит? — проводила её взглядом поднявшаяся с земли Анна Викторовна.

— Нет, — посмотрел вслед овчарке Игорь. — Знаете, она ревнует.

— Ревнует?

— Без вас она чувствовала себя здесь хозяйкой. Вы уж извините... Собаки очень сентиментальны. Ревнует.

— А вы знаток собак?

— Я много читал о них, — Игорь взглянул на Анну Викторовну и поймал направленный на него очень внимательный взгляд.

— Вы любите книги, Игорь?

— Люблю. Когда учился в школе, много читал. Сейчас времени на это меньше, но при случае всегда беру книгу с собой.

— И что вас интересует?

— Всё. Раньше, конечно, больше увлекался боевиками и остросюжетными романами. Сейчас стала интересной история. Без прошлого нет будущего...

— А сколько вам лет?

— Девятнадцать. Скоро двадцать. А что?

— Да рассуждаете, как человек, проживший долгую жизнь.

— Бабушка у меня очень мудрая была, она и привила любовь к книгам... Но чего же мы стоим? Проходите в сторожку.

Игорь показал гостьям свой домик. Потом, кое-как отбившись от предложений помощи, принялся за рыбу. Готовить он любил. Бабушка с раннего детства приучала Игорька к самостоятельности. Её усилиями он рано научился читать и считать, стирать себе бельё, готовить. Выпотрошенные тушки рыбин Игорь положил в большую кастрюлю и залил водой из родника.

— Раз в три дня я езжу на мотороллере за пять километров отсюда, — пояснил он наблюдавшим за его действиями хозяйкам. — Там на краю леса, на пригорке, бьёт родничок. Вода из него чистая и вкусная. Я вам чай из неё сегодня сделаю.

Поставив кастрюлю с рыбой на огонь, Игорь принялся за приготовление чая. Он принёс из сторожки в беседку у хозяйского дома пластиковую бутыль с родниковой водой. Анна Викторовна с Полиной вынесли на улицу большой старинный самовар с отливающим медью боком и поставили его на поднос. Игорь насобирал сухих сосновых шишек и разжёг чудом хорошо сохранившийся раритет. Пламя от горящих шишек поднималось на высоту надставленной металлической трубы и вырывалось из неё яркими всполохами огня с тугим подвыванием, как из сопла реактивного двигателя. Когда Игорь бросал в прожорливую трубу новые порции сухих шишек, огненное жерло проглатывало их, салютуя вылетающими в небо снопами искр. Это огненное действо в сгущающихся сумерках и тиши леса производило завораживающий эффект.

— Как красиво! — на выдохе восхищённо произнесла Полина.

— Здесь вообще красивые места, — поддержала её мать. — А сегодня такая погода — просто чудесный вечер. Спасибо вам за помощь, Игорь.

— Это моя работа, Анна Викторовна, — его тронули слова благодарности из уст строгой хозяйки.

Добавив в кастрюлю с кипящей рыбой картошку, морковь и лук, Игорь пошёл к дровнице за новыми поленьями. Вернулся к костру в сопровождении Карины. Полина тут же занялась собакой. Та великодушно позволила хозяйской дочери обращаться с собой как со щенком: приносила палочку, выполняла команды «Сидеть», «Лежать», подавала переднюю лапу. Полина заливалась счастливым смехом, а Карина поглядывала на Игоря с вопросом в чёрных глазах: «Сколько ещё продлятся эти детские забавы?»

Анна Викторовна, сидя на лавочке возле стены дома, смотрела на дочь и о чём-то думала.

— Уха готова! — объявил Игорь и пригласил дам.

Первой у накрытого стола оказалась Полина, за ней — Карина.

— А ты чего так преданно смотришь? — пожурил собаку Игорь. — Твой ужин будет в сторожке. Иди на место.

— Покормите Карину ухой, Игорь, — заступилась за животное подошедшая Анна Викторовна. — Она заслужила.

Овчарка, благодарно глядя на свою защитницу, энергично завиляла хвостом.

— Ну, повезло тебе! — развёл руками Игорь. — Тащи сюда свою чашку.

Карина со всех ног кинулась к сторожке и через минуту вернулась с большой алюминиевой миской в зубах.

— Ах ты, умница! — восхитилась Анна Викторовна. — Сейчас мы тебе нальём ухи погуще и чтобы без костей...

Игорь взял миску из собачьей пасти и поднёс к столу. Хозяйка, ловко орудуя черпаком, налила из кастрюли до краёв.

— Смотри, горячо! — предупредил Игорь, опуская миску на землю. — Подожди, пусть остынет. Дай я тебе туда хлеба накрошу. Фу! Нельзя!

Карина, сунув морду в горячее, улеглась возле еды, глядя грустными глазами на свой слишком медленно остывающий ужин.

— Игорь, и вы присаживайтесь с нами! — пригласила Полина.
— Да… я там у себя… — попытался отказаться он.
— Садитесь! — распорядилась хозяйка. — Вы готовили, вам и пробу снимать.
— Благодарю, — Игорь устроился с самого краю в торце стола.

Испытывая невероятное стеснение, он не знал, что делать дальше. Обязанности распорядительницы взяла на себя Полина. Она бойко разлила по тарелкам уху, подала нарезанный хлеб и продекламировала по слогам:
— При-сту-пим!

Уха оказалась вкусной и заслуживала похвалы.
— Игорь, вы меня удивили! — посмотрела на него Анна Викторовна, отставляя пустую тарелку. — Вы всё умеете!
— Да не всё… — ещё больше засмущался он, чем вызвал улыбки на лицах хозяйки и её дочери.

Полина вынесла из дома пирог с клубникой. Чайную церемонию Игорь проводил сам: он разливал по чашкам заварку, доливал из самовара кипяток, резал и подавал кусочки пирога.
— Дымком попахивает! — закрыв глаза, произнесла Анна Викторовна, потянув тонкими ноздрями воздух над кружкой с чаем. — Как в детстве!..

Сгустившиеся сумерки мягко перешли в ночь, и Игорь включил освещение. В лучах электрического фонаря беседка с накрытым столом и пузатым самоваром посередине стала ещё уютнее, словно островок света среди сказочного дремучего леса.
— Прекрасный ужин, — констатировала Анна Викторовна. — И прекрасный вечер. Но, наверное, пора прибираться.
— Мама, а давай Игорю споём! — обратилась к ней Полина.

Мать на несколько секунд задержала взгляд на молодом человеке, а потом неожиданно спросила:
— А что у вас с рукой, Игорь?
— Да так… осколком снаряда зацепило, — посмотрел на свою левую руку он. — Теперь вот плохо слушается.
— Где вас зацепило? — насторожилась Анна Викторовна.
— На войне… на грузинской. В прошлом году.
— Вы служили в армии?
— Три месяца. И столько же провалялся в госпитале.
— Бедный мальчик… — вырвалось у Анны Викторовны. В её глазах мелькнуло участие, но в следующую секунду женщина взяла себя в руки. — И как же вы с такой рукой управляетесь? Трудно, наверное? — теперь её голос звучал почти сухо.
— Я привык, — Игорь отвёл глаза.

Он не мог себе представить, что Анна Викторовна будет его жалеть и даже петь. Для него. Но то, что произошло в следующую секунду, заставило встрепенуться — женщина вдруг запела красивым низким голосом. Почти сразу к ней присоединилась Полина. Их голоса были похожи, но раскладывались на первый и второй. Вместе получался почти профессиональный дуэт. Видно, мать и дочь часто пробовали себя в песенном жанре. Они пели о неразделённой девичьей любви, о счастье в мечтах. И песни-то выходили грустными, но Игорю было хорошо от них.

Когда, пожелав спокойной ночи, Анна Викторовна ушла в дом, Полина вызвалась помочь Игорю убирать посуду.

Они вместе мыли тарелки и чашки под краном возле сторожки. Особенно долго им пришлось тереть закопчённую на костре кастрюлю. Невозмутимая Карина, неотлучно сидевшая рядом, получала в свой адрес смешные комплименты, шутки и замечания, но продолжала ответственно охранять несерьёзную парочку. Она была выше всяческих дурачеств, потому что несла службу.

Когда всё было убрано и помыто, Игорь посмотрел на часы:
— Уже первый час. Вам пора спать, Полина.
— Во-первых, я спать не хочу! — заупрямилась девушка. — А во-вторых, давай перейдём на «ты». Ведь ты всего на четыре года меня старше.

Ему польстило предложение девушки.
— Давай на «ты», — согласился Игорь. — А что мы будем делать?
— Ну, не знаю… — задумчиво протянула она. — Давай погуляем. Или пойдём купаться.
— Вода в реке ночью холодная, — предупредил Игорь.
— Тогда пошли просто гулять на пляж! — Полина решительно направилась к аллее.
— Карина, гулять! — Игорь, захватив в сторожке фонарик, поспешил догнать девушку.

Они спустились к самой реке и стали слушать ласкающий слух плеск воды. Полина подставила ногу набежавшей волне.
— Совсем не холодная! — посмотрела она на Игоря. — Я купаться хочу!
— Может, не стоит? Тут дно крутое и течение сильное. В темноте заплывать далеко нельзя.
— Я у берега. А ты пойдёшь со мной в воду?
— Да я плавки не захватил, — потупился Игорь.
— И я без купальника, — засмеялась девушка. — Давай сделаем так: я здесь в воду войду, а ты иди за кусты и там входи. Встретимся в реке. Ну, иди!
— Карина, остаёшься охранять Полину! — распорядился Игорь.

Овчарка послушно села на песок.

Испытывая трепет от мысли, что нравившаяся ему девушка будет без купальника, Игорь зашёл за кусты, быстро скинул с себя спортивный костюм и, оставшись в одних трусах, вошёл в воду. В первый же момент холодная речная вода заставила всё внутри сжаться и остудила ненужные мысли

в разгорячённой голове. Игорь решительно окунулся по шею и поплыл навстречу Полине. Плавать он мог только на спине, работая в основном ногами — плыть по-другому мешала повреждённая левая рука.

Когда из-за кустов показался берег, Игорь увидел Полину: девушка стояла по колено в воде, и на фоне серого речного берега её фигура выделялась мраморной статуэткой с белым треугольничком тонких трусиков.

— Ну, смелее! — крикнул Игорь.

— Ой! — прикрыв руками грудь, девушка ушла в воду. — Холодная! — она поплыла навстречу Игорю.

— Далеко не заплывай! — напомнил он. — Там течение сильное.

— Но ты же рядом! — Полина направилась к середине реки.

— Ты когда-нибудь слушаешься? — с раздражением бросил он, стараясь не отставать. — Нас там снесёт, а дальше берег крутой. Возвращайся. Обещаю завтра днём сплавать с тобой на другую сторону.

— Обещаешь? — Полина повернула голову.

— Обещаю.

— Ладно, возвращаемся! — она развернулась и поплыла обратно, но течение уже несло их.

Они достигли берега там, где он оказался отвесным и скользким. Повсюду чернели коряги.

— Отвернись! — потребовала Полина. — Я выхожу.

Но с первой попытки это у неё не получилось: девушка соскользнула по крутому склону обратно в реку. Если бы у Игоря действовала левая рука, то выйти из воды им не составило бы большого труда. Но он мог рассчитывать только на одну руку.

— Давай выберусь сначала я. А потом помогу тебе, — предложил он.

— Я сама! — не сдавалась дрожащая от холода девушка.

С края обрыва над их головами донёсся собачий лай.

— Всё будет нормально. Вот и Карина нас нашла, — попытался ободряюще улыбнуться Игорь. Но холодная вода уже сводила синюшной судорогой губы.

Собрав все силы, он подтянулся, одной рукой уцепившись за торчащую корягу, но дно крутого скользкого берега упрямо уходило из-под ног. Но вот правая ступня упёрлась во что-то твёрдое. Игорь смог устоять, и в следующую секунду он уже был на берегу.

— Хватайся, — он нагнулся и протянул правую руку плавающей у его ног Полине.

— Нога… — простонала та. — Ой!.. Свело…

Игорь понял, что медлить нельзя.

— Руку! — это прозвучало как приказ. — Руку давай!

Девушка больше не раздумывала — с тихим вскриком: «Мамочки!» — она крепко ухватилась за протянутую руку обеими руками. Игорь почувствовал нагрузку, и его ноги заскользили по склону. Чтобы не свалиться в воду, он сел, затем всем телом потянул девушку на себя и ощутил спиной остроту торчащих коряг, но всё ещё медленно продолжал съезжать вниз. Нестерпимая боль прорезала спину, сбивая дыхание, но он не отпускал Полину.

— Быстрее! — сквозь сжатые зубы вырвался стон.

Наконец девушке удалось ухватиться одной рукой за выступающий корень дерева, и скольжение прекратилось.

Полина лежала на боку на грязном склоне берега над самой водой, держась одной рукой за корень, а другой — за согнутую ногу. Она не шевелилась.

— Ой, как больно! — девушка плакала.

Осторожно, чтобы самому не упасть в воду, Игорь приблизился.

— Отпусти. Дай посмотрю.

— Что? — не поняла Полина.

— Ногу давай. А руку убери.

— Зачем?

— Это судорога свела мышцы. Нужно выпрямить ногу. Я тебе сейчас помогу. Но ты потерпи.

— Не надо. Пройдёт. Само… Ой!.. Мамочка!

— Мы с тобой сейчас в речку свалимся, — Игорь был непреклонен. — Я сказал, руку убери!

Полина несмело подчинилась, глядя глазами, полными страдания.

— Крепче держись за корни! — с этими словами Игорь потянул на себя согнутую ногу девушки, выпрямляя её.

Ночной берег огласился девичьим визгом. Ему вторил заливистый собачий лай с края обрыва.

— Всё… — тихо сказал Игорь. — Вот и всё. Не болит больше?

— Вроде отпустило, — притихшая Полина недоверчиво смотрела на Игоря.

— Можешь вставать? Только аккуратно.

Игорь стал подниматься по склону, стараясь не делать резких движений — спина саднила и горела. Он чувствовал, как по пояснице стекает кровь.

Полина выбралась на берег за ним, но теперь её нагота не волновала Игоря.

Их встречала радостным лаем овчарка.

— Вот это приключение! — в весёлом возбуждении тихонько воскликнула Полина, массируя стройные ноги и совсем не стесняясь присутствия мужчины. — Класс! Только мы с тобой все вымазались в грязи.

— Взгляни, пожалуйста: что у меня там? — попросил Игорь, повернувшись спиной.

— Господи! У тебя кровь, и вся кожа содрана! — воскликнула девушка, в её возгласе прозвучала неподдельная боль. — Скорее к нам на базу!

— Ничего страшного, — попытался успокоить её Игорь.

Полина по еле приметной тропинке сквозь кусты торопливо пошла вперёд, держа Игоря за руку.

— Всё будет хорошо, Игорёк! — чуть не плача, причитала она. — Это всё из-за меня! Дура упрямая!..

На пляже их ожидал сюрприз: возле собранной и сложенной в кучу одежды стояла Анна Викторовна.

— Как это понимать?—был её первый вопрос, адресованный Игорю.

Но голос с металлическими интонациями не предвещал ничего хорошего обоим любителям ночных купаний.

— Мама!..—успела выкрикнуть Полина.

— Оденься! Бесстыдница!—прервала её Анна Викторовна, подняв с земли и швырнув в лицо дочери сарафан.—А вы, молодой человек! Что вы себе позволяете?! Я в вас ошиблась. Девочке только пятнадцать лет! Вы знаете, что я с вами сделаю?!

— Мама!—жёстко выкрикнула Полина, не собиравшаяся надевать сарафан на грязное тело.—Игорь спас меня!

Она шагнула к стоявшему с опущенной головой Игорю и повернула его спиной к матери.

— Смотри! Меня унесло течением. От холодной воды начались судороги. Если бы не Игорь, ты бы уже не разговаривала со своей глупой дочерью. Он меня вытащил. Ему самому нужна помощь!

— Что это вас так...—растерянность Анны Викторовны быстро сменилась решительностью привыкшей распоряжаться женщины.—Чего мы стоим? Быстро к нам в дом! Там аптечка и медикаменты. Я сказала—быстро!

Раньше всех выполнила команду Карина, кинувшаяся со всех ног вверх по ступенькам. Остальные, подождав, пока Полина смоет в реке грязь с тела и наденет сарафан, направились следом.

— Я слышу—собака на берегу заливается. У меня как сердце почуяло! Зачем вы в такую холодную воду полезли?—отчитывала мать свою непутёвую дочь и Игоря, когда они поднимались по лестнице.

— Это всё я виновата! Игорь отговаривал, но ты же меня знаешь,—каялась Полина.—Прости, мамочка.

— Будешь теперь за парня отвечать, выдумщица!

Ополоснувшийся в душе Игорь лежал на животе под ярким светом люстры на мягкой тахте, а над его спиной колдовали феи. Боль можно было терпеть. Сейчас он был даже рад, что всё случилось именно так, как случилось. Перекись водорода и йод на открытые раны, конечно, были не самыми приятными ощущениями в жизни, но прикосновения нежных женских рук компенсировали любые муки.

— Мам, а последствий не будет: заражения или осложнений?—с тревогой спрашивала дочь.

— Грязь в раны попала. Конечно, не мешало бы сделать прививку от столбняка,—отвечала Анна Викторовна,—но у нас сейчас такой возможности нет. А так мы с тобой сделали всё, что нужно, раны обработали. Сейчас наложим повязку, а завтра отправим твоего спасителя в город в больницу.

— Анна Викторовна,—запротестовал Игорь,—не надо в больницу. И так заживёт.

— Не спорь!—отрезала хозяйка.

— А кто же на базе останется? Вам двоим нельзя...

— Позвоним кому следует—найдут тебе временную замену,—была непреклонной Анна Викторовна.

— Да уже нашли,—проворчал Игорь.—Я тут и так работаю последние дни.

— Как это?—Анна Викторовна непонимающим взглядом уставилась на пострадавшего.—Объясни!

— Да была одна история...—Игорь в двух словах поведал о том, как помог девушке на пляже.

— Теперь меня увольняют,—закончил он свой короткий рассказ.

Мать и дочь молча переглянулись. Анна Викторовна покачала головой.

— Садись, будем тебя бинтовать,—распорядилась она.

Игорь послушно поднялся.

— Боже!—испуганный возглас взрослой женщины заставил его вздрогнуть—она смотрела широко раскрытыми глазами на кривую уродливую, отливающую синевой борозду на его левом плече.

Игорю стало не по себе, и он закрыл шрам рукой.

— Не надо стесняться своих ран,—тихо произнесла хозяйка,—они только украшают настоящих мужчин.

— А вы меня считаете настоящим?—он смотрел в её глаза и почему-то в первый раз не смущался, и ему не хотелось отводить взгляда.

— Ты это уже всем доказал, мальчик, Жаль, что вам, таким юным, приходится это доказывать. Тебе, наверное, было очень больно?

— Терпимо.

Игорь только сейчас обратил внимание на то, что Анна Викторовна давно уже перешла в обращении с ним на «ты». И он, как ребёнок, не познавший за девятнадцать лет материнской любви, всей душой потянулся к этой сильной и красивой женщине. Ему нужна была её забота, так же как нужен был её голос, запах волос, прикосновения её нежных пальцев. Он хотел чувствовать их ещё и ещё. Он бы с удовольствием проболел очень долго, лишь бы Анна Викторовна всегда была рядом. В трудные моменты жизни Игорь никогда не вспоминал мать, потому что не помнил тепла её рук. А совсем чужая женщина дала ему это тепло, заботу, и, окружённый ими, Игорь почувствовал себя в безопасности, вспомнив, как об этом мечтал в детстве. Глядя на бинтующую его Анну Викторовну, Игорь мысленно просил Бога о том, чтобы эта женщина перестала быть чужим ему человеком. По возрасту Анна Викторовна вполне могла бы оказаться его матерью. А Полина—сестрой. Если бы такое было возможным, у него была бы счастливая семья...

— Готово!—Анна Викторовна умело заправила конец бинта под повязку.—Сейчас аккуратно

вставай и иди спать. Утром я вызову машину, и мы поедем с тобой в больницу.
— Да не стоит беспокоиться, Анна Викторовна! — попробовал улыбнуться Игорь. — Пустяки — царапины! Уже почти не болят.
— Передо мной марку держать не нужно, — в уголке рта хозяйка погасила добрую улыбку. — Завтра утром вернёмся к этому разговору. А сейчас — спать!

Игорь обречённо поднялся, но прежде, чем направиться к двери, посмотрел на мать и дочь.
— Уж извините — столько хлопот вам доставил. И спасибо вам. Спокойной ночи!
— Спокойной ночи, Игорёк! — помахала рукой Полина. — Тебе спасибо! Выздоравливай!
— Ты сам-то дойдёшь? — с участием в голосе спросила Анна Викторовна.
— Конечно. Всё будет нормально.
— Тогда спокойной ночи! — пожелала хозяйка, прикрывая за Игорем дверь.

Он вышел на крыльцо и поднял голову к небу: чёрный купол сверкал бриллиантовой россыпью.
— Спасибо Тебе, Господи, за всё! — прошептал Игорь.

Думая о так неожиданно появившемся в его жизни человеке, он ощутил такое огромное желание жить, что закружилась голова и трепетно забилось сердце! От прилива радости он готов был кричать и смеяться, как ребёнок.

Глубоко вздохнув и немного успокоив бешеное биение сердца, Игорь направился в сторожку. Откуда-то сбоку из темноты вынырнула верная Карина и пристроилась рядом. Несмотря на боль в спине, Игорь, глядя на звёзды, улыбался.

Под настойчивый звон будильника тяжело поднимались веки. Игорь лежал на животе, раны давали о себе знать тянущей болью в спине. Он с трудом встал с кровати. Но выйти, мести дорожки уже не смог — каждое движение плечами вызывало дополнительную боль. Даже ходить приходилось, держа спину неестественно прямо, нагибаться не получалось совсем.

Позавтракав, Игорь пошёл кормить Карину. Потом они вместе сделали обход территории.

Стояло раннее утро, и хозяйка с дочерью ещё спали. Проходя мимо большого дома, Игорь улыбнулся своим мыслям, припоминая весь вчерашний день. Удивительно, он совсем не испытывал волнения, когда думал о Полине, но когда перед глазами вставал образ Анны Викторовны, Игоря охватывала радость. Ему всё время хотелось думать об этой удивительной женщине и очень хотелось увидеть её.

Примерно через час, будто угадав его желание, хозяйка сама без стука вошла в сторожку, где Игорь собирал на кровати бельё в стирку. При её появлении он очень смутился, вскочил, неуклюже поправляя одеяло.

— Доброе утро! — как музыка прозвучал женский голос.

Игорь был сражён наповал: Анна Викторовна подобрала прямые светлые волосы в простой хвост, отчего её красивое лицо обрело черты девичьей непосредственности, а тонкая сеточка морщинок у глаз совсем не портила его. На хозяйке был надет лёгкий короткий сарафан, обтягивающий стройную фигуру и оставляющий на обозрение открытые руки, плечи, спину и сильные ноги, красоту которых Игорь оценил по достоинству ещё в день приезда. В первый момент ему показалось, что всё вокруг озарилось светом и в комнату вошла Полина. Но стать Анны Викторовны могла дать большую фору ещё формирующейся фигуре дочери.
— Здравствуйте… — Игорь замер, стоя в неудобной позе.

Его растерянность, предательски застывшая на лице, позабавила гостью. Она тихо рассмеялась. И этот мягкий, удивительно звучавший в сторожке красивый смех растопил преграды, мешающие Игорю быть собой, он расслабился и тоже улыбнулся:
— Очень рад вас видеть такой!..
— Какой? — гостья кокетливо посмотрела на него.

Игорь снова растерялся. Но заставил себя не отводить глаз.
— Очень красивой! — пьянея от правды и своей смелости, громче, чем нужно, выпалил он. Потом заговорил тише: — В книгах написано, что во все века таким женщинам, как вы, слагались оды, для них герои шли на подвиги! Жаль, что я не писатель, не поэт и не герой.
— Спасибо за комплимент, Игорь! — Анна Викторовна стала серьёзной, в глазах мелькнула тревога. — Как ты себя чувствуешь?
— Нормально, — он уже взял себя в руки. — Обойдусь без больницы. Правда. Да вы проходите, присаживайтесь… — он придвинул гостье стул.
— Говоришь честно? — Анна Викторовна села. Её взгляд просвечивал насквозь.
— Честно. Нагибаться пока не очень удобно, но завтра-послезавтра уже смогу полностью выполнять свои обязанности. Вот увидите!
— Значит, в больницу не хочешь? — уточнила хозяйка.
— На мне всё заживёт, как на Карине! — Игорь стоял перед ней, как ученик перед учительницей. — Если что, тут аптечка у меня есть…
— Ладно. Перевязки буду делать сама, — Анна Викторовна примиряюще махнула рукой. — Ты завтракал?
— Да. Спасибо, — он с благодарностью посмотрел на хозяйку.

После смерти бабушки Игорь успел отвыкнуть от того, что кому-то может быть интересно, позавтракал он или нет.

Анна Викторовна поднялась, но задержалась в дверях:

— Ты не сиди тут целый день, Игорёк. Приходи к нам. На обед у нас вчерашняя уха, и мы с Полиной тебя приглашаем. А вечером после ужина сделаем перевязку.
— Спасибо, Анна Викторовна, за заботу. Приду обязательно.

Ему почему-то совсем не хотелось её отпускать. Но женщина ушла, а Игорь опустился на стул, который ещё хранил её тепло. Вдыхая витающий в комнате запах духов, он пребывал в состоянии душевного комфорта и эйфории.

До наступления обеда Игорь выполнил только одно дело по хозяйству: перенёс грязное бельё в баню, где в передней комнате стояла стиральная машина-автомат, какими обычно пользуются частные прачечные.

Заниматься стиркой он решил завтра. Тем более что в ближайшую неделю приезда гостей на базу отдыха не ожидалось.

Несмотря на приглашение хозяйки, он решил пока не тревожить Анну Викторовну и её дочь. Но хозяйки сами отыскали его на заднем дворе за сторожкой, где Игорь заботливо пропалывал мотыгой с длинной ручкой высаженный им небольшой огородик.
— И что у тебя тут растёт?—голос Полины вывел его из сосредоточенной задумчивости.

Обернувшись, он увидел и Анну Викторовну.
— А мы гадаем: куда ты подевался?—вполголоса воскликнула Анна Викторовна.—А ты, оказывается, фермерством занимаешься!
— Да у меня тут зелень разная, несколько грядок огурцов, перцы, помидоры—вот и всё моё «фермерское» хозяйство. Карину ещё забыл…—Игорь увидал выскочившую из-за угла овчарку.
— Какой ты молодец, Игорёк!—искренне восхитилась Анна Викторовна, подойдя ближе и внимательно рассматривая зелёный огород.—Всё растёт. Прямо руки у тебя золотые!

Испытывая волнение, Игорь взглянул на стоящую рядом женщину:
— Было бы желание…—он мог коснуться плечом её плеча и хотел сделать это.
— Иногда одного желания мало…—очень серьёзно посмотрела на него хозяйка, будто угадывая намерение молодого человека.

И Игорь испугался своего порыва.
— А мы с мамой купаться идём,—обозначила своё присутствие Полина.—Решили тебя пригласить. Пойдёшь с нами на речку?
— Да мне пока купаться-то нельзя…—Игорь озадаченно почесал пятернёй затылок.—Если только на берегу посидеть?
— Идём, Игорёк! Идём!—Анна Викторовна взяла его за руку и потянула за собой.

Он не сопротивлялся, вдруг осознав, что вот так и шёл бы за этой женщиной на край света.

На пляже мама с дочкой, скинув халаты, вошли в воду, а Игорь остался на берегу вместе с Kариной. Полина звала овчарку с собой, но та делала вид, что не горит большим желанием купаться, и на зов девушки лишь отворачивала в сторону умную породистую морду.

Начинало припекать полуденное солнце, и Игорь пожалел собаку.
— Иди поплавай,—разрешил он, и Карина охотно пошла в реку.

Почувствовав течение, сообразительное животное не стало далеко уходить от берега и скоро выскочило на песок, энергично отряхиваясь, обильно обдав Игоря брызгами.
— Эй, поаккуратней там!—адресовал он псу недовольную реплику, наблюдая, как мать и дочь, борясь с течением, уверенно плывут к противоположному безлюдному берегу.

Достигнув его, Анна Викторовна с Полиной вышли на песок и, осмотревшись, скинули верх купальников. Игорь не поверил своим глазам: дамы стали принимать солнечные ванны, что называется, топлес. Он читал о таком, но видеть ещё как-то не приходилось. У него пересохло во рту и участилось дыхание. Расстояние скрадывало конкретности, но это делало мать и дочь ещё более схожими: складывалось впечатление, что на другом берегу реки загорают две стройные девушки. Немного придя в себя, Игорь отвернулся, подумав, что нельзя так откровенно глазеть на женщин. Тем более на жену своего работодателя. Спрятавшись под разросшимися ивами, он, бросая, время от времени взгляды на противоположный берег, дождался момента, когда женщины, надев купальники, поплыли обратно, и, взяв полотенца, приготовился встречать их у самой воды.

Первой на берег ступила Анна Викторовна. Игорь потупил взгляд. У него не нашлось слов—так была она хороша и привлекательна, вышедшая из воды в открытом купальнике, не скрывающем женственные формы фигуры. За матерью вышла Полина. Ей он мог сказать комплимент, но сдержался, покосившись на Анну Викторовну. И просто подал полотенца и халаты.
— Не зря мы приобрели базу в этом месте,—надевая махровый халат в рукава, ни к кому не обращаясь, сказала Анна Викторовна.—Райский уголок! Ни на какое море ехать не нужно.
— Место неплохое, но потусоваться не с кем,—не поддержала её Полина.
— Натусуешься ещё,—проворчала мать.—Когда повзрослеешь.

На обед по настоянию матери накрывала на стол Полина, а Анна Викторовна с Игорем беседовали, сидя в плетёных креслах на открытой веранде дома. На хозяйке был надет китайский шёлковый халат, цвет которого шёл к её глазам. Глаза, наполненные

светом летнего неба, смотрели открыто, влажные волосы рассыпались по плечам и спине. Анна Викторовна задавала Игорю вопросы про детство, про его семью, учёбу. Он отвечал сбивчиво, стараясь быть правдивым, всё ещё находясь под впечатлением увиденного на реке.
— А ты не думал о том, чтобы получить высшее образование?—спросила Анна Викторовна.
— Думал, конечно,—не соврал Игорь.—Но без денег ни в один вуз не примут. А родственников у меня там нет.
— И какое принял решение?
— В смысле?
— Ну, к какому выводу ты пришёл? Будешь учиться дальше?
— Хотелось бы!—безнадёжно усмехнулся Игорь.—Не получится…
— А какая профессия тебя больше всего привлекает?

Игорь задумался.
— Я хочу быть лесником. Лесным инженером,—через некоторое время произнёс он.—Беречь природу, чтобы и детям нашим что-то осталось. Лес я люблю.
— Благородное желание,—тепло улыбнулась Анна Викторовна.—Стремись. Как говорят, ничего невозможного нет.

В уверенном голосе хозяйки фраза прозвучала обнадёживающе. И Игорь, чувствуя непреодолимую тягу к этой женщине, решившись, набрал полную грудь воздуха:
— Когда слушаю вас, Анна Викторовна, мне очень хочется верить всему, что вы говорите!—голос предательски дрогнул, и Игорь тихо добавил:—И вообще, Анна Викторовна, мне нужно сказать вам… сказать огромное спасибо!
— За что?—хозяйка улыбалась и смотрела на него понимающими глазами.
— За то… за то, что вы такая замечательная!..—прорвалось у него.—Я никогда не знал… такую, как вы!..—незаконченная фраза повисла в воздухе.

Игорь, испугавшись своей дерзости, замолчал и спрятал взгляд.
— Милый мальчик,—Анна Викторовна стала серьёзной, но её глаза продолжали смеяться,—ты мне сейчас в любви признаёшься?
— А что особенного?!—взволнованно воскликнул Игорь и отчаянно посмотрел на Анну Викторовну.—Вы такая…
— Замечательная,—подсказала она.
— Да,—Игорь опустил глаза.—И очень хорошая.
— А ещё какая?—голос хозяйки продолжал звучать мягко, без отторжения, и Игорь снова посмотрел на неё, чтобы убедиться, можно ли говорить дальше.

Глаза взрослой женщины уже не смеялись. И Игорь понял, что совершает непростительную глупость.
— Почему ты молчишь?—спросила она.
— Простите! Я не должен был вам всего этого говорить. Простите меня!
— Простить? За что?
— Я забылся и позволил себе вольность. Просто когда я вижу вас… я волнуюсь.
— Игорёк,—Анна Викторовна снова улыбнулась,—поверь, я видела, как волнуются даже седые и влиятельные мужчины. И поверь, твоё волнение мне приятно.
— Приятно?..—Игорь смотрел широко раскрытыми глазами.—Анна Ви…
— Поля уже накрыла стол,—она не дала ему договорить, поднялась и направилась к беседке.—Идём!

А он смотрел ей вслед, не в силах оторвать глаз от поступи богини.

Этот день остался в памяти Игоря одним светлым пятном—наполненный яркими красками, щебетаньем птиц, солнечным теплом и душевной радостью. Казалось, Анна Викторовна под разными предлогами не отпускала Игоря от себя. А он чувствовал себя таким глупым и счастливым, что не заметил, как тает день, и наступают сумерки. ОНА была рядом! И он мог дотронуться до неё рукой! Ничего большего Игорю было не нужно.

После ужина, приготовленного Анной Викторовной, подошло время перевязки. Игорь очень ждал момента, когда нежные женские пальцы прикоснутся к его спине. Пальцы прикоснулись, и по телу пробежал приятный озноб. ОНА сидела рядом, он кожей чувствовал её тепло, слышал дыхание, ощущал тонкий запах её волос, и от всего этого у него кружилась голова.
— Тебе плохо?—с тревогой в глазах спросила Анна Викторовна, и её руки, скручивающие снятую повязку, замерли.
— Нет-нет!—он яростно замотал головой.—Мне очень… хорошо. Пожалуйста, продолжайте…
— Полина, подай чистый бинт,—красивым голосом попросила хозяйка.

Когда с перевязкой было закончено, они втроём по-семейному сидели на веранде и пили чай. Игорь между прочим поведал хозяйкам, что в этих местах неплохо клюёт рыба, и его рассказ вызвал неподдельный интерес.
— Игорёк, организуй нам завтра рыбалку,—попросила Анна Викторовна.
— Мне только червей накопать, а удочки имеются,—с готовностью согласился Игорь.—Но вам встать пораньше придётся. Самый лучший клёв на рассвете.
— Это для нас не проблема,—мать посмотрела на дочь.

Полина в ответ кивнула головой. Анна Викторовна перевела взгляд на Игоря:
— Во сколько ты нас разбудишь?
— Чтобы не очень рано… Часиков так в пять или в шесть?—он выжидающе смотрел на хозяек.

— Давай всё-таки в шесть,— решила Анна Викторовна, переглянувшись с дочерью.
— Принято!— Игоря радовала мысль о том, что он снова может сделать что-то нужное и приятное им обеим.

Потом все вместе убирали со стола.
— Ну, до завтра, Игорёк!— Анна Викторовна проводила его до самой двери из комнаты.— Разбуди нас с Полей в шесть.
— Конечно.

Посмотрев на неё с благодарностью и поборов желание прикоснуться губами к щеке, Игорь, пожелав спокойной ночи, вышел на улицу. Ночь стояла тёплой. На чёрном небе перемигивались звёзды. На востоке за лесом где-то очень высоко прогудел самолёт, оставив долгий протяжный звук.

Игорь вдруг подумал, что никогда в жизни он не чувствовал себя таким нужным и счастливым, что присутствие Анны Викторовны и Полины наполнило его жизнь смыслом и новыми, ещё не совсем понятными мироощущениями. Ощущениями, которых он раньше не знал. Особенно Анны Викторовны…

Будильник подал голос в пять. Поднявшись по звонку, Игорь успел съесть бутерброд с чаем, накопать в банку из-под кофе толстых красных червей, подготовить удочки и вёдра, прежде чем в назначенное время постучал в дверь хозяйского дома.

К его немалому удивлению, дверь открыла Полина, уже экипированная в резиновые сапоги, джинсы и рубашку с длинными рукавами, как настоящий рыбак.
— Мы почти готовы,— сказала она, пропуская Игоря в дом.— Чаю хочешь?
— Спасибо, я уже позавтракал,— вежливо отказался Игорь, отыскивая глазами Анну Викторовну.— Я и в термосе чай прихватил.
— Ты у нас настоящий хозяин!— на пороге комнаты второго этажа показалась Анна Викторовна.

Говорит она серьёзно или шутит, Игорь не понял, его взгляд был прикован к фигуре женщины, стройность которой подчёркивали обтягивающие джинсы и рубашка, затянутая узлом на высокой груди. Такой наряд очень шёл ей, но был мало пригоден для рыбалки.
— Доброе утро, Анна Викторовна!— не сводя глаз, поздоровался Игорь.— Если так пойдёте, вас комары съедят.
— Не волнуйся, Игорёк,— под его взглядом женщина стала спускаться по ступенькам лестницы,— у нас средство от комаров имеется. И я ещё куртку накину.

Игорь стоял и смотрел, как Анна Викторовна надевает куртку и резиновые сапоги, как причёсывает волосы у зеркала, и не хотел отводить взгляда.
— Ну пошли уже!— нетерпеливо напомнила о цели их сборов Полина.

Они вышли под ласковые лучи утреннего солнца.
— А где Карина?— поинтересовалась Анна Викторовна.
— Я её оставил базу охранять,— пояснил Игорь.

Рыбалка удалась с первых минут. Анна Викторовна и Полина, стоя у кромки воды, буквально таскали из реки небольших серебристых рыб одну за другой. Игорь только успевал насаживать на крючки упитанных извивающихся земляных червей и подавать удочки. Мать и дочь захватил такой азарт, что, казалось, что они готовы целый день провести за этим занятием. Игорь не делал различий между хозяйками, успевая перебегать вдоль берега от одной к другой, но всё же он всегда чуть дольше задерживался возле Анны Викторовны, давая советы, как держать удочку или как подсекать. В один из моментов клёва его рука почти машинально легла на талию Анны Викторовны, и Игорь не сразу убрал её. Казалось, женщина не обратила на это внимания. Через некоторое время Игорь повторил эксперимент с рукой, трепеща и волнуясь, как ребёнок. Но и на этот раз всё прошло гладко — Анна Викторовна так была увлечена рыбалкой, что не обращала внимания ни на что другое. Игорь рискнул в третий раз. И снова повезло. Он радовался, как школьник, впервые обнявший понравившуюся однокласснику.

Через пару часов они втроём возвращались на базу в весёлом возбуждении от удачной рыбалки. Полина несла на плече собранные удочки, а Игорь держал в руках два почти полных ведра пойманной рыбы. Причём, как ни порывалась Анна Викторовна забрать хоть одно ведро, Игорь не отдавал, глядя на женщину глазами, полными благодарности.

Потом они втроём варили уху и солили рыбу.

После обеда женщины взяли короткий отдых, а Игорь занялся наведением порядка на базе.

Вечером была плановая перевязка, ужин и чаепитие в семейной обстановке.

Поднявшись на следующее утро, Игорь ещё до завтрака вместе с Кариной сбегал к реке, туда, где на берегу росли полевые цветы. Собрав два букетика, он положил их на стол, за которым по вечерам Анна Викторовна с Полиной пили чай.

Потом, сидя у окна в сторожке, он дожидался, когда проснутся хозяйки.

Как только стрелки часов показали начало восьмого, дверь хозяйского дома отворилась и на веранду в халатике выпорхнула босая Полина. Увидев цветы, она взяла оба букета в руки, поднесла к лицу и посмотрела в сторону сторожки. Игорь инстинктивно отпрянул за занавеску. Когда он снова выглянул, ни цветов, ни Полины на веранде уже не было.

Ближе к полудню Игорь подметал дорожки. И за этим занятием его застала Полина.

— Спасибо за цветы! — после приветствия произнесла она каким-то недовольным тоном.
— Были только полевые, — Игорь почувствовал себя неловко и ответил так, будто извиняясь за содеянное.
— Мама любит полевые. И мне понравились.
— Значит, я каждое утро буду приносить вам по букету, — успокоился Игорь.
— Спасибо. А скажи, Игорёк, кому из нас ты по-настоящему даришь цветы: мне или маме?

Этот прямой вопрос застал его врасплох. Но Игорь быстро нашёлся.
— Вы обе очень красивые. Я дарю вам цветы как двум красивым женщинам. Одинаково.
— Ага. Я не слепая и вижу, что тебе нравится моя мама! — нотки ревности и обиды послышались в восклицании Полины. — Скажешь, не так?
— Нравится, — не стал отказываться Игорь. — Понимаешь, я ведь рос без матери. По-настоящему её у меня никогда не было. А тебе очень повезло, что Анна Викторовна твоя мама. Она хорошая.
— Как это без матери? Она у тебя что, умерла? — голос Полины дрогнул.
— Не было, вот и всё. Меня воспитывала бабушка, — Игорь не хотел вдаваться в подробности.
— Ну… ты извини, что я так на тебя набросилась. Я не знала…
— Ничего. Всё нормально.
— Да брось ты эту свою метлу! Давай поговорим, — Полина не собиралась отступать.

Игорь подчинился. Они дошли до ближайшей лавочки и сели в тени высокой сосны.
— Я всё тебя спросить хочу, — неуверенно начала Полина, не глядя в сторону собеседника. — Только не сердись и дай слово, что ответишь.
— Смотря о чём будешь спрашивать, — он с опаской глядел на неё.
— Нет, ты дай слово, иначе я не смогу спросить. Обещаю, что ничего обидного. А потом ты сможешь меня спросить о том же.
— Хорошо, обещаю.
— Вот ты такой высокий, интересный внешне, даже то, что у тебя случилось с рукой, совсем тебя не портит… — девушка мельком взглянула на Игоря. — Скажи, у тебя уже много было девчонок?
— Это в смысле — гуляли, целовались там?..
— Нет. В смысле — по-настоящему… женщин.
— А-а. Вот в каком смысле.
— Ты обещал ответить.
— Да не было у меня ещё женщин, — Игорь не глядел на Полину.
— Врёшь. Ни разу не было? — взвилась девушка, явно не веря ему.
— Почему тебя это так удивляет? Городок у нас небольшой, все друг друга знают. Это у вас в больших городах там с этим запросто. А у нас по-другому.
— Но у тебя девчонка перед армией была?
— Да пробовали дружить с одной. Как-то не вышло.
— И ты попыток никаких не делал больше ни с кем? — допытывалась Полина.
— Понимаешь, моя бабуля была строгих правил, и она с детских лет привила мне уважение к женщине. Поэтому взять и просто полезть под юбку первой встречной я не могу, — Игоря стала раздражать затронутая Полиной пикантная тема.
— Но тебе уже скоро двадцать лет! И ты ещё мальчик?
— Чему это ты улыбаешься?
— Так мальчик?
— Ну… — насупился Игорь.
— Не обижайся, Игорёк! В наше время это такая редкость! — открыто и весело улыбнулась Полина.
— Ну хватит обо мне. Расскажи, как у тебя с этим делом?
— Да не лучше, чем у тебя, — вздохнула девушка. — Была возможность несколько раз стать взрослой, но мать ведь, если узнает, убьёт!
— Она тебя любит. Не убьёт.
— Не в прямом смысле, конечно. Но у нас с ней договор. И если я его буду соблюдать, то она не пожалеет никаких денег для того, чтобы поднять меня на самый «верх». Ну, ты понимаешь…
— Понимаю.
— Я у неё одна. И она хочет, чтобы я выучилась и унаследовала семейный бизнес.
— Нефть?
— Не только. У нас много всего. Но основной доход приносит, конечно, нефть.
— А на кого ты поедешь учиться за границу?
— В Англию? На управленца. Но это только в следующем году.
— Везёт тебе! А я хотел в институт поступить, но там конкурс, и мне такую сумму назвали, что в жизни не заработать.
— Какие твои годы? Подожди, может, всё изменится.
— Да нет. Каждому своё! — Игорь поднялся. — Пойду дорожки подметать.
— Ты не обижайся на меня, — виновато посмотрела на него Полина и тоже поднялась.
— Да за что? — улыбнулся Игорь. — Ты очень хорошая. И я очень хотел бы, чтобы у тебя в жизни всё сложилось хорошо.
— Спасибо. Я пойду. Ты только на обед не опаздывай!
— Поля! — этот возглас задержал её. — Вы так со мной нянчитесь. Я ведь простой сторож.
— Ты не простой сторож. Ты — Игорь Степанов, мой друг и мамин. Так что не опаздывай! — помахав рукой, девушка направилась по дорожке к дому.

Как в доброй сказке, дни накладывались один на другой, пролетая быстро и незаметно. Каждое утро Игорь приносил к дверям хозяйского дома два букетика полевых цветов. И очень радовался, когда Полина забирала их в дом. Он знал, что Анна

Викторовна поставит цветы в высокие вазы с водой на самое видное место в комнате. Потом обязательно выйдет на веранду и помашет ему рукой.

К концу недели Игорь полностью пришёл в нормальную физическую форму. О ночном приключении на реке напоминали лишь затягивающиеся шрамы на спине. Они уже почти не болели. Но Игоря совсем не радовало то обстоятельство, что Анна Викторовна сняла с его спины повязку и теперь он уже не ощущал по вечерам ласкового прикосновения её пальцев. Ему этого очень не хватало. Но семейные обеды и вечерние чаепития оставались в силе и даже стали своеобразной традицией в этот период. Поняв, что все попытки отказаться тщетны, Игорь теперь всегда обедал вместе с хозяйками. Они не делали между собой и им видимых различий и общались как с равным. Он это очень ценил.

Но десять дней пролетели быстро, и до отъезда хозяек остались всего одни сутки. Игорь уже остро чувствовал предстоящее расставание и очень страдал. Ему не хотелось, чтобы Анна Викторовна уезжала. Очень не хотелось. Он даже не представлял, как будет теперь жить, не видя её глаз, не слыша голоса. И он многое хотел сказать этой красивой сильной женщине.

В тот последний вечер они втроём засиделись на веранде допоздна.

— Игорёк, когда мы приехали, я не думала, что так будет хорошо на этой базе,— сделала признание Полина.— Спасибо тебе. Я обязательно сюда приеду в следующем году. Мы с мамой приедем. Правда, мама?— Полина с надеждой посмотрела на мать.

— Конечно, приедем, дочка,— с улыбкой произнесла Анна Викторовна.— А Игорёк нас встретит. Тем более что на следующий год нам нужен будет директор на этой базе.

— Если бы…— мечтательно и грустно протянул Игорь.

— Что-то не так?— поинтересовалась Анна Викторовна.

— Да я уже говорил… Увольняют меня после вашего отъезда.

— Никто тебя не уволит,— твёрдо бросила Анна Викторовна, взглянув на дочь.— И вообще, Игорёк, мы тут с Полиной посоветовались, ещё не поздно тебе в этом году подать документы в сельскохозяйственную академию. Учись на лесного инженера.

— Это моя мечта!— усмехнулся Игорь, не совсем ещё понимая, о чём говорит хозяйка.

— Считай, что мечты у хороших людей сбываются. Не тяни, поступай на платное отделение. Финансирование твоего обучения я беру на себя.

— Вы не шутите?— Игорь не поверил услышанному.

— Мы не шутим, Игорёк!— мягко сказал Анна Викторовна, но в её взгляде Игорь увидел такую твёрдость, что уже не сомневался в реальности намерений волевой женщины.

— А за что мне такой подарок?

— Просто так!— вступила в разговор Полина, весело рассмеявшись своей мысли.

— За доброту твою,— серьёзно сказала Анна Викторовна.— И за душу твою чистую. Я здесь так отдохнула, как не отдыхала много лет ни в какой загранице. Спасибо тебе.

— Это вам спасибо!— Игорь не находил слов, чтобы выразить свою благодарность.— Только я не могу принять от вас деньги. Простите. Поймите правильно.

— Почему? Для меня эта сумма— небольшая. И поверь, я зря деньгами не сорю,— Анна Викторовна смотрела на Игоря как на равного.— В мои планы входит развитие этой базы. Я тут посчитала кое-что и решила вложить определённую сумму в строительство ресторана с танцполом, теннисного корта, закрытого зимнего бассейна и двухэтажного гостевого корпуса на десять-двенадцать номеров. Что ты об этом думаешь?

— Территория позволяет,— пожал плечами Игорь.— Только вложения потребуются немалые.

— Ты совершенно прав. Таких расходов на следующий год я не планировала. Хотя кое-что можно будет начинать и в следующем году. Основное строительство мы развернём через год. Вот тогда нам потребуются специалисты. А у тебя, Игорь, по-моему, строительное образование?

— В прошлом году я закончил строительный колледж, но поработать не успел— забрали в армию.

— Вот здесь и будешь набираться опыта. Мне нужен человек, которому я могла бы полностью доверять. Таким человеком я считаю тебя, Игорь.

Он не знал, что ответить. Чувство благодарности и признательности перебивалось чувством восхищения решительностью сидящей рядом женщины. Но оправдает ли он её доверие?

— Почему ты молчишь?— напомнила о себе Анна Викторовна.

— Не знаю, что сказать. Вы мне так доверяете?

— Я считаю тебя надёжным человеком. А разве это не так?

— Вы не ошибаетесь, Анна Викторовна. Спасибо. Теперь я за вас хоть в огонь, хоть в воду!..

— Посмотрим,— многозначительно произнесла Анна Викторовна, одарив Игоря такой жёсткой улыбкой и взглядом, что у того мурашки побежали по коже.

«Какая женщина!»— Игорь отвёл глаза.

— А те деньги, что вложу в твоё образование, Игорёк,— продолжила Анна Викторовна,— ты отработаешь, трудясь здесь с полной отдачей сил. По рукам?— она протянула открытую ладонь.

Игорь несмело пожал руку своей благодетельницы. Рука была нежная, сухая и тёплая.

— Давайте закрепим наш деловой союз,— предложила Анна Викторовна, посмотрев на дочь.—

Полиночка, детка, принеси, пожалуйста, из нашего бара коньяк и три фужера.

Полина с готовностью сорвалась с места.

А Игорь смотрел на Анну Викторовну такими глазами, что та с трудом выдержала его взгляд.

— Почему ты так смотришь?

— Не хочу, чтобы вы уезжали.

— Мне тоже жаль, Игорёк, что десять дней пролетели быстро,— откровенно призналась женщина.

— Я люблю вас!— совсем теряя голову, признался Игорь, понимая, что другого случая уже не будет.

— Я знаю,— она смотрела открыто.— Поверь, я ценю твоё отношение.

— А у вас не будет неприятностей… ну, из-за всего этого?

— Ты про моего мужа? Нет. Не будет. Весь наш бизнес на мне. Я ведь не домохозяйка, Игорёк. Официально мой муж — глава корпорации, но я — финансовый директор. И все активы оформлены на меня. Он ни шагу не делает без совета со мной.

— Вы любите его?

— Трудно сказать «да» и трудно сказать «нет». Раньше я любила его. Но столько воды утекло…

На пороге дома показалась Полина, и Анна Викторовна замолчала.

Выпив по бокалу конька, все разошлись на отдых.

Игорь долго не мог уснуть, вспоминая слова, сказанные Анной Викторовной и то, как она их говорила. Лаская в мыслях дорогой женский образ, он не заметил, как заснул.

Игорь проснулся от прикосновения к щеке тёплой руки. Он открыл глаза. Слабый рассеянный свет предутренней зари робко проникал в незашторенное окно и игрой полутеней ложился на находящиеся в комнате предметы. Перед собой близко он увидел лицо Анны Викторовны. Её большие добрые глаза смотрели внимательно. Сон словно рукой сняло. Игорь попытался сесть.

— Вы?— его удивлению не было предела.

— Тихо, Игорёк. Это сон,— чуть слышно одними губами произнесла Анна Викторовна.— Это твой сон. Тихо…

Она приблизила своё лицо, и её губы коснулись его губ. Платье легко соскользнуло с плеч, и Игорь понял, что под ним ничего нет.

— Это сон…— успел выдохнуть он прежде, чем в сладостном забвении упал на спину…

Когда он открыл глаза, Анны Викторовны в комнате не было.

«Неужели это сон?— не в силах поверить в реальность случившегося, подумал Игорь.— Нет, не сон…» В комнате оставался лёгкий запах духов, и постель ещё хранила тепло Анны Викторовны.

Накинув спортивный костюм, Игорь сел за стол. Несмелый, но уже набиравший силу рассвет делал комнату тёплой и уютной.

«Я самый счастливый человек на Земле!» Улыбка легла на озарённое радостью лицо Игоря. Захотелось петь. Не в силах усидеть на месте, Игорь выскочил на улицу.

На востоке светлела полоска горизонта. Лес ещё спал глубоким предутренним сном. Завидев хозяина, поднялась со своего места дремавшая возле будки Карина. Игорь великодушным жестом разрешил ей подремать ещё. Овчарка потянулась сильным телом, протяжно зевнула во всю пасть и снова улеглась, положив голову на лапы.

Подгоняемый переполнявшими его чувствами Игорь направился к реке. Бледный свет неба всё выше поднимался над краем леса. Кое-где стали меркнуть звёзды. В высоких кронах сосен проснулся утренний ветерок, будивший деревья и первых птиц. Проходя мимо хозяйского дома, Игорь заметил, что на втором этаже в комнате Анны Викторовны горит неяркий свет. Сердце трепетно и сладостно зашлось. «Анна…»— застучало в голове. Захотелось в утренней тишине во весь голос прокричать дорогое имя.

Вобрав в лёгкие плотного предутреннего воздуха так, что от его переизбытка закружилась голова, Игорь побежал вдоль сосновой аллеи.

Остановившись у края обрыва, он стал смотреть на восток, туда, где небо уже наливалось розовым цветом. Через некоторое время оно зашлось яркими всполохами, и из-за далёкого горизонта показался край огненного исполина.

— Здравствуй, Солнце!— с радостью в голосе крикнул Игорь.— Здравствуй, новый День! Доброе утро, Земля! Здравствуй, Жизнь!..

«Каким он будет, этот день?» Понимание того, что Анна Викторовна с дочерью сегодня уезжают, отозвалось тоскливым эхом из потаённых уголков души. Перед глазами возник образ Анны Викторовны, её лицо, губы, и в лёгком дуновении ветерка почудился шёпот: «Тише… Это сон…» На какое-то мгновение и лес, и река, и рассвет отошли на второй план, а всё пространство вокруг заполнило воспоминание о чём-то добром и тёплом, о том, что произошло ночью. Что это было? И было ли? Воспоминание обрело другие черты, и Игорь увидел руки Анны Викторовны и даже ощутил их приятное прикосновение. Затем он увидел глаза. Они были так близко, что он, наверное, мог бы поцеловать их. И он безотчётно попытался сделать это…

Вставало Солнце…

Александр Костерев

Главы из романа, которого не было…

Л. Н. Толстой по историческим следам декабристов

Интродукция

В конце 1855 года Лев Толстой после участия в Крымской войне прибыл в Санкт-Петербург, а 26 августа (7 сентября) 1856 года, в день своего коронования, император Александр II помиловал всех декабристов, возвращение которых из сибирской ссылки вызвало повышенный интерес различных общественных слоёв к осуждённым, тем более что за границей и в русской печати с середины пятидесятых годов стала появляться обильная мемуарная литература о событиях декабрьского восстания.

Лирический период в литературной истории декабризма к началу шестидесятых был логично завершён Н. А. Некрасовым — последним автором, который развернул эту тему в стилистических приёмах позднего романтизма. Излюбленный эпитет, украшающий фразеологию этих романтиков, — «святой» — неизменно использовался в изображении как признанных вождей, так и рядовых участников восстания. Иконописный лик декабриста, дорогой и близкий либеральному обществу, начал тускнеть, дополняться «живыми», порой обывательскими чертами в попытках вернуть декабристов с романтических высот на грешную землю, наполненную житейской обыденностью, а повествованию придать более взвешенный, созерцательный оттенок, отшлифованный и смягчённый давностью минувших дней.

Осенью 1863 года Толстой начинает собирать материалы для «романа из времени 1810–1820 годов» и делать первые наброски, о чём напишет в письме к А. А. Толстой [6, с. 382].

Судя по ранним версиям сохранившихся отрывков романа «Декабристы», Толстой в качестве главного героя вывел образ декабриста, вернувшегося из ссылки, однако этот образ не несёт следов героической «святости». Перед читателем предстаёт состарившийся высокородный дворянин, сохранивший черты былого княжеского великолепия, родовое и генетическое наследие которого не смогли изменить долгие годы каторги и ссылки.

Сохранившиеся тексты романа «Декабристы» представляют собою не только опубликованные Толстым три первые главы романа, написанные осенью 1863 года, но и четыре рабочих «плана», заготовки «начал», дающих в общей сложности семнадцать возможных вариантов. Первые публикации документов находим в собрании сочинений 1936 года, дополненные подготовительными записями Толстого к роману [4, с. 7].

Роман начинается блистательным ироничным заключением:

«Сколько их наехало теперь, этих сосланных! — заметил другой. — Право, их меньше, кажется, было сослано, чем вернулось» [4, с. 19]. «Теперь тебя на руках носить станут. Такая мода. Вы теперь все в моде. Да, да, я по глазам вижу, что ты такой же безумный, как был, — прибавила она, отвечая на его улыбку. — Удаляйся ты, Христом Богом тебя прошу, от всех этих либералов нонешних. Бог их знает, что они там ворочаются. Только всё это хорошо не кончится. А правительство наше теперь молчит, а потом придётся показать коготки; попомни моё слово. Я боюсь, чтоб ты опять не замешался. Брось это; всё пустяки. У тебя дети» [4, с. 36].

«Я, — сокрушался Толстой позднее, — не написал роман потому, что, стараясь создать его, невольно переходил мыслью к предыдущему, к прошлому своих героев» [6, с. 10]. Постепенно перед взором писателя раскрывалось многообразие источников тех явлений, которые он задумывал описывать: семьи, условия воспитания, общественное окружение избранных им героев. Наконец, Толстой добрался до времени войны с Наполеоном, которое изобразил в романе «Война и мир», в финале которого отчётливо прослеживаются признаки того напряжения, которое отразилось в событиях 14 декабря 1825 года.

Однако тема трансформации взглядов декабристов и собственных оценок декабрьских событий не отпускала Толстого, и спустя почти пятнадцать лет, в декабре 1877 года, он отправляется в Москву не столько для поиска гувернёра детям, сколько за новыми историческими документами для задуманного ранее романа [6, с. 400].

А в январе 1878-го он напишет своей тётке А. А. Толстой: «Я теперь весь погружён в чтение из времён 20-х годов и не могу вам выразить то наслаждение, которое я испытываю, воображая

себе это время. Я испытываю чувство повара (плохого), который пришёл на богатый рынок и, оглядывая все эти к его услугам предлагаемые овощи, мяса, рыбы, мечтает о том, какой бы он сделал обед. Так и я мечтаю, хотя и знаю, как часто приходилось мечтать прекрасно, а потом портить обеды или ничего не делать. Уж как пережаришь рябчиков, потом ничем не поправишь. И готовить трудно и страшно. А обмывать провизию, раскладывать—ужасно весело» [3, с. 199].

В роли повара от литературы, закупающего провизию для изысканного творческого обеда, Толстой снова поехал из Ясной Поляны в Москву, откуда 10 февраля писал жене: «Нынче был у двух декабристов, обедал в клубе, а вечер был у Бибикова, где Софья Никитична (рождённая Муравьёва) мне пропасть рассказывала и показывала… Завтра поеду к Свистунову, декабристу» [6, с. 400].

3 марта Толстой уезжает из Ясной Поляны на этот раз в Петербург, для посещения Петропавловской крепости. В Москве, где он пробыл проездом, вероятно, не более суток, Лев Николаевич снова встречался с декабристами. «Поехал к Свистунову, у которого умерла дочь,—пишет жене Толстой,—и просидел с ним 4 часа, слушая прелестные рассказы его и другого декабриста Беляева» [там же, с. 400].

Только встречами и разговорами общение Льва Николаевича с декабристами не ограничилось: между ними завязалась переписка. Письма Толстого к П. Н. Свистунову опубликованы, письма же Толстого к А. П. Беляеву остаются неизданными, до настоящего времени неизвестно, где они находятся и сохранились ли. Письма Свистунова и Беляева к Толстому в настоящее время хранятся в архиве Толстого в Публичной библиотеке имени Ленина в Москве. Писем всего девять: четыре от Свистунова и пять—от Беляева.

По свидетельствам декабристов

Первый корреспондент Толстого, Пётр Николаевич Свистунов, родился 27 июля 1803 года в старинной дворянской фамилии. В качестве члена Северного тайного общества Верховным уголовным судом был отнесён ко II разряду и за то, что «участвовал в умысле цареубийства и истребления императорской фамилии согласием, а в умысле бунта принятием в общество товарищей», был приговорён к бессрочным каторжным работам, а после смягчения приговора—к двадцати годам каторжных работ и вечному поселению. Впоследствии срок каторги был сокращён до десяти лет, и в 1836 году Свистунов вышел на поселение, прожил несколько месяцев в Иркутской губернии, откуда переехал в Курган. В 1841 году Пётр Николаевич был переведён в Тобольск. Здесь он поступил на государственную службу и, несмотря на незначительные должности, имел существенное влияние на местную администрацию. 26 августа 1856 года Свистунов с семейством выехал из Тобольска в Россию, поселился в родовом имении в Калужской губернии, где в качестве члена Калужского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян принимал деятельное участие в крестьянской реформе. В 1863 году Свистунов вернулся в Москву, где и скончался 15 февраля 1889 года, пережив всех своих товарищей, себя называя «последним декабристом» [3, с. 200].

Второй корреспондент, Александр Петрович Беляев, сын отставного офицера, служившего у графа Разумовского управляющим имением, родился также в 1803 году. По окончании Морского кадетского корпуса служил офицером фрегата «Проворный». За время службы Беляев побывал в портах Западной Европы и в Испании; не являясь членом тайного политического общества, под влиянием товарищей принял участие в восстании 14 декабря, за что и был осуждён по IV разряду к двенадцатилетней каторге и поселению в Сибири. В 1833–1840 годах Беляев жил на поселении в Минусинске, где с братом успешно занимался сельским хозяйством. В 1840 году был переведён рядовым на Кавказ, а в 1845-м—уволен в отставку. Не являясь крупным деятелем декабристского движения, А. П. Беляев особенной известности не приобрёл бы, если бы не его обширные воспоминания, заключающие в себе немало интересных бытовых деталей. Публикуя их в «Русской старине», М. И. Семевский писал в примечании от редакции: «Печатаемые ныне „Воспоминания“ Александра Петровича Беляева… указаны нам знаменитым писателем графом Львом Николаевичем Толстым. „Он же,—сообщал Беляев,—и поощрил меня к изданию этих воспоминаний, начатых много лет тому назад с единственной целью помянуть сердечным, благодарным словом всех тех, с которыми сводила судьба в различных обстоятельствах жизни и которых прекрасные, возвышенные чувства и добродетели восторгали меня и пленяли моё сердце“» [3, с. 204].

Скончался Александр Петрович в Москве в 1887 году.

Толстой, узнав о существовании воспоминаний А. П. Беляева, вероятно, ещё в свою февральскую поездку в Москву, 5 марта, взял у Александра Петровича первую часть воспоминаний, с которой и уехал в Петербург.

Круг общения Толстого с декабристами и их родными в период активного сбора воспоминаний, свидетельств и подготовки к сочинению романа был весьма широк. Кроме упомянутых выше П. Н. Свистунова и А. П. Беляева, в феврале 1878 года Толстой встречается с М. И. Муравьёвым-Апостолом [6, с. 373], в марте 1878 года в Туле—с Евгенией Ивановной Пущиной, дочерью декабриста И. И. Пущина, и Анастасией Кондратьевной Пущиной, дочерью К. Ф. Рылеева [там же, с. 400].

14 марта 1878 года Толстой напишет Н. Н. Страхову, что «весь ушёл в свою работу» над романом о декабристах и Николае I [там же, с. 400]. Встречи с декабристами Толстой продолжает до конца 1881 года.

В Алексеевском равелине Петропавловской крепости

Как можно прочесть в письме Толстого к Свистунову, задумав изобразить декабристов в период заключения и их злоключений в Петропавловской крепости, Толстой в первую очередь заинтересовался личностью их главного тюремщика — коменданта генерала Александра Яковлевича Сукина.

В письме от 20 марта 1878 года Свистунов напишет: «Вы меня спрашиваете о коменданте Сукине. Мы его редко видели и, кроме официальных сношений, никаких с ним столкновений не имели. Он слыл строгим исполнителем своих непривлекательных обязанностей тюремщика. О душевных же его качествах или недостатках ничего не могу сказать. Не знаю, в каком сражении оторвана была у него нога, отчего он часто страдал, особенно в дурную погоду» [3, с. 201].

Известно, что Николай I давал Сукину прямые письменные указания относительно содержания арестованных по делу декабристов, в зависимости от результатов личных допросов, проводимых императором, и установленной им же степени тяжести (разряда) содеянного обвиняемым в ходе восстания. Записки Николая I, общим числом сто пятьдесят, не только сохранились, но и по личному почину Сукина были внесены в «Реестр Высочайшим собственноручным Е. И. В. повелениям, последовавшим на имя генерал-адъютанта Александра Яковлевича Сукина», опубликованный отдельным изданием в 1919 году [7, с. 7].

Например, после допросов Бестужева, Оболенского и Щепина император напишет:

«Бестужева по присылке, равно и Оболенского и Щепина велеть заковать в ручные железа. Бестужева посадить также в Алексеевский равелин. 27 декабря 1825» [7, с. 8].

Совсем иное распоряжение последует в отношении декабриста С. Г. Краснокутского:

«Александр Яковлевич, прошу господина Краснокутского поместить у себя на квартире офицерской, не арестовывая, и позволить ходить по крепости, но не отлучаться, а за ним иметь присмотр. С.-Петербург, 27 декабря 1825» [7, с. 9].

В марте 1878 года Толстой приезжает в Петербург, знакомится с В. В. Стасовым, внимательно и в деталях осматривает Петропавловскую крепость [6, с. 400].

Верные спутницы декабристов

В качестве развития одной из сюжетных линий будущего романа Толстой собирает материалы, касающиеся жён осуждённых декабристов. Во второй половине апреля 1878 года Толстой в письме к Свистунову напишет: «Тетрадь замечаний Н. Д. Фон-Визиной (жены декабриста М. А. Фон-Визина) я вчера прочитал невнимательно и хотел уже было её отослать, полагая, что я всё понял, но, начав нынче опять читать её, я был поражён высотою и глубиною этой души. Теперь она уже не интересует меня как только характеристика известной, очень высоко нравственной личности, но как прелестное выражение духовной жизни замечательной русской женщины, и я хочу ещё внимательнее и несколько раз прочитать её. Насчёт исповеди, о которой вы мне говорили, я повторяю мою просьбу дать мне её. Простите меня за самонадеянность, но я убеждён, что эту рукопись надо беречь только для того, чтобы я мог прочесть её; в противном же случае её надо непременно сжечь» [3, с. 202].

Опрощение

В ряду планов романа «Декабристы» был у Толстого и замысел ввести в качестве основного героя или бежавшего из места ссылки декабриста, или лицо, близко стоявшее к декабристам, в крестьянскую среду. Уход представителя привилегированного, культурного класса в народные низы как вид наиболее решительного и последовательного «опрощения», тема, к которой Толстой неоднократно возвращался в своих произведениях, неотступно занимала его в период работы над «Декабристами». Отсюда интерес писателя к некоему Ф. А. Уварову (1780–1827), личности весьма примечательной — камергер, товарищ декабриста М. С. Лунина по Кавалергардскому полку, женатый на сестре его, Екатерине Сергеевне, участник наполеоновских войн, отчаянный дуэлянт, строгий помещик. Выйдя 7 января 1827 года из своего дома в Петербурге, Уваров бесследно исчез. Ходили слухи, что он утопился в Неве, но были толки, что он скрылся в Сибирь, где и проживал под именем старца Даниила. В письме от 25 декабря 1878 года Толстой писал Свистунову: «Работа моя томит и мучает меня, и радует, и приводит то в состояние восторга, то уныния и сомнения; но ни днём, ни ночью, ни больного, ни здорового, мысль о ней ни на минуту не покидает меня. Вы мне позволяли делать вам и письменные вопросы. Выбираю самые для меня важные теперь. Что за человек был Фёдор Александрович Уваров, женатый на Луниной? Я знаю, что он был храбрый офицер, израненный в голову в Бородинском сражении. Когда женился? Какое было его отношение к обществу? Как он пропал? Что за женщина была Катерина Сергеевна? Когда умерла, остались ли дети? На какой дуэли, — с кем и за что, — Лунин М. С. был ранен?.. Не вспомнится ли вам из декабристов какое-нибудь лицо, бежавшее и исчезнувшее?» [3, с. 203].

Ответом на эти вопросы и является письмо Свистунова от 30 декабря 1978 года: «Уваров известен был вспыльчивостью своего характера, командовал эскадроном в Кавалергардском полку и счёл за большое счастье, что пожалован был в камергеры. О существовании общества не ведал. Во время суда на циркулярный вопрос, сделанный всем подсудимым, Лунин заявил, что по духовному завещанию он передал своё имение двоюродному брату; Уваров, узнав о том, написал жалобное письмо государю, который велел ему сказать, чтоб он вперёд не смел бы так писать ему. Уваров, которому прозвище было черно́й, как истый царедворец, пришёл в отчаяние, вышел из дому и более не возвращался; слух пронёсся, что он, должно быть, утопился. На какой дуэли был ранен Михаил Сергеевич, не знаю. Из декабристов никто не бежал. О попытках; какие были, при свидании с Вами могу рассказать» [3, с. 202].

О таинственной личности Уварова повествует декабрист С. Г. Волконский, служивший одновременно с Уваровым в кавалергардах: «Уваров — добрый и честный малый, но с большими претензиями на ум и красоту, не без первого, но вовсе без последней, и очень обидчивый, что сообщало ему оттенок бретёра». «Бедовый он человек с приглашениями своими,— говаривал Денис Давыдов,— так и слышишь в приглашении его: покорнейше прошу вас пожаловать ко мне пообедать, а не то извольте драться со мною на шести шагах расстояния. Этот оригинал и пригласитель с пистолетом, приставленным к горлу, был, впрочем, образованный человек и пользовавшийся уважением» [1, с. 113]. В том же духе высказывается Н. Н. Муравьёв, упоминая в своих «Записках», что другом М. С. Лунина был ротмистр Уваров, «который, однако ж, сам имел знаки от поединка с Луниным, Уваров человек неприятного обхождения, отчего вообще не был любим» [1, с. 114].

Почти детективный финал

В январе 1878 года начало романа «Декабристы» было переписано Толстым в новой редакции; Толстой предпринимает в конце апреля поездку в Москву для рабочих встреч с декабристами и переговоров о новом издании собрания сочинений, а на одном из вариантов рукописи Толстым собственноручно поставлена дата — 6 мая 1878 года [6, с. 400].

В августе-декабре идёт интенсивная работа над «Декабристами». Из обширной переписки с Н. Н. Страховым узнаём о деталях этой работы: Толстой изучает творчество Кюхельбекера [3, с. 154], тетради Семевского и записки Бестужева, интересуется судьбой В. П. Ивашова, умершего в 1840 году, просит Страхова подключить к изысканию документов по делу декабристов В. В. Стасова, как члена особого Комитета, образованного для собирания материалов для истории царствования императора Николая I [там же, с. 155].

«Если что есть или вы узнаете, — напоминает Толстой Страхову, — пришлите мне, пожалуйста. Стасова, как члена Комитета Николая I, я очень прошу, не может ли он найти, указать,— как [кто] решено было дело повешения 5-х, кто настаивал, были ли колебания и переговоры Николая с его приближенными?» [там же, с. 155].

Основные сюжетные линии незаконченного романа, как и образы ключевых персонажей, с известной долей достоверности можно реконструировать по характеру вопросов, заданных писателем бывшим декабристам, и сохранившейся переписке.

Постепенно Толстой приходит к мысли, что роман не будет в полной мере отражать детали и причины декабрьского восстания без учёта подлинных архивных документов, и принимается за архивные поиски. Стасов соглашается передать под строжайшим секретом драгоценный документ — записку Николая I с решением по делу декабристов [там же, с. 177].

О продвижении работы над романом мы узнаём из письма Н. Н. Страхова — Л. Н. Толстому 11 октября 1878 года: «В газетах печатают, что Ваши „Декабристы“ появятся в журнале „Русская речь“, новом журнале, издаваемом Навроцким» [там же, с. 190].

Однако все попытки Толстого увидеть и прочесть подлинные дела декабристов терпят неудачу. 23 января 1879 года Н. Н. Страхов пишет Л. Н. Толстому: «Дело декабристов — недоступно. Но его видели два человека: историк М. И. Богданович, так справедливо Вами не любимый, и какой-то Дубровин (?). А. Ф. Бычков обещал мне обратиться к нему и попробовать что-нибудь вытянуть» [там же, с. 207].

О получении разрешения ознакомиться с делом декабристов Толстой просил и графиню А. А. Толстую, но и она не достигла успеха, получив отказ напрямую от шефа жандармов А. Р. Дрентельна, о чём сообщила Толстому [5. с. 207].

Н. Н. Страхов в письме Л. Н. Толстому в феврале 1879 года напишет: «Ещё меня очень заняла мысль о подлинном деле декабристов. Оказывается, что его рассматривали Богданович, покойный Д. А. Кропотов и неизвестный мне генерал Дубровин. Если так, то отчего же и Вам нельзя посмотреть? Бычков говорит, что это делается не иначе как с личного разрешения Государя и что, кажется, всего удобнее обратиться к Наследнику. Я, впрочем, добьюсь, как сделал Кропотов» [5, с. 208].

Если принимать во внимание внутриполитическую обстановку в России в 1879 году, то её можно оценить как крайне тревожную и нестабильную. В феврале был убит князь Кропоткин, вскоре за этим — полицейский агент Рейнштейн в Москве,

и, наконец, 13 марта этого года жертвой польского террориста едва не стал шеф жандармов А. Р. Дрентельн во время его проезда в карете вдоль Лебяжьей канавки. Желание чиновников не будоражить общественное мнение ярким воспоминанием о декабристах в контексте этих событий представляется весьма понятным.

19-24 марта Толстой предпринял очередную попытку и отправился в Москву для изучения документов в Архиве министерства юстиции.

С. А. Толстая в записи от 8 января 1878 года «Мои записи разные для справок» отмечает новый поворот в замыслах Толстого. «„Со мной,—писала Софья Андреевна,—происходит что-то похожее на то, когда я писал „Войну и мир“,—сказал мне сейчас Лев Николаевич с какой-то полуусмешкой, отчасти радостной, отчасти недоверчивой к словам, которые он сказал.—И тогда я, собираясь писать о возвратившемся из Сибири декабристе, вернулся сначала к эпохе бунта 14-го декабря, потом к детству и молодости людей, участвовавших в этом деле, увлёкся войной 12-го года, а так как война 12-го года была в связи с 1805 годом, то и всё сочинение начал с этого времени. И это у меня будет происходить на Олимпе, Николай Павлович со всем этим высшим обществом, как Юпитер с богами, а там, где-нибудь в Иркутске <…> переселяются мужики, и один из участвовавших в истории 14-го декабря попадает к этим переселенцам—и простая жизнь в столкновении с высшей“. Я спросила: „Как же это?“ Он говорит: „Если б я знал—как, то и думать бы не о чем“. Но потом прибавил: „Вот, например, смотреть на историю 14-го декабря, никого не осуждая, ни Николая Павловича, ни заговорщиков, а всех понимать и только описывать“» [4. с. 473].

В этой записи примечательны указания на замысел Толстого противопоставить в романе жизнь правящих кругов, «Олимп», жизни народных низов и на стремление изображать события и характеры в свете того религиозного мировоззрения, которым в это время всё больше и больше проникается Толстой.

К сожалению, этой замечательной идее не дано было осуществиться—17 апреля 1879 года Толстой напишет Фету, что работа над романом из эпохи декабристов им совершенно оставлена: «Декабристы мои Бог знает где теперь, я о них и не думаю, а если бы и думал, и писал, то льщу себя надеждой что мой дух один, которым пахло бы, был бы невыносим для стрелявших в людей для блага человечества. Как правы вы и мужики, что стреляют господа, и хоть не за то, что отняли, а потому, что отняли мужиков» [2, с. 473].

Библиография

1. *Кудряшов К. В.* Александр I и тайна Фёдора Козьмича / К. В. Кудряшов.—Петербург: Время, 1923.—168 с.
2. Не могу молчать! Избранные произведения Л. Н. Толстого.—СПб: Ясная Поляна, 1911.—736 с.
3. Тайные общества в России в начале XIX столетия. Сборник материалов статей и воспоминаний. Историко-революционная библиотека журнала №1 «Каторга и ссылка». Книга XIII.—М.: Издательство всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1926.—215 с.
4. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. Том 17.—М.: Художественная литература, 1936.—812 с.
5. Толстовский музей. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. Том II. 1870–1894.—СПб: Издание Общества Толстовского музея, 1914.—478 с.
6. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. Том 48. Дневники и записные книжки 1858–1880.—М: Государственное издательство художественной литературы, 1952.—478 с.
7. *Щёголев П. Е.* Николай I и декабристы.—Петроград: Былое, 1919.—63 с.

Дмитрий Косяков

Радости и печали российского учителя

Настоящим педагогом я стал совсем недавно: в юные годы я несколько лет кряду работал в сфере дополнительного образования, затем бросил всё и ушёл в журналистику. Но стезя филолога властно вернула меня в школу, сделала меня преподавателем в полном смысле этого слова. И тут уж я, что называется, ощутил и восчувствовал.

Работы по профилю, то есть школьного преподавания русского языка и литературы, я доселе упорно избегал, предчувствуя в этом изрядную долю бюрократизма, который я всей душой ненавижу. И в школу я заново поступил как педагог дополнительного образования. Но сама российская действительность, то есть острая нехватка учителей русского и литературы, заставила администрацию «накинуть» мне и предметные часы. Да, преподавателей у нас крайне не хватает, и это при том, что педагогические вузы ежегодно выдают дипломы своим выпускникам, готовят специалистов. А специалисты в школу идти не хотят. Не хотел и я. Заведомо опасался, брезговал, не чувствовал в себе достаточных сил.

Но, как выяснилось, изнутри всё это выглядит совсем иначе. Есть в профессии учителя много и много такого, о чём не подозревает сторонний наблюдатель. Есть свои неожиданные плюсы и совершенно невероятные минусы. Вот об этом по свежим впечатлениям и хочу рассказать.

Радости

И начну с плюсов, то есть с «радостей». Конечно, радости, которые я открыл, доступны далеко не каждому учителю. Не все умеют их распознать и оценить, но они есть, и для меня они весьма осязаемы.

Нужный труд

Первая радость — это ощущение значимости того, что ты делаешь. Конечно, в современной России учитель — профессия многими презираемая, вроде сельского учителя царских времён. Ведь не бизнесмен какой-нибудь, не полицейский чин, не депутат, наконец. И всё же, даже чисто формально, в застольной беседе всякий вынужден будет признать, что без учителя в современном мире никуда. Кто-то же должен детишек учить читать и писать. И даже «за литературу» при случае можно объяснить, сказать что-нибудь про «культурный код», про «скрепы». Где же они, как не в нашей литературе?

Поэтому над учителем и посмеиваются, и поругивают его — не так учит! — а всё-таки терпят. Нельзя уж совсем без него. Без контент-менеджера можно, без блогера можно, даже без судебного пристава, пожалуй, можно было бы как-то обойтись, а вот без учителя всё-таки не того… пускай живёт!

Итак, первый плюс — значение твоей работы признают и бедняк, и богач.

А вот второй плюс заключается в том, что значение учителя признаёт его превосходительство чиновник. Да, значение образования признаёт само государство. И если смысл высшего образования чиновнику порой сомнителен, что и выражается в периодических закрытиях, слияниях и реорганизациях вузов, то средняя школа пока ещё стоит, и кислород ей окончательно не перекрывают. Порой мне кажется, что преподавание в наших школах местами даже лучше и выше качеством, чем в вузах.

Я преподавал и там, и там. И почувствовал в университете общую атмосферу апатии, ощущения собственной заброшенности и ненужности. Преподаватели делают вид, что учат, студенты делают вид, что учатся. Словно они знают, что где-то наверху на них махнули рукой, словно это и не образовательное заведение, а передержка для молодёжи, чтобы оттянуть момент их выхода на рынок труда и частично переложить проблему безработицы на родительские плечи.

В школе такого нет: тут жизнь бурлит, ведомства, что ни день, спускают важные директивы, надзирают за школой неослабно, а порой и подкидывают какие-нибудь поощрения. В общем, флаги реют, барабаны бьют. Учитель чувствует, что он скотинка хоть и забитая, но полезная. Поэтому количество школ хоть и сокращается, но не так быстро, как количество фирм, компаний, заводов и даже банковских отделений. Работа эта относительно стабильная: без дела педагог не останется.

Третья нечаянная радость заключается в том, что и сами дети пусть не все, но понимают, что этот процесс образования им нужен. Что педагог

хоть и не носитель вечных истин, но кое-какие входы-выходы в жизни знает. А стало быть, часть детей всё же принимает заинтересованное участие в образовательном процессе.

Представьте себе какую-нибудь офисную работу, где начальник заинтересован лишь в том, чтобы вы работали побольше, а работники лишь в том, чтобы пораньше с этой работы сбежать. В школе же вы всё-таки оказываетесь в среде людей, которым интересен пусть не процесс, но хотя бы результат труда. Пусть бы и ради оценок, ради сдачи экзамена, но они готовы учиться, готовы сотрудничать с вами, делать с вами это общее дело.

Поверьте, я сменил массу мест работы и мало где сталкивался с подобным—с заинтересованностью в результате своего труда. Если рассуждать по науке, то образование—это тот самый неотчуждённый труд, о котором мечтал ещё Гегель. Гегель «рассматривает *труд* как *сущность*, как подтверждающую себя сущность человека», *«для-себя-становление человека»*[1]. Однако у труда, как оказалось, есть не только положительная, но и отрицательная сторона. В процессе труда человек может не раскрыть свою сущность, а напротив, оказаться обезличенным, превращённым в винтик машины.

Поэтому рабочий на заводе заинтересован в результате своего труда лишь формально, опосредованно. Рабочему нужна зарплата. Если он будет получать ту же зарплату при полной халтуре, он будет только рад. Ученики же (повторюсь, не все, но в каждом классе сыщется хоть пара таких) заинтересованы в результатах своего труда, они правда хотят кое-чему научиться.

И здесь мы переходим к четвёртой радости учителя: твой труд нужен... тебе самому. Уж кому как, а для меня это всегда было важно. Каким бы циником ты ни был, а сознание бесполезности твоего труда калечит тебя нравственно и подтачивает нервы. Просиживаешь ли ты штаны в качестве охранника в торговом центре или в качестве какого-нибудь суперменеджера или биржевого игрока, smm-щика или seo-шника, обзваниваешь ли клиентов—рано или поздно поймёшь, что годы и силы уходят в пустоту.

Работая по законам рынка, вы превращаетесь в товар, который вы ежедневно пытаетесь сбыть, втюхать потребителю. Вы должны заботиться о том, чтобы ваши новости имели максимальное количество просмотров, ваши рекламные тексты провоцировали продажи, ваши статьи оказывались на верхних строчках поисковой выдачи и так далее. Образование же пока ещё окончательно не превращено в товар и, несмотря ни на что, остаётся *правом* каждого человека.

Тут же вы можете смело пожать себе руку: ваше дело нужно не только государству или обществу—оно объективно нужно всему человечеству. Здесь вы имеете возможность сеять разумное, доброе, вечное, бороться за высокие ценности и прочая, и прочая. Но не будем долго об этом: кто знает, тот понимает, а кому не дано, с тем и говорить не о чем.

Итак, мы описали целую пирамиду признания и принятия профессии учителя. Но, как говорил Якубович, и это ещё не всё. Есть целый разряд «радостей» обществоведческого свойства.

Связь с обществом

Поясню.

Во-первых, вы работаете не один на один с компьютером, как какой-нибудь социофоб-айтишник, а с коллективом, даже с рядом коллективов. Я говорю про школьные классы. В каждом классе своя атмосфера, свои сюжеты, свои коллизии. Находиться в гуще коллективной работы—это тоже своеобразное удовольствие. Вы не одиночка, сидящий в своём углу, вы находитесь в центре общего действа, вы даже руководите этим процессом, направляете его.

Во-вторых, у вас перед глазами целый срез поколения—десятки, а то и сотни детей определённых возрастов. И если вы хоть сколько-нибудь интересуетесь общественными вопросами, интересуетесь своей страной—то вот перед вами широчайшее поле для наблюдений, размышлений, экспериментов. Действуйте! Вам позавидует любой социолог. Вы отлично знаете, о чём думает, чем дышит, о чём мечтает подрастающее поколение. Достаточно пошире открыть глаза, посмотреть перед собой заинтересованным оком.

Кстати, своими наблюдениями вы можете охватить и родителей—это ещё одна возрастная категория. Тут бы вам, конечно, не помешали соответствующий багаж знаний и понятийный аппарат. Мне повезло: по второму образованию я историк, а общественными науками занимаюсь давно и с большим рвением. Но и другим педагогам рекомендую освоить азы обществоведения и политологии, ибо взгляд педагога на общество гораздо шире, чем у многих и многих граждан.

В-третьих, вы являетесь важным передаточным звеном государственного механизма. Через вас государство спускает детям всевозможные идеологические послания. И таким образом вы волей-неволей оказываетесь в курсе государственных дел, держите руку на пульсе большой политики. И если вы имеете хоть малейшую привычку наблюдать, сопоставлять и анализировать, то очень многое поймёте.

Подводя итог рассуждениям об учительских радостях, хочу сказать, что учитель—профессия творческая, в ней найдут себя те, кто стремился на сцену или на трибуну. И если подойдёте к своему делу с любовью, то обретёте взамен благодарность

1. См. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года.

учеников, родителей. И, что немаловажно, сможете уважать сами себя.

Если вы настоящий интеллигент и хотите познать свой народ—идите в самую обыкновенную школу. Народ ждёт вас.

Печали

Нарисованная мной в первой части радужная картина отнюдь не фальшива. Она лишь неполна. Поскольку, помимо радостей, у современного педагога имеются и печали. И печали эти являются отнюдь не ложкой дёгтя в бочке мёда. Сосчитать, чего же больше в профессии педагога—мёда или дёгтя,—задача не из лёгких.

Очевидные вещи

Для начала перечислю несколько проблем, очевидных и уже многократно описанных:

1. Испорченные детки из неблагополучных семей. Причём к неблагополучным могут относиться как семьи социальных низов, так и семьи богатых бизнесменов и чиновников. Эти детки будут пить вашу кровь, срывать ваши уроки и мешать вам и другим ученикам совместно налаживать образовательный процесс.

2. Испорченные родители. Они тоже будут пить вашу кровь, требовать от вас качественного «сервиса», как будто вы официант или горничная.

Это очевидные проблемы, проистекающие из рыночной психологии современного общества. В частности, о них уже писала Елена Басалаева в статье «Без труда и без науки. Отношение потребителя к образованию в школе»[2]. Она особенно выделяет и проблему формализма, культа успеха: «Ориентация на внешние показатели успеха (а ими как раз являются оценки) очень высока у школьников, собранных в так называемые привилегированные классы, где учатся дети предпринимателей, чиновников, депутатов. Моя школа числится престижной, и в ней такой класс есть… В этом классе, состоящем из двадцати человек, только два троечника, при этом (по свидетельству моих коллег) качество знаний оставалось таким же, как и в других классах данной параллели».

Усугубляющийся бюрократизм

Вот о формализме, бюрократизме мне и хотелось бы поговорить подробнее. Эта проблема мне кажется ключевой, в ней заключается корень практически всех зол современной школы. Эта проблема может иметь огромное множество различных проявлений, но корень останется прежним.

И здесь важно сделать следующее замечание. Бюрократизм свойствен не только школе—это проблема всего нашего общества, не только российского, а мирового. В США или Зимбабве проблемы те же, хотя и в разных обличиях. Бюрократизм распространялся и разрастался, подобно раковой опухоли, с появлением современного государства. Ещё Гофман с Гоголем предостерегали нас от него. Но проблема так и не была решена и непрерывно усугублялась.

Прочитайте, что пишет о царских чиновниках Салтыков-Щедрин, и сравните их с нынешними: «Говоря по совести, бесшабашные советники не только мне не претят, но я чувствую к ним почти непозволительную слабость. Всё в них мне нравится: и неожиданность суждений, и безыскусственная несвязность речей, и простодушная готовность во всякое время совершить какое угодно мероприятие. Даже трещина в черепе, которая постепенно, по мере утолщения формулярного списка, у каждого из них образовывается,—и та не представляется мне зазорною, ибо я знаю, что она установлена для того, чтоб предписания начальства быстрее доходили по назначению. Бояться бесшабашных советников я, конечно, считаю своею прирождённою обязанностью, но боюсь не потому, чтоб они представлялись мне преисполненными злобы, а потолику, поколику они являются вместителями казённого интереса. По казённой надобности они воспламеняются и свирепеют с изумительной лёгкостью, но в домашнем быту, и в особенности на водах за границей, они такие же люди, как и прочие. У большинства их есть семейства, в которых они являются нежными супругами и любящими отцами, а у некоторых, сверх того, имеются и француженки, которых они, разумеется, содержат на казённый счёт. В качестве партикулярных людей многие из них не прочь почитать и даже „писнуть“ что-нибудь, в карамзинско-державинском роде. Затем все вообще любят получать хорошие содержания и аренды. Словом сказать, это обыкновенные „русские люди“, у которых брюхо болит, если где плохо лежит. Разумеется, однако ж, если б меня спросили, могу ли я хоть на один час поручиться, чтоб такой-то бесшабашный советник, будучи предоставлен самому себе, чего-нибудь не накуролесил, то я ответил бы: нет, не могу!»[3]

Как же всеобщая проблема бюрократизма даёт себя знать в школе?

Во-первых, она проявляется в туманности и неясности задач, которые ставит высшая бюрократия перед учителем. Если говорить по совести,

2. https://scepsis.net/library/id_4021.html
3. *Салтыков-Щедрин М. Е.* За рубежом // *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений в 20 томах. Т. 14. М.: Художественная литература, 1972. С. 24.

то государственным мужам нужно, чтобы школа поставляла не слишком умных, но законопослушных граждан. Ибо в большом количестве умных людей у нас всё равно не на что употребить: высокотехнологичные отрасли у нас частью исчезли, частью находятся в предынфарктном состоянии, а вслед за ними на ладан дышит и наука.

Но произнести всё это во всеуслышание государственные мужи не смеют, а потому стараются сформулировать свои требования к школе таким образом, чтобы в этих требованиях говорилось одно, но на деле получалось совершенно обратное. Отсюда невообразимая путаница во всевозможных «федеральных государственных стандартах» (ФГОСах), которые как из рога изобилия льются на мозг учителей. Оные требования вменяется в обязанность знать чуть ли не наизусть.

Например, в перечне умений, которые должны воспитывать в *обучающихся* педагоги, числится «критическое мышление». И горе тому педагогу, который забудет об этом требовании, и горе тому, кто его исполнит. Ибо если бы я, скажем, действительно взялся учить детей критически мыслить, по головке меня никто бы не погладил.

Поэтому школа находится в довольно шатком положении: педагоги обязаны исполнять распоряжения начальства на свой страх и риск. Государство общается со школой полунамёками, а ответственность за правильное понимание и истолкование этих намёков перекладывается на учителя. Если что-то пойдёт не так, виноват будешь ты.

Отсюда противоречивость транслируемых через школу идеологических установок: с одной стороны, мы приучаем детей к «рыночным ценностям»—потребительству, культу успеха, карьеризму, а с другой, провозглашаем «традиционные ценности». Например, на ОГЭ ученикам к чтению и пересказу был выдан текст о «взрослости». Суть его сводилась к следующему: «Взрослость означает самостоятельность, то есть умение обходиться без чьей-либо помощи, опеки. Человек, обладающий этим качеством, всё делает сам и не ждёт поддержки от других. Он понимает, что свои трудности должен преодолевать сам». И так далее.

Что это, как не апология того самого «атомизированного человека», оторванного не только от близких, от общества, но и от самого государства? Иными словами, государство вам ничего не должно, и вообще: по трое не собираться—р-р-разойдись! Хорошо, но к чему тогда на страницах учебника изображать плакат «Родина-мать зовёт»? Надо выбрать одно из двух.

То же самое и с модернизмом и архаикой. Учебники физики и химии превозносят достижения отечественной науки, а учебники «Родного русского языка» учат, как правильно носить лапти и работать бурлаком.

Пора бы разобраться с тем, кто мы и куда идём.

Раздутый аппарат

Теперь надо сказать о самом наболевшем: шквале распоряжений, требований, отчётов, которые сыплются на педагога практически ежедневно как из рога изобилия. Всевозможные бумажки, гласные и негласные нормативы кружатся вихрем, заваливают учительские столы в несколько слоёв. Выполнить все их просто физически невозможно, а потому ты неизбежно вынужден что-то упускать и постоянно оказываешься в долгах.

Почему так происходит? Я вижу причину в том, что в наследство от СССР нам достался гигантский государственно-бюрократический аппарат. В советской системе он частично был оправдан тем, что в плановой системе государство ведало всем, а потому государственные чиновники исполняли роль всевозможных менеджеров, корпоративной бюрократии, предпринимателей и так далее.

После развала СССР и перехода к рынку хозяйство огромной страны было роздано всевозможным олигархам и прочим «успешным людям». Но госаппарат от этого не сократился. Напротив, согласно статистике, количество госслужащих в капиталистической России заметно выросло! А вот область приложения их чиновных усилий многократно сократилась. И она продолжает сжиматься, а аппарат—расти.

Собственно, школа (наряду со здравоохранением) осталась одним из немногих объектов непосредственного государственного надзора и управления. И весь непомерно раздувшийся чиновный аппарат кинулся надзирать и управлять. К телу школы присосалось множество различных ведомств, которые не особенно контактируют между собой и не считают нужным координировать свои усилия, поэтому распоряжения от них приходят по разным каналам, они могут противоречить друг другу или дублировать друг друга.

Тут лучше меня об этих ведомствах могли бы рассказать школьные администраторы, ибо эти распоряжения приходят к ним, а они обязаны транслировать их учителям. Но могу сказать, что в число источников распоряжений входят управления образования различных уровней—федерального, регионального, муниципального, Обрнадзор, Институт повышения квалификации, ГИБДД и Госнаркоконтроль (со своей профилактикой), МЧС и ГУВД (со своими учебными тревогами и эвакуациями) и так далее, и тому подобное. На школе оттоптались почти все чиновные ведомства.

Реализовывать же их требования в большинстве случаев приходится учителю.

И на фоне всех этих требований получается, что начальства у учителя—пруд пруди. Буквально идёшь по коридору, а за каждой дверью—начальник сидит: директор школы, завучи и прочие замы директора, отвечающие за повышение квалификации, кадры, бухгалтерия, и всем им ты должен,

должен, должен… И каждый из них, если пожелает, может на тебя накричать. Дай Бог здоровья всем тем, кто в силу интеллигентности этого не делает. Но и у интеллигентных уже сдают нервы от бумажной лавины, так что атмосфера в школе постоянно накаляется. Да и общая ситуация в стране и в мире подогревает страсти.

Приоритеты

А когда же детей учить? готовиться к урокам? планировать мероприятия? проверять тетради, наконец?

Главные задачи школы, её *содержание*—это обучение, преподавание знаний, которое осуществляется на уроках, но именно уроками, подготовкой к ним и их проведением, постоянно приходится жертвовать, пренебрегать во имя чисто формальных бюрократических процедур.

Приведу пример. Восьмые классы имеют два урока литературы в неделю. В одном из моих восьмых классов оба эти урока поставлены в один день. Однажды я ушёл на больничный на полторы недели (сидел с захворавшей дочкой). Во время моего отсутствия меня никто не подменял—некому было подменить, ведь педагоги и так перегружены. Дети в этом классе на полмесяца остались без уроков литературы. Я выхожу с больничного, ребята в предвкушении встречи… Но на их единственный «литературный» день выпадает проверка сочинений старшеклассников для допуска к ЕГЭ. Педагогов, естественно, не хватает, и за эту работу на целый день усаживают всех преподавателей русского и литературы.

Что это? Зачем это? Экзамен—это, если посмотреть трезво и строго, лишь формальная процедура оценки знаний и умений ученика, знаний, полученных на *уроках русского и литературы*. Но вся школа в этот день была лишена *уроков* русского и литературы ради этой формальной процедуры. Причём это ведь был не сам экзамен, а лишь процедура допуска к экзамену: предварительная формальность к формальности. ЕГЭ под нажимом нашего Минобра непрерывно раздувается, как и всякая бюрократическая опухоль, он сжирает всё больше времени, всё больше сил детей и педагогов. Его проведение обрастает всё новыми и новыми ритуалами.

В дни проведения таких экзаменов педагогов ангажируют не только для непосредственного проведения экзамена, но и в качестве надзирателей-конвоиров, чтобы сопровождать детей в туалет. Но, опять же, про это было сказано немало.

Вы думаете, мытарства восьмого класса на этом кончились и спустя три недели он всё-таки занялся изучением русской литературы? Чёрта с два! На следующей неделе в тот же день было назначено собеседование. Это ещё одна бюрократическая процедура, в ходе которой старшеклассники должны продемонстрировать своё умение читать и пересказывать текст, а также вести диалог. Проверить все эти навыки можно было бы и в ходе обычных занятий, но мероприятие снова обставляется с предельным формализмом, строгостью и идиотизмом: школу на весь день закрывают из каких-то нелепых предосторожностей, детей снова водят по пустым коридорам по одному. Вся эта концлагерная обстановка изрядно нервирует учеников, сбивает их с толку.

Принимать экзамен должны сразу двое: один спрашивает, а другой ведёт «протокол», заполняя мудрёную табличку. Ох уж эти таблички! Наши (да почему только наши? любые) чиновники мечтают свести всякое дело к заполнению таблиц, расстановке галочек по квадратикам, всё предельно формализовать, механизировать, вытравить всякий привкус человеческого, человечности из школы, из образования, из науки—откуда угодно. Всё живое, человеческое их страшит, кажется им подозрительным, ненадёжным. «Система хороша—только люди всё время подводят»,—любимая присказка наших чинуш и их оппонентов из либерального лагеря.

Им всё хочется превратить человека в робота. Человек представляется им угрозой. Раньше, при классической процедуре сдачи экзамена, экзаменатор вёл с экзаменуемым диалог, задавал дополнительные вопросы по выпавшей теме. Этим он мог помочь выплыть запутавшемуся или, напротив, «срезать» того, кто очевидно списал ответ, но в действительности не знает темы. Такая процедура была ориентирована на *понимание* учеником сути вопроса, темы. Если он не усвоил какую-то частность, он может продемонстрировать свою общую подкованность, поведя рассуждение по другой линии.

Экзаменатор в вузе, заинтересованный в том, чтобы иметь у себя сообразительных студентов, а не начётчиков и зубрил, в ходе экзамена проверял поступающего, присматривался к нему—ведь им вместе работать.

ЕГЭ же потворствует именно зубрёжке, чисто формальному запоминанию или же хитроумному списыванию, но никак не интересу к предмету, проникновению в суть. И, кстати, он не устраняет коррупционную составляющую. Впрочем, и об этом уже было сказано довольно.

Здесь я лишь подчеркну, что образовательный процесс в школе оказывается чем-то второстепенным, дополнительным, а отчётные экзаменационные процедуры выпячиваются на передний план.

Пара ласковых про спорт

Но этого мало: уроки отступают и перед всевозможными олимпиадами, соревнованиями и конкурсами. Почему? Да потому, что это тоже хороший бюрократический показатель. Победа в олимпиаде или даже простое участие в ней, проведение её смотрятся в отчёте лучше, чем хорошо

и увлекательно проведённый урок, если, конечно, этот урок — не бюрократическая показуха для районных чиновников.

Вот так с моего урока *русского языка* большинство учеников ушло, чтобы писать олимпиаду по *английскому языку*. Потому что олимпиада, да ещё и платная. Вот вам и хвалёный патриотизм. Я уж не говорю про эти проклятые спортивные соревнования.

Позволю себе сказать пару ласковых слов про спорт.

Многие дети в каждом классе посещают различные спортивные секции и, как следствие, постоянно ездят на какие-нибудь конкурсы, соревнования, чемпионаты и сборы. Если спросить у них, зачем им нужен спорт, то они ответят: чтобы быть здоровыми. Но дело-то как раз в том, что соревнования к здоровью не имеют непосредственного отношения. Так же как экзамены — к знаниям. Если рассуждать разумно, то предпочтение должно быть отдано заурядным тренировкам: именно на них вырабатываются сила, выносливость, необходимые навыки.

Почему же предпочтение отдаётся спортивным конкурсам и соревнованиям? Конечно, дело тут вовсе не в здоровье, а в том, что спортивные соревнования, как олимпиады и конкурсы по иным предметам, являются идеальным отчётным показателем. А для самих детей спорт является социальным лифтом, способом сделать успешную карьеру, добиться богатства и славы. Действительно, звёзды спорта имеют огромные доходы, а по завершении спортивной карьеры легко находят себя в политике — на различных партийных и депутатских должностях.

Но откуда такой почёт спорту? Стандартный ответ: спортсмены мотивируют других людей заниматься спортом и развиваться физически. Однако на самом деле простых людей, непрофессионалов, они демотивируют, показывая, что таких результатов можно добиться, исключительно посвятив всю свою жизнь одному спорту.

А стоит ли посвящать свою жизнь спорту? Профессиональный спорт может запросто погубить здоровье, покалечить человека. Так происходит с футболистами, хоккеистами, горнолыжниками и другими профессионалами. С точки зрения здравого смысла профессиональный спорт — это какой-то нонсенс. Он никого не мотивирует становиться здоровее, но если бы и мотивировал, то оставался бы вопрос: а для чего нужно быть здоровым?

Обыватель ответит: чтобы прожить дольше. Хорошо. А зачем нужно жить дольше? Умный человек ответит: для того, чтобы успеть достичь более высоких жизненных целей, чтобы успеть принести больше пользы обществу и так далее. При такой (и только при такой) постановке вопроса здоровье и спорт оказываются оправданными. Стало быть, здоровье — это не цель, а лишь средство к достижению более высокой цели. Если же средство (здоровье) и даже средство средства (спорт) превращаются в цель, то мы попросту выкидываем на свалку свою жизнь, какой бы долгой она в итоге ни оказалась.

И с точки зрения вышеизложенных рассуждений, с точки зрения здравого смысла и ценностей морально здорового человека вершиной спортивной карьеры должен быть не какой-то монструозно перекачанный олимпийский призёр или рекордсмен, а обычный школьный физрук. Ибо школьный физрук действительно приносит пользу обществу — помогает юному поколению вырасти физически здоровым. И воспитывать этот физрук должен не призёров, а гармонично развитых детей, уделяя больше внимания не сильным, а слабым ученикам.

И в заключение назовём, наконец, подлинную сущность профессионального спорта и причину столь незаслуженно высокого значения, которое ему придаёт современное общество. Профессиональный спорт — это всего-навсего часть и разновидность *современного шоу-бизнеса*, зрелище, развлечение для толпы, причём самый интеллектуально примитивный и эстетически убогий вид массового зрелища. Спортивные соревнования выполняют ту же функцию, что и рок-н-ролл или телешоу с призами — они отупляют зрителя и пичкают его разнообразными рекламными вставками, а заодно скармливают ему иллюзию того, что в рыночном обществе всякий может при желании добиться успеха.

Тетради и прочие прелести

Итак, олимпиады и экзамены оказываются важнее получения знаний, соревнования — важнее тренировок. Но и это ещё не всё. В шкале важности уроки оказываются ниже какого-нибудь семейного праздника (дня рождения дальних родственников) или выезда на курорт. Родители запросто увозят чадо на море, а учителя попросту ставят в известность, да ещё и просят, чтобы ребёнку учитель отправлял задания индивидуально.

Ещё одна важная головная боль учителя — это тетради. Тяжелее всех здесь ситуация именно у словесников. Но и остальным тоже достаётся этой прелести. Проверка тетрадей — это непрерывная, обязательная, тяжёлая и однообразная задача. Чтобы провести контрольную, достаточно сорока минут, а проверка тетрадей потом может занять не один час напряжённой работы. Сверх того, по важным контрольным вам ещё придётся заполнять специальные «аналитические» таблицы для чиновников. Но, повторюсь, для учителей русского языка проверка больших стопок тетрадей — это почти ежедневная задача.

Так вот, на проверку тетрадей никакого фиксированного времени вам не будет выделено. За эту работу вам будут приплачивать кое-что, но когда

вы всем этим занимаетесь — это никого не волнует. И если учесть, что первая половина дня у вас загружена уроками, а потом начинаются всякие дополнительные занятия и административные радости, то на тетради остаются разве что ночи и воскресенья (не забывайте, что суббота для вас — рабочий день).

Теперь об административных радостях. После уроков вас тащат на всевозможные совещания с обсуждениями новых распоряжений начальства разных уровней, на методобъединения с заслушиванием отчётов (естественно, с кучей графиков, таблиц и цифр), на собрания, на курсы повышения квалификации, на прививки и медосмотры. Эти собрания и мероприятия организуют разные отделы и ведомства, и, конечно, они постоянно накладываются друг на друга.

Про повышение квалификации стоит сказать особо. Каждый педагог обязан повышать свою квалификацию и проходить специальные курсы. Для этого надо самостоятельно писать документы (с заполнение таблиц, естественно), в которых расписываются собственные достижения. Правила заполнения этих документов постоянно меняются, поэтому нужно перед их заполнением сверяться со специальными сайтами. Далее требуется выбирать для себя онлайн- или очные курсы и проходить на них обучение.

Приведу пример. Я ездил на один из таких курсов. После уроков (вместо проверки тетрадей или выполнения других обязанностей) я отправился на другой конец города… чтобы клеить из тряпочек ёлочку! Это называлось «практикум по арт-терапии». Напомню, я учитель русского и литературы, а не труда или «технологии». Нам раздали материалы, и мы должны были шить и клеить. Кто-то скажет, что это прекрасный способ расслабиться и провести время, но, напомню, это называлось «курсы повышения квалификации». Чего я там себе повысил? Этим неплохо заниматься по собственному выбору и в свободное время, но свободного-то времени у педагога как раз и нет. У него всё время занято в два или три слоя задачами разной степени срочности.

Но знаете, где-то я даже благодарен организаторам, поскольку они отнеслись к задаче халатно и позволили схалявить другим. Я слепил кое-как своего разноцветного уродца и был таков, но согласитесь, что для здорового человека вся эта ситуация выглядит крайне патологично: это имитация имитации деятельности. При том, что у учителя есть масса настоящих задач, которые оказываются постоянно отодвинуты, погребены под горой бессмысленных бюрократических глупостей.

Силовики, карты самооценки, перемены

Если браться перечислять, то стоит сказать и про эвакуации. А как же: полиции, ФСБ и МЧС тоже ведь надо оправдать свой хлеб! А как это сделать, если не при помощи школы? Поэтому в школе проводятся всевозможные учения, проверки и тренировочные эвакуации. В лучшем случае они отнимут у вас и у учеников полдня, а иногда школа окажется закрытой на весь день.

Добропорядочный зануда скажет: «А вдруг звонок о минировании школы окажется не обманом? Уж лучше несколько дней в году потратить на проверки и эвакуации». На это ответим статистикой. Сколько звонков о минировании школы за всю историю России оказались правдой? Правильно, нисколько. Зачем же устраивать всю эту шумиху с эвакуацией и оцеплением школ? Правильно, во имя бурной и кипучей.

Силовики с правонарушителями играют в одни ворота — оправдывают существование друг друга. А школьники радостно и законно прогуливают занятия.

Также в обязанность педагогу вменяется быть здоровым. Надо ли рассказывать о том, какая это морока — таскаться по поликлиникам, выстаивать очереди и ставить себе всевозможные прививки? Думаю, с этим вы и так знакомы. Наше здравоохранение находится в том же положении, что и образование, — задавлено бюрократией и завалено рутиной.

Ещё одно новшество от нашей дорогой бюрократии — карты самооценки трудящихся (НСОТ). У этих карт долгая история. Давным-давно наше заботливое начальство разделило зарплату учителя на две части: оклад и «стимулирующие надбавки», которые предоставлялись за всякую дополнительную активность. Раньше распределением этих надбавок занималась администрация школы, но теперь решили, что педагоги сами должны заполнять эти документы и подавать их в высшие инстанции, а уж там решат.

Карта самооценки представляет собой… огромную таблицу, в которой перечислены разные виды работ, а учитель должен рассовать все свои дополнительные активности по нужным ячейкам. Вот только в число этих дополнительных активностей, конечно, включено далеко не всё, в том числе и само заполнение этих НСОТ, хотя времени на их заполнение уходит порядком.

Во-первых, без консультации с завучем или руководителем методобъединения вы не разберётесь, под какую чиновную формулировку подходят те или иные ваши задачи; во-вторых, каждую из выполненных вами работ надо подтвердить *документально*, то есть приложить к ней какие-то свидетельства. Ну и, наконец, оформить, распечатать и сдать. Естественно, многое из сделанного вами не будет учтено и так и останется обычным неоплачиваемым трудом.

Насколько загружен учитель, видно из того, чем заполнена перемена. Казалось бы, там времени-то —

только чтобы собрать учебники и перейти из класса в класс или сходить в столовую. На самом деле эти десять-пятнадцать минут также заполнены всевозможными делами.

Во-первых, после урока вы должны внести в электронный журнал домашнее задание, поскольку оно должно быть задано не позднее трёх часов, а раньше трёх вы уроки не закончите. Во-вторых, на перемене вы принимаете несданные работы учеников, скажем, стихотворения наизусть. В-третьих, отвечаете на разные вопросы детей. В-четвёртых, вы уже должны открыть журнал другого класса и подготовиться к уроку, что-то распечатать, написать на доске и так далее. И это не говоря про экстренные ситуации и внезапные срочные требования начальства.

Не будем забывать и про такую известную нам часть нашей жизни, как разнообразные чаты и каналы связи: «полезная информация», распоряжения и просьбы непрерывно лезут в наш мозг сразу по нескольким каналам. У учителя это общешкольный чат, чат методобъединения и электронный журнал. Кроме того, конечно, с вами будут связываться по телефону, вайберу и прочим мессенджерам. Всё это постоянно дзынькает, чирикает, мигает ярлычками непрочитанных сообщений и неуклонно повышает уровень стресса и раздражения.

Философия

Похоже, наши чиновники выработали два главных способа работы со школой (догадываюсь, что и в остальных сферах они действуют сходным образом, но поручиться не могу): помимо заполнения бесчисленных отчётных таблиц, это регистрация на всевозможных онлайн-платформах. Чиновники производят платформы одну за другой и требуют, чтобы все подряд регистрировались на них. Это, с одной стороны, позволяет им ещё больше роботизировать процесс образования, а с другой, помогает «освоить» огромные бюджетные суммы, выделяемые на разработку сайтов.

Производимые ради галочки и ради освоения средств сайты получаются абсолютно нерабочими, неудобными и запутанными. Навскидку за последние пару лет можно назвать Реестр школьных музеев, Электронный журнал, Навигатор дополнительного образования, сайт школьной карты «Феникс», Скайсмарт, платформу «Моя школа» и так далее.

Регистрируют на них так же, как крестили Русь: всем скопом при помощи угроз и санкций загоняют туда упирающихся людей — педагогов, учеников, родителей. Всем им необходимо завести себе аккаунты, слить свою личную информацию (телефоны, почты, а то и паспортные данные, ИНН), оформить свои персональные страницы, загрузить программы, фотографии, расписания и поддерживать там какую-то активность.

Из всего, с чем мне пришлось столкнуться, самым ужасным проектом оказался Навигатор дополнительного образования — это самый «кривой», самый запутанный и самый издевательский сайт с кучей бесполезных функций, где полезные функции запрятаны в такой «глубине сибирских руд», что и не доищешься.

Почему наша бюрократия ведёт себя таким бессмысленным и беспощадным образом? Дело в том, что так или примерно так ведёт себя любая бюрократия. Такова её, бюрократии, природа. И суть этой природы выразил Маркс: «Бюрократия считает самоё себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои „формальные“ цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с „реальными“ целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание — за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи — в государственные»[4].

Звучит сложновато, но если вдуматься, то так оно и есть.

Что такое наше государство? Это чиновничий аппарат, действующий по чиновничьим принципам. Что такое формальные и реальные цели? В нашем случае речь идёт об образовании. Тогда реальной целью образования будет превращение юных граждан России в образованных людей, способных выполнять квалифицированную работу, двигать вперёд науку и искусство. Достижение этой реальной цели с точки зрения бюрократии должно быть выражено в формальных показателях: успешной сдаче ЕГЭ, высоком проценте олимпиадников, росте показателей в различных отчётах. Так вот эти формальные цели заслоняют и подменяют собой цели реальные. Оказывается, что обеспечить формальные цели можно без достижения целей реальных: за счёт натаскивания, обмана, очковтирательства и даже элементарных приписок.

Усилия педагогов направляются на обеспечение формальных показателей. В итоге формальная цель — сдача ЕГЭ, получение диплома — становится главной целью. А что же реальная цель? Попробуйте поговорить с начальником-чиновником о значении образования, о необходимости воспитывать молодое поколение — он сонно покивает головой: мол, конечно, всё это хорошо, но *сперва* обеспечьте нам хорошие отчётные показатели. Знания превращаются в нечто дополнительное, необязательное, в приятный бонус. «Вы что, ещё и знания на уроках даёте? И откуда у вас столько *лишнего* времени?» А могут и рассердиться: «Не тем вы на уроках занимаетесь».

4. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Нищета философии. — М.: РИЦ Литература, 2007. С. 127.

Не могу не вспомнить в связи с этим один из лозунгов французского студенческого восстания: «Структуры для людей, а не люди для структур!»

Психология

Увы, многолетнее существование в обратной ситуации, под бременем бюрократического пресса, который непрерывно и неуклонно усиливается, калечит психологию и моральный облик российского учителя. Как пели в опере «Стадион»: «Сильных сломаем, упрямых согнём».

Обилие бессмысленных, взаимоисключающих задач превращают учителя в дрессированного зверька, который несётся сломя голову исполнять всякий приказ, всякое распоряжение, озвученное достаточно решительным тоном. При этом учитель не привык задавать вопросов и сам задаваться вопросом правомерности и даже попросту целесообразности того или иного требования.

У учителя отпадают представления о логике, выгорают моральные нормы, исчезает профессиональная гордость. Среди учителей (как и среди российского общества в целом) распространены цинизм и отсутствие критического мышления. Для учителя это особенно опасно, поскольку он вроде как должен служить моральным ориентиром для учеников, а стало быть, несколько возвышаться над средним уровнем.

В результате даже гуманитарное образование не становится для педагога предохранителем от воздействия самой грубой пропаганды. Согласно социологическим исследованиям, именно люди с гуманитарным образованием, как правило, более устойчивы к воздействию разных видов внушения и манипуляции. Увы, у российского учителя зачастую не остаётся физических и интеллектуальных сил для того, чтобы обдумать то, что он слышит по телевизору или в интернете, как-то самостоятельно отнестись к этому, и в итоге учитель выступает бездумным рупором, не слишком возвышаясь над уровнем вечерних телепередач.

Политэкономия

Но перейдём от философских и психологических рассуждений к языку строгой экономики.

Важнее всего даже не то, что весь вал вышеперечисленных задач и видов работ по большей части не оплачивается, а за каждую дополнительную копейку нужно отчитаться и предоставить пакет документов. Хуже всего, что эта работа не учитывается рабочим графиком и выполняется в нерабочее время — по ночам, в выходные и праздники; что выполнять эту работу приходится впопыхах, параллельно с другими задачами.

И здесь мы от понятий «прибавочная стоимость» и «неоплачиваемый труд» переходим к понятию «сверхэксплуатация труда». Это понятие разрабатывали латиноамериканские исследователи, развивавшие теорию зависимого развития, и прежде всего Руй Мауру Марини. Рассматривая всю мировую экономику как целостный механизм, они выделяли в ней центр и периферию. Центр аккумулирует у себя высокие технологии, а страны периферии служат источником сырья. Используя своё положение монополиста на рынке высокотехнологичных товаров, центр может произвольно завышать цены на свою продукцию. А поскольку поставщиков сырья много, то они вынуждены конкурировать между собой и продавать свои товары по «рыночным ценам».

При помощи неэквивалентного (неравного) обмена со странами мировой периферии центр выкачивает из них капитал и перераспределяет мировые ресурсы в свою пользу. Капиталисты стран периферии, чтобы компенсировать свои потери, вынуждены прибегать к единственному доступному им средству — нажиму на своих работников, снижению их оплаты и одновременно интенсификации их труда. Хуже того, эксплуатация может достигать такого уровня, что работники не могут или не успевают восстанавливать свои силы. Это и есть сверхэксплуатация.

Нетрудно догадаться, к какому разряду стран принадлежит Россия. Естественно, в качестве поставщика нефти, газа, угля и других природных ресурсов она является частью мировой периферии, обслуживающей страны центра (США, ЕС и другие). И конечно, в России широко распространена сверхэксплуатация труда.

В данном случае мы рассматриваем это явление на примере школьных учителей. Для того чтобы должным образом функционировать, всякая машина должна отдыхать и ремонтироваться. Для работника-человека это будет означать достойную оплату и отдых. Но именно в этом сверхэксплуатируемому работнику и отказывают.

Ещё Маркс отмечал, что капиталист может прибегать к трём способам повышения производительности за счёт работника: удлинению рабочего дня, интенсификации труда и снижению оплаты.

Все эти способы применяются у нас в отношении учителей. Чтобы иметь более-менее достойную зарплату, учитель вынужден брать нагрузку сверх базовой ставки, совмещать две, а то и три должности, то есть как бы самостоятельно перегружать себя.

Но и без такого стремления его всё равно будут нагружать. Понятия «рабочий день» в школе не существует: начальство будет звонить вам в любое время суток. И даже если вы сумеете добиться, чтобы вас не беспокоили, на праздники, на ночи и выходные лягут задачи по подготовке к урокам и по проверке тетрадей. Приходить на работу вы будете к половине восьмого, а уходить будете в шесть, унося с собой пачку тетрадей. Вот и представьте, сколько длится рабочий день в школе, и вспомните

про рабочих в царской России, которые воевали за хотя бы одиннадцатичасовой рабочий день.

К чему это приводит? К чему приводит сверхэксплуатация? К тому, что рабочая сила не восстанавливается. Учитель выматывается не только физически, но и психически, что приводит к разнообразным заболеваниям, срывам. В итоге, проработав несколько лет, многие учителя не выдерживают и покидают место работы — переходят в другую сферу занятости. Кстати, порой, «отдохнув» на другом месте, они потом возвращаются за новой дозой сверхэксплуатации.

Трудовые отношения

Как видим, ситуация в школе отражает состояние российского рынка труда в целом. Поэтому придётся всерьёз поговорить об этой сфере. Всякий учитель (хотя, конечно, не только он) узнает в этом описании своё место работы.

Прежде всего, российская экономика демонстрирует любопытный парадокс: она сочетает высокую интенсивность с низкой производительностью труда. Это означает, что люди работают как проклятые, но без толку. По производительности труда мы отстаём не только от богатейших стран Евросоюза, но и от Аргентины, и даже от «собственной» бывшей республики Литвы. Зато по интенсивности (напряжённости) труда мы обгоняем все эти и многие другие страны. По показателям интенсивности работаем мы примерно как южные корейцы, а Южная Корея славится бесправием своих рабочих и жестоким обращением с протестующими.

Почему так? Во-первых, мы ещё с девяностых годов привыкли катиться на советском заделе, проедать советское наследие. Если у нас с восьмидесятых годов не обновлялось оборудование на заводах, не менялись водопроводные трубы и энергосети, то с какой стати работодатель станет лучше относиться к живым работникам? Инновации, модернизация у нас превратились в пустой трёп, фикцию.

Высокая степень монополизации во всех отраслях. Главным работодателем в сфере образования у нас является государство, оно и задаёт единые стандарты труда во всех школах и вузах. Поэтому нет большого смысла уходить из одной школы, чтобы получить лучшие условия в другой: вышеперечисленные «печали» ожидают вас во всякой государственной школе. Частное же образование у нас не развито и не создаёт конкурентной среды.

Люди бегут из образования, молодые специалисты идут в школу с неохотой, и это вынуждает увеличивать нагрузку на имеющиеся кадры. Но и, повторюсь, уровень зарплаты таков, что учителя в любом случае вынуждены нагружать себя сверх меры. О какой-либо оптимизации и рационализации труда педагога речи не идёт: расписание скачет, что-либо планировать невозможно, распоряжения сыплются бессистемно, заученные вчера правила и нормативы устаревают завтра.

Выручает администрацию школ то, что в других сферах также творится кошмар, в стране царит безработица, что иногда удерживает учителей от увольнения по собственному желанию.

Кроме того, культура трудовых отношений в современном мире настолько деградировала, что руководитель, оглядываясь на своих коллег, попросту не может себе представить ситуации, в которой он учитывал бы интересы подчинённых. Договоры составляются таким образом, что обязанности и права в них прописываются крайне размыто, да и ссылаться на букву закона считается чем-то неприличным, «оппозиционным».

Пресловутая «вертикаль власти» сформировала представление о движении решений, информации исключительно сверху вниз. Ведомства изливают на нижестоящие органы водопады своих решений, а администрация школы выступает своеобразным трубопроводом, направляющим эти решения на головы рядовых работников, иногда добавляя кое-что от себя. Работники не имеют возможности ни обсудить, ни возразить, ни предложить что-то со своей стороны. Воздействовать на спущенное сверху решение они могут только радикальным образом — забастовкой, саботажем, обращением к общественности. Нет никакой рабочей модели равного взаимодействия, площадки для диалога между педагогическим коллективом и руководством. Единственная возможность — писать письма «на деревню дедушке», которые обычно ложатся в долгий ящик.

К чему приводит отсутствие самоуправления и утверждение такой вертикальной модели?

Решение даже самых мелких вопросов уходит наверх. Руки связаны не только у учителей, но и у директоров школ. В итоге решения принимают люди, далёкие от местной специфики и от преподавания вообще. Отсюда непомерно возрастает роль администраторов среднего звена, которые выступают предохранительным клапаном, толкуя распоряжения выгодным образом, составляя дутые отчёты, чтобы и верховные волки были сыты, и педагогические овцы были целы.

Кроме того, недовольство учителей спускаемыми свыше распоряжениями обращается не на их источник, а на озвучивающих их завучей, и борьба за свои права принимает форму частных кабинетных препирательств.

Всякая школа вынуждена содержать раздутый бюрократический аппарат, на который уходит немалая часть зарплатного фонда. Не говоря уже обо всех этих вышестоящих ведомствах, которые пожирают львиную долю образовательного бюджета.

Исчезает гибкость и оперативность принятия решений, а давление на рядовых работников возрастает. И это давление никак не учитывает

физические и психические возможности учителей. Администрация любит напоминать учителям, «когда у нас начинается рабочий день», но «забывает» сообщить, когда он заканчивается. А кто будет нести ответственность за переутомление, за стресс и невроз работников? Да никто.

Прислушиваться к работнику стало чем-то немыслимым, жалоба на трудовые условия считается чем-то зазорным. Отсутствие диалога, непроходимость сигналов снизу не позволяет руководителям даже при всём желании выстроить работу организации разумным образом.

Некоторые учителя видят единственный выход из этой ситуации в кумовстве, в том, чтобы пролезть в любимчики к директору, к завучу, завести с ними неформальные отношения, занять роль сплетников, наушников при директоре, а то и при чиновнике из муниципального ведомства. Это позволит им выговорить себе более привилегированные условия труда и оплаты, «освободиться» за спиной у своих коллег. Покровители наверху могут в случае надобности «прикрыть», выписать надбавку, включить в денежный проект.

В результате в коллективе нередко формируется нездоровая обстановка, групповщина, доносительство, склоки, неформальная иерархия.

На уровне руководства оторванность от коллектива приводит к некомпетентности. Некомпетентный руководитель склонен окружать себя столь же некомпетентными, но лояльными людьми. Да и сама компетентность принимает форму «тайного знания» различных чиновных правил, умения обращаться с бумажками.

Совершенно убого обстоит дело с профсоюзами. Официальный школьный профсоюз является, в позднесоветском духе, частью администрации и никоим образом не защищает права работников.

Нечего и говорить про такие «мелочи», как неоплачиваемые отпуска, принудительные увольнения «по собственному желанию» или, напротив, отказ в увольнении, неоплата сверхурочной работы или её оплата не по повышенному тарифу и так далее.

Да и сами учителя готовы выбиваться из сил, поскольку жалеют детей, которые могут недополучить знаний, скажем, в случае ухода педагога на больничный.

Ну да хватит о грустном. Пора делать выводы. Эта статья написана не для того, чтобы отвадить специалистов от школы, а для того, чтобы побудить учителей, учеников и их родителей сообща бороться за исправление положения в нашем образовании. Это можно сделать, только осознав корни проблем.

А чтобы найти в себе силы оставаться в школе, перечитайте первую часть статьи.

ДиН ревю

Алёна Бабанская

Медведи средней полосы

Екатеринбург: «Евдокия», 2023.—132 стр.

В книгу Алёны Бабанской «Медведи средней полосы» вошли стихи разных лет. Автор развивает темы взаимосвязи рода и Родины, космоса бытовых вещей и большого Космоса, прошлого и настоящего, преемственности поколений, связанности всего со всем, частного и общечеловеческого, тему красоты родной природы, встроенности, укоренённости человека в этом пейзаже, в языке, в родной семье.

• • •

У чайника с болящей головой
Причины нет для Третьей мировой,
Хотя идеи носятся повсюду,
Он—честная немецкая посуда.
Когда ты в нём завариваешь чай,
Звон ложечки—как лязганье меча,
Он кипятится: всюду вражьи силы!
И надо пить, покуда не остыло.

• • •

Земли причудливый пэчворк
С заплатами лесов.
Плывёт над нами дыма клок
И тучи туесок.
Стеклом сверкают города,
Посёлки и река.
И жизнь игрушечна, когда
Глядишь издалека.

рисунки
Ольги Сорочкиной

Марина Саввиных

Завещание «Минотавра»

Повесть-сказка[1]

Посвящаю эту сказку
Вареньке Соловей,
вдохновительнице
и соавтору

Глава восьмая,

в которой Вера присутствует на «суде Париса» и получает на ужин знаменитое «яблоко раздора»

На краю поляны, на самой опушке подступившего к поляне тёмного лиственного леса, виднелась полуразвалившаяся хижина, видимо, пастушья, но давно брошенная пастухами. Однако теперь в ней явно что-то происходило: над хижиной курился дымок, внутри мелькал слабый колеблющийся свет, двигались тени…

Дети молча переглянулись и пошли на свет. А что? Кто бы там ни был — люди всё-таки. Лучше, чем ничего.

— Смотри, — прошептала Вера, раздвигая свисающую с пологой крыши солому и заглядывая в приоткрывшуюся щёлку, — что это? кто это?

В крохотной хижине оказалось неожиданно много места. Кажется, в этом странном мире Вера уже столько повидала всяческих чудес, что очередное чудо вряд ли сбило бы её с толку, но тут… Перед ней была просторная комната, обставленная как гостиная какой-нибудь знатной дамы из книжки про королей и королев. У противоположной стены, выложенной расписным кафелем, был устроен роскошный камин, возле которого в особых креслах сидели и о чём-то негромко беседовали три женщины. В одной из них Вера тут же узнала Афину — та сидела к ней вполоборота, и ошибиться было невозможно. Её кресло, уменьшенная копия олимпийского трона, было украшено совами и змеями из блестящего серебристого металла; на голове — золотая диадема… «О! Какое слово я теперь знаю, оказывается!» — подумала Вера за мгновение до того, как её осенила мысль сломя голову бежать отсюда…

Поздно!

Афина, слегка повернув голову, посмотрела прямо на неё, засмеялась противным искусственным смехом и громко произнесла:

— Мы тут ума не можем приложить, где их искать и что с ними делать, а они — поглядите-ка, дамы, — сами к нам пожаловали!

С этими словами богиня щёлкнула пальцами. Вера и Парис, не успев даже ойкнуть, оказались прямо перед ней в комнате с камином.

— Только без паники! — усилием воли Вера заставила себя сосредоточиться на происходящем и постаралась незаметно оглядеться по сторонам.

При этом она крепко держала за руку Париса, который, кажется, был уже близок к обмороку.

Две другие дамы, отвернувшись от камина, теперь тоже с любопытством рассматривали невольных гостей. Одна из них, сидевшая ближе к Афине, была в пышном бархатном платье с широкой юбкой, туго затянутым корсетом и стоячим кружевным воротником. Её тёмные волосы были гладко причёсаны и уложены под золотую сеточку с крупными жемчужинами. А лицо… Вера чуть было не вскрикнула от радости: на мгновение ей показалось, что это Рея, — но нет… Рея излучала тепло и любовь, а эта дама была настолько надменна, с таким презрением разглядывала её и Париса, что Вера только сжала кулачок… она вспомнила об украденном зеркале Реи… да-да!

1. Продолжение. Начало см. «День и ночь» №6/2022.

Перед ней была сама Гера, Лживое Зеркало. Без сомнения, это так. Но кто третья? Её кресло стояло слева от камина, как бы в сторонке… вполне себе обычное офисное кресло из чёрного пластика. На незнакомке был светлый космический комбинезон и высокие сапоги на шнуровке, а сама она была—точь-в-точь—похожа на актрису Натали Портман в «Звёздных войнах».

«Ну, это уж слишком,—подумала Вера с обидой,—впрочем, ведь Рея говорила, что бессмертные пребывают сразу во многих измерениях мира, поэтому какая им разница, в каком облике предстать перед ничтожными смертными?.. Хотя… не такие мы, похоже, ничтожные, раз они к нам ума приложить не могут…»

Эта мысль взбодрила её… и неожиданно для самой себя она вдруг сделала реверанс и, ни к кому специально не обращаясь, воскликнула:

— Good evening. How are you?[2]

Брови «Натали Портман» сначала подпрыгнули выше лба, потом она, не удержавшись, прыснула в ладошку… наконец, все три дамы расхохотались так, что хрупкие стены хижины опасно вздрогнули.

— Этот язык,—отсмеявшись, назидательно проговорила «Натали»,—по крайней мере, в таком виде, ещё не существует… поэтому давай уже—по старинке, на добром минойском наречии. Согласна?

— Да,—кивнула Вера.—Я—Вера, а это—Парис.

— А я—Афродита. Иначе—Киприда, Анадиомена… Астарта… Венера… Лада… Иштар… У меня много имён! Выбирай любое.

Тут Парис высвободил руку из Вериного кулачка, упал на колени, закрыл лицо ладонями и стал что-то тихонько, но горячо шептать.

«Нашёл время молиться»,—подумала Вера, а вслух сказала:

— Не надо, Парис. Не стоит унижаться! Мы же люди!

— Браво!—воскликнула Афродита.—Человек—это звучит гордо! Встань, Парис. Должна признаться, мы ради тебя собрались здесь. Так что приготовься, тебе предстоит решить нелёгкую задачу.

— Вот именно,—сердито сказала Афина,—девчонка нам не нужна… Вечно путается под ногами!

Вера почувствовала уже знакомый толчок, разве что чуть слабее, чем тогда, у таверны «Доро»,—и как пушинка отлетела в угол. Здесь, в углу, хижина была как хижина: ни кафеля, ни ковров, ни кресел, ни камина… над головой—затянутые мхом, кое-где подгнившие брёвна, под ногами—солома, какая-то серая труха и пробивающаяся сквозь неё худосочная бледная травка. Зато прямо перед собой Вера видела всё то же—богато убранную комнату с камином, трёх богинь и вконец растерявшегося Париса, не знающего, куда деть свои дрожащие руки.

«Да это же… как это? Голограмма!—Вера вспомнила трудное слово.—Вполне возможно, что в действительности они сейчас находятся где-нибудь… на Марсе или ещё дальше, а здесь—только изображения. Хотя… а как же Парис? Нет, всё равно непонятно…»

— Не огорчайся, Вера!—приятный женский голос прозвучал прямо у неё в голове.

Афродита там, в «голограмме», ласково улыбнулась ей и даже, кажется, подмигнула.

— Эти двое,—она с ехидной усмешкой кивнула в сторону Геры и Афины,—сейчас не могут причинить тебе никакого вреда. Может быть, и хотят, но не могут.

Тем временем у камина разворачивалось настоящее шоу, ещё удивительнее того, что Ариадна устроила во Дворце. Парис, бледный, с вытянувшимся от ужаса лицом, сидел на высоком стуле без спинки, а богини стояли перед ним: Афина с Герой—рядом, Афродита—чуть поодаль от них.

— Слушай и смотри внимательно, Парис,—говорила Афина.—Сейчас ты увидишь три образа своей судьбы. Ты должен выбрать один из них. Смотри не упусти своего счастья. Не подведи нас!

— Но прежде,—перебила её Афродита,—тебе не мешает узнать кое-что о себе…

Пламя в камине ярко вспыхнуло и погасло, в комнате стало темно, но в ту же минуту на месте камина появилось что-то вроде мерцающего прозрачного куба, в котором появлялись и исчезали живые картины, как в 3D-кинотеатре, только зрителям не нужны были специальные очки. Вере—сбоку—не слишком хорошо было видно, что там происходит, но она об этом догадывалась, отчасти по тому, что помнила из книжки, отчасти—по выражению лица Париса, которое менялось по мере того, как он погружался в образы собственного будущего, отчасти—её фантазия сама кое-что быстренько дорисовывала.

— Взгляни, Парис,—Гера властным жестом привлекла внимание мальчика к картине,—это—твои родители…

Парис увидел крепостную стену—в ширину, пожалуй, шагов в двадцать, не меньше. На стене, упершись обеими руками в ограждение, стоял и что-то рассматривал вдали седовласый и седобородый мужчина в кожаных доспехах, закрывавших грудь и спину. Вид у него был обеспокоенный, но решительный и властный.

— Это Приам,—пояснила Гера,—царь Трои, богатейшей и могущественной страны. Твой отец, Парис!—при этих словах Парис вздрогнул, вытаращил глаза и, чтобы не свалиться со стула, ухватился за его края обеими руками.—Троя, иным словом—Илион, далеко-далеко за морем. Но это ничего не значит. Стоит тебе захотеть, и ты без особого труда окажешься там… Вот, кстати, смотри—это твоя мать, царица Гекуба…

1. Здравствуйте. Как поживаете? *(англ.)*

По каменной лестнице, придерживая рукой подол длинного красного платья, на стену быстро поднималась явно не очень молодая, но очень красивая стройная женщина. Лицо её показалось Парису неестественно бледным, но сердце мальчишки, привыкшего к сиротству, болезненно заныло и устремилось к этой незнакомой женщине, словно через огромное расстояние почувствовало в ней что-то родное.

Гекуба подошла к Приаму, прикоснулась к его плечу и стала что-то взволнованно говорить. Тот обернулся—и Парис мог рассмотреть его лицо, суровое лицо воина и государя.

— Да, Парис,—сказала Гера,—по рождению ты не пастух, ты—царевич, потомок славного древнего рода. И будущее ждёт тебя славное! Такое, какое сейчас ты выберешь сам. Когда ты родился, твои родители получили страшное предсказание насчёт тебя и были вынуждены с тобой расстаться, но сейчас… Именно сейчас ты можешь изменить ход судьбы! Время настало! Тебе—выбирать…

В пространстве перед камином побежали разноцветные волны, а потом в нём, быстро сменяя друг друга, стали возникать и исчезать то расплывчатые, то чёткие изображения…

Гера сопровождала их спокойным, почти бесстрастным голосом:

— Это сестра твоя, Кассандра, любимица Аполлона… она помогла тебе, Парис, когда ты, наконец, снова появился в родительском доме… а это—твой старший брат Гектор. Могучий богатырь. Увы… он погиб, к сожалению, защищая Трою от нашествия врагов с востока. Однако тем самым он освободил тебе путь к трону. Ты стал царём, Парис. Самым могущественным и успешным в истории эллинских племён. Ты покорил персов и подчинил себе острова, завоевал Фессалию, Аттику и Лаконику. Ты устремил свои взоры на север и восток—в Скифию и дальше, в Гиперборею… тебе не хватило, Парис, срока земной жизни, чтобы осуществить задуманное. Но ты передал свою мечту—детям и внукам. Вот, смотри, Парис: ты умер в глубоко преклонном возрасте, окружённый любящими людьми…

Вере—сбоку—не очень хорошо были видны картинки, мелькающие в «кино», но зато она прекрасно видела лицо Париса: по щекам мальчишки текли слёзы… Казалось, он уже сделал выбор…

Но—«кино» погасло и тут же снова вспыхнуло. Заговорила Афина:

— Это Елена, Парис… Сейчас ей всего четырнадцать лет, но о её несравненной красоте уже ходят легенды. Да что там! Тесей… да-да, тот самый, чей корабль уже стоит у пирса в Кноссе, едва обрёл отечество в Кекроповом граде, дважды пытался похитить её. Оба раза неудачно, но не в этом дело…

Вера видела—крупно—очаровательное девичье лицо, такое симпатичное и умное, что и правда хотелось подружиться с такой милой девчонкой… не говоря уже, наверное, про парней… да! Такую только украсть! А Тесей… он, оказывается, уже прибыл в Кносс. Эх, время, время! Ей бы, Вере, сейчас во Дворец, к Ариадне! А она тут картинки смотрит…

— Тиндарей, царь Спарты,—продолжала Афина,—её приёмный отец (всем же известно, что на самом деле Елена—дочь самого Громовержца и Девы-Лебеди Леды), решил поскорее найти ей жениха, который смог бы защитить её от влюблённых безумцев. Он созвал знаменитых воинов, отпрысков самых знатных эллинских семей, чтобы Елена сама выбрала будущего супруга. Смотри, Парис, вот они—великие и знаменитые мужи Эллады…

В «кино» замелькали бородатые и безбородые лица, кони, доспехи, колесницы…

— Это Одиссей, царь Итаки… Аякс, царь Саламина… Тлептолем с Родоса… А вот это… смотри, Парис, смотри внимательно… Это Менелай—из Микен, родной брат Агамемнона…

Вера вздрогнула и постаралась смотреть и слушать до предела внимательно.

— Менелая и выбрала Елена. Ничего не поделаешь—её сестра, Клитемнестра, замужем за Агамемноном. Мало ли что могла нашептать Елене старшая сестрица… Но ты, Парис, когда вернулся в Трою и вступил в законные права царевича и наследника престола… да-да, именно ты—в один прекрасный день познакомился с Менелаем во время Истмийских игр. Ты, разумеется, одержал победу в состязаниях колесниц! Ты победил, Парис! Победил! Восхищённый Менелай пригласил тебя в гости. Тогда он был уже супругом Елены и царём Спарты.

«Кино» показывало морские волны… паруса корабля… Сердце Веры болезненно сжалось. Она ведь уже слышала что-то подобное из уст Афины и, увы, знала, чем эта история кончится… Но Парис этого не знал. Он глаз не мог отвести от бегущих перед ним картин… и—надо же!—преображался на глазах. Его взлохмаченные космы, словно под волшебным гребнем, легли вокруг лица тёмно-русыми волнами. От этого простоватая физиономия мальчишки приобрела благородные черты и озарилась чарующим внутренним светом. Холщовую набедренную повязку сменил белоснежный шёлковый хитон, поверх которого был небрежно накинут пурпурный, вышитый золотом плащ.

«Да он красавчик!»—Вера покрутила головой, чтобы сбросить наваждение, но нет… Парис и вправду невероятно похорошел.

— Ты прибыл в Спарту, Парис,—Афина чуть понизила голос,—и увидел Елену. А Елена увидела тебя. И свершилось то, что предопределено.

Афина замолчала, и Вера вдруг услышала собственное сердце… Тук-тук… тук-тук…

— Что?— вдруг закричал Парис.— Что дальше?

— Дальше?— усмехнулась Афина.— Смотри дальше, малыш…

В «кино» разворачивались одна за другой батальные сцены… войска строились к битве… потом началась самая настоящая свалка… щиты ударялись друг о друга… в воздухе мелькали копья, стрелы, чьи-то руки… ноги… шлемы… конские головы и копыта… потом из колеблющегося пространства перед камином начала хлестать кровь…

Вера зажмурилась от ужаса, а когда открыла глаза— в «кино» над всем этим безобразием царил Парис, прекрасный, как бог, горделивый, великолепный и снисходительный к поверженному врагу.

— Да, Парис…— продолжала Афина,— тебя ждёт слава, великая, ни с чем не сравнимая вечная слава! О тебе сложены легенды и всевозможные истории, и люди продолжают их слагать спустя тысячи лет после твоего ухода из земной жизни. Великие поэты сочинили о тебе песни. Великие художники написали картины о твоих подвигах. И погиб ты в бою от стрелы врага, пройдя с честью долгий и славный путь. Вот какова твоя судьба, Парис. Если, конечно, ты сделаешь правильный выбор.

«Кино» остановилось на последнем «кадре». Афина замолчала.

Вера бросилась к Парису, который, кажется, снова был в полуобморочном состоянии, но всё та же непреодолимая сила отбросила девочку назад, в угол хижины…

Тем временем заговорила Афродита:

— Всё это, Парис, прекрасно и даже очень мило, если здраво рассудить, но… на самом деле жить тебе осталось… всего несколько часов…

Богиня щёлкнула пальцами, и в магическом «кино» Вера… конечно, сбоку, нечётко, но увидела— себя! Робко озираясь по сторонам, она шла по тропинке… в утренних сумерках, сдобренных чуть заметным туманом, прямо перед ней, вдалеке, видны были башни Дворца, и она спешила… очень спешила во Дворец… но в кустах, прямо по пути, притаился чёрный человек с тугим, изогнутым, словно губы капризной красавицы, луком… вот он натягивает тетиву… вот спускает её… вот стрела летит… летит, чтобы убить Веру…

— Вера!!!— вскричал Парис, опрокинув стул и с размаху стукнувшись лбом о камин, перед которым светилось изображение.— Вера! Вера! Ты где? Берегись, Вера!

Тут в лицо Вере снова ударил обжигающий вихрь. Последнее, что она в тот момент увидела, был Парис, окружённый клубами серебристого пара, и Афродита, обнимающая его за плечи.

— Не беспокойся, Вера,— услышала девочка ласковый, но не допускающий возражения шёпот,— для Париса это всего лишь экзамен… с другом твоим будет всё в порядке! А ты— подкрепись! ведь не ужинала сегодня…

Хлопок— и Вера в полном одиночестве в заброшенной хижине посреди тёмного леса. Даже луна не светит, как обычно. Ох-хо-хо…

«Как же я устала!»

Вера на ощупь нашла у стены какие-то тряпки, упала на них и вдруг почувствовала в руке что-то круглое и гладкое. Вот это да! Яблоко! Чудесное яблоко! Оно так вкусно пахло, что у Веры закружилась голова. Девочка с превеликим удовольствием откусила кусочек, разжевала, проглотила— и тут же провалилась в сон.

Глава девятая,

в которой Вера обнаруживает пропажу волшебных карандашей, беседует с Гермесом о правах человека и попадает в Лабиринт

«Чипа-липа, чипа-липа, чипа-липа»,— завопил телефон над самым ухом.

Вера подскочила, протёрла глаза, огляделась.

Приснилось, конечно!

День, судя по всему, был в самом разгаре. Сквозь дыры и щели хижины яркими пятнами падали солнечные лучи, пахло сеном, и, казалось, всё пространство между небом и землёй заполнено звуками летнего полдня. Вера сидела на пыльном, набитом травой мешке и понемногу приходила в себя.

«Как же долго я спала!— она поправила сбившееся платье.— Зато выспалась наконец!»

Так… руки-ноги, конечно, грязные… платье— подарок Ариадны!— измято и снова испачкано… эх! Придётся стирать, не ходить же грязнулей! волосы…

«Умыться, причесаться, привести себя в порядок!»— Вера машинально потянулась к сумке, которая вчера так удобно висела у неё на плече. Но сумки рядом не было. Где же она?

Вера обыскала всю хижину, перетрясла мешки, валявшиеся по углам, но ничего не нашла, кроме надкушенного яблока, которым вчера так славно поужинала. Яблоко лежало на полу у самого входа. Вера подняла его и вдруг вспомнила совершенно отчётливо, что сняла сумку в комнате Ариадны— вместе со старым платьем, перед тем как окунуться в бассейн. Там, на скамейке, она и сейчас лежит, наверное… Только Вере от этого, увы, ни жарко ни холодно. Осталась Вера не только без расчёски и зубной щётки, но и без волшебных карандашей…

От этой мысли Вера вконец упала духом, в отчаянье свалилась на сено и заревела в голос. Как маленькая. Сколько времени она так рыдала, подсчитать не берёмся, но слёзы всё-таки у неё иссякли, она обтёрла запылившийся дар Афродиты более или менее чистым краем платья и с большим аппетитом скушала всё яблоко, оставив только тоненький огрызок с острыми чёрными семечками. Яблоко действительно было

очень вкусное, и, утолив голод, Вера старательно собрала в кучку разбегающиеся мысли и решила, что самое время позвать Гермеса, потому что сама она, как это ни обидно, с проблемой вряд ли справится…

— Гермес Трисмегист, немедля явись! — трижды воззвала Вера к своему невидимому спутнику.

Но ответа не последовало.

— Что ж… не очень-то и хотелось!

Вера встала, стряхнула с платья сухие травинки и комочки налипшей грязи и вышла из хижины. Прямо перед ней над поляной высились кудрявые кроны лиственного леса, а там… дальше, почти на уровне плывущих в небе облаков, на горе смутно виднелись мерцающие в лучах солнца двурогие башни Дворца… Ну вот… по крайней мере, ясно, куда идти.

Солнце было почти в зените, но Вере не было жарко… откуда-то со стороны леса явственно тянуло влагой… может, там ручей или речка? Надо посмотреть!

Это был небольшой, но, судя по всему, довольно глубокий пруд, очень похожий на озеро Лириопы. Со всех сторон его окружали раскидистые кусты и заросли камыша, так что Вере пришлось постараться, чтобы добраться до воды. Раздвигая ветки и стебли, она спустилась, наконец, к открытой поверхности пруда и с удовольствием вымыла сначала руки и лицо, а потом… подумав немного… зачерпнула ладошками воду и сделала несколько больших глотков: вода была абсолютно прозрачная и очень холодная — видимо, пруд питали бьющие на дне родники.

Некоторое время Вера рассматривала своё отражение в почти неподвижной воде. Ей кажется, или она немного изменилась за эти три дня? Серьёзнее стала, что ли? Или просто утомилась с непривычки?

— Взрослеешь…

Рядом с её отражением в воде неожиданно проступило другое. Гермес! Да ещё в своём привычном книжном облике — в крылатом шлеме и с кадуцеем[3] в правой руке…

Вера мгновенно обернулась, но у неё за спиной никого не было.

«Вот так вот, — мрачно подумала Вера, — развлекаются божества».

Отражение Гермеса в воде колыхнулось, сморщилось, и девочка услышала:

— Зачем же? Развлечения божеств — самая серьёзная вещь на свете! Это во-первых… А во-вторых, стоит ли сердиться, Вера? Ведь всё идёт по плану.

— По какому такому плану? — окончательно возмутилась Вера. — Чей это план? Почему я до сих пор ничего о нём не знаю? Разве это справедливо, что тобой кто-то пользуется втёмную? Может быть, я не хочу и не собираюсь играть в эту игру! Я вам не пешка!

— Ух ты! — снова зашевелилось отражение Гермеса. — Действительно взрослеешь… что ж, присядь, поговорим.

— О чём говорить с тобой? Ты же ничего не объясняешь! «Молодец — не молодец! Сделай то, не делай это!» А почему? Какой смысл? Что дальше будет? И вообще… какое право вы все имеете… вмешиваться в мою жизнь и без моего желания и разрешения что-то делать со мной?

— Право? — отражение Гермеса заколебалось в беззвучном смехе. — У тебя есть только одно право — беспрекословно слушаться и делать что велят.

— Ну так если боги бесконечно сильней и меня, и Париса, и Калхаса, и Агамемнона, зачем мы нужны в их игре? Оставьте нас в покое — и играйте в собственные игрушки. А мы вам — не игрушки. Да, маленькие. Да, слабые. Но не игрушки!

— Ох, упрямая ты, Вера! Знаешь, как предки твои древние называли таких, как ты? Гордецы жестоковыйные!

— Жестоко… что?

— Место, которым голова прикрепляется к телу… шея… у древних славян называлось — выя… Выя у тебя слишком жёсткая! Ни кивнуть, ни поклониться. Не много ли берёшь на себя, человечек?

— Много или немного, но боги уже едва не передрались из-за меня. Значит, по большому счёту, пока эта история не закончилась, никто из вас ничего плохого мне сделать не может — я вам нужна! А раз так — могу потребовать внимания к моим скромным нуждам.

Гермес в воде снова расхохотался — да так, что по тихому пруду побежали кругами высокие волны. А когда они успокоились, из пруда — оттуда, где продолжало дрожать отражение Гермеса, — приглашающим жестом высунулась длинная белая рука с отполированными зелёными ногтями.

— Давай руку, — услышала Вера, — пора проявить внимание к твоим скромным нуждам.

Чуть поколебавшись, Вера потянулась навстречу — и тут же почувствовала, что её крепко схватили за руку… она едва успела зажмуриться, вдохнуть поглубже… раз, два… Вода разомкнулась перед ней… потом сомкнулась… и — хоп… Зеленоватая волна швырнула Веру на каменные плиты — и бесследно схлынула. Вместе с отражением Трисмегиста, который снова исчез, оставив подопечную на произвол судьбы.

Вера — на мгновение задержав дыхание — с облегчением выдохнула… Да уж, прыжок! Даже платье не намокло… Похоже, нечеловеческая сила забросила её на внутреннюю галерею Дворца. Точно! В стене, прямо перед ней, — та самая дверь с барсами, в которую вчера она вошла вместе с Ариадной. Вера потянула кольцо, вставленное

3. Кадуцей — «волшебная» палочка с маленькими крыльями, которую обвивают две змеи.

в пасть барса, дверь легко подалась, и Вера беспрепятственно проскользнула внутрь.

В комнате никого не было. Вода в бассейне — прозрачная и неподвижная, — казалось, не отражала ничего, даже занавешенного тёмно-синей тканью потолка; стена, из которой вчера по жёлобу стекала вода, теперь тоже была неподвижная и сухая. А накрытая шкурой скамейка перед бассейном, где Вера оставила сумку, увы, была пуста.

Вера подошла к зеркалу, в котором они с Ариадной столь восхитительно отражались вчера, и увидела себя в таком неприглядном виде, что чуть снова не разрыдалась…

Нет, нет… надо собраться! Нельзя раскисать!

Она села на скамейку и постаралась как можно более подробно восстановить в памяти всё, что произошло с ней в этой комнате прошлым вечером. Вот Ариадна подводит её к скамье… вот она, Вера, снимает с плеча сумку, кладёт её на скамью рядом с собой, вот снимает платье…

Так ведь Ариадна, наверное, забрала сумку… чтобы не потерялась… значит, надо срочно искать Ариадну…

Конечно! Вера решительно стукнула кулачком по скамье, попыталась встать, но не тут-то было. Скамья вдруг резко перевернулась, и, не успев даже «мама» крикнуть, Вера рухнула в пустоту.

Она летела во тьме и пустоте так долго, что, подобно Алисе, угодившей в кроличью нору, могла бы, наверное, прочесть стихотворение наизусть, но — трах-бах… хлоп! плюх!!! — приземлилась на что-то мягкое.

Несколько секунд Вера пыталась прийти в себя. Наконец ей удалось взять себя в руки. И что? Ничего. Абсолютная тишина и темнота. Дышать, правда, можно. Огромный плюс! Девочка осторожно пошарила руками по поверхности, куда её сбросила неумолимая сила притяжения… похоже, это баранья шкура… и не одна. Видно, способ, благодаря которому она сюда попала, использовался и прежде. Неоднократно. Что ж! Это обнадёживает.

Пытаясь унять головокружение от неожиданного полёта, Вера поднялась на ноги, — и тут же всё пространство вокруг озарилось зеленоватым светом от крошечных изумрудных огоньков, вспыхнувших по стенам и потолку коридора, уходящего вправо и влево — насколько хватало глаз… Рядом — чуть выше Вериной макушки — прямо из стены торчал костяной крючок. На нём висел самый настоящий тулупчик. Только Вера его увидела, как ей стало понятно, что вообще-то в подземелье… не жарко. И её тут же охватил озноб. Вера быстренько сдёрнула тулупчик с крючка. Он был ей великоват, конечно. Но совсем чуть-чуть. Девочка запахнула на себе тёплую, хотя и очень лёгкую, идеально выделанную овчину, одёрнула и… надо же! Обнаружила прямо под ногами — войлочные чуни. Не валенки, а именно — чуни, высотой, пожалуй, ей по щиколотку. Вера аж засмеялась от удовольствия… да! Ариадна, похоже, частенько пользуется своим «лифтом». А может быть, она как раз для неё, для Веры, всё это приготовила? Значит, знала заранее, что Вера окажется в её комнате, на её скамеечке… Эх! Ну, раз так, значит, надо просто понять, что делать дальше.

Вера затолкала ноги вместе с сандалиями в широченные чуни, ей стало совсем тепло, и мысли у неё в голове спокойно потекли в определённом направлении.

Неровное отверстие, из которого она прилетела, смутно темнело вверху, и ничего такого, что — хотя бы отдалённо — напоминало какое-нибудь подъёмное устройство, поблизости не наблюдалось. Значит — что? Значит, тем же путём вернуться обратно, скорее всего, не получится. Путь, так сказать, в один конец. Надо идти по коридору. Интересно, в какую сторону?

Вера снова села на шкуры, приняв «позу лотоса» (интересно, откуда она узнала, что существует такая «поза»?). Вера сосредоточилась на собственных ощущениях, и через некоторое время ей показалось, что она чувствует лёгкий ветерок, почти неуловимый сквознячок… и тут же — слабое, едва заметное пение… высокие женские голоса… и будто бы — далёкую-далёкую барабанную дробь…

Да-да! Точно! Там, далеко-далеко, слаженный, невообразимо прекрасный хор выводил какую-то до боли знакомую и в то же время странную мелодию — и оттуда же тянуло теплом…

Вера решительно поднялась и — шаркая чунями по ледяному полу — пошла по коридору навстречу чудесным звукам и тёплому заботливому ветру.

Глава десятая,

в которой Вера знакомится с «Минотавром»

Коридор постепенно расширялся. Становилось теплее — настолько, что Вера сняла, наконец, тулупчик и чуни и аккуратно сложила их у стены. Кому-нибудь пригодится. Может, даже ей. На обратном пути. Если, конечно, будет обратный путь.

Зелёные огоньки, освещавшие коридор, мигали-мигали, а потом потускнели и исчезли. Теперь свет и тепло исходили от уже знакомых Вере каменных ламп, равномерно расставленных на выступах в стенах коридора высоко над её головой. Сами же стены покрыты были фресками, изображавшими растения, животных и людей. Картины были до того натуральны, что Вера нет-нет да останавливалась, чтобы получше их разглядеть. Она так любила рисовать, а тут перед ней разворачивалась работа гения, и девочка не могла сдержать восхищения!

«Ух ты! Красота!» — то и дело мелькало у неё в голове, когда перед ней возникала на стене процессия

краснокожих юношей—стройных, в расшитых красными и золотыми нитями набедренных повязках, с длинными чёрными косами, разбросанными по плечам. Юноши несли на вытянутых руках разноцветные сосуды—чаши, амфоры, кувшины…

А вот, наверное, сцена какого-то спортивного состязания. Юноша с подчёркнуто белой кожей держит за рога вытянувшегося во всю длину прекрасного золотого с белыми пятнами быка. Второй такой же—с другой стороны, протягивает обе руки к третьему—темнокожему, который, грациозно изогнувшись, то ли прыгает через быка, то ли выполняет на его спине сложные гимнастические упражнения. Изображение было выполнено с таким совершенным мастерством, с таким тонким художественным вкусом, что, если бы Вера не знала, что эти картины созданы за тысячи лет до рождения Леонардо да Винчи и Рафаэля, она могла бы подумать, что они находятся в Музее современного искусства,—в Москве или Петербурге.

А тут… Вера ахнула и остановилась: перед ней на стене совершался какой-то мистический обряд. В центре композиции—высокая стройная женщина в платье, напомнившем Вере наряды Койны и Талло: туго перетянутая поясом, хотя и без того тонкая, талия, светлая юбка-колокол с широкими жёлтыми полосами, лиф с короткими рукавами, оставляющий полностью открытой грудь, и невероятной сложности причёска из множества вьющихся прядей, кос и косичек, рассыпанных по плечам и поднятых кверху при помощи целой системы гребней и заколок. Всем корпусом женщина была повёрнута к зрителю, но лицо её дано было в профиль—белое, с тонким узким носом, составлявшим прямую с линией лба, с чуть заметной улыбкой и миндалевидным глазом, каким-то непостижимым образом—сбоку!—направленным прямо в лицо наблюдателю. Руки женщины с раскрытыми ладонями были согнуты в локтях и подняты к далёкому невидимому небу. Женщину окружали чернокожие длинноволосые юноши в набедренных повязках—в тон её платью—и протягивали к ней свои раскрытые ладони. Всё это выглядело так, как будто юноши ладошками передавали женщине энергию, жизненную силу, а она—отправляет её куда-то дальше, в небо…

Вере вдруг пришло в голову, что стиль этих картин немного напоминает изображения из египетских пирамид… Это… когда ж это было-то? Ну да… где-то шестнадцатый-пятнадцатый век до нашей эры, кажется… Но здесь всё пахло ещё более древней древностью, и в то же время… Веру снова кольнуло ощущение идеального совершенства, которым было проникнуто каждое движение изображённых на стенах фигур, каждый символ, каждый цветовой оттенок. Казалось, достаточно изменить угол зрения, и все эти люди дружно пойдут в разные стороны, прекрасные лани начнут бить по земле копытцами и скакать, обезьяны—срывать и поедать красные и лиловые фрукты, свисающие с нарисованных ветвей, девушки—танцевать, дети—собирать цветы и травы… Здесь были олени, рыбы, дельфины, птицы, лилии на высоких стеблях, осьминоги, раковины, скорпионы—и, конечно, быки и коровы: на пастбищах, во время игр с прекрасными полунагими юношами и девушками разных земных рас—белыми, чернокожими, краснокожими и с золотистой кожей, с характерным разрезом глаз. Все они, вместе и порознь, играли, охотились, веселились и участвовали в каких-то сложных, непонятных Вере обрядах. Более того, от картин исходила музыка, чудесная, нежная и поднимающая настроение музыка… Та самая, которую Вера слышала ещё там, в начале пути. Она становилась всё громче, и Вера шагала всё уверенней и живее.

Но вот коридор перед ней раздался в стороны, и девочка вошла в широкий полукруглый зал, разделённый на несколько секторов. В каждом из них—в стене или в полу—имелась винтовая лестница, ведущая вниз или вверх. А прямо перед собой Вера увидела огромные, во всю стену, каменные ворота, на которых высечены были гигантские существа, скрестившие протянутые друг к другу топорики-лабрисы на длинных рукоятях. У одного гиганта было человеческое тело и… голова быка! А у другого—то же самое, только голова была—собаки! Или волка… или шакала…

Некоторое время Вера потрясённо разглядывала всё это. Потом—решилась, подошла ближе, протянула руку к воротам… створки ворот медленно раздвинулись, девочка решительно шагнула вперёд и оказалась в просторном помещении, щедро освещённом всё теми же каменными лампами и по стенам до самого потолка заставленном полками и шкафами, прозрачными ящиками вроде аквариумов, в которых шевелилось и шуршало что-то живое, коробками и совсем уже непонятными предметами разных форм и размеров.

—Наконец-то, Вера, наконец-то!

Царевна Ариадна подбежала к Вере—словно давно её ждала,—обняла, крепко прижав к себе.

—Не буду мучить тебя расспросами,—сказала Ариадна,—кое-что нам уже известно… пойдём, я познакомлю тебя с нашими сотрудниками.

—А моя сумка? Не могу её найти. Она мне очень нужна!

—Не волнуйся. Не потерялась твоя сумка. Что ж… вот мы и на месте!

Ну и ну… Вере показалось, что они вошли в зверинец… Первым дело ей в ноги, забавно тявкая и повизгивая, бросились две лохматые зверушки—собачки? лисички? енотики?

—Аргус, Скилла, оставьте гостью в покое,—засмеялась Ариадна, ласково их отгоняя.—Входи, Вера, не бойся!

Под высоким сводчатым потолком всюду расставлены были стеллажи, аквариумы и клетки. Другие клетки свисали откуда-то сверху. В них щебетали, пищали, постукивали и потрескивали всевозможные пернатые и чешуйчатые. Справа от арки, под которой они прошли, она увидела очаровательный кукольный дом. Он был сделан с такой невероятной тщательностью, с такой филигранной подробностью, что Вера почти не удивилась, когда на веранду домика выбежали живые человечки — с мизинчик ростом — и приветственно замахали руками.

— Это дактили, — пояснила Ариадна, — незаменимы, когда нужна самая тонкая и тщательная работа: рассмотреть то, что мы не видим, или собрать мельчайшие детали.

— Привет, ребята! — засмеялась Вера.

Ей стало до того интересно и весело, что она и думать забыла о собственных проблемах.

— А вот и Мастер! — Ариадна поклонилась вышедшему откуда-то из полукруглой тени низкорослому старичку, чьи белые кудри частью были собраны в пучок на макушке, частью — свободно лежали по плечам.

На старичке было что-то вроде халата, покрытого перьями, так что Мастер производил впечатление большой сердитой птицы — пеликана или аиста марабу. Старичок, заметно прихрамывая, подошёл к Ариадне, обнял её и ласково подмигнул Вере. Нет, вовсе он не сердитый. Немного хитроватый, но весёлый и добрый. Вера улыбнулась старичку и вопросительно взглянула на спутницу.

— Познакомься, — сказала Ариадна — это Мастер Дедал.

«Как-то иначе я его себе представляла, — подумала Вера. — Впрочем, мало ли что я себе представляла? Раньше».

— Ага! — воскликнул Дедал, бесцеремонно рассматривая Веру. — Ну-ка повернись… Да-да! Так я и думал. Ну что ж… — обратился он к Ариадне. — Начнём?

Ариадна смутилась, посмотрела на Веру и боязливо поёжилась:

— Ты уверен, Дедал, что она готова?

Дедал хмыкнул, обошёл Веру по часовой стрелке, потом — против часовой стрелки.

— Ну хорошо. Тут ведь главное — свободная воля участников. Однако… можно ли ей всё рассказать?

Ариадна ничего не ответила, только пожала плечами.

— Что ж… — Дедал исподлобья глянул на Веру. — Пойдём-ка… садись-ка…

Он подвёл Веру к длинному и широкому столу-верстаку, на котором стояло, лежало и валялось множество странных предметов, из которых мало-мальски знакомыми были разве что подобия колб и пробирок да всевозможные пинцеты, лопатки и увеличительные стёкла в разнообразных оправах. Вера уселась в деревянное кресло-качалку и приготовилась смотреть и вникать.

— Эй, Миа, Дуо, несите-ка плевательницу!

Двое дактилей в зелёных курточках-безрукавках немедленно подтащили к краю стола маленький круглый полупрозрачный сосуд с фигурной крышкой в виде свернувшейся кольцом жёлтой змейки. Крышка была тут же сброшена — сосуд предоставлен Вере явно для какого-то действия.

— Плюй, — тоном, не предполагающим возражений, потребовал Дедал.

— Что-о? — изумилась Вера.

— Плюнь в неё, — пояснила Ариадна, — просто плюнь и всё. Это для… надо кое-что проверить.

Вера поднесла чашечку ко рту, аккуратно плюнула в неё и смущённо поставила на стол. Дактили тут же закрыли её крышкой.

— Сделайте-ка, ребята… — тут Мастер Дедал произнёс такую длинную и замысловатую фразу, что Вера не смогла её понять ни на минойском, ни на дорийском, ни тем более на русском языке.

Миа кивнул — и чашка в мгновение ока была унесена куда-то в глубь помещения.

Некоторое время все молчали. Вера вопросительно поглядывала то на Мастера, то на Ариадну, которая стояла рядом, загадочно улыбаясь. Мастер Дедал покачивался в кресле напротив, сверля собеседницу испытующим взглядом и крутя большими пальцами в сцепленных замком руках, покоящихся на кругленьком животе, обтянутом ворсистой тканью.

— Скажи-ка, Вера, как по-твоему, что такое память?

— Ну-у…— сказала Вера,— это когда помнишь что-нибудь…

Мастер вздохнул, взял со стола глиняный черепок с отчётливым отпечатком человеческого пальца и протянул его Вере:

— Что можешь об этом сказать?— он указал на отпечаток и поощрительно кивнул.

Вера взяла черепок, покрутила его в ладошках, приложила палец к отпечатку и вдруг — будто наяву — увидела, что произошло в этой комнате несколько дней назад… Конечно, так, скорей всего, и было: вот и круг гончарный в углу… и низенькие скамейки у стены… похоже, здесь частенько посуду делают… или учатся этому.

— Разбилась чашка… глиняная чашка, которую лепил ребёнок… скорее всего, маленькая девочка — видите, пальчик меньше моего…— Вера помолчала и спустя несколько секунд продолжила:— Наверное, это было так. Ученики гончара… или, может быть, просто дети… лепили из глины игрушки. Одна девочка вылепила чашку и ушла, оставив недоделанную работу на столе. Наверное, её кто-то отвлёк, позвал — и она убежала, не успев затереть отпечатки своих пальцев. Но её чашку вместе с изделиями других детей отправили в печь, на обжиг. И когда девочка увидела свою работу «с пальчиками» — уже готовой, рядом с другими — гладкими и ровными, то очень обиделась и с досады чашку-недоделку разбила. Осколки пришлось убрать, но один закатился под стол. Там дактили его и нашли.

— Что ж,— усмехнулся Дедал,— очень близко к действительности. Видишь, как много запомнила неразумная и неодушевлённая глина. Целую историю! А представляешь, как много ты узнала бы о героине этой истории, если бы могла прочесть таинственные письмена, которые поколения предков и собственная пока ещё коротенькая жизнь оставили на коже её маленького пальчика? Невозможно соприкоснуться с чем-либо — и не оставить след. Знак. Жизнь, в сущности, и есть непрерывный обмен знаками — создание и чтение Книги Бытия. Эта Книга вся — живёт и вся — мыслит. Ты сама — такая Книга, Вера. И я. И Ариадна. И чашка, вылепленная обиженной девочкой. И кресло, на котором ты сидишь. И Дворец, и солнце, и море… и каждое крохотное или огромное существо на суше и на море. Ты, Вера,— и великая Книга, и точечный значок в ещё более великой, грандиозной Книге, которую уже начала читать. Каждая частичка твоего тела — столь же потрясающая история борьбы, поражений и побед, как рассказ о подвигах Геракла или Персея…

Дедал как-то особенно — пристально и хитро — взглянул на Веру, словно ждал от неё реакции на свои слова.

А Вере в этот момент вспомнилось, как она — ещё до школы — рассматривала под микроскопом луковую чешуйку. Папа, который тогда преподавал

физику в колледже, подарил ей на день рождения школьный набор «Юный натуралист». В коробке, кроме всего прочего, был микроскоп, самый простой, конечно,— для таких, как Вера, любознательных малышей. Но то, что она увидела на предметном стёклышке через окуляр микроскопа, ошеломило её! Плотно прижатые друг к другу желтоватые ячейки, немного похожие на пчелиные соты, состояли ещё из каких-то частичек, а если подкрутить колёсико микроскопа и настроить увеличение, становится видно, что и эти частички не однородны, они тоже из чего-то состоят… «И ведь так… до бесконечности!»— изумлённо прошептала Вера. Папа засмеялся и сказал, что доволен своим подарком.

— Выходит, всё бесконечно дробимо и бесконечно включено во что-то большее?— вслух подумала Вера.

— Правильно,— подхватил Дедал.— А теперь подумай: может ли такое случиться, чтобы в какой-то точке бесконечно дробимых и бесконечно включённых друг в друга миров некоторые страницы Книги Бытия… даже не так… некоторые её строки случайно… *совпали?!*

— Это…— Вера задумалась.— Нет, это очень маловероятно!

— Ну да…— неожиданно стушевался Дедал.— Следовало ожидать. Тогда… продолжим наше исследование. Как ты думаешь, что такое *время?*— и, не дожидаясь ответа, проговорил, словно прислушиваясь к собственным — противоречащим друг другу — мыслям:— Время улитки и время стрелы, отвечающей на вызов тетивы,— это одно и то же время? Время — последовательность событий? Их длительность? Ты же не станешь отрицать, что время ожидания чего-то важного и время опасности, которой следует избежать,— разные времена? Тебе никогда не приходило в голову, что

все времена, в сущности, одновременны? И все континуумы — в сущности — здесь и сейчас?
— Ой, — сказала Вера, — не понимаю…
— Прости, — снова спохватился Дедал, — забываю, что передо мной всего лишь маленькая девочка…
— Мастер Дедал, говорите — всё рассказать? Девочка устала! Мы устали! — рассердилась Ариадна. — Так что отложим дальнейшее на завтра, нет?
— Да, — сказал Дедал.
— Нет! — закричала Вера. — Ещё вопрос! Кто такой Минотавр? Что вообще происходит? Зачем я? Не отстану, пока не услышу ответ!
— Минотавр? — Ариадна даже в ладошки захлопала. — Вера, всё, что ты видишь здесь, всё, что видела в Лабиринте… и я, и Дедал, и крошки-дактили, и ещё многое из того, что есть и чего ты пока не видела… это и есть «Минотавр» — тайное общество учёных и художников, которое Афина, Гера и их союзники мечтают найти и уничтожить… вот уже не одну тысячу земных лет!
— Что ж, Вера, — Дедал потёр переносицу и снова посмотрел сначала на Ариадну, потом на Веру, — похоже, надо всё-таки посвятить тебя в подлинную историю богов и героев.
— Что? Ещё в одну? — Вера сразу вспомнила, что рассказывал ей Парис о Рее, Кроне, Зевсе и Элейсоне, но благоразумно промолчала.
— Итак, — Дедал вздохнул, что-то повернул в подлокотнике кресла, и вместо потолка над их головами развернулось звёздное небо.

Глава одиннадцатая,

в которой Дедал раскрывает Вере самую главную тайну

— Видишь, Вера, — Дедал очертил правой рукой треугольник над её головой, — эти шестнадцать звёзд? Созвездие Быка. Четыре звезды сверху — голова Быка. Ещё четыре — под ними — туловище. Четыре — на концах ног. Ещё две — хвост. А в центре головы — самая яркая — глаз. Тысячи человеческих лет ещё пройдут, и люди дадут ей имя Альдебаран. Для нас же она, как я и сказал, — Глаз. Примерно там, так далеко, что даже мне трудно вообразить эти немыслимые пространства, вечным пламенем горит невидимая отсюда звезда — древнее белое солнце. Сварг. У Сварга четыре планеты. О трёх из них смысла нет рассказывать, а четвёртая, Тэрра, была когда-то очень похожа на теперешнюю Землю.
— Так вы прилетели… — Вера даже привстала, — оттуда?!!
— Так уж и мы… — усмехнулся Дедал, — но мне нравится направление твоих мыслей. Наши далёкие предки. Наши, то есть и твои тоже, Вера. Так что можно сказать, что и ты прилетела «оттуда».
«Привет!» — подумала Вера, а вслух сказала:
— Зачем?
— Я ожидал другого вопроса: почему?
— Почему?
— Потому что Тэрра, отчасти в силу космических причин, отчасти по вине собственного населения, постепенно становилась непригодна для жизни. Дом наших предков был обречён.
Дедал помолчал, нахмурился…
— Вот я говорю — «мы»… но то, о чём пытаюсь рассказать, происходило — по земным меркам — много миллионов лет назад. Представь, сколько раз наша прекрасная планета Земля облетела вокруг своей звезды, Гелия-Солнца, прежде чем появились мы с тобой! Да-да, мы с тобой. Потому что те несчастные несколько тысяч человеческих лет, которые разделяют наши эпохи, — ничто в сравнении с бесконечностью. А мы всё те же… всё те же… и, в сущности, всё там же…
Дедал снова задумался, пристально посмотрел на Веру: слушает ли она, не заскучала ли?
Но Вера вся обратилась в слух, даже глаза прикрыла, чтобы лучше представлять то, о чём говорил Мастер.
— Тэрра умирала постепенно. Всё это тянулось столетие за столетием, год за годом. Самые дотошные и внимательные наблюдатели и самые смелые учёные давно уже били тревогу, но им почти никто не верил: слишком удобно и комфортно было существование большинства жителей Тэрры… не буду вдаваться в тонкости её общественного устройства, этак мы далеко зайдём. Но к тому моменту, когда катастрофа стала очевидной и неминуемой, у наших предков уже было — для твоего уха это прозвучит, надеюсь, вполне приемлемо — единое правительство, которому надо было принять решение: что делать?
— И что? — Вера инстинктивно вжалась в кресло.
— А вот представь себе: что?
— Ну-у… — Вера стала быстро-быстро прокручивать в голове сюжеты всех фильмов-катастроф, которые она когда-либо смотрела. — Переселить всех… куда-нибудь…
— Куда?
Вера пожала плечами:
— На орбиту, наверное. Для начала. На космические станции…
— И сколько семей из десяти миллиардов получится переселить на космические станции?
— Не знаю. Наверное, всех переселить не удастся.
— Значит, выбирать, кому жить, кому гибнуть? И кто же возьмёт на себя эту обязанность в обществе, которое считает себя справедливым?
Мастер нахмурился и вздохнул.
— Впрочем, всегда находятся те, кто берётся решать за всех. Правящие круги Тэрры — политики и учёные — многие-многие годы разрабатывали два противоположных пути. Одни — назовём их «прогрессоры», или «технократы», — считали, что планету ещё можно спасти или, по крайней мере, отдалить её конец в необозримое будущее. А там,

глядишь, и найдётся средство безопасным для жителей образом решить проблему. Тэрра подождёт. Нужно только до предела снизить нагрузку на её природные силы. То есть—что?

Дедал испытующе посмотрел на Веру.

— Ну-у…—Вера тут же подумала о Грете Тунберг[4] и прочих экологических новостях из тех, что ежедневно лились непрерывным потоком из всех источников информации, которые были ей доступны и даже… не совсем доступны.—Не летать самолётами, не использовать автомобили… коров не разводить!

— Пожалуй,—недобро усмехнулся Дедал.—А самое главное—не размножаться! Передать управление всеми природными и общественными процессами искусственному интеллекту. Таких машин к моменту, когда беда была уже на пороге, построено было превеликое множество. Однако «технократам» противостояли «физики», или «космисты». Они считали, что, пока есть ещё время, надо искать людям Тэрры другой дом, такой, куда все её жители—заметь, все!—могли бы переселиться задолго до того, как родная планета погибнет, или до того, как люди придумают, как её спасти.

— Кто же победил?—не дослушала Вера.

— Никто,—Дедал отвернулся, словно не хотел, чтобы Вера угадала, что он чувствует.—Пока «технократы» занимались своими делами—изобретали убийственные микроорганизмы, способные за год-два уничтожить половину всего населения планеты, навязывали людям такие нормы поведения, которые разрушали семейственные и вообще все жизненные связи… короче говоря, изо всех сил старались сократить население Тэрры раз в пять, а лучше в десять или даже в сто, «космисты» искали новый дом. И нашли, в конце концов.

— Это была Земля?—прошептала Вера.

— Гея,—кивнул Мастер.—Но тогда она мало была похожа на новую родину переселенцев с Тэрры. Третья планета по расстоянию от своей звезды—Гелия-Солнца, она была похожа на пылающий океан, в котором под влиянием вращения только-только начала образовываться устойчивая твердь. Но Солнце постепенно успокаивалось, и наблюдателям было ясно, что вскоре юная планета может стать Геей, матерью новой жизни. Здесь было всё, что нужно для этого. Кислород. Водород. Азот. Углерод. Впрочем, что это я? Это всё химия, детка… Главное не это. Главное—запомни: жизнь происходит только от жизни, и разум возникает только в присутствии разума.

— Но откуда взялась самая первая жизнь?

— От Творца Начал.

— Кто же создал Его?

Дедал посмотрел на неё—с откровенным сожалением.

— Он сам. Впрочем, это слишком сложная тема. Даже для меня. Вернёмся к ней, когда придёт время. А сейчас надобно познакомить тебя с историей «Минотавра».

Дедал задумался на минуту, словно не знал, с чего начать…

— У него было прозвище—Теос. Или—Зевс. Когда судьба Тэрры была уже предрешена, именно он отдал приказ об исходе с Тэрры. Это было непросто. Но он рискнул. И первая экспедиция застала планету в состоянии, мало пригодном для жизни.

— Как это?—прошептала Вера.

— Так,—Мастер Дедал вздохнул и непроизвольно пошевелил пальцами.—Земля почти совсем не подходила для той жизни, каковою были тогда наши предки. Жить на Земле они могли разве что глубоко в её недрах. В подземелье. И это мало чем отличалось от того, что у них уже было на Тэрре.

— И Тэрра?

— Нет. Не сразу. У Теоса-Зевса и его сотрудников было ещё время в запасе, чтобы подготовить к новой жизни первых переселенцев. Но тут выяснилось ещё нечто такое, чего даже Зевс не мог сначала предвидеть: Тэрра и Гея находятся в разных пространственно-временных континуумах, то есть, как это, наверное, привычно тебе слышать, в параллельных мирах. Время Земли примерно так соотносится с временем Тэрры, как время бабочки-однодневки с временем человека. Первые землепроходцы,—Мастер усмехнулся,—поняли это не сразу.

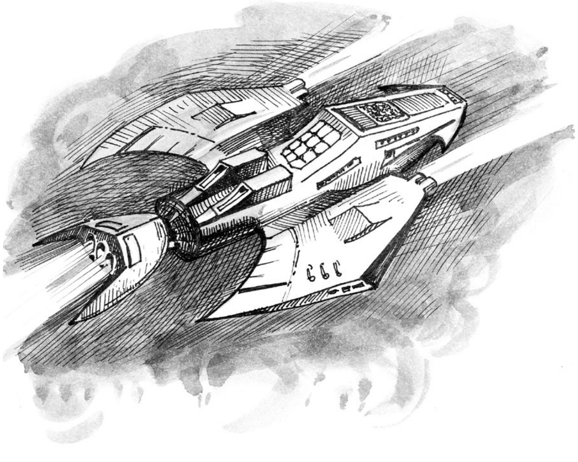
Дедал встал, прошёл несколько раз до противоположной стены и обратно, видимо, соображая, как объяснить ребёнку то, что и сам он до конца не понимал…

— Им нужно было или приспособить новый мир хотя бы сколько-нибудь к возможностям переселенцев, или мало-мальски приспособиться самим, разрешив попутно и эту проблему… загадку времени. Не сразу, конечно. Но начало было положено. Переселение началось. Имя корабля, прибывшего на Землю с первой сотней переселенцев,—«Таурус»—«Бык». И приземлился он на самой в то время благоприятной для них площадке.

— В Африке?—поспешила проявить эрудицию Вера.

— Ну конечно,—иронически хмыкнул Дедал,—как раз наоборот. Там, где начала свою работу на Земле команда «Тауруса», в твоё время, Вера, находится центр Сибири. А тогда в тех местах был Северный полюс планеты, и там существовала единственная область Земли, где прибывшие с Тэрры иногда и недолго могли находиться на поверхности. Позднее они там и основали свою Страну Вечной молодости и Вечного блаженства. А ещё позднее эллины назвали её Гипербореей.

4. Грета Тунберг—16-летняя экологическая активистка, в 2018 году отказавшаяся ходить в школу, пока правительства всего мира не примут всеобъемлющих мер по защите природы.



Дедал снова нахмурился, задумался и произнёс, наконец, не без труда:
— Скажу ещё... надеюсь, ты поймёшь правильно,— Дедал помедлил, подбирая слова.— Пока боги боролись за собственное выживание, разногласия, которые вместе с ними прибыли с Тэрры, мало их беспокоили. Но когда жизнь здесь более или менее наладилась, вражда между богами разгорелась с новой силой. Зевс, командир «Тауруса», всеми силами старался сгладить противоречия, всех помирить, всё успокоить, но боги никогда не отличались послушанием и уступчивостью.

Мастер с досадой покачал головой.
— Гера, Афина, Посейдон мечтают об одном — избавиться от людей, оставить лишь тех, кто может быть им полезен, и заняться обустройством Земли по собственному разумению. То есть вопреки Творцу Начал, который выше всего ставит жизнь в любых её формах и оберегает её.
— Но почему?
— Потому что Он сам есть жизнь несотворённая и распространяется всюду, где живое может зацепиться, как зерно за почву, произрасти и расцвесть. Впрочем, Вера, мы опять погружаемся в предмет, столь сложный, что нет у нас времени его разбирать. Поверь мне на слово.

«Ну-ну...— про себя ухмыльнулась Вера.— Вот и верь вам всем на слово, когда каждый клянётся, что не врёт, а сами вы без конца противоречите друг другу».

Мастер подошёл к креслу, на котором сидела Вера, и осторожно взял её за руку:
— Наши наблюдения, если они, конечно, верны, говорят о том, что близка великая катастрофа. Ей, конечно, никто не будет рад. Но «технократы» — в своей безумной гордыне — толкают мир к уничтожению, уверенные в том, что они сами управляют силами разрушения, а значит — им ничего не грозит. Это худшее из преступлений, Вера! Потому что это — ошибка! Ну... посмотрим! Чтобы уничтожить человечество, врагам сначала придётся расправиться с «Минотавром». Они всё для этого сделают! Афина не оставит тебя в покое, не надейся. И Ариадну не оставит. Это очень опасная история, Вера. Очень опасная! Во всех отношениях. Да.

Вера поёжилась и высвободила руку из цепких пальцев Дедала.
— А Гермес,— спросила она, испытующе взглянув сначала на Мастера, потом на Ариадну,— на чьей стороне? Он ведь тоже бог?
— Гермес — не бог и не человек. Он — побудительная мыслеграмма, понимаешь? Передать её может кто угодно из богов. Кому угодно. Со временем ты научишься различать, кто из богов послал Гермеса,— Ариадна взяла со стола маленький хрустальный шарик, крутнула его в ладонях, и у неё на ладошке появился светящийся силуэт человека в плаще, шляпе с крылышками и с посохом в правой руке.
— Ага, всё понятно,— насупилась Вера,— ничего непонятного.
— Не сердись, Вера,— Ариадна одним неуловимым движением убрала фантом с ладони,— скоро ты во всём разберёшься...
— А не разберёшься, так привыкнешь,— подтвердил Мастер,— думаю, пора тебе подкрепиться и немного отдохнуть. Давай-ка на свежий воздух...
— Сколько же придётся подниматься?— огорчилась Вера.— Я так долго шла всё вниз и вниз...
— Разве?— Мастер жестом предложил ей встать, подвёл к плотному занавесу, закрывавшему полстены, и не торопясь отдёрнул его.

Ух ты!

Прямо в лицо девочке хлынул мягкий свет предзакатного солнца, её растрёпанные, со вчерашнего дня не чёсанные волосы подхватил прохладный вечерний ветер — Мастер легонько подтолкнул её, она шагнула вперёд и оказалась на какой-то из самых верхних галерей Дворца, на вершине высокой-высокой башни, откуда открывался умопомрачительный вид на город — многочисленные лестницы Дворца, ведущие ко Дворцу дороги, портовые постройки, качающиеся на волнах у причалов корабли, мастерские с прилавками для обмена и пышные зелёные сады.
— Как? Что за шутки? Спускаться, спускаться... всё вниз, вниз — и оказаться на самом верху...

Пока Вера переводила дух от неожиданности, переходящей в восторг, где-то рядом раздался негромкий скрип открываемой двери и послышались приближающиеся шаги.
— Икар, ты хотел увидеть Веру. Вот она — знакомься!— девочка услышала за спиной голос Ариадны и поспешно обернулась.

Со стороны винтовой лестницы, обвивающей башню, к ней шёл высокий темноволосый юноша с большущим мешком-рюкзаком за плечами. Другой такой же рюкзак был у него в руках.
— Ты — Икар?— ошарашенно пробормотала Вера.

Она, конечно, помнила что-то такое из своей заветной книги (ох, где она теперь, книжечка её дорогая?), но что именно? Впрочем, что бы в ней ни было написано про Дедала и Икара, никто не сможет поручиться, что это чистая правда…

«Поэтому, Вера, будь начеку и, главное, не теряй самообладания»,—сказала она себе и приветливо улыбнулась красивому обходительному мальчику.

— А ты—Вера?—подтвердил Икар.—Хочу предложить тебе воздушную прогулку. Не откажешься?

Девочка растерянно повернулась к Ариадне, молча стоявшей у неё за спиной.

— Тебе понравится!—сказала Ариадна.—Полетаете над городом, а потом Икар проводит тебя в твои покои. Действительно—пора отдохнуть.

Вера ожидала, что сейчас прямо к галерее подадут что-то вроде вертолёта или дрона какого-нибудь, но вместо этого, Икар, деликатно предложив ей поднять руки, надел на неё рюкзак, плотно затянул и защёлкнул ремни у неё на груди.

— Смотри, как я делаю,—сказал он и, потянув рычажок, видневшийся на ремне, открыл на застёжке что-то вроде щитка с тремя большими кнопками—красной, жёлтой и зелёной.

— Зелёная—для взлёта, жёлтая и красная—для манёвра; а если нужно опуститься—снова нажимаем зелёную и плавно идём вниз.

С этими словами Икар надавил на зелёную кнопку, и рюкзак за его плечами, монотонно загудев, развернулся в два огромных перепончатых крыла, сразу приподнявших Икара над поверхностью галереи.

Вера не испугалась, конечно… однако ножки у неё, прямо скажем, подкосились…

— Теперь ты,—паря на уровне её макушки, предложил Икар.—Не бойся, я тебя подстрахую. Ну же… давай!

Вера нащупала рычажок, повернула его, ткнула пальцем зелёную кнопку, рюкзак загудел, что-то щёлкнуло, свистнуло, затрещало, и неведомая сила потянула девочку вверх…

— Осторожно!—закричал Икар.—Надо так лететь рядом, чтобы не задевать друг друга крыльями. Вот возьми,—он протянул Вере длинный шест, она ухватилась за его конец с одной стороны, а с другой точно так же—Икар.

— Раз, два, три… полетели!

Икар оттолкнулся от каменного ограждения и, при помощи шеста увлекая за собой Веру, завис высоко над темнеющими галереями Дворца. Жужжащие крылья надёжно держали юных лётчиков в воздухе, даже ветер был нипочём. Теперь можно было отправиться на прогулку, и они медленно поплыли над городом, то опускаясь почти до земли, то поднимаясь к облакам. Прохожие иногда останавливались, чтобы на них поглазеть, показывали пальцами друг другу, но заметно было, что летающие люди—такая уж для них диковинка.

«Как хорошо!—думала Вера.—Никогда не было так хорошо! Может, это и есть счастье—вот так летать над прекрасным цветущим городом, спокойно и свободно… и никуда не торопиться, и ничего не хотеть…»

Тем не менее мысль о потерянной сумке и волшебных карандашах всё-таки царапалась где-то в её голове. И, словно расслышав этот шорох, Икар вдруг громко объявил, стараясь перекричать жужжание крыльев:

— Пора обратно!

Но они полетели не к башне Паратирис[5], где остались Дедал и Ариадна, а на противоположную сторону галереи. И снова, словно услышав беззвучный Верин вопрос, Икар крикнул:

— Летим к твоим покоям. Не волнуйся!

Минута—и они оказались перед узорчатыми створками дверей, почти таких же, как в комнате Ариадны. Икар помог Вере освободиться от рюкзака-самолёта, попрощался и—с шестом наперевес—удалился, жужжа крыльями, в густеющий сумрак.

«Мои покои»,—подумала Вера—и тихонько вошла в комнату, аккуратно закрыв за собой дверь.

Как только она переступила порог, комната осветилась зеленоватыми огоньками, такими же, какие она видела в Лабиринте.

Первое, что бросилось ей в глаза, был невысокий топчан, покрытый пышной розовой периной, с разбросанными по ней разной величины пухлыми подушками и подушечками, а также два кресла рядом, на одном из которых скромно покоилась её драгоценная сумочка…

«Ура!»—вроде бы всё на месте: и зеркало, и расчёска, и зубная щётка, а главное—альбом, снова странным образом увеличившийся, и так же подросшие карандаши. И книга! Книга была тут как тут.

5. Паратирис—башня Наблюдателей на верхней галерее Дворца.

Эх, надо бы найти то место, где рассказано об Икаре и Дедале. Но Вера вдруг ощутила такую непреодолимую усталость, что, даже не прикоснувшись к яствам, заманчиво расставленным на столике у маленького бассейна с голубоватой водой, быстро сбросила на пол платье, упала на перину, натянув до бровей тонкое льняное покрывало, и крепко-крепко заснула.

Глава двенадцатая,

в которой Парис попадает в приятное, хотя и очень опасное, общество и включается в игру богов

Вера спит и, наверное, видит какой-то сон, однако мы, читатель[6], оставим её наедине с навевающим сладкие грёзы богом сновидений Гипносом и вспомним о Парисе, которого, окутав дымовой завесой, похитила из пастушьей хижины Афродита.

Вера спит…

А в это время…

Парис открыл глаза — и тут же в ужасе прижал руки к лицу. Ему показалось, что толпа одинаково одетых и странно знакомых мальчишек ринулась на него со всех сторон и мгновенно его окружила.

— Ну, Парис… чего ты снова испугался?

Услышав доброжелательный женский голос, Парис осторожно раздвинул пальцы, прижатые к правому глазу, и попытался рассмотреть сквозь них, что происходит вокруг, и как-то оценить обстановку…

Он находился в помещении, состоящем из множества изогнутых зеркал, отражавших его, Париса, самым причудливым образом. И поскольку зеркала бесконечно отражали так же и друг друга, определить размеры помещения было невозможно. Парис словно завис в дурной бесконечности, переполненной образами самого себя. Нет-нет, лучше не смотреть и не шевелиться… Мальчик замер на месте и даже, кажется, перестал дышать. Вдруг рядом что-то щёлкнуло, негромко загудело, и зеркала стали затягиваться белой мутью, словно вода, в которую постепенно добавляют молоко. Обозначились пол, потолок и стены. Парис стоял в центре просторной белой комнаты, почти совсем пустой. Почти — потому что прямо перед собой Парис разглядел высокий — выше его собственного роста — узкий чёрный столб из какого-то неизвестного материала — не дерева, не бронзы и не камня. Сверху столб накрыт был небольшой прямоугольной доской с округлыми краями — снизу тоже чёрной, а сверху светлой, излучающей мягкое желтоватое сияние, из-за которого на нижней поверхности доски проступали непонятные рисунки и значки, золотые и белые.

— Хочется потрогать, правда?

Навстречу Парису прямо из стены, проявившись, как отражение на пруду, успокоившемся после брошенного камня, вышла Афродита.

Парис сразу узнал её, хотя она выглядела совсем иначе, нежели тогда, в лесу. По человеческим меркам, огромного роста — локтей, пожалуй, пяти, не меньше, богиня возвышалась над испуганным мальчишкой, как статуя на дворцовой площади. Хотя таких статуй не делали на Крите — местные мастера предпочитали создавать изображения, радующие, а не пугающие человека. Но Афродита смотрела ласково, благосклонно улыбалась, и если бы не огромный рост, больше всего напоминала бы даму из Дворца — Пасифаю или Ариадну. И одета была скромно — в длинный синий хитон, закреплённый на плечах двумя белыми застёжками в виде морских раковин.

Парис хотел отрицательно покачать головой, но после секундного размышления — кивнул и попытался подойти к столбу, вытянув перед собой руки. Что такое?! Он не смог сделать ни шагу, руки сразу упёрлись во что-то тёплое, мягко пружинящее под ладонями, ничуть не твёрдое, но тем не менее непреодолимое. Мальчик не мог двинуться ни вперёд, ни назад, ни вправо, ни влево более чем на шаг.

Афродита некоторое время, молча улыбаясь, наблюдала его безрезультатные попытки, потом сжалилась и сказала своим певучим, вкрадчивым голосом:

— Ты надёжно защищён, мой мальчик. Неудобно, я знаю. Но ведь тебе никогда прежде не приходилось видеть, слышать и ощущать бессмертных в их настоящем облике. А ведь хочется, верно? И всё здесь потрогать, ко всему прикоснуться хочется. К сожалению, так устроен этот мир, что не дано нам с тобой дышать одним и тем же воздухом. Жаль! Но давай поступим так. Сейчас ты сможешь свободно двигаться и дышать в этом зале, а я и другие бессмертные, которые, возможно, вот-вот прибудут, защитим себя по-своему. После этого ты сможешь подойти и обнять меня, мой маленький друг. Согласен?

Парису ничего не оставалось, как снова кивнуть.

Афродита подошла к столбу, провела правой рукой над светящейся доской, и в помещении

6. Привет, читатель, надо же когда-то и нам познакомиться! Иногда автору очень полезно напрямую обратиться к читателю, особенно такому любознательному и отважному, как ты. Но, честно говоря, я здесь не одна. Рядом со мной — мой трудолюбивый и придирчивый соавтор. Варвара… Варенька. Ей одиннадцать лет, и она часто даёт мне советы, задаёт вопросы, и мы подолгу обсуждаем каждый новый поворот нашей «истории про Веру». Видимо, поэтому наша история становится всё более причудливой, как будто мы погружаемся в неведомые глубины давным-давно известных сказок о богах и героях и видим их — как Алиса в Стране чудес — с другой, противоположной, стороны. Так что не сомневайся, самое интересное и невероятное у нас ещё впереди.

воцарилась непроглядная тьма. Всего на мгновение, но когда Парис снова смог рассмотреть, что происходит вокруг, в носу у него защекотало, так что он едва не чихнул. Это был какой-то совсем незнакомый воздух. Лишённый движения и запаха. Покалывающий ноздри. И даже как будто расширяющий грудь при каждом вдохе. Но дышать было легко. Парис, поёживаясь от внезапно охватившей его дрожи, поднял глаза, чтобы увидеть богиню,—и вскрикнул от ужаса: перед ним стояла высокая стройная женщина… с головой львицы!

— Не бойся, малыш,—знакомый голос прозвучал чуть глуховато, но всё так же ласково,—это я. Пусть маска тебя не смущает. Красота дороже удобства, не правда ли? Зато теперь ты можешь убедиться, что бессмертные—тоже люди, живые и тёплые. Ну же… Иди, обними меня!

Парис опасливо приблизился и робко прикоснулся к краешку её хитона. Ткань была гладкая и очень тонкая. Такую, наверное, только наяды могли изготовить из лучей утреннего света.

Афродита засмеялась, опустилась на корточки и, притянув к себе мальчишку, крепко обняла его. Удивительная, лёгкая и бодрящая сила пронизала всё тело Париса, наполняя его уверенностью и бесстрашием. У богини действительно были крепкие и тёплые—даже горячие—руки. Она отстранила мальчика от себя, кончиком мизинца погладила по голове и упруго выпрямилась.

— Теперь присядь,—Афродита снова провела рукой над светящейся доской, и прямо из беловатой поверхности под их ногами вспучилось несколько сидений, похожих на обкатанные морем прибрежные валуны или на грибы, только что пробуравившие шляпками лесную лиственную подстилку,—надо поговорить.

Белый зал наполнился голосами—звонкими девичьими, сдержанными женскими и даже слегка старушечьими, приглушённо-ворчливыми. Париса окружили красавицы в благоухающих разноцветных одеждах, с живыми цветами в причудливо убранных волосах. Они бесцеремонно рассматривали мальчишку, обмениваясь взглядами и короткими репликами на непонятном певучем языке.

— Сёстры, тише, прошу,—мягкий, но властный, не допускающий неповиновения мужской голос мгновенно пресёк их пёструю болтовню.

Парис поднял глаза и увидел, как из стены напротив—точно так же, как только что появилась Афродита, вышел невиданного роста исполин с головой хищной птицы.

Сёстры—как по команде—умолкли и расселись полукругом слева и справа от Париса. Птицеголовый встал рядом с чёрным столбом и приветственно кивнул Афродите.

— Итак,—Афродита воссела на грибообразное возвышение, как на трон,—с позволения Феба Аполлона, я начну… Что скажешь об этом юноше, Каллиопа?

— Не годится,—сказала, как отрезала, темноглазая сестра с бледным строгим лицом и со сверкающим смарагдовым венцом в иссиня-чёрных кудрях.—Он не способен к сложению песен.

— Так уж и не способен?—весело возразила та, что сидела ближе всех к Парису.—У него приятный голос,—она с ласковой снисходительностью обвела его взглядом,—чуткие руки, стройное тело… И, полагаю, хотя ума и не палата, но не дурак же он, сёстры, право…

Тут она не выдержала и рассмеялась, со всей откровенностью потешаясь то ли над смутившимся до слёз мальчишкой, то ли над самой ситуацией—должно быть, и вправду нелепой.

— Эрато!—прервал её смех Птицеголовый.—Мы не для развлечений собрались. У меня, поверь, дел невпроворот… Так что давайте, сестрицы… в рабочем темпе! Раз-два-три. Вы знаете, какова ответственность. И какова цена любой ошибки.

— Светоносный,—возразила Эрато,—но я же по существу. Тесей до сих пор вздыхает по Елене. Так что у них с Парисом… найдётся общая тема для бесед. По крайней мере.

Птицеголовый что-то отвечал, Эрато возражала, и пока они так препирались, в голове Париса пчёлами роились и жужжали мысли, ни одну из которых ему не удавалось ухватить.

«Птицеголовый-то… это ж сам Феб Аполлон… А эти все… не иначе—музы? Но почему они—такие же, как я… по виду? А эти—Афродита и Аполлон—в полузверином обличье! Зачем? И чего они от меня хотят? Ох, влип я, влип… Елена, Елена… При чём здесь Елена? А Вера? Может, она тоже муза? Но где она сейчас? Ох, боги Элейсона, где это я?!»

— Я его испытаю!—совсем юная муза, кудрявая, в коротенькой шёлковой тунике, высоко

открывавшей точёные стройные ножки, схватила Париса за руку и потянула за собой, так что он вынужден был подняться и последовать за ней на середину зала.
— Привет,— сказала она и, вытянув вперёд обе руки, положила их Парису на плечи.— Я — Терпсихора, и сейчас мы будем танцевать.
— Танцуйте,— приказал Аполлон.

Афродита коснулась какого-то невидимого значка на светящейся доске, и зал наполнился возбуждающими звуками, очень похожими на те, которые Парис слышал на танцах во Дворце. Теперь короткий урок, преподанный ему тогда Верой, очень пригодился. Сначала мальчик немного стеснялся и не поспевал за божественной партнёршей, но ведь он танцевал с Терпсихорой! Танец настолько увлёк Париса, что, пока звучала музыка и его ноги сами собой выписывали невообразимые па на гладком мраморе Белого зала, он почти забыл, где находится и что ему предстоит. Но вот музыка смолкла. Терпсихора кивком велела ему вернуться на место, а сама, чуть подумав, объявила:
— Способный мальчик. Насчёт работы с Тесеем — не знаю, но в дальнейшем эта способность, полагаю, может пригодиться.
— А ты что видишь, Клио? — Аполлон повернулся к самой, наверное, старшей музе.

У неё было печальное усталое лицо и огромные влажные чёрные глаза, должно быть, видевшие любого собеседника насквозь.
— Судьба его неясна,— ответила она.— Путь этого ребёнка то и дело двоится, троится… ему всё время приходится делать выбор, но каждый раз выбор этот определяет не разум его, а любовь. У него слишком доброе, горячее, любвеобильное сердце. Поэтому ошибок ему не избежать. Парису нужен пастырь, наставник, который не даст ему сбиться с пути. Смотрю, Анадиомена[7] уже в этом преуспела, но бывают ситуации, в которых она — плохой советчик для пылкого юноши. Нужно связать Тесея и Париса узами кровного долга. Сделать так, чтобы Тесей оказался обязан ему жизнью. Тогда мальчик обретёт его доверие и сможет убедить, что нужно и чего не нужно делать.
— Я знаю, как это будет! — воскликнула белокурая муза в серебристом хитоне до пят и с ниткой мягко светящихся чёрных камней в причудливо убранных волосах.— У него есть способность, которая затмевает все остальные.
— Какая способность, Урания? — несколько даже ревниво поторопила её Афродита.
— Он умеет читать звёзды! Правда, пока сам он не знает об этом, но дайте мне его в обучение, и через семь дней и семь ночей он станет искуснейшим звездочётом мира.
— Есть ли у нас это время, Феб Аполлон? — недоверчиво произнесла Афродита.

Аполлон помолчал. А потом решительно ответил, обращаясь сразу ко всем присутствующим:
— Пусть будет так! Я отвлеку Афину, пока длится обучение Париса. А теперь мне пора.

Аполлон приблизился к мальчику, низко-низко, насколько позволял его огромный рост, склонился над ним и тихо спросил:
— Нет ли у тебя каких-нибудь пожеланий, мой друг? Я постараюсь исполнить их, если это будет в моих силах.

«Вот так боги… — мелькнуло в голове Париса.— Если это будет в его силах…» Но вслух сказал с предельной почтительностью в голосе:
— Я хотел бы знать, что случилось с Верой. Где она? Жива ли?
— Вера у друзей,— успокоил Аполлон,— в безопасности. По крайней мере, пока.
— А ещё… — голос Париса дрогнул,— я хотел бы… хотел бы увидеть твоё настоящее лицо, светлый Феб Аполлон.

Аполлон повёл плечами как бы в недоумении и вдруг расхохотался громоподобным, но всё же почти совершенно человеческим смехом.
— Это можно устроить. Однако вам с музами придётся посидеть… э-э-э… в пузыре.

Аполлон двумя пальцами взъерошил волосы на макушке Париса, подошёл к чёрному столбу, сделал какое-то сложное движение над светящейся доской… голова сокола с коротким щелчком откинулась назад, свернулась в комок и исчезла за спиной бога. Перед Парисом стоял мужчина в самом расцвете сияющей зрелости, его лицо с правильными, словно выточенными из мрамора чертами обладало таким обаянием, излучало такую гордость и в то же время ласку, что у Париса дыхание перехватило, хотя он и заметил, что воздух, которым он дышал, снова переменился. Парис рванулся было… хотя бы колено обнять… хотя бы к краю плаща прикоснуться… но всё та же неведомая мягкая сила, которая не пустила его сначала к Афродите, отбросила мальчика прочь.
— Нет-нет, дружок,— усмехнулся Аполлон,— увы, мы ещё не придумали, как устранить это досадное неудобство. Придумаем, не сомневайся. Побудешь здесь, на Тире. Урания обучит тебя, а там… тебе предстоят великие дела! Прощай, Парис. Уверен, ещё увидимся.

С этими словами Аполлон слегка наклонил голову в знак прощания со всеми, поколдовал над светящейся доской, водрузил на плечи шлем и удалился, растворившись в стене. За ним — шелестящей стайкой — последовали музы. Терпсихора на прощание даже прикоснулась губами к его щеке, отчего Парис вздрогнул и покраснел.
— Мне тоже пора,— вздохнула Афродита,— но помни, мальчик мой, я всегда рядом. Здесь тебе

7. Анадиомена — «из моря вышедшая»», одно из прозвищ Афродиты.

ничто не угрожает, так что моё присутствие не понадобится, но для будущего—знай: как только возникнет острая необходимость, я сделаю всё возможное, чтобы зло тебя не коснулось.

Богиня исчезла—так же, как Аполлон, растворившись в стене.

— Ну что ж, Парис,—Урания взяла его за руку,—теперь ты в деле. Можно сказать, один из нас. Не могу утверждать, что тебе повезло. Легко не будет. Но будет интересно. Это мы тебе точно обеспечим,—она помедлила, размышляя.—Ах да… я же должна спросить тебя кое о чём. О чём же? А! Вот! Согласен ли ты участвовать в войне богов на стороне Аполлона и Афродиты?

Глава тринадцатая,

в которой Вера и Ариадна разгадывают дипломатические головоломки

Прошло три дня. С помощью новых друзей Вера более или менее освоилась во Дворце. Её комнаты—или, как здесь говорят, покои—находились в пятом верхнем ярусе, недалеко от покоев Ариадны. Внизу, под землёй, было ещё несколько ярусов—кажется, шесть или восемь. Там, насколько поняла Вера, находились мастерские и лаборатории Дедала, то есть «Минотавр». Как был устроен этот Лабиринт, Вере так и не удалось разобраться. Чего стоило хотя бы её путешествие в нижние ярусы, в результате которого она оказалась на башне Паратирис, в самой высокой точке Дворца.

Зато с помощью Икара ей удалось увидеть Дворец, так сказать, «в плане», поднявшись настолько высоко, что огромное сооружение можно было рассмотреть целиком—вместе с окрестностями. С высоты птичьего полёта Дворец виделся подобием пятиконечной звезды. В его северной части располагались, как бы сейчас сказали, резиденция царской семьи, что-то вроде центра управления жизнью острова, несколько храмов и залов для приёма гостей. Восточное и западное крыло занимали многочисленные мастерские и обменные лавки, площадки для собраний и развлечений, ещё несколько храмов и жилых помещений, а с запада к Дворцу вела широкая дорога, соединявшая Дворец с портом, в гавани постоянно находилось до двух десятков кораблей, прибывших с Пелопоннеса, с островов, из Финикии и Египта. На юго-западе—огромное училище, Схоликон, где подрастающее поколение набиралось ума-разума под чутким руководством жрецов и старейшин. На юго-востоке—коммуны земледельцев, скотоводов и охотников, которые, помимо снабжения Дворца необходимыми продуктами, обеспечивали его связь с поселениями по всему острову.

Проснувшись в своих покоях утром следующего дня после блуждания по Лабиринту и знакомства с «Минотавром», Вера долго лежала, натянув до самых глаз покрывало и не решаясь высунуть нос наружу. Кто знает, что за новости набросятся на неё, едва она позволит себе как следует пробудиться?.. В комнате было тихо, только издалека доносились звуки уже вовсю бодрствующего Дворца. А совсем рядом что-то еле слышно шуршало и постукивало. Вера, собравшись, наконец, с духом, сбросила покрывало, с топчана соскользнула на пол и для начала придирчиво оглядела место, где ей на этот раз пришлось ночевать.

Помещение, как, видимо, все жилые комнаты во Дворце, не имело окон, однако в нём каким-то образом не было ни темно, ни душно. Позднее Вера узнала, что всё гигантское сооружение Дворца было пронизано световыми и вентиляционными колодцами, действие которых регулировалось по мере надобности в течение суток и в соответствии со временем года. Днём комнаты освещались солнечным светом, вечером и ночью в случае необходимости можно было пользоваться каменными лампами, к которым, скорее всего, был подведён горючий газ. Следовательно, во Дворце имелся также и газопровод. И водопровод, в чём Вера уже имела возможность убедиться.

Покои, предоставленные гостеприимными минойцами, состояли из трёх комнат. В комнате, где Вера ночевала, имелась дверь, открыв которую, попадаешь на галерею, с внешней стороны ограждённую высокими резными перилами—каменными столбцами с навершиями в виде бычьих рогов и с деревянными плашками между ними. Прямо перед широким топчаном, на котором Вера спала, стоял низенький столик—вчера, Вера отчётливо помнила, на нём была расставлена посуда с едой и питьём. Теперь на столе ничего не было. Значит, пока Вера почивала себе без тени тревоги и сомнения, кто-то прибирался в комнате.

Небольшой прямоугольный бассейн, почти такой же, как в покоях Ариадны, постоянно наполнялся водой, широкими струями медленно стекавшей в него из нескольких отверстий в стене, а на дне бассейна имелась едва заметная щель, через которую вода—так же постоянно—убегала, видимо, с той же скоростью, с которой вливалась. Поэтому проточная вода в бассейне держалась всё время на одном и том же уровне.

В соседней комнате, куда Вера прошла, раздвинув тяжёлые тёмно-красные портьеры, на полукруглом возвышении была разложена и расставлена уже привычная местная еда. На ковре, закрывавшем весь пол, тут и там валялись пухлые подушки.

Вера постаралась поудобнее расположиться на ковре и принялась за еду. Вкусно! Вера отправила очередной кусочек в рот, отодвинула пустую миску и только потянулась за полотенцем, как вдруг из-за её спины молниеносно высунулась чья-то смуглая рука с голубоватыми ногтями, схватила миску

и исчезла... Вера, вскрикнув от неожиданности, обернулась, но увидела лишь кончик золотистого ремешка, скользнувшего за расписную ширму, которой был отгорожен дальний угол комнаты.
— Эй! Кто там?—Вера бесстрашно бросилась к ширме, заглянула за неё и... снова чуть не упала от изумления.

За ширмой на полу, в большом круглом сосуде, вроде тазика с ручками, сложена была посуда, видимо, убранная утром со стола, только что утащенная у неё из-под носа миска—сверху, а рядом... не то лежала, не то сидела... В общем, это была тощенькая, как прутик, рыжеволосая девица—с огромными, обведёнными чёрным, зелёными глазами, остреньким носиком и маленьким пухлым ротиком. Она была бы совсем как обычная девчонка, если бы не тот неоспоримый факт, что ниже талии у неё вместо человеческого тела извивалось кольцами нечто мускулисто-чешуйчатое... зеленовато-золотистое... да что там! До пояса милашка была человек, а ниже—змея змеёй!

Несколько секунд обе молча смотрели друг на друга.
— Не надо так смотреть!—наконец проговорила незнакомка.—Я изо всех сил старалась раньше времени не попадаться тебе на глаза. Пока ты не освоилась во Дворце. Понимаю, что тебя здесь многое удивляет. Ну да ничего. Привыкнешь. Ариадна велела мне присмотреть за тобой, помочь, если что. Я живу здесь рядом. Мне удобно.
— А... как звать тебя?—Вера перевела дыхание и проглотила слюну.

Милашка усмехнулась:
— Зои. Меня зовут Зои. Из рода Драгайнов. Моя семья живёт во Дворце с момента его основания.
— Так вас... таких...
— Не так уж и много. Мы очень древние, Вера. Служим царскому роду по бессрочному договору. Поддерживаем в порядке все колодцы, шахты и трубы Дворца. Однако... полно болтать! Тебя ждут. Собирайся живей. А я пока уберу трапезную.

С этими словами Зои ткнула пальцем в сторону узкой деревянной дверцы, в которую Вере, по всей вероятности, нужно было войти, чтобы «собраться», а сама, свившись в тугое кольцо, тут же выпрямилась, как пружина, и моментально исчезла из виду.

Вера толкнула дверцу, показавшуюся почему-то совсем невесомой, переступила почти незаметный порожек, и... сердце у неё сначала остановилось на мгновение, а потом заколотилось так, что в ушах зазвенело: она вошла в собственную комнату, оставленную так далеко и давно, что даже подумать страшно! Вот стол с новеньким ноутбуком, вот самое удобное в мире кресло на трёх колёсиках, вот даже распахнутая балконная дверь, за которой—раздуваемые ветром—колышутся ветки тополей, облепленные молоденькими клейкими листочками... и воробышек на спинке стула, как ни в чём не бывало... чик-чирик-чирик... не обращает на Веру ни малейшего внимания. Вера шагнула вперёд, и всё поплыло у неё перед глазами—очертания предметов стали двоиться, комната быстро заполнилась то ли дымом, то ли сизым туманом. Вера закашлялась, чихнула, зажмурилась. А когда открыла глаза, то увидела себя в большом бронзовом зеркале, которое неожиданно оказалось перед нею.
— Привет!—сказала она самой себе.—Похоже, кто-то из бессмертных вмешивается не в своё дело.

И вздохнула: ничего не поделаешь, надо искать решение задачи и, что бы ни случилось, быть начеку.

В комнате, которую Вера про себя назвала «раздевалкой», действительно имелся стол—на нём были аккуратно разложены волшебные карандаши и альбом. Тут же—раскрытая на какой-то, видимо, очень важной странице—лежала заветная Верина книга. Наверное, Зои позаботилась об удобстве гостьи. Мило, конечно. Но не очень-то приятно постоянно чувствовать себя под надзором.

Из нарядов, в художественном беспорядке развешанных на крестообразных подставках-манекенах, Вера выбрала нежно-сиреневое платье до пят, подпоясалась широкой шёлковой лентой, причесалась, заплела косу и решительно вышла из раздевалки навстречу нетерпеливому шуршанию Зои, поджидавшей в соседнем помещении.

В тот же день Ариадна познакомила Веру с многочисленной критской роднёй. Царица Пасифая со слезами на глазах долго вертела Веру перед собой, рассматривая со всех сторон, ахая, всхлипывая и восхищаясь. Вблизи лицо царицы действительно отдалённо напомнило девочке черты прабабушки с маминой стороны, которую Вера никогда не видела, но хорошо помнила старинную

чёрно-белую фотографию, на которой прабабушка была запечатлена молодой, весёлой и настолько хорошенькой, что Вера долго не могла глаз оторвать от потускневшей желтоватой фотокарточки. Но Ариадна была больше похожа на отца—русоволосого, с чуть лукавым прищуром внимательных серых глаз. Странные у него были глаза—вроде бы весёлые, с золотистыми искорками вокруг зрачков, но полные такой глубокой грусти, что задержишь взгляд на них—и самой тоскливо становится,—вроде бы задумчивые, словно погружён в себя человек, почти и не слушает, что ты говоришь, но в то же время пристальные, как будто он специально всматривается в тебя.

Но уж кто похож был на Пасифаю—излучающую столько энергии[8], что, кажется, всё во Дворце именно ею и питается, и движется ежеминутно,—так это Федра, младшая сестра Ариадны, девчонка лет восьми, рыжая, как цветочек жаро́к, смешливая и неугомонная.

Что-то такое совсем нехорошее о ней смутно вспомнилось Вере из той, прежней, жизни, из той старой книжки. Книжка так книжка, честное слово! Что ни страница, то обязательно какая-нибудь космическая трагедия. Эх, прав был Гермес! «Все здешние истории полны печали». Одно утешает: по большей части всё, что там написано… да-да! почти никогда не соответствует действительности.

Однако, если совсем уж по правде, поведение Федры было Вере не слишком интересно. Её другое занимало—странность собственной связи с Ариадной. В какой-то момент Вера поняла, что постоянно слышит у себя внутри—то ли в голове, то ли ещё где-то в организме—голос Ариадны, даже и не голос, а словно мысли Ариадны возникают в её сознании, откликаясь на её, Верины, мысли. Причём всякий раз Вера определённо знала, что это именно Ариадна разговаривает с ней—точно так, как если бы это был её, Верин, внутренний голос. Никогда прежде этот самый «внутренний голос» не был для неё настолько очевиден, конкретен и понятен. Ведь, правда: когда мы разговариваем сами с собой, *с кем* на самом деле мы разговариваем?

Эти соображения на некоторое время выбили Веру из более или менее устоявшейся колеи.

«Вот интересно,—размышляла она,—было бы мне встретиться с собой—с той, которой я была три дня тому назад у себя дома, сидела на балконе, читала книжку… Та я и теперешняя я—это та же самая я или уже другая? Конечно, другая! Но та, позавчерашняя я, где же она? Неужели бесследно исчезла? А если не исчезла, и вдруг бы мы—р-раз!—и встретились? Вот как с Ариадной…»

Долго Вера так и сяк переворачивала в голове эти мысли, пока, наконец, не убедила себя принимать события такими, как есть, и не задаваться неразрешимыми вопросами.

Тем не менее факт оставался фактом—Ариадна с нею была неразлучна. Не сразу, но эта неразрывная связь, в конце концов, обеим стала ясна, что одновременно и упростило, и усложнило жизнь и той, и другой. Потому что, сталкиваясь друг с другом на физическом, так сказать, плане, обе испытывали смущение, граничащее с паникой, и необъяснимый ужас соприкосновения. И были моменты, когда, приближаясь к Ариадне, Вера чувствовала, что видимый мир вокруг расплывается, двоится—словно в нём, в очертаниях предметов, в красках и тенях, проступает и начинает смутно мерцать так недавно покинутый родной мир: её комната, двор с песочницей и качелями, ветки деревьев над перилами балкона… в глазах темнеет, и земля будто бы уходит из-под ног. Ариадна, похоже, переживала то же самое. Поэтому они обе старались «держать дистанцию». Да и зачем было им соприкасаться? Они и так всё время были заодно. Непрерывно.

В тот же день вечером, когда Вера уже подумывала вздремнуть в своих покоях, Ариадна прислала за ней Зои.

«У Миноса сейчас Агамемнон. Они беседуют в зале приёмов. Нам надо знать, о чём они говорят и до чего договорятся. Встреча секретная. Нас, как видишь, не пригласили. Но от Зои во Дворце никакое событие скрыть невозможно. Так что иди с ней»,—слышала Вера голос Ариадны и отвечала ей мысленно: «А ты?»—«Мне труднее остаться незамеченной. Иди. Всё, что увидишь и услышишь, немедленно узнаю и я».—«Агамемнон и Калхас хотят смерти Париса»,—Вера вздохнула. «И Тесея. Я знаю».

—Не отставай, Вера,—зашипела Зои,—и не отвлекайся.

—Да-да…—заторопилась Вера.

—И не ш-ш-ш-шуми…

—Не буду,—Вера только улыбнулась невольно, поспешая за мелькающим впереди хвостиком Зои, похожим на желтовато-коричневый кожаный ремешок.

Как ей удаётся так стремительно двигаться ползком? Уму непостижимо.

Зои привела Веру к какому-то, явно техническому, закутку, в котором, между глиняными бачками, деревянными швабрами, всяческими тряпками и верёвочными мотками, Вере снова предстояло слушать и мотать на ус.

«Сколько можно?—в глубине души возмутилась она.—Снова подслушивать! Кого-то не учили разве, что подслушивать—нехорошо?!»—«Не кипятись,—немедленно возразила Ариадна у неё в голове.—Надо—значит, надо. Ты уже проявила чудеса сообразительности в таверне „Доро“. А Минос, отец, до сих пор считает нас обеих

8. Пасифая—в переводе с древнегреческого означает «вся светящаяся».

недостаточно взрослыми для государственных дел. Он ошибается! Потом ему было бы трудно объяснить нам, почему мы должны делать то и так, а не это и этак. И вообще… многое может ускользнуть от него во время беседы с Агамемноном. Взгляд со стороны всегда надёжнее. Не так ли, Вера?»

Вера только вздохнула в ответ, устроилась поудобнее почти вплотную к вентиляционному отверстию (для этого ей пришлось встать на изгиб трубы, довольно удачно подвернувшейся под ноги) и стала со всем возможным вниманием смотреть и слушать. Сначала ей почти ничего не было видно, потом глаза её привыкли к полумраку, и она различила у противоположной стены зала, в котором прежде уже успела побывать и который про себя называла «кабинетом Миноса», знакомую фигуру. Это был Агамемнон, без сомнения. Он стоял вполоборота к креслу Миноса и раздражённо молчал.

— Пойми, Атрид,— наконец послышался голос Миноса,— Тесей — не пленник. Он гость мой. Кем бы я счёл себя, если бы пренебрёг проксенией?[9] Ты же знаешь, какими узами связаны мы с владыками Аттики и Пелопоннеса.

— Как же! — Агамемнон даже притопнул в подтверждение своих слов.— Так ли о проксении Эгей печётся? И хорошо же на Крите принимают афинских гостей, ежели они свободы лишены настолько, что не могут остров покинуть годами и без присмотра не остаются, где бы ни оказались. Не надо лукавства, Минос! Не хочешь выдать мне афинянина, так укажи место, где я сам его найти могу. Юноша этот опасен. Беда, если не остановим его теперь!

На мгновение отверстие, открывавшее Вере обзор, закрыла тень — Минос встал, приблизился к Агамемнону, и Вера несколько секунд могла довольно ясно видеть его лицо. Минос был огорчён и озабочен.

— Чем для нас опасен может быть Тесей? Он ведь уже понял, что в Кноссе ни ему, ни его спутникам ничто не угрожает. Какие бы сказки ни плели в Афинах о Крите, разве так принимают враги обречённых на смерть пленников? Он ведь не глупец. Или до сих пор подвоха ждёт? — Минос пожал плечами и прямо посмотрел в лицо докучливому собеседнику.

— У Тесея одна задача — убить Минотавра,— на последние два слова Агамемнон специально надавил голосом.

Минос расхохотался. Он смеялся так долго, что даже Вера почувствовала досаду.

— Ты это всерьёз, Атрид? — отсмеявшись, наконец осведомился Минос.— По-моему, давно нет никакого секрета. Насчёт Минотавра.

— Напрасно смеёшься,— буркнул Агамемнон.— Чем нелепее сказка, тем скорее в неё поверят. А когда в сказку верят… почти все… она — хочешь ты этого или нет — становится сущей истиной. Или, думаешь, сына Эгей на Крит просто так послал? Красотами гор любоваться?

— Наверное, возобновить торговлю хочет Эгей… о прежней дружбе мечтает… Думаю, со дня на день Тесей попросит встречи — договариваться о взаимных уступках. Наша боль не утихла, но нельзя, чтобы скорбь положила предел добрососедству.

Тут уже Агамемнон издал что-то вроде хриплого смешка:

— Ты-то сам не в плену ли заблуждений, Минос? Всё, чего хочет Эгей,— уничтожить твоё царство и Крит прибрать к рукам. Как же такой лакомый кусочек оставить ненавистному гиперборейцу?!

Агамемнон приблизился к Миносу и понизил голос настолько, что Вера еле расслышала его слова:

— Вспомни о «Таурусе». Так ли прочна его защита?

— При чём здесь «Таурус»? Что ты знаешь о «Таурусе»? — Минос схватил Агамемнона за плечи и так тряхнул, что тот поперхнулся, закашлялся и прохрипел прерывающимся голосом:

— Не время притворяться, Минос… Неужели ты на самом деле веришь, что дела бессмертных надёжно сказками прикрыты?

— Скверно это, Атрид,— Минос тяжко вздохнул и отпустил аргивянина.— Надобно кое с кем посоветоваться, прежде чем говорить о судьбе Тесея. Согласен ли ты подождать?

— Три дня,— Агамемнон повернулся к выходу, сделал несколько решительных шагов, но вдруг остановился и, словно ни к кому не обращаясь, громко добавил: — И пусть всеблагие рассудят нас.

Когда шаги аргивянина затихли в скорых на эхо коридорах Дворца, Минос некоторое время беспокойно ходил по залу. Вера видела, что он взволнован не на шутку, что ему приходится выбирать одно из двух взаимоисключающих решений… и он рад бы найти третье, которое всех устроит, но его, по-видимому, нет. А цена… жизнь Тесея. Это Вера успела понять. Но вот зал приёмов опустел, и Вера — не без помощи Зои, конечно,— поспешила вернуться в свои покои.

Там её уже ждала Ариадна.

— Плохо дело,— царевна не могла скрыть переполнившего её… почти отчаяния.— Если Агамемнон знает о «Таурусе»…

— То что тогда известно Калхасу? — отозвалась Вера.

— Что тогда известно всем?..— Ариадна прижала ладони к вискам, словно пыталась получить ответ из глубин собственного мозга.— Нет… они знают о «Таурусе», но не знают, где он.

— «Они» — это кто? — шёпотом переспросила Вера.

Ариадна бросила на неё свой особый проницательный взгляд:

— Кто-кто? Надо объяснять? Враги людей.

9. Проксения — закон гостеприимства.

Вера поёжилась. Всё неуютней становилось ей на благословенном Крите, родине богов.
— И что «они» людям сделать-то могут? Понимаешь? Я знаю, о чём говорю.
— Да-да... ты знаешь. Но часы заведены без расчёта на бесконечность. Сейчас, именно сейчас можно повернуть вспять. К справедливости, к совершенству. Это — возможность, Вера! Слышишь?
— Может, и рада бы не слышать...
— Не говори глупостей! Подумаем, надо ли спасать Тесея... и — как его спасти?
— А Парис? — встрепенулась Вера. — Где он теперь, и как ему помочь?

Ариадна споткнулась на полуслове:
— Парис? При чём здесь Парис? Вера! Нужно уметь сосредоточиться на главном! Отбрось всё ненужное!
— Ничего себе ненужное, — у Веры от возмущения дыхание перехватило.

Ариадна тут же поняла её:
— Ну... не кипятись. Сейчас для нас главное — разыскать Тесея. Парис... я уверена: он в безопасности.
— Хочешь сказать, тебе неизвестно, где Тесей?

Ариадна, вздохнув, неодобрительно взглянула на неё:
— Скорее всего, в Схоликоне. Под присмотром Феба-Волка. И он, и все его спутники и спутницы. Но туда пробраться... целое дело, Вера!
— Так они всё же пленники?
— И да, и нет... У них есть всё, о чём в своей дикой Аттике они и слыхом не слыхивали. Все удобства, все чудеса учёности и магии. Но пока они не освоились, не приняли ценности Крита как свои собственные, их следует подержать... под присмотром. Что и делается. Пока длится это временное ограничение их свободы, никому — ни местным, ни чужим — не разрешается общаться с ними.
— Ясно, — хмыкнула Вера. — Но мы же должны узнать, с какой целью Эгей прислал сюда Тесея... и — да! — что самому Тесею известно о «Таурусе».

Ариадна — несмотря на взаимные опасения, продиктованные опытом, — порывисто обняла Веру, и они обе вдруг поняли, что нужно делать.
— Феб Аполлон — на нашей стороне!
— Ой, Ариадна! А какова она, наша-то сторона?
— Мы за людей, Вера! За человечество!

Глава четырнадцатая,

в которой Тесей всё-таки отправляется в Лабиринт, а Вера поневоле приобщается к менталитету[10] растений

Схоликон — по рассказам Ариадны, это заведение представлялось Вере чем-то вроде университета, — располагался в живописной долине неширокой, но быстрой и глубокой речки. Это была, скорее всего, единственная территория Дворца, ограждённая каменными стенами со всех сторон и надёжно охраняемая. Вера удивилась — зачем?
— Растущему уму до определённого момента необходима особая среда. Создать её — дело долгое, тонкое и очень трудное. Нельзя, чтобы посторонние вносили в неё свои мысли и вещи, — объяснила Ариадна, — тем более там, в Схоликоне, столько интересного, такая богатая событиями жизнь, что никому из схоликастов даже в голову не приходит выходить за территорию. Да и знают они, что время пребывания в Схоликоне ограничено... Наступит день, когда врата распахнутся, и для них начнётся взрослая жизнь. Свободная, но полная лишений и труда. Почти всегда схоликасты к ней готовы. Я сама вышла из этих ворот всего три лета назад.
— А я? Меня примут в Схоликон?

Ариадна улыбнулась:
— Не будем загадывать, Вера... Полагаю, всё то, что знаю я, каким-то неведомым мне образом постепенно переходит к тебе само собой. Я ведь вижу твои сны, Вера. А ты — мои?
— Да, — Вера мгновенно вспомнила своё путешествие с Реей над облаками, — наверное.
— Схоликон — любимое детище Феба Волка. Он приглядывает за всем, что здесь делается, с самого основания.
— Почему Волка?
— Аполлон — просветитель и покровитель всего прекрасного — может явиться волком, дельфином, ястребом, ящером или даже мышью. Волк — его любимый образ. Сильный, храбрый, мудрый вождь стаи, благородный, беспощадный к врагу, — уловив Верино ироническое чувство, Ариадна нахмурилась: — Почему бы и нет?

И правда — почему бы нет?

Подобно университету, Схоликон состоит из «факультетов» — Домов. Самые маленькие ученики — девочки и мальчики семи-девяти лет — принимаются в Понтикон, Дом Мыши. Через шесть лет каждый из них должен определиться, к какому Дому примкнуть на следующие шесть — Дому Дельфина, Дому Ястреба, Дому Дракона или Дому Волка.

Насколько Вера смогла понять, «дельфины» обучаются морскому делу и всему, что связано с морем и прочими водами. Поэтому Дом Дельфина не обходится также без внимания Посейдона. Феб Аполлон не слишком рад участию дяди в своих делах, но вынужден с ним смириться — такова воля Зевса, против неё не пойдёшь.

В Доме Ястреба учатся будущие лесничие, охотники, знахари, маги и врачи, знатоки растений и животных и всего того, что называют небесными явлениями, включая погоду и расположение планет и звёзд. За «ястребами» присматривает Феба Артемида, сестра-близнец Аполлона.

....

10. Менталитет — склад ума, образ мышления какого-либо сообщества.

Дом Дракона, опекаемый славным семейством Драгайнов, с представительницей которого Вера уже успела познакомиться, воспитывает техников-инженеров—так для себя определила Вера. За «драконами» присматривает также Дедал, выбирая из выпускников Схоликона сотрудников в лаборатории и мастерские Лабиринта.

А в Доме Волка готовят государственных деятелей—управленцев и дипломатов.

В Схоликон принимают учеников без различия пола и вида. Потому что—Вера скоро убедилась в этом,—наряду с людьми, в Схоликоне учат юных кентавров, драгайнов и прочих разумных, бок о бок с которыми на Крите веками живут минойцы.

Самых младших принимают в Схоликон по желанию родителей. Им и детям подробно разъясняют условия: и родители, и дети знают, что будут разлучены, что дети на целых двенадцать лет будут отделены от внешнего мира, что видеться им можно будет раз в году на несколько часов, да и то—схоликастов с первого года обучения связывают страшной клятвой, запрещающей рассказывать кому-либо извне о том, что происходит в Схоликоне. Тем не менее—слухами земля полнится: недостатка в учениках Схоликон никогда не знал, но никто не решился бы утверждать, что все минойские семьи жаждут обучать отпрысков именно здесь.

В Схоликон можно поступить и минуя Понтикон—сразу в один из старших Домов. Однако для этого нужно пройти испытания, о содержании которых распространяться схоликастам строго запрещено. В общем, интересное это место—Схоликон. Честно говоря, Веру распирало любопытство. Но ведь не на экскурсию же они с Ариадной собираются!

Ворота закрыты и заперты. Через стену перебраться можно… разве что одолжив крылья у Икара. Да и то… Стену постоянно охраняют вооружённые луками и стрелами неутомимые кентавры, так что и крылья не помогут, если что. А ведь попасть за ворота—полдела. Надо ещё узнать, в какой из Домов нынче определили прибывших из Афин юношей и девушек, пробраться туда и разыскать Тесея. И убедить Тесея, что ему не нужно «убивать Минотавра».

Рассматривая стены Схоликона с галереи башни Паратирис, Вера всё больше убеждалась в безнадёжности всей затеи.

— Может, просто поговорить с царём?

— Ты ещё не поняла, Вера? Отец всеми силами старается оградить нас от опасностей. Если он узнает… мы обе и шагу не сможем сделать из своих покоев!

— Как же быть?

Ариадна помолчала.

— Надо подумать.

Они смотрели, думали, но ничего не придумывалось. Перебраться ночью через стену? Не

получится. Какая разница для кентавров-охранников—днём или ночью полезут непрошеные гости? Сделать подкоп? Совсем смешно… Сколько нужно копать, и как это сделать незаметно? Перелететь, позаимствовав крылья у Икара? Тоже не выход. Во-первых, придётся Икару объяснять, что да почему. Во-вторых, кентавры в равной степени внимательно смотрят вверх и по сторонам. Как-нибудь обмануть стражу, отвести глаза стражникам, напустить туману? Ну, это не про охрану Схоликона. Она сама кому угодно глаза отведёт.

Ещё несколько минут напряжённого молчания… и тут Веру озарило!

— Волшебные карандаши! Как же я о них забыла?

Ариадна недоверчиво подняла бровь:

— Что ты собираешься нарисовать?

Действительно—что?

— Плащи-невидимки! Вот что!—Вера фантазировала уже напропалую.

— Ой!—рассмеялась Ариадна,—Плащ-то нарисовать, конечно, не проблема! Но как этот плащ узнает, что он—невидимка?

— Попытка—не пытка,—заметила Вера,—надо попробовать.

Они попробовали в тот же вечер—в Вериной «раздевалке». Вера нарисовала на альбомном листе отличный длинный плащ с капюшоном, подумала немного и подписала рисунок—«плащ-невидимка».

— Раз-два-три!

К изумлению обеих, рисунок медленно исчез с листа.

— Ну вот… решил, что он сам невидимка, а не мастер невидимости,—огорчилась Ариадна.

— Погоди,—Вера пошарила под столом и—о радость!—тут же нащупала мягкую ткань плаща. Он действительно был не видим, но вполне себе ощутим.

— Смотри, Ариадна!—Вера накинула плащ на плечи и накрыла голову капюшоном.—Ну как?

— Получилось, Вера, получилось! Я тебя не вижу!

Вера сбросила плащ, аккуратно свернула его на ощупь и положила в сумку. Сделать такой же для Ариадны теперь не составляло труда. Таким образом, экипировка для проникновения в Схоликон была готова. Осталось разработать план — как это сделать. Тут уже долго думать не пришлось.

На следующий день, спрятавшись в роще перед южным входом в заведение, они дождались смены караула и, никем не замеченные, невидимками проскользнули в открывшиеся ворота.

— Ах, Вера, — прерывающимся от волнения голосом рассказывала Ариадна. — Сады Схоликона — самое прекрасное, что может быть на свете! Я совершаю преступление, возвращаясь сюда без разрешения, да ещё с чужеземкой. Впрочем, какая ты чужеземка? Ты — моё второе «Я». Однако наша цель того стоит, поэтому совесть моя спокойна. Смотри, Вера, какая красота! Это маленький Элейсон, ведь правда?

Вера очень смутно представляла себе Элейсон (Ариадна, впрочем, тоже), но сады Схоликона действительно были достойны восхищения!

Прямо от ворот начиналась широкая прямая лиственничная аллея — высокие деревья широко раскинули опахала нежной, мягкой, благоухающей хвои над головами идущих и гуляющих, надёжно прикрывая их от солнца. Дома и дворцы Схоликона утопали в зелени и цветах. Речка журчала по чистейшей гладкой гальке. Всюду виднелись изящные деревянные и мраморные беседки, скамьи и скамеечки, скульптурные группы, фонтаны и тщательно ухоженные и украшенные родники и ручьи. Вера и Ариадна — невидимые и свободные — сразу оказались среди разновозрастных схоликастов, которые группами и поодиночке расхаживали тут и там — в сопровождении мастеров-наставников и сами по себе. Где же искать афинян?

— Вера, слышишь? — вдруг насторожилась Ариадна. — Это ведь ионийская речь, не так ли?

Вера прислушалась. На лужайке под цветущими липами, издававшими сладкий дурманящий аромат, прямо на траве расположились девушки в непривычных для Крита тёмных одеждах. Вид у них, однако, был отнюдь не грустный, они весело переговаривались, смеялись и с удовольствием поедали ягоды и орехи из белых и розовых глиняных чашечек, которыми обменивались по ходу разговора. Диалект[11] точно был ионийский. Каким образом Вера это поняла — загадка. Вера вообще как-то очень быстро пропитывалась знанием, о существовании которого прежде даже и не подозревала.

Скорее всего, эта работала память Ариадны. Но ведь и её, Верина, память?

— Афинянки?

— Очень похоже.

— Значит, и Тесей где-то рядом… поищем. Мы на верном пути.

Они ещё побродили кругами рядом с лужайкой, на которой веселились юные дочери Аттики, пока Вера, наконец, не заметила неподалёку, в тени раскинувшихся по берегу высоких кустов мирики, одинокую фигуру, расслабленно притулившуюся к изогнутому стволу.

Здоровенный детина, вся одежда которого состояла из не слишком чистой набедренной повязки, спокойно дремал над маленькой заводью, переливавшейся серебристой рябью.

«Это он!» — подумала Ариадна. Подумала достаточно громко, потому что Вера тут же откликнулась — мысленно: «Почему — он?» — «Не похож на ученика. Телосложение-то какое!» — «Атлетическое, — беззвучно усмехнулась Вера, — прямо качок какой-то». — «Ну и выражения у тебя! Я бы сказала — богатырь, воин, витязь!» — «Я бы тоже так сказала, но не внушают мне доверия такие персонажи… У нас ещё говорят: сила есть — ума не надо». — «Откуда сила возьмётся без ума? — искренне огорчилась Ариадна. — Давай проверим, точно ли это молодой афинский царь?»

— Тесей, — негромко позвала она, — Тесей, очнись!

Детина встрепенулся, открыл глаза и с явной тревогой огляделся по сторонам. Невидимые и свободные, наши героини без малейшего смущения наблюдали за его реакцией.

— Видишь?

— Вижу. Что дальше?

Ариадна решительно сбросила плащ на траву и, не теряя времени даром, подошла к остолбеневшему от неожиданности парню.

— Тесей, что ты здесь делаешь?

Парень, кажется, опешил бы ещё больше, если бы его не возмутило поведение незнакомки, столь непохожее на манеры ионийских скромниц, не смеющих глаза поднять в присутствии мужчины.

— Ты кто такая? — Тесей мрачно сверкнул глазами в сторону непрошеной гостьи.

Вере сразу расхотелось следовать примеру Ариадны и обнаруживать себя перед «молодым афинским царём».

— Никто, — не отводя глаз, парировала Ариадна.

— Чего тебе надо?

— Ничего. Просто узнала тебя, Тесей. Не понимаю только, что ты делаешь в Схоликоне — вопреки желанию богов и собственной совести.

— Если знаешь меня, значит, знаешь, что я здесь не по своей воле.

— И надолго?

Тесей саркастически усмехнулся:

— Пока Минос не откормит нас настолько, чтобы Минотавр не побрезговал негодной пищей.

Ариадна помолчала, нервно переступая с пяток на носки и обратно.

11. Диалект — местное наречие, говор.

— Простейшее объяснение. Других соображений относительно последних событий у тебя нет?
— Есть,— Тесей встал и, разминая мышцы, пошевелил плечами.— Минос хочет видеть меня завтра в полдень. Одного.
— С какой целью?
— Не знаю. Да и кто ты такая, чтобы я с тобой разговаривал об этом?
— Давай начистоту. Ты Тесей, сын Эгея. А я — Ариадна, дочь Миноса. Я знаю, что тебе грозит смертельная опасность. И не от Минотавра, поверь. Тут дела пострашнее. Могу помочь.

Тесей поджал губы и буквально просверлил Ариадну взглядом.
— Почему я должен тебе верить?
— Потому что ничего иного тебе не остаётся. Или Минос с его беспощадным гостеприимством. Или… дорийцы с их звериным страхом и завистью. В любом случае Тесею несдобровать. А я знаю выход.

Тесей отвернулся, постоял в нерешительности, потом шагнул к Ариадне и, словно понуждая её к искренности, схватил за руку:
— Зачем тебе это?

И тут Ариадна сделала такое, отчего у Веры дух перехватило (эх, будь я у себя на кухне, я бы сказала, что у неё челюсть отвисла от изумления, но здесь полагается вести себя прилично, вот я и выбрала более или менее подходящее приличное выражение): она встала на цыпочки, обняла Тесея за плечи и, прямо глядя ему в глаза, проговорила таким тоном, от которого даже у Веры мурашки побежали по спине:
— Затем, что ты мне нравишься!

Бедный Тесей! От такого у кого хочешь разум помутится! Однако парень быстро совладал с собой, мягко отстранил Ариадну и строго вопросил:
— Что дальше?
— Я отведу тебя в надёжное место,— сказала Ариадна,— безопасное и полезное.

Тут она, чтобы Вера наверняка её поняла, очень громко подумала: «Зря мы не взяли с собой волшебные карандаши. Ну ничего. Мы так поступим: ты отдашь свой плащ Тесею, я выведу его за ворота, спрячу в Лабиринте, а потом вернусь за тобой. Пока ты здесь, тебе ничто не угрожает. Ты, Вера, внешне ничем не отличаешься от учениц Понтикона. Веди себя естественно — и всё. Я постараюсь не задерживаться. Согласна?» — «Попробовала бы я не согласиться»,— мысленно проворчала Вера. Идея Ариадны ей ужасно не понравилась. Но делать нечего — раньше надо было шевелить мозгами.

Ариадна ощупью нашла рядом её руку, не обращая внимания на удивлённый взгляд Тесея, увлекла девочку за ближайший мириковый куст, чтобы не вызывать у нового знакомца лишних вопросов, бесцеремонно стащила с неё плащ и вернулась с ним к царевичу.

Осторожно раздвинув ветки, Вера сквозь плотные, почему-то пахнущие супом[12] листья видела, как Ариадна что-то объясняет Тесею, потом надевает на него плащ — парень моментально исчез из виду, потом сама накрывается плащом,— и Вера снова осталась в полном одиночестве.

Сначала она просто сидела на берегу, бродила кругом по тропинкам, мурлыча под нос: «Если весело шагать по просторам…» — старую мамину детскую песенку…

«Как-то там мамочка? Далеко-далеко, давным-давно… неужели забыла дочку? Или ищет её до сих пор? Переживает, плачет… Милая мамочка, знала бы ты…»

Потом ей пришло в голову, что давненько не навещал её Гермес, «побудительная мыслеграмма». Или бессмертные уже и впрямь махнули на неё рукой — пусть разгуливает без божественного присмотра нахальная девчонка по Древнему Криту? Авось не натворит чего не надо.

От этой мысли Вера даже развеселилась. Столько всего произошло за последнее время, что она, кажется, даже утратила способность по-настоящему удивляться. Сам факт присутствия рядом бессмертных воспринимался теперь как нечто само собой разумеющееся. Странно было, что никто из них уже несколько дней подряд не проявляет к ней интереса.

А этот день, похоже, неуклонно двигался к середине. Солнце стояло высоко и пекло нещадно. Вера укрылась от его лучей в тени мирики и тут только заметила, как непривычно тихо вокруг. Не трещали цикады. Не свистели и не чирикали птички. Даже речка будто бы перестала журчать. А главное — Вера не слышала, о чём думает Ариадна! Связь исчезла!

«Видно, слишком занята царевна хлопотами о новом приятеле, раз даже думать перестала в мою сторону,— ревность больно царапнула Верино сердце, но она тут же отругала себя за эту слабость: — Только представь, как ей сейчас нелегко! „Занята“… конечно, занята! Не то что ты, бездельница! Полдня уже растратила в сущности ни на что! Надо что-то делать!» — Вера вскочила и быстрым шагом, почти бегом, пошла по тропинке, которая должна была вывести её на лиственничную аллею.

Вдруг что-то кольнуло её в шею. Вера хлопнула ладошкой по ужаленному месту, почувствовала в руке жёсткое шевелящееся тельце насекомого, разжала пальцы… у неё на ладони дёргал лапками и расправлял крылышки огромный овод.

«Ну вот… и намазать нечем, чтобы не чесалось»,— она раздражённо сбросила овода на тропинку и только хотела раздавить насекомое сандалией, как жужжащий овод со страшной скоростью завертелся вокруг собственной оси — и нате вам, пожалуйста: перед Верой, посмеиваясь, нарисовался Гермес.

12. Неудивительно, что мирика «пахнет супом»: это ведь дикий лавр, и листья её — лавровые.

«Всего-то и надо было — вспомнить», — Вера не ощутила радости при появлении старого знакомого, но всё же заставила себя вежливо улыбнуться и даже пробормотать что-то вроде приветствия.
— Ну и как тебе? В дивном старом мире? — съехидничал Гермес.
— Великолепно! Что тебе велено передать на этот раз? И кем — кем велено?
— Невежественная и невоспитанная.
— Да. Это я. И что?
— Думаю, тебе сейчас очень нужно оказаться где-нибудь вне Схоликона.
— Не тороплюсь.
— Ух, какая ты стала смелая, Вера. Но некоторые — только вообрази! — так не думают.
— Кто тебя послал, Гермес? Я же знаю — сам по себе ты никогда не являешься.

Гермес расхохотался. Но как-то неуверенно. Он посмотрел на небо — и небо затянуло тучами. Он цыкнул зубом — и сверкнула молния. Он махнул рукой — и Схоликон накрыло волной тумана.
— Посейдон! — крикнула Вера. — Чего ты хочешь от меня?
— Чтобы ты убралась отсюда. Как можно скорее.
— Я бы рада. Но — как?

Речка — такая спокойная и мирная — вдруг вздулась, как разъярённый горный поток, и со всей дури кинулась на берега. Вера вскрикнуть не успела, как волна подхватила её, захлестнула и потянула за собой — в глубину…

Вера очнулась на поляне, которая показалась ей странно знакомой. Да-да… верно. Вот здесь она впервые увидела Париса. Безмятежно спящего подростка-пастушка. А вот здесь паслись козы. А вот здесь её купала Лириопа.

Вера, шатаясь, поднялась на ноги, попыталась шагнуть. Но тут в тумане перед ней выросли две гигантские фигуры.

Одна, мужская, уходила макушкой в небеса — косматая, в каких-то зелёных лохмотьях. Другая — пониже ростом — о! Вера узнала её: Афина Тритогения. Она и сейчас была безупречна — в серебристом космическом комбинезоне, с гладко зачёсанными волосами, собранными на затылке в пучок. И с ледяной усмешкой на бледно-розовых губах.
— Вера, — Афина старалась быть ласковой, это у неё не слишком получалось, но она прилагала усилия, чтобы не испугать девочку, — ну что ты опять натворила?
— Я натворила?! — у Веры слёзы брызнули от возмущения. — Как же я хочу, чтобы вы все оставили, наконец, меня в покое!
— Ах, Вера, как же мы все хотим тебе покоя! Только пожелай!
— Чего пожелать?
— Ну… кем ты хочешь быть? Выбирай! Птичкой, бабочкой, деревом? — Афина откровенно ехидничала.
— Деревом, чтоб вам пусто было, — окончательно потеряв над собой контроль, закричала Вера, и тут же что-то не больно, но крепко ударило её в живот.
— Что это? — Вера почувствовала, как что-то неподъёмной тяжестью опутывает её ступни, потом щиколотки, она уже не ощущала пальцев ног… потом похолодели коленки… потом… Вера перестала чувствовать сердце. Веки её сами собой сомкнулись…
— Де-е-е-еву-у-ушки-и-и-и… Посмотрите, у нас новая сестра…
— Ой, какая… тощая… чахлая…
— Ей не давали воды?
— Не давали… не давали… но она поправится — надо звать Лириопу.
— Да. Надо звать. Надо звать Лириопу.

До Веры сквозь сон доносились протяжные нежные голоса. Она снова стала слышать и видеть, но не глазами, а как бы всем телом… словно глаза и уши у неё были по всему телу… да и тело-то было — большое-пребольшое… широкое-преширокое…

Вот она почувствовала, как из пруда поднялась нежная маленькая наяда… та, которая учила её, Веру, доить козу.
— Моя бедная девочка, — шептала Лириопа, — как они жестоко поступили с тобой! Но зато теперь у тебя есть покой… покой и воля! Радуйся, Вера! Ты теперь — дикий лавр, мирика. Ощути, какая это радость — быть растением! Почувствуй блаженство, Вера!

Продолжение следует…

Осень-2022 в моей жизни и в жизни моей страны

В ноябре 2022 года редакция журнала «День и ночь» совместно с проектной лабораторией Красноярского финансово-экономического колледжа Финансового университета при Правительстве Российской Федерации провели литературный Студенческий совет, в ходе которого будущие специалисты в области экономики и финансов поделились своими мыслями о самых значимых событиях в своей жизни и жизни страны. Самые интересные из них предлагаем вниманию читателей и приглашаем студентов — красноярских и не только — к участию в следующем нашем Студсовете.

Анна Самарцева

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса.
А. С. Пушкин

Осень — прекрасное время года. Особая атмосфера, погода, эмоции. Даже обычные прогулки становятся более приятными, позволяют по-новому взглянуть на привычные пейзажи.

Именно это время года является моим любимым. Осенью можно увидеть, как красно-жёлтое покрывало листьев окутывает наш город, порадоваться звону падающей листвы, запаху осенних цветов. Насладиться шумом дождя, сидя возле камина под пушистым пледом и с горячим имбирным чаем в руках.

Но прежде всего осень — это начало учебного года. Именно поэтому эта осень стала важной в моей жизни.

В этом году я переехала в другой город, так как поступила в колледж. Этой осенью я завела новые знакомства, смогла посетить удивительные заведения, концерты и экскурсии, увидеть много красивых мест этого города в разных золотистых красках, ощутить уют обстановки, прогуляться под прекрасным листопадом и даже встретить первый снег, с появлением которого вид города стал ещё более превосходным. Его изумрудные льдинки украшают всё вокруг своим глянцевым сиянием…

Эта осень сыграла и неблагоприятную роль в моей жизни, причина — ситуация в стране. Война — самое страшное, что может произойти в мире, ведь она разрушает не только здания, постройки, но и семьи. Война показывает свои корыстные цели, эгоистичные поступки, что очень сильно влияет на общество. Она способна сделать людей калеками, забрать родных и близких. Я, как и все жители Российской Федерации, переживаю за детей и взрослых, которые живут в городах, страдающих от ежедневных бомбёжек, за мобилизованных людей, старающихся защитить граждан и родину от украинских военных, которые терроризируют мирных жителей и всячески пытаются «развязать» третью мировую войну, захватить территорию нашей страны.

Но всё же эта осень стала для меня самой насыщенной эмоциями и событиями. Я считаю, что, какими бы ни были моменты жизни, неблагоприятными или положительными, это не важно, ведь самое главное, что мы их переживаем, что чувствуем смысл происходящего, выражаем своё мнение и свои желания.

В заключение хочу обратиться к читателям. Дорогие друзья, живите здесь и сейчас, цените любые моменты вашей жизни, принимайте эмоции и чувства, какими бы они ни были, находитесь в постоянном развитии и способствуйте развитию других людей, наполняйте свою жизнь смыслом и радуйтесь мелочам, ведь даже самое маленькое событие, которое вы считаете незначительным, может перевернуть вашу личную историю и сделать вашу жизнь лучше.

Руслан Акимов

Именно этой осенью моя жизнь поменялась полностью. Отучившись одиннадцать лет за партой родной школы, ты понимаешь, что тебя ждёт что-то новое, ведь обратно ты больше не вернёшься. Хотя документы в колледж были поданы ещё в июле,

страх перед неизвестным стал появляться ближе к сентябрю. Что меня там ждёт? А будет ли там интересно? Смогу ли влиться в новый коллектив?

Могу сказать, что выбор был сделан правильный.

Тут как-то всё по-другому. Учителя относятся к тебе совершенно иначе, ты не боишься что-то спросить, чем-то поинтересоваться, если не понял. За такой короткий срок обучения можно сказать, что преподаватели стали как родные. Я считаю, что именно этот фактор влияет на успеваемость человека. Мне намного проще найти общий язык с людьми тут, чем в школе. В прошлом учебном учреждении я кое-как учился на тройки, тут же я раскрылся совершенно с другой стороны. И положительные оценки мотивируют идти дальше и добиваться ещё большего.

В стране тоже многое изменилось. Ушли очень многие товары с рынка, которые ты использовал в быту. Но им спокойно можно найти альтернативу. Возможно, у многих людей есть страх перед тем, что будет дальше и что ждёт страну в дальнейшем. Кто-то уезжает, кто-то негативно высказывается по поводу всего этого. Некоторые всё ещё кричат, что им стыдно за то, что они русские. Но я так не считаю. Я чувствую себя в полной безопасности, находясь там, где я есть. Хоть у меня тоже своё мнение, но мне ни капли не стыдно, что я принадлежу этой нации и живу в этой стране.

Мария Береговых

Для меня осень этого года стала началом множества перемен в жизни. Думаю, как и для большинства россиян. Не так давно был подписан указ о частичной мобилизации населения из-за спецоперации. Я искренне уважаю людей, которые откликнулись на этот призыв и сейчас жертвуют своими жизнями, чтобы я, первокурсница, и много других таких же молодых людей могли спокойно учиться.

В моей жизни эта осень стала переломным моментом. Было множество переживаний из-за поступления, правильно ли я решила, чем хочу заниматься в жизни, это ли моё призвание. С наступлением ноября большинство моих страхов развеялось в прах. Сейчас мне до безумия нравится учиться, участвовать в различных мероприятиях и заниматься общественной деятельностью.

Мне не даёт покоя лишь то, какие события разгораются вокруг моей страны, но я верю, что мы поступаем правильно. С другой стороны, мне непонятно, почему настолько близкие и братские народы могут так враждовать. Кажется, что за этими событиями стоит третье лицо, но оно, как тень, как муха на плече, нашёптывает противные мысли и замыслы.

Хочется думать, что в скором времени закончится это огромное непонимание, ведь то, что совершают наши практически кровные братья, можно назвать фашизмом.

Моих близких все эти события не затронули. Но когда о таком говорят, мне вспоминается Великая Отечественная война, когда огромное множество людей погибли, искореняя ту же пакость, что и сейчас терзает мой народ.

Эта осень стала для меня чередой ужасающих новостей. Но, несмотря на это, все пытаются сделать вид, что ничего не происходит. Кто-то даже не осознаёт, что творят многие люди за рубежом, думая, что их это не коснётся. Но это касается всех. Я огромный патриот своей великой страны, но никто не застрахован от ошибок.

Надеюсь, слова маленькой шестнадцатилетней девочки будут услышаны хотя бы небольшим кругом лиц. Мне не хочется быть наивной и желать мира во всём мире, но хочется верить, что действительно братские народы, которые раньше сражались с этой напастью плечом к плечу, перестанут воевать друг с другом по той же причине, которую почти искоренили наши деды и прадеды.

Мечтательная книга

Финалисты XX городского конкурса
публицистических работ «Суперперо-2022»

Алевтина Дякина

11 «А» класс, школа №21

Старик и мечта

Осенним прохладным вечером, когда закат горел яркими цветами, а суматоха на улицах постепенно рассасывалась, включались яркие фонари, которые, словно мотыльки в ночном лесу, указывали путь.

Каждый вечер перед сном старик, живущий в бараке, медленными и маленькими шажочками прогуливался на свежем воздухе. «Старость — не радость»,— думал он про себя и каждые пять минут садился на скамейку отдохнуть и полюбоваться уходящим закатом.

Неожиданно рядом сел мальчишка, лет десяти, не больше, он быт одет в красную куртку, которая была немного затёртой и грязной, на голове еле держалась вязаная шапка. Он резво сел и начал качать ногами, не дотягиваясь до земли, в его руке было эскимо. Мальчик с горящими глазами жадно облизывал немного подтаявший шоколад; дойдя до самого мороженого, он немного испачкался, но это не мешало ему получать удовольствие, не обращая внимания на проходящих мимо людей.

Старик краем глаза наблюдал за мальчиком.

— В прохладную погоду съесть такое большое эскимо — вредно для здоровья! — немного повернувшись к мальчику, промолвил шутя старик.

— Меня мама тепло одела, я не заболею,— поправляя шапку на голове, ответил мальчик.— И вообще! Мороженое всем дарит улыбку, даже зимой. Вот бы каждому дяденьке и тётеньке купить по мороженому, а то идут, грустят.

— Может быть, они просто несчастливые? Может быть, беда у них? Может быть, мечты не сбываются? И ты предлагаешь им их горе заесть мороженым?

— Когда ты счастливый, тогда и мечты сбываются. Мои мечты — полететь в небо и узнать, кто его красит под вечер, найти того, кто включает фонари, научиться проходить сквозь стены. А ещё — съесть кучу мороженого и много конфет. Мама говорит, что мне станет плохо, но как счастливым может стать плохо?!

Старик заулыбался и покачал головой:

— Я так понимаю, ты уже на пути к своей мечте? Я в твоём возрасте в космос хотел.

— Полетели? — удивлённо спросил мальчик.

— Не-е-ет, здоровье плохое, да и мал я был.

— Зачем люди желают невозможного, если можно найти то, что осчастливит их и тут? Вот вы зачем хотели в космос?

— Даже не знаю,— всерьёз задумался старик.— И без мечты можно прожить.

— Мечтать — значит быть счастливым.

Мальчик доел мороженое и счастливо продолжал качать ногами, а позже залез в карман, подошёл к старику и положил в его ладонь конфету со словами:

— Вы несчастливы, потому что мечта у вас пропала. Возьмите и осчастливьте себя.

— Хочешь меня осчастливить путём сладкого? — задорно посмеялся старик.— Не могу я съесть, диабет у меня.

— Значит, вы никогда не сможете найти свою мечту? — опустил глаза мальчишка.

— Ты сегодня уже подарил мне одну новую мечту.

— И какую же?

— Наконец-то узнать, кто красит небо в такие яркие цвета.

Мальчишка, очевидно, знал ответ на вопрос, кто художник неба, но промолчал.

«Старик нашёл свою мечту, так пусть и сам её осуществит»,— подумал про себя мальчик и, радостно подпрыгивая, ушёл домой.

Александра Перова

11 «В» класс, школа №6

Шов длиною в жизнь

Когда-то давно, классе в третьем, Сашина мама не могла найти красивый утеплённый плащ своей дочери на осень. И тогда она решила сшить его сама: купила плащевую ткань, флис и фурнитуру, вооружилась иголками, нитками, швейной машинкой и начала творить. Конечно, неопытному человеку тяжело даются такие сложные изделия, поэтому она обратилась за помощью

к своей подруге, которая своему сыну Мише шила всё сама, даже куртки. С этого и началась история, которая навсегда останется в памяти Саши — то есть меня — как зарождение сокровенной мечты.

Мы часто ходили в гости к тёте Любе. И пока я играла с Мишей, мама трудилась: переносила выкройки на ткань, смётывала детали, выглаживала изделие под чутким руководством умелой подруги, а дома доводила всё это до ума.

Надо сказать, что, будучи ещё пятилетней девочкой, я с мамой часто смотрела передачу «Подиум» по телевизору. Мне нравилось наблюдать за тем, как из непонятной «тряпки» дизайнеры создают красивые платья всего за сутки! Мне это казалось настоящим волшебством. Поэтому ради просмотра любимой передачи я даже иногда пренебрегала вечерней летней прогулкой с друзьями со двора, ведь «Подиум» показывали только вечером.

Думаю, вы понимаете, что мало-помалу уже девятилетняя Саша начала интересоваться, как это мама с тётей Любой шьют мне плащ. И если в гостях мне всё же было интересней побегать и поиграть в прятки со своим другом, то дома мамуле приходилось отвечать на кучу моих вопросов: «А это зачем? А это для чего? А почему ты узелочек на этом шве не сделала? В смысле — смётываешь? То есть это так не останется???» — спрашивала я, и она терпеливо отвечала. В конце концов я взяла кусок ткани, который мама хотела выкинуть, и начала пробовать что-то ваять. Она показывала мне, как делать узелочки, как правильно делать стежки и какого они должны быть размера, как закреплять нить. И если первое сшитое мною сердечко из фиолетового флиса было кривоватым, то второе вышло уже ничего такое, даже миленькое. А маленькая декоративная варежка получилась даже хорошо! Я ещё и отделала её оверлоком из белых ниток, чтобы было контрастно, и даже вышила на ней пару снежинок.

Так я и шила: мама сидела над швейной машинкой, а я рядом, с огрызком ткани в руках, тихонечко пыталась превратить его во что-то сносное и иногда просила совета. Колола пальцы, плакала из-за кривых швов, распускала и шила заново. Так продолжалось до того рокового момента, пока в холодный августовский день я не пришла к Мише в гости. Он стал меня приглашать, а мне было интересно проводить с ним время, поэтому иногда гостила у них без мамы. В тот день я впервые побывала в мастерской у тёти Любы. Моё внимание привлекла огромная полка с куклами: они были красиво расставлены, как в музее, и с ними явно никто не играл. Миша подошёл ко мне и сказал, что это куклы мамы. Я очень удивилась, но ничего не спросила. В этот момент в комнату зашла тётя Люба. Детское любопытство в глазах девятилетней девочки было невозможно не заметить, и Мишина мама начала рассказывать.

Оказалось, что сначала она шила одежду для кукол, а не для людей, и продавала её коллекционерам. Куколки у неё были самые разные: маленькие, размером с мою детскую ладошку, и большие, выше моего колена. С фиолетовыми волосами, с красными и вовсе без них. С ушками как у эльфов и с хвостиками как у кошек. Я очень внимательно слушала её рассказ, а в конце она достала одну куклу из глубины полки и подарила её мне. Я начала возражать, говорила, что ей она нужнее и что мама будет говорить, что я её выпросила, на что тётя Люба ответила: «Маме так и скажешь, что тёте Любе она не нужна».

Стоя уже в пороге их квартиры после прекрасно проведённого дня в гостях, я подумала, что кукле будет холодно на улице, и аккуратно поместила её под жилетку. Поблагодарив тётю Любу и Мишу, я вышла в подъезд, придерживая мою новую подругу. Придя домой, я рассказала обо всём маме, и она побежала звонить своей подруге, чтобы поблагодарить за такой подарок. А я тут же, не раздевшись, села рассматривать малышку.

Она была без одежды, без паричка, но с большим количеством шарниров: садилась на все шпагаты, сгибала коленочки и руки в локтях и кистях, даже туловище можно было поворачивать. А какие у неё были глаза! Ярко-зелёные стеклянные вставные глазки так и светились, словно изумруды. Я назвала её Алиной. Не знаю, почему именно так, но мне показалось, что это имя ей подходит. И в этот же день было решено попробовать сшить ей платье.

Получилось оно скверным. Мало того, что швы были кривыми, так оно ещё и не налезло. Было очень обидно, я плакала, ведь столько времени на него было потрачено, но не сдалась. С этого момента весь YouTube на компьютере был в мастер-классах по шитью для кукол. По дому были разбросаны ленты, липучки, маленькие пуговки, куски ткани и нитки. И ладно нитки — бывало, я оставляла на стульях иголки... Все в семье быстро поняли, что как мне ни напоминай про то, что я должна следить за ними, в любом случае стоит проверять, не оставила ли я булавку, перед тем как сесть куда-либо. Мама очень поддерживала меня во всех начинаниях, поэтому мы стали частыми гостями в швейных магазинах, а потом она и вовсе договорилась с соседкой — владелицей ателье — о том, чтобы остатки тканей они отдавали нам. Но пополнялась не только коллекция тканей: кукол тоже становилось всё больше и больше, теперь я стала не только швеёй, но и коллекционером-кукольником, и вскоре мне подарили настоящий кукольный дом с балкончиками.

В пятом классе начались уроки технологии. Признаться честно, мне было тяжело шить фартук даже с моим опытом: всё же это совершенно другая ткань, ситец, он сильно сыпется, в отличие от того же флиса, да и в любом случае это

уже полноценное изделие, а не мои кукольные «пошивушки». Но я справилась. Справилась даже с учётом сломанной школьной ручной машинки, кучи потерянных игл и слёз. Меня закалил этот опыт. А ещё привлекла огромная коробка с лоскутками, которая стояла в углу класса: ими набивали подушки и мягкие игрушки. После уроков я стала оставаться и копаться в этой коробке в поисках интересных тканей и уходила домой стабильно с пакетиком этой красоты. А учительница была и рада: я часто с ней болтала о том, что я шью, а она делилась тем, над чем сейчас работает сама. В седьмом классе я даже сделала проект по технологии на тему «Пошив платья для куклы». А потом увидела по телевизору передачу «Мода из комода» и начала перешивать старые футболки и кофты… Конечно, на руках было тяжело шить такие длинные швы, поэтому мама меня научила пользоваться настоящей электрической машинкой! Я была на седьмом небе от счастья, и хотя не всегда получалось регулировать скорость и игла двигалась со скоростью света, отчего кусок ткани просто вылетал из рук, я была рада, что наконец-то шью не на ручной машинке в школе, а на взрослой, электрической, как настоящие дизайнеры из «Подиума».

С тех пор у меня появилась мечта: создать когда-нибудь свою коллекцию одежды. В детстве мне часто не подходила одежда из магазинов: всё приходилось ушивать. А сейчас мне приходится всё обрезать: слишком длинно. Я люблю следить за модными тенденциями, ходить по магазинам не для того, чтобы что-то купить, а для того, чтобы просто посмотреть, «чего новенького шьют». И хотя я сейчас пошивом не занимаюсь — нет свободного времени, моя мечта заключается в открытии своего бренда одежды. Не знаю, что я хочу создать больше: бренд, который будет на подиумах и за которым будут все следовать, или сеть магазинов из массмаркета, — но я точно знаю, что хочу видеть в своей одежде людей. Хочу знать, что кому-то настолько нравится то, что я создаю, что он ходит в этом на улицу; хочу знать, что люди с нестандартным телом могут прийти в мой магазин и закупиться одеждой так, чтобы её не пришлось перешивать; хочу видеть, что мои детские увлечения действительно переросли в нечто большее. Ведь если поддерживать начинания человека, чтобы он поверил в свои силы в хобби, то оно может перерасти в нечто большее, чем просто увлечение, — оно может стать любимой работой, той самой мечтой, которая сбылась. А что насчёт кукол — у меня в комнате до сих пор стоит этот кукольный дом, в котором, как в музее, размещены коллекционные куклы, а на самодельном диване сидит та самая Алина, которая когда-то вдохновила маленькую девочку с веснушками на что-то большее, чем просто шитьё от скуки, — на большую мечту.

Алеся Рукосуева
11 класс, гимназия №7

Реальность, ставшая мечтой

Мне семь. Открываю шуршащий фантик конфеты, сидя на веранде. Над головой раздражающе жужжит муха. Я разглядываю газету. Бабушка развешивает бельё, а деда собирает новый красивый шкаф. В глаза мне бросился, помню, яркий заголовок, и я невольно нахмурила брови, оторвавшись от тяжело дававшегося мне чтения.

— Деда!

Дедушка, вбивающий до моего оклика гвоздь, неожиданно промахнулся и попал прямо по пальцу. Громко выругавшись и встав с корточек, он строго взглянул на меня.

— Что случилось?

— А прокурором стать трудно?

— А тебе это зачем? — спросил деда, возвращая своё внимание к инструкции по сборке шкафа.

— Я просто увидела в газете заголовок, и там…

— Костя! Я сколько раз говорила тебе не давать ей это читать! — начала ворчать бабушка, ставя синий таз на деревянный пол.

Рядом, лёжа на спине и подставляя большой живот солнечным лучам, мурчал Кузя.

— Бабушка! А я, может, тоже хочу расследования проводить и ловить плохих людей. У меня, может, мечта такая!

— Ишь чего вздумала, — продолжала негодовать бабушка. — Ну вот вырастешь — станешь прокурором. Будешь у дедушки с бабушкой ловить тех, кто у нас малину крадёт.

Я невольно потупила взгляд, сложила газету пополам и вернула её на стол. Потом поскорее побежала к себе в комнату, представляя в голове, каким крутым прокурором я буду.

Мне десять. На тесной солнечной кухне сидим я и мама. Она что-то варит, стоя у плиты, напевает знакомую мелодию.

За окном тогда трещал мороз — столбик термометра опустился ниже двадцати пяти градусов. Утро дышало тихим спокойствием, пока на кухню не зашёл папа.

— Слушайте! А у меня предложение. Не поехать ли нам в деревню?

Мама, отойдя от плиты, удивлённо посмотрела сначала на папу, а потом на часы, висевшие над её головой.

— Саша, до Нового года осталось одиннадцать часов. Мы же не успеем приехать вовремя, дорога-то долгая.

Я вдруг встревоженно глянула на родителей:

— К бабушке? В деревню? Папа, мама, поехали, конечно! Пожалуйста!

Я соскочила со стула и прямо вплотную подбежала к родителям, заглядывая с надеждой в их глаза. Затаив дыхание, я ждала маминого ответа. Она, тяжело вздохнув, посмотрела ещё раз на время и на моё восторженное лицо.

— Милый, заводи машину, нужно успеть на рынок заехать — продукты купить.

Спустя десять часов мы вышли из автомобиля, вдыхая морозный воздух и разминая затёкшие спины. Деревня встретила нас приятной тишиной, запахом горящих дров в печках и миганием разноцветных гирлянд. Ступая тогда по хрустящему снегу и открывая голубую калитку, я даже представить не могла, насколько весёлыми окажутся новогодние каникулы. Разувшись на летней веранде, мы с родителями резко распахнули дверь и вошли на кухню, где уже слышался гомон голосов, собачий лай и радостный детский смех.

— Сашка, Валюша! Рукосуевы приехали! — воскликнул удивлённый дядя Гена, опуская свою вилку и невольно обращая всеобщее внимание на нас, уставших и слегка сонных.

— Ой, какой сюрприз!

— А я знала, что они приедут!

— Сы́ночка, внученька, ох, негодники! — говорила бабушка, вставая с дивана и медленно к нам шагая, держась за свою деревянную палочку.

— Могли бы и предупредить! — негодовал дедушка, который буквально пять минут назад разливал шампанское гостям. — А вдруг случилось бы что?

— Папа, да всё хорошо! Мы и подарки, кстати, привезли, — и мой отец, ужасно счастливый, поставил на пол наши сумки.

Сделав пару шагов, он крепко обнял бабушку. Мама в это время раздевала меня и попутно объясняла всем родственникам, почему мы решили приехать без предупреждения.

Через десять минут все снова сидели за столом. Раскладывали по тарелкам ещё горячую картошку, разливали напитки. По телевизору началось обращение президента, а куранты вот-вот должны были пробить полночь. За окном уже вовсю пускали салюты. Неожиданно соскочив со своего места, я подняла бокал с яблочным компотом и громко, чтобы все услышали, прокричала:

— За семью!

Сидевшие до этого взрослые, удивлённо посмотрев на меня, рассмеялись, а после, тоже встав со своих мест и подняв бокалы, дружно сказали под бой курантов:

— За семью!

Тот Новый год я запомнила надолго.

Мне семнадцать. Сижу за столом, держа в руках семейный альбом. Внимательно рассматривая каждую фотографию, я улыбаюсь. Вот они, дорогие, любимые лица. Мечта — хоть на один часик побыть ещё в том времени. Нет, не поступить в университет, и нет, не найти работу мечты. И даже не в том мечта, чтобы напечатать собственную книгу. Я знаю, что этого всего я и так смогу добиться. Это как цели или пункты, напротив которых ставят галочку. А мечта…Она другая. Недосягаемая. Вдохновляющая. Безумно желанная. И обязательно — только моя, и ничья больше!

Моя мечта — оказаться в доме у бабушки, где мы семьёй собирались за большим деревянным столом. Со всеми моими тётушками, дядьями, друзьями семьи, сёстрами и их детьми. И чтобы большой кот по кличке Кузя лежал на бабушкиных коленях и мурчал, в то время как по старому, ещё большому и квадратному, телевизору играет шансон. Я мечтаю снова стать маленькой девочкой, слушать непонятные взрослые истории и чувствовать, как бабушка гладит по волосам своей морщинистой, но такой ласковой рукой.

И я знаю: это невозможно, ведь бабушки уже нет в живых. Да и сама мечта моя из разряда фантастики… Но надеюсь: в далёком будущем, когда я буду глубоко стара, я смогу точно так же, как моя бабушка, собирать целый дом дорогих гостей и долго-долго слушать разные истории… Под детский хохот и мурчание кота по кличке Кузя.

Ангелина Петрова

10 класс, школа № 141

Моя Мечтательная книга

С рождения человек получает массу уникальных возможностей: мыслить, чувствовать, творить… Но, наверное, самой удивительной возможностью является умение мечтать. Мечта, по определению, — это мысленное представление, воображение, сильное желание, стремление.

Мечты направляют человека по жизни, являются своеобразным маяком. Они движут нами практически всегда. Все помнят, о чём они когда-то мечтали, что осуществилось, а что так и не сбылось. Мы словно листаем каждый свою книгу и постоянно пополняем её новыми мечтами, стараясь претворить их в реальность.

Я, как и все, мечтатель. И у меня тоже есть в памяти моя Мечтательная книга. Мои мечты иногда были заоблачные. Но, повзрослев, я вдруг поняла, что мечтаю о самом простом, о том, что совсем рядом, близко. И от этого становится так приятно и тепло. Ну что? Полистаем мою Мечтательную книгу?

Итак, первые страницы. Мне пять-шесть лет. Моя самая заветная детская мечта — побывать на необитаемом острове. Хотелось хотя бы одним глазком взглянуть на эти экзотические места, увидеть необъятные просторы моря, окунуться туда и потонуть в своих же эмоциях. Хотелось, чтобы на

этом острове со мной рядом оказались и мои любимые мама, папа и сестра. Вот это и есть счастье.

Сейчас, вспоминая мою наивную детскую мечту, могу сказать, что она почти осуществилась: мы побывали в одном из прекраснейших уголков нашей страны, поистине в райском уголке — в Сочи. Конечно, это место нельзя назвать необитаемым островом, но море, солнце, воздух, экзотические растения, яркие краски, вечерняя прохлада — всё это вызывало бурю эмоций, ощущение нескончаемого счастья в окружении дорогих людей.

Листаем дальше. В восемь лет я мечтала научиться красиво рисовать, в десять лет — съездить с сестрой в ночной клуб. В двенадцать лет мечтала посетить зарубежную страну, например, Китай. Все эти мечты в основном сбывались. И всегда осуществлению моей мечты так или иначе способствовали мои самые дорогие люди: родители и моя старшая сестрёнка.

И вот мне уже пятнадцать. Важная глава в моей книге. Я мечтаю о многом: о свободе и самостоятельности, о платье, которое так покорило моё сердце, о поездке в Питер… Эти мечты должны сбыться во что бы то ни стало. Мне уже не столько была важна поддержка или советы семьи в моих мечтах и планах, сколько просто их осуществление.

Мечта о Питере сбылась. В силу своей решительности и упорства мне удалось найти друзей, которые отправятся со мной в путешествие в эту Северную столицу. Я обещала родителям писать и рассказывать всё до мельчайших подробностей. Меня отпустили.

Ура — свобода! Вперёд, к своей мечте! Встреча с ребятами. Такси. Аэропорт. Веселье. Надежды. Счастье. Самолёт. Снова смех. Взлёт. Долгие пять часов. Посадка…

И вот он — Питер. Санкт-Петербург — город мечты, мой идеал. Ещё до поездки всё своё свободное время я проводила в изучении этого уникального города. Его красивая архитектура, своеобразная мистика и гуляющие по улицам коты. Я была готова читать про это бесконечно. Мне даже стало казаться, что я знаю об этом городе намного больше, чем о самой себе.

Каждый день, проведённый в Питере, был наполнен красками. Мы много гуляли, ходили в театры, музеи, любовались красотой Невы и многочисленных мостов, памятников и храмов, улиц и скверов… Побывали даже на Марсовом поле!

И вот наступил самый долгожданный день, на который было возложено очень много надежд. Поздний вечер. Мы с ребятами — на Университетской набережной, самой красивой, на мой взгляд. Нас встречают два сфинкса. Около них расположены грифоны — мифологические существа с туловищем и головой льва. По легенде, если положить правую руку в пасть льву, а левой погладить по голове и загадать желание, оно обязательно сбудется. Но загадать желание оказалось не так-то просто. Трудно подобрать именно то, что мне действительно казалось нужным. То, что должно было бы заполнить всю мою душевную пустоту, которая в последнее время меня охватила, даже несмотря на то, что я нахожусь в городе своей мечты, нахожусь с друзьями, нахожусь там, где отсутствует тот вечный родительский контроль, который так мне надоел.

Я повернулась к Неве. Она спокойно текла навстречу Финскому заливу. По пути она будет встречать много преград, но всё же доберётся до того, кто так долго её ждал. Вот и я, стоя одна на берегу этой красивейшей реки, думаю о том, чего не хватает мне. Вдруг мои размышления прервал весёлый детский смех. Обернувшись, я увидела маленькую девочку в нежно-голубом платье. Её глаза светились от счастья: рядом с ней были любящие мама и папа. Любуясь этим милым семейством, я вспомнила себя. Вспомнила тот самый необитаемый остров. Вспомнила, как папа своими огромными ладонями прижимал меня к себе. Вспомнила радость мамы, когда я в очередной раз становилась отличницей в четверти. Вспомнила всё: и хорошее, и не очень. Именно в этот момент я поняла, чего не хватает мне. А не хватает мне моих самых дорогих и любимых: мамы, папы и Алины, моей сестры. У меня была всего одна попытка загадать желание в этом мистическом месте. Я уже поняла, что я хочу: повернуться к семье, почувствовать всё по-новому. А самое главное — начать это ценить. Помечу это в моей Мечтательной книге как значимое откровение.

Сейчас моя Мечтательная книга открыта на шестнадцатой странице. Мне шестнадцать. Ещё не наступило моё совершеннолетие. Но я чувствую, какими по-взрослому серьёзными стали мои мечты. Мечты, которые определят мою дальнейшую взрослую жизнь, мечты о выборе профессии. А чтобы их осуществить, важно помнить, что крылья, на которых ты летишь к своей мечте, удерживают в воздухе те, кто является твоей семьёй, кто верит в тебя, кто любит, поддерживает и никогда не предаст.

Сколько впереди ещё страниц в моей Мечтательной книге! Сколько впереди ещё важных событий! Главное — верить в свою мечту и стремиться её осуществить!

Диана Хлебникова

8 класс, школа №98

Загадка «Ёжика в тумане»

Как известно, время скоротечно, неумолимо и устрашающе. Но мало кто задумывается о том, что

те испытания, которые преподносит нам жизнь, даны для проверки на прочность. А если проверка успешно пройдена, будьте уверены: время обеспечит вам самое бережное сохранение.

И пусть причудливые экраны старых телевизоров давно затерялись во времени, те, кто сидел перед ними, наверняка помнят и колючего ёжика, и загадочную лошадь, и смешное название «Ёжик в тумане». Но почему же помнят?

Мне кажется, что туман—это таинственная прозябшая неизвестность, ведущая непонятно куда и кончающаяся непонятно где. Эта тайна, через которую лежит тропа разгадки, по которой предстоит пройти.

На петляющем, неизвестном и загадочном пути жизни и Ёжик, и каждый из нас непременно пройдёт через множество самых разных историй. Здесь, в мутной пелене, и те, кто, как летучие мыши, намерен лишь безразлично пролетать мимо, и те, кто, как добродушный пёс или некто, кого мы даже не успеем узнать, готов помочь найти утерянное и направить на истинный путь. Но есть там и те, кто жуткой хищной птицей идёт по следам нашей тени, поджидая подходящий момент, чтобы нанести удар. И среди всего этого—таинственно белеющая лошадь, та, кто, не приближаясь, всегда ощущается где-то рядом, она—мелькнувший момент просвещения. Вместе с Ёжиком мы переживаем и страх, и самоуверенность, и удивление, и смирение. Но самое важное—умиротворение, встретившее нас в конце пути.

В общем, туман—это своеобразная интерпретация сложного периода жизни, конец которого светлый, согревающий чаем и освещённый звёздами. И, дойдя до конца, мы обязательно вспомним о белой лошади, оставшейся там, куда придётся попасть ещё не одному поколению человечества. Поэтому мультфильм Юрия Норштейна по сказке Сергея Козлова, сплетённый из тончайших нитей, нащупать которые так же непросто, как маленькому Ёжику ориентироваться в тумане, продолжает жить, оставаясь нам близким. Каждый находит в этом мультфильме свой смысл и причины бережно хранить эти сказочные картинки в памяти.

Альмира Гусенова

9 класс, гимназия №10

Путешествие в туман

Всегда теряешь голову, когда на горизонте появляется она—Идея или Мечта. Ну, или, как в случае Ёжика, прекрасная белая лошадка.

Теряешь голову настолько, что забывается всё. И любимое занятие, и верный друг, и чай с малиновым вареньем. Свернуть с проверенной дороги—больше не проблема, ведь разумом владеет теперь лишь один животрепещущий вопрос: а как оно там? В тумане?

Наивная, неопытная, девственно чистая душа впервые знакомится с миром духовных исканий. Миром, в котором не видно даже собственных лап: настолько всё в нём сокрыто и непонятно. Пару минут назад ты ещё бежал по лесу, рассуждал о насущном. Иными словами, жил. Но где же ты сейчас? И ради чего ты здесь?

Наши Идеи и Мечты почти всегда несбыточны и утопичны. Они являются на мгновение, очаровывают, а потом пропадают, как будто и не было их никогда. Они—как та самая лошадка. Неуловимы и призрачно-прекрасны.

Кажется, что всё, что им нужно было,—заманить. И когда ты, словно муха, влетаешь в паутину, они мгновенно теряют к тебе интерес. Впрочем, это уже мало волнует тебя. Пока они теряют интерес, ты теряешь дорогу обратно.

Туман имеет свойство запутывать. Всё белое и однотипное. Видна лишь земля под ногами, да и то не всегда. Захлёстывает паника, и в этот момент на сцене появляются они—наши потаённые страхи. Доселе они тихо крались по пятам и никак себя не проявляли. Но теперь настал их звёздный час. Так, многие инфекции могут показывать себя лишь в моменты крайней слабости иммунитета.

Глядь—нечто огромное стоит вдалеке. А вот что-то звенит, летит, дребезжит… Сколько же ужаса и страха! Раньше туманный мир грёз казался чем-то интересным. В него просто необходимо было сунуть нос. Но теперь… Теперь отсюда хочется поскорее убраться.

На секунду может даже показаться, что ты в этом месте уже свой. Ёжик, к примеру, сделал импровизированный фонарь, чтобы легче было ходить по лесу. Но всё это иллюзия, она обычно не длится долго.

Что-то—то ли природа, то ли судьба, то ли мистические силы—упорно пытается доказать тебе, что ты тут—не власть. В конечном итоге уже и сам начинаешь этому верить.

И вот, когда твои силы уже на пределе, когда все кошмары сливаются в единое целое, чтобы добить, когда окончательно прекращаешь верить в лучшее… всё резко заканчивается. Тревожная музыка смолкает, освещение становится более ярким. Тишина и покой. Внезапно начинаешь видеть перед собой тех, кто уже приспособился к жизни в тумане. В мультфильме такую роль сыграла собака. Простая, непосредственная и добрая. Прибежала, принесла узелок, да и скрылась снова в облачной пелене. В Жизни же—это люди, блуждающие в мире познаний уже не впервые.

Поиски абстрактной лошадки так изматывают, что, сам того не замечая, ты падаешь в реку. Ну надо же, экранизация сразу двух метафор: холодного

душа и необходимости плыть по течению, доверившись судьбе. Обе для нашей ситуации вполне уместны.

Ты снова в нашем, человеческом мире. Спонтанное видение подошло к концу. Хотя и кажется, что ты вот-вот утонешь, общество всё ещё готово тебя принять. Добрые представители его выносят тебя на берег.

Лошадка не найдена. Ну да и бог с ней, с лошадкой. Ты снова дома, в кругу друзей. Больше никто не лишит тебя чая и малинового варенья. Снова можно слушать голос друга, радуясь тому, что он сидит рядом. Обыденная жизнь продолжается, несмотря на то что ты только что пережил. Какими бы тяжёлыми ни были духовные искания, дома тебя всегда ждут к ужину и будут волноваться, если не придёшь. Ничего не было. Можно забыть обо всём и жить как всегда. Но не выходит. Перед глазами вновь и вновь всплывает дивное видение, овладевшее твоей душой. Утопическая мечта, скрытая где-то там, в непроглядном тумане.

Дарья Прималенная

11 класс, школа №76

Позвольте возразить

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?..
Ф. И. Тютчев

Спорщица я по жизни, постоянно мне хочется кому-нибудь возражать. Повод находится почти всегда. Прочитала, допустим, книгу, а конец очень печальный — возражаю автору: мог бы написать счастливый! Посмотрела фильм — нереалистично, надуманно, нужно было снять по-другому. Мама говорит: «Это просто у тебя такой возраст». Мне и самой не нравится, но… Хотя одна история из моей жизни помогла мне начать бороться с этим недостатком.

Однажды я пришла домой из музыкальной школы, с урока сольфеджио. И прямо с самого порога стала рассказывать бабушке об учителе, который, по моему мнению, очень несправедливо поставила мне оценку «3+». Уж на «4–» я знала точно! Я даже хотела возразить учителю, но тут закончился урок, его позвали к директору.

Бабушка внимательно меня выслушала и говорит: «Знаешь, дорогая моя внученька, я думаю, тебе нужно закончить музыкальную школу, поступить в музыкальное училище, отучиться там четыре года, затем окончить консерваторию, это ещё пять лет, затем набраться хоть какого-то жизненного опыта, а только после этого ты можешь прийти к своему учителю и поговорить с ним на равных. Ведь ты будешь специалистом! Вот тогда и выскажешь свои возражения. Что тебя конкретно не устраивало в обучении в то далёкое время. Мне же кажется, что, пройдя через все испытания, ты встретишься с учителем только для того, чтобы подарить цветы и сказать большое спасибо за то, что учила вас, таких разных, делилась с вами своими знаниями. А сейчас самая главная твоя задача — добросовестно, без пререканий выполнять все требования педагога».

Я стояла и слушала. Мне сразу хотелось поспорить с бабушкой. На какой-то миг я задумалась: а что будет, если следовать бабушкиной теории? Мне тогда, чтобы возразить ей, нужно будет ещё долго трудиться, затем выйти на пенсию, состариться, прийти к бабушке и на равных возражать ей без ограничений? Да, но если я стану старенькой, моей горячо любимой, дорогой бабушки, скорей всего, уже не будет. Господи, почему люди не живут вечно? К горлу подкатывает ком, вот-вот заплачу. Все мои возражения улетучились, и я молчу.

Вечером, после ужина, предлагаю бабушке почитать ей вслух, знаю, что она любит, когда я читаю. Мы удобно устроились на диване, я начала читать «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго. Специально выбрала книгу потолще, чтобы таких душевных вечеров было побольше.

Ночью не могла уснуть. Всё вспоминала наш разговор. И поняла: день сегодня для меня был счастливый. Во-первых, я получила капельку житейской мудрости, во-вторых, приобрела чуть-чуть жизненного опыта. Вот было бы здорово мудрость и опыт получать каждый день, пусть хоть по маленькой чайной ложечке! Думаю, со мной некоторые будут не согласны.

Тогда позвольте вам возразить…

Александра Долгополова

10 «А» класс, школа №12

Дорогу мне освещает лампочка

Я всегда был уверен, что мои мечты всю жизнь остаются на первом этаже вместе со мной. С самого детства то ли родители, то ли я сам отучили думать о чём-то невыполнимом и волшебном. Наверное, в те годы в глазах своих сверстников я был скучным. Поддержать их бурные идеи о скором полёте на Луну, о становлении грозным волком морских морей и о жизни, схожей с сюжетом тогда ещё популярных мультфильмов. Я верил всему, что они говорят. В моих ещё детских мыслях не было идеи о том, что в мире действительно не всему было суждено сбыться, что уж говорить о невообразимых картинах, созданных детской

фантазией. Признаться, я даже не помню своих мечтаний, настолько они были малы по сравнению с остальными. Их мечты поднимались ввысь на много-много этажей вверх, ими можно было бы осветить целый ночной небосклон, а падающие звёзды на нём служили бы знаком их выполнения. Ночью в поле над этим небом сидел бы я, наблюдая, как становятся счастливы некоторые мои друзья детства. О нет, моей бы, даже самой большой, мечты не было бы в череде этих звёзд. Мой личный жизненный путь озаряли бы не недостижимые острые звёзды, а одна простая лампочка, которая нашлась бы в каждом доме.

Есть выражение «звёзд с неба не хватал». Наша семья была полным его олицетворением, ведь на небе даже не было для них таких звёзд, за которые они могли бы ухватиться и рассекать, словно на планере, время и события своей жизни. Так что мои родители были счастливы слышать, что я не занимался «глупостями», как остальные дети в моём возрасте. «Не будешь надеяться—не будешь разочарован»,—раз за разом повторял мой отец. Но он говорил это будто не мне. Было ощущение, что эти слова он твердил себе самому, словно наизусть заученную мантру. Быть может, мечты моих родителей тоже когда-то ярким пятном горели на небосклоне, освещая их путь и радуя остальных людей. Быть может, в итоге им не суждено было сбыться, и сейчас мои родители ограждали меня от участи быть разочарованным в своих мечтах, а значит, и в себе. Они были рады, когда уже в десять лет я был до мозга костей реалистом. Они хвастались всем знакомым, что я умный не по годам, раз не забиваю свою голову бесполезными детскими идеями. В то же время где-то в дальнем углу своей комнаты несколько лет я прятал свой маленький секрет от родителей. Маленькая детская мечта, хранившаяся в сознании ещё с малых лет. Словно лампочка, которую когда-то давно сохранили, но в итоге забыли воспользоваться. Она лежала, дожидаясь своего часа. Вся в пыли прошедших годов.

Однажды, я смог её отыскать, и сейчас, когда вокруг сгущается тьма будущего, а далёкие звёзды на небе не помогают своим хозяевам не сбиться с пути, я зажигаю свою крохотную лампочку. Её света недостаточно, чтобы рассеять мрак от грядущих десятилетий, но вполне хватает, чтобы уверенно шагать по тропе жизни, точно зная, кем ты хочешь и будешь стремиться видеть себя в ближайшие годы. Мои друзья полагались только на звёзды, к которым не могли даже прикоснуться; мои родители решили, что в абсолютной темноте следует идти на ощупь, рассчитывая только на себя и не мечтая о чём-то лучшем, чем есть сейчас; но я верю другому. Я верю, что если твоя мечта не так колоссальна, как у остальных, но она есть, то её свет озарит твой путь и выведет на правильную тропу. Однажды я вернусь в свою квартиру на первом этаже и вкручу лампу в патрон. Тогда, оставшись вроде бы на месте, но став абсолютно счастливым, я закончу свой путь. Спустя много лет мои дети узнают простую истину. Необязательно искать свои мечты за пределами этажа, на котором они живут.

Дмитрий Хачвани

7 класс, школа №4

Путь Ёжика в тумане

С большим удовольствием я пересмотрел мультфильм Юрия Норштейна «Ёжик в тумане». Режиссёр погружает нас с этим очаровательным созданием в загадочный мир, полный тайн и удивительных открытий.

Очутившись на той странной «планете», пройдя с главным героем удивительный путь, я ответил себе на некоторые философские вопросы: какие люди нас окружают? в чём смысл жизни? как нужно реагировать на знаки судьбы, которые олицетворяют зло?

Страшно было наблюдать за Ёжиком (этот персонаж—аллегория на человека), которого пугал Филин, проходу не давали летучие мыши.

Возможно, жизнь ему ставила подножку. Однако наш герой, схватив палку, отгонял от себя этих тварей, которые воплощали мрачные мысли. Здесь я задумался: «Это свидетельствует о силе духа Ёжика, или режиссёр таким образом даёт понять, что не нужно пренебрегать знаками судьбы?»

Забавно было наблюдать за тем, как Ёжик видел опасность там, где даже намёка не было на что-то тревожное: падающий дубовый листок. Этот эпизод напомнил мне рассказ Ю. П. Казакова «Тихое утро», в котором один из главных героев, Яша, тоже с трудом поборол в себе страхи. Это произведение, как и просмотренный мультфильм, учит тому, что каждый человек должен выиграть борьбу с собой.

Появление в кадре милой, доброй собаки, пришедшей в трудную минуту на помощь, почему-то не умиротворило Ёжика. Он не проникся её искренним желанием помочь. Вот так мы порой не замечаем людей, которые обладают таким ценным качеством.

Бросается в глаза цветовая гамма происходящего: «сумрак тумана», «чёрный Филин». Очевидно, режиссёр хотел показать необычность происходящего. Однако на этом фоне появляются белые свечения—лошадь, светлячок, которые символизируют надежду, радость. Так и случилось: помощь к Ёжику пришла. Но, видимо, он, расстроившийся, решил плыть по течению судьбы. К сожалению, мы нередко опускаем руки в минуты отчаяния.

Важную роль в мультфильме играет диалог главных героев, Медвежонка и Ёжика. Оказавшись под большим впечатлением от услышанного, я впервые задумался, как важно не быть одному. Запомнились тёплые слова: «И всё-таки хорошо, что мы вместе». До глубины души тронуло сопереживание Ёжика одинокой Лошади, которую он видел мельком. Будь его воля, он бы пригласил её в свою компанию.

Мультфильм «Ёжик в тумане» является для меня шедевром, не потерявшим своей актуальности и в наши дни. Не случайно он «всеми любим, покорил не только советского, но и мирового зрителя».

Лиза Царегородцева

10 класс, литературный лицей

Мои мечты на пятом этаже

Иногда мне кажется, что я живу не в своём теле. Лиза Царегородцева, которую все знают,—лишь оболочка, тюрьма для чего-то иного, что есть внутри. Эта Лиза живёт на пятом этаже среди серых домов, убирается, стирает и ходит в школу.

Но я хочу летать! Хочу отправиться вниз, в самое ядро Земли, чтобы узнать, на чём всё в мире держится. Трава, корни, глина, песок, воды, снова глина и, наконец, ядро. Мало, мало, этого недостаточно!

Хочу полететь прямо перед собой—внутрь извилин мозга людей, чтобы дать хоть одно однозначное определение любви, дружбы или воспитания. Но я только ужаснусь неограниченному разнообразию мышления, понятий и пониманий.

Нет, нет, я ничего не смогу увидеть, глядя только на поверхность. Мне нужно ещё выше, к самому космосу, найти в нём тайну происхождения планет, увидеть средоточие самых великих сил во Вселенной, разгадать все тайны человечества, узнать дату конца света и день формирования новой планеты!

Моя мечта—выразить свои мысли на бумаге так, чтобы меня поняли, чтобы услышали. Когда я читаю свои любимые книги, смотрю на картины или слушаю музыку, мне кажется, что я лечу! Даже листья на деревьях могут казаться мне разгадкой человеческой жизни: почка, светло-зелёный цвет, кульминация—появление цветка, опадание, пыль от дороги и в конце—зима, забвение.

Читать книги всегда было для меня удовольствием. Особенно приятно делать это ночью, когда твой разум концентрируется только на истории, твоей новой жизни, и пространство сужается до пределов светового круга, очерченного лампой. И ты хочешь, чтобы верхний свет как можно дольше не загорался!

Со временем я и сама захотела рассказать о собственных взглядах и идеях. В будущем я намерена связать свою жизнь с литературой или журналистикой, но начну делать всё возможное уже сейчас. Я бы хотела, чтобы больше людей нашего поколения смогли говорить. Сейчас литература—это «не модно», и телефоны не только вытеснили собой книги, но и притупили сознание молодого поколения. Я надеюсь, что среди нас всё ещё есть способные люди, которые смогут создать новый «расцвет» слова.

Мама часто говорит, что литература должна быть для меня не больше чем хобби, ведь «всё, что можно было сказать, уже сказали», но я считаю, что, например, для искоренения проблем в обществе не хватит даже тысячи повторений всего сказанного!

Сейчас я знакомлюсь с как можно бóльшим количеством людей, ведь весь мир человека состоит из таких взаимоотношений, и писательство также невозможно без этого. Пока у меня нет своего особенного стиля, но я чувствую, что смогу добавить ещё один яркий квадратик в огромную ткань Вселенной, в которую одеты все мы.

…Урчит живот. Я снова хочу есть.

На секунду мне казалось, что одного моего безудержного желания хватит, чтобы прямо сейчас превратиться в молекулу, дух и исполнить всё задуманное. Но человеческие потребности управляют мной—я не царевна, а раб! Я нахожусь между великим и низменным, бесконечным и ограниченным.

Видимо, в этом суть людей: мы связываем два мира.

…Моя фамилия—Царегородцева. Мои мечты на пятом этаже—почти где космос…

Школьники села Жеблахты о детстве и домашних питомцах

Глеб Ульчугачев

10 класс

Детство

Что это вообще значит—быть ребёнком? Довольно интересный вопрос, на который каждый ответит по-разному. Я считаю, что быть ребёнком—это значит быть в кругу своих близких, принимать от них тепло и ласку, а также учиться познавать мир. Детство, как мне кажется, самая лучшая пора в жизни в каждого человека. Ведь в детстве ты познаёшь мир. Я с улыбкой вспоминаю своё детство. Но легко ли быть ребёнком? Нет, нелегко, ведь ты рождаешься таким маленьким «незнайкой» в таком огромном, неизвестном тебе мире, и тебе приходиться изучать его.

Мне познать мир помогли мои близкие, но особенно родители, а также дедушка и мой брат Данил. Примерно в пять лет я заболел и перестал ходить в детский сад. И тогда со мной сидел дедушка, пока брат был в школе. С дедушкой мне всегда было весело. Он учил меня многому. Мы с ним что-то мастерили, он научил меня играть в шашки, шахматы, карты, но больше всего я любил играть с ним в «Чапаева». Это игра на шахматной доске. Суть в том, что вы расставляете шашки в одну линию по разные стороны доски и пальцами бьёте как бы щелбан по шашкам, и кто собьёт все, тот выиграл. Но у нас тогда не было шашек, и мы играли пробками от бутылок—и это было весело. Мы с дедушкой часто гуляли, именно он научил меня ездить на велосипеде, делал мне деревянное оружие, мне очень нравилась военная тематика, а потом после школы приходил мой брат, Данька, так я его называл и называю по сей день.

Данька постоянно сидел со мной, когда родители куда-то уезжали или их не было дома, мой брат мне постоянно помогал, учил чему-то, у нас бывали ссоры, но мы мирились. А сейчас Данил уже работает, и я всё время жду, когда он приедет в гости. Когда он приезжает, а потом уезжает—я сильно грущу.

Я очень сильно благодарен дедушке, брату и родителям за то, что вырастили и хорошо меня воспитали. И самый любимый человек, который научил меня ходить, говорить, да и практически всему,—это моя мама, которую я очень люблю. Она всегда рядом, поддержит в трудную минуту и поможет, если нужна помощь.

Время летит очень быстро—надо ценить каждую минуту своей жизни, ведь когда ты вырастешь—будет уже поздно.

Егор Варик

10 класс

Детство

Это хорошая тема. Про неё можно много обсуждать, но я выскажу свою точку зрения: нелегко быть ребёнком, и я с этим согласен, потому что в большинстве случаев нынешнее детство неинтересное. Все дети с малых лет сидят в телефонах, играют в игры—разве это детство? Я считаю, что нет. Вот наше детство было интересным! Я помню, меня с площадки выгоняли домой ремнём, это было прекрасно. Помню, раньше мне папа рассказывал, что они творили в детстве—это было смешно. И я не представляю, каким бы я сейчас был человеком, если бы не моё детство.

В школьное время мы нарывались на старшеклассников, а они, в свою очередь, нас ругали, запугивали. А что случилось сейчас? В наше время наглых детей нельзя вообще трогать, чуть заденешь—и к директору. Я считаю, что это неправильно, так как старшеклассники не будут трогать детей просто так, а только за дело. Мы всё детство боялись старшеклассников, а сейчас дети нас не боятся, даже обзываются. Я с улыбкой вспоминаю, как я играл в футбол с одиннадцатиклассниками, а сам был в четвёртом. Начинаем играть, и следует удар, и прямо мне в голову, я закрываю глаза, а там звёздочки и фейерверки. После этого я не стою на воротах. Спасибо большое нашим родителям, потому что они не жалуются на такие мелочи, адекватно подходят к ситуациям.

Что вообще значит быть ребёнком? Быть ребёнком, судя по себе, это помогать родственникам,

родителям в первую очередь. Когда у меня будут дети, я приучу их к труду, к любви и уважению близких, потому что это важно. Я думаю, что вы согласитесь с этим. Но согласитесь: зачем нам нужны дети, если они будут нас ненавидеть, не уважать, не помогать? Но и, конечно, не надо забывать, что мы, как родители, должны им помогать, любить их, воспитывать, оберегать.

Я думаю, в будущем не будет у детей такого яркого детства, поэтому мы должны научить детей играть в лапту, выжигало, прятки, тогда это будет детство…

Арина Шевченко

9 класс

Смысл жизни — в неустанном творчестве и созидании

Что же такое творчество? Зачастую люди привыкли считать, что творцы, вне зависимости от того, художник это либо музыкант, выражают своё уникальное восприятие мира. Но по мне, творчество не является абсолютно уникальной вещью. Я бы сравнила его с кругом, вернее, круговоротом.

Творчеству всегда нужна была подпитка. В качестве подпитки выступает так называемый физический референт. Творчество существовало всегда, для подтверждения этого достаточно вспомнить о наскальной живописи. Тогда физическими референтами были, к примеру, природа, конкретные животные. Сейчас же за основу новых произведений зачастую берут уже существующие. Этим, по мне, и характеризуется творческий круговорот.

Я считаю себя творческим человеком. Я пишу песни, играю на гитаре, создаю картины на графическом планшете, мечтаю написать книгу в жанре фэнтези. Создавая образы своих персонажей для будущей книги, я вдохновлялась произведениями Мари Окады, Даны Террас, Пендлона Уорда, физическими референтами для меня выступают черты характера моих знакомых, персонажи из моих любимых произведений. И, конечно, через своё творчество, через образы своих персонажей я выражаю те смыслы и ценности, которые есть во мне, которые мне близки и важны в жизни: взаимопомощь, тяга к приключениям, понимание друг друга, любовь, семья, уважение, целеустремлённость. Вглядываясь в картины Николая Константиновича Рериха, мы считываем его смыслы и ценности жизни: величие природы, особенно гор, красота культуры народов Востока, философские поиски смыслов жизни, вера, духовность. Поэтому творчество является выражением смысла жизни.

Также объекты творчества можно считать неотъемлемой частью этого смысла. Без картин, музыки, театра, скульптур, литературных произведений мир стал бы чёрно-белым и пресным. Люди часто этого не замечают, ставя в приоритет какие-либо обыденные ценности. Но ведь жить, наслаждаясь тем, сколько прекрасного вокруг тебя, — это тоже можно считать смыслом жизни. А если ты сам являешься создателем творческого продукта, в который ты вкладываешь своё сердце, душу, своё понимание жизни, то, я думаю, процесс создания этого продукта тоже можно считать смыслом жизни. Поэтому мне близки слова Николая Константиновича Рериха: «Смысл жизни в неустанном творчестве и созидании».

Семён Степанько

9 класс

Детские страхи

Был тёмный снежный вечер. Морозы были сильные, трудно было идти по улице, не замёрзнув. Тогда был то ли декабрь, то ли январь. В темноте я шёл тихо, не спеша, дабы не поскользнуться и не упасть головой об лёд. Улицы были беззвучными, как будто что-то страшное произошло и все пропали бесследно. Тогда я был маленьким и боялся много чего из-за неизвестности. Боялся нечисти, оживших игрушек, оживших в темноте деревьев… Побороть страх было для меня невыполнимой задачей.

Мои родители и родственники говорили мне, что монстры и привидения — это всё выдумки, созданные запугать детей. Тогда я им не верил. Мне было нужно что-то, что меня сможет переубедить.

Мне помогали побороть мои страхи родители, друзья, родственники. Постепенно школа смогла поменять моё мировосприятие и научила идти навстречу моим страхам. Я очень рад, что на моём пути встретились помощники, которые не оставили меня один на один с моей детской проблемой, а помогли мне её преодолеть. Я благодарен им, что и до сих пор они помогают мне в становлении моей личности.

Альберт Шмидт

9 класс

Самые лучшие праздники те, что происходят внутри меня

Наверное, не найдётся человека, кто не любил бы праздники. В течение года все отмечают различные праздники, и это не только Новый год или день рождения. Люди любят их, потому что праздники

приносят в дом красочные и запоминающиеся моменты, которые хотелось бы повторять снова и снова.

Праздники, которые происходят внутри нас, появляются неожиданно. Это знакомство с новыми людьми, первый поцелуй, хорошая оценка, встреча со старым знакомым. А ещё это неожиданное событие. Именно такие праздники оставляют в душе длинный путь воспоминаний.

В моей жизни есть множество красочных моментов, которые я бы хотел повторить, но, к сожалению, это невозможно. Но я рад, что у меня есть эти воспоминания, которые греют моё сердце,— это и есть праздник внутри меня.

Карина Штукарина

8 класс

Творчество в помощь человеку

Способно ли творчество помочь человеку? Я считаю—да. Творчество—это не что иное, как процесс деятельности человека, в котором он выражает всё: мысли, чувства, события и многое другое. Не важно—картина это, песня, сочинённый стих, всё это—творчество.

В творчество входит многое. Например, музыка, стихи, картины,—но я хочу обратить внимание именно на картины. Картина художника—это не просто рисунок, это воплощение его жизни, чувств и мыслей. Вот, например, картины Е. А. Керсновской. На них она изображает свою жизнь. Таким образом она освобождалась от тяжёлых воспоминаний, передавая их на холст.

Я думаю, мало кому известна такая художница, как Фрида Кало. Фрида с самого детства была инвалидом, а в семнадцать лет попала в автокатастрофу и сломала позвоночник в трёх местах. На долгое время она была прикована к больничной кровати. Но Фрида это преодолела. Родители подарили ей холст и кисти. Тогда она начала творить и вскоре написала картину «Сломанная колонна».

Таким образом, творчество и правда помогает человеку, но не физически, а морально.

Кошкина Ксюша

2 класс

Мама рассказала мне, что между животными бывают тёплые отношения. Они помогают не только людям, но и друг другу. У бабушки жили кошка и собака. Однажды собака заболела, и кошка часами сидела рядом с больной собакой, хотя с виду они были равнодушны друг к другу. Однако кошка время от времени лапкой обнимала собаку за мордочку, будто успокаивала её. Такой заботе можно поучиться у них. Любите своих домашних питомцев, и они с радостью помогут вам.

Даня Рыбкин

2 класс

В лесу живёт много зверей, а мне нравится лисичка. У неё красивая рыжая шубка, она её меняет к зиме на тёплую и пушистую. В сказках про лисичку говорят, что она самая хитрая. Но это не так, у неё просто острый слух, зоркие глаза и отличное чутьё. Ведь очень не просто зимой под снегом почуять мышку-полёвку. Но никакая хитрость её не спасёт от волков и охотничьих собак, да и зайца догнать трудно. Вот и живёт лисичка своим чутьём, промышляет рыжая красавица.

Однажды летним утром медведь собирал малину. Вдруг мимо него пробежал заяц, а потом волк. Медведь подумал: почему волк гоняется за зайцем? Он побежал за ними. Медведь поинтересовался у волка, зачем они бегают. Оказалось, что они играют в догонялки. Он захотел играть вместе с ними. Так они стали дружить.

Максим Нойманн

2 класс

Однажды волк пошёл в лес за пищей. Он увидел кабана и сразу бросился за ним бежать. Но не смог его поймать. Он оставил следы за собой. Устал волк бегать за добычей и прилёг на свои лапы. Думал волк, думал, как же не остаться без еды. Повилял хвостом, погладил свою усатую морду своими лапами и увидел, как бежит кабан. Заметил кабан волка, остановился и угостил волка ягодами да грибами. Наелись волк и кабан и с тех пор дружно живут в лесу и вместе собирают ягоды и грибы.

Саша Бебешева

3 класс

У меня есть собака по кличке Мухтар, она очень старенькая. У нас Мухтар появился, когда с нами жил папа. Они с мамой поехали на заправку и там

нашли маленького щенка. Им стало его жалко, и моя мама сказала: «Давай заберём его с собой и назовём Мухтаром». Папа согласился. Мухтара я очень люблю. Он чёрно-белый, ушки у него треугольные, высокие. Он не пушистый, а шерсть гладенькая. Мухтар любит играть с нами в мяч, хватает его зубами и отпускает.

Максим Бочегуров

4 класс

У меня есть кот Симба. Мне его подарил в прошлом году Дедушка Мороз. Я его очень люблю. Он такой серенький с белыми пятнышками. Симба любит ловить мышей, а ещё он любит рыбку и молоко.

Мой кот Симба родился двадцатого ноября 2021 года, так мне написал в письме Дед Мороз.

Вся моя семья любит Симбу. Он очень послушный. Я знаю, что у него много друзей, соседских котов. Я рад, что у меня есть такой кот.

Саша Шафранов

4 класс

Наша семья совсем недавно купила в своё хозяйство тёлочку. Её зовут Зорька. Она очень быстро стала моей любимицей. Ей нравится, когда я её глажу и разговариваю с ней. Она прижимает волосатые уши и слушает. А какие красивые глаза у нашей тёлочки, большие и обведены чёрной подводочкой. Ну просто красавица! Наша девочка любит сено, тыкву, муку и картошку. Я ей ношу чистую воду. А когда она гуляет по улице, я смотрю, чтобы она не ушла далеко от дома.

Иан Редингер

4 класс

Сегодня я хочу рассказать о своём преданном друге. Два года подряд я мечтал о маленьком щеночке. Я просил маму и папу купить мне его, но они были против, особенно папа. Полгода умолял их, обещал хорошо учиться и слушаться.

И вот, наконец, мы поехали за щенком. Я даже и подумать не мог, что у меня будет немецкая овчарка. Мы назвали его Арчибальд. Это имя означает «смелый» и «упрямый». Мы зовём его просто—Арчи. Мой пёс игривый, умный, любознательный. Он очень сильно грустит, когда мы уходим. И так радуется, когда приходим. У него доброе сердце. Если он увидел, что кто-то из нашей семьи грустит, он подходит и кладёт голову на колени, смотрит и тоже грустит, а иногда несёт свою игрушку и начинает с нами играть. Я очень счастлив, что мы завели себе собаку. Мы завели друга, самого преданного. Однажды я услышал такое выражение: «Для человека собака—это часть его жизни, а для собаки человек—это вся жизнь». Я люблю своего Арчи и сделаю всё, чтобы его жизнь была счастливой.

Марсель Нойманн

4 класс

У меня есть собака по имени Тайсон. Окраска у него чёрно-коричневая, ноги светлые, а сами лапки бежевые. Хвост чёрный и всегда шевелится из стороны в сторону. А когда он бегает, то кажется, что он подметает пол. Когда Тайсону скучно, он играет со своим хвостом, кружится и рычит. Это самый лучший и преданный друг. С ним можно бегать наперегонки, играть в прятки. А когда я прихожу из школы, он так радуется, и обнюхивает меня долго, и прыгает на меня, и лижет мне руки.

Мелисса Нойманн

4 класс

Рыся—чудесная кошка. С ней скучно не бывает, она красивая, ласковая, игривая, улыбающаяся, счастливая. И даже прилично ведёт себя, как человек! Она приходит ко мне со своей счастливой милой мордочкой. Рысюленька приходит ко мне, чтобы я её накормила и напоила. В этот момент она так красиво мурлычет. У Рысюленьки есть четыре лапы: две чёрно-белые, а две серо-коричневые. Она чешет лапками за ушами и моет ими мордашку. Рыся не могла бы ходить, если бы у неё не было таких мягких лапочек-тапочек. У Рысюленьки один полосатый чёрно-белый хвост. Она для меня самая красивая сиамская кошка на земле. С Рысюлей мы играем в прятки, догонялки. Вам понравился портрет моей кошки?

Ваня Тонкошкуров

4 класс

У меня есть кот Маркиз. Он рыженький, мягкий, похож на персик. Свернётся колечком и поёт песенки. Мой Маркиз любит вкусно поесть, особенно

свежее молочко. Я его принёс домой очень маленьким, Поэтому он до сих пор сосёт одеяло или свои лапки. Спит только со мной, развалится на кровати, раскинет лапки и не шевелится. Маркиз очень ласковый и добрый. Я его очень люблю.

Кира Штукарина

5 класс

У меня дома есть кот, его зовут Томас. У Томаса очень красивая шерсть. Она у него серая с тёмными пятнышками и полосками. Мордочка белая, на щёчках узорчики, которые мне очень нравятся. Глаза у Томаса выразительные. Шейка у него белая, узор на ней похож на галстук. Хвост тоже серого цвета с полосками. На лапках белые носочки. На передней правой лапке есть розовая подушечка, а на всех остальных лапках — чёрные. Это очень красиво! С Томачкой я очень люблю играть. Я беру верёвочку и убегаю, а котик гонится за мной. Ещё он любит покусать меня. Кусается Томас больно, но я на него не сержусь. Мама мне говорит, что коты так проявляют свою любовь к человеку. Томаса мы называем по-разному: Томачка, Том, Томара, Тома. Мы часто называем его кот Томас. Мы все любим его, потому что он красивый и добрый.

Наш котик непривередлив в еде, но всё же овощи, фрукты и сыр он не любит, ему нравятся борщ и сладости. Ещё котик любит после еды поспать, иногда я вместе с ним тоже люблю полежать, но совсем скоро засыпаю под его мурлыканье.

Саша Тарасова

5 класс

У меня есть собака Джек. Он не породистый пёс, но всё же симпатичный и обаятельный. У него чёрная шерсть, лапки тоже чёрные, а у самых когтей — белые, и тёмные, с озорным блеском, глаза. Он очень пушистый, так и хочется его затискать. Джек игривый, с ним весело.

Сейчас Джек уже взрослая собака, но я расскажу про его первый побег из дома, когда он был ещё щенком. Нам подарили его, когда ему ещё не было месяца. На скотном дворе папа сделал щенку вольер. И вот однажды пропал наш любимец Джек. Мы с папой осмотрели вольер и увидели, что сетка была порвана. Наверное, он убежал к своим соседским курицам. Как оказалось, у куриц щенка не было, зато курицы забились по углам, петух сидел на крыше, а на земле валялись перья. Джек здесь точно побывал. Мы с папой продолжали своё расследование и обнаружили, что отодвинута доска. По-видимому, наш путешественник отодвинул доску в подворотне и выкарабкался на улицу. Я подумала: как же счастлив был Джек, ведь перед ним открылся новый мир. Мы осмотрели всё около дома, но Джека нигде не было. Где же ты, Джек? Я не могла уже сдерживать слёзы. К поискам присоединилась мама. Как только она стала звать Джека, он с радостным лаем вылез из-под соседской машины. Наверное, подумал, что мама будет его кормить. Этот озорник бегал туда-сюда вокруг нас и звонко лаял. Мы смотрели на него и смеялись.

Вот так закончилась первая вылазка Джека. Он поступал так ещё не один раз.

Ксюша Кайкова

5 класс

Кто такие домашние питомцы? Это животные, которые живут рядом с нами. Чаще всего ими являются кошки и собаки. Люди заботятся о своих любимцах, играют с ними и просто любят. Для многих их питомцы больше чем животные. Для них это — настоящий друг.

У меня тоже есть такой друг. Это кот по кличке Барсик. Однажды утром, когда я собиралась в школу, вышла на улицу и услышала мяуканье. Неожиданно я увидела котёнка. Он был среднего роста, рыженький, остренькая мордочка. Он сидел на заборе. Мой папа достал котёнка и принёс домой. Мама налила молока, и котёнок стал с жадностью лакать.

С той поры прошёл год. Барсик всё так же живёт с нами. Он вырос. Стал красивым и умным котом. И наша семья ни разу не пожалела, что мы взяли его к себе жить. Ведь животные для нас — страница в жизни, а мы для них и есть вся жизнь!

Саша Старков

5 класс

Мои питомцы

Альфа

Это моя любимая собака Альфа. У неё тёмно-коричневые глаза и длинный хвост. Ей скоро исполнится год. Родилась она двадцать первого декабря. Она ездит с нами в Ермаковское с самого детства. Я её очень сильно люблю и не хочу с ней расставаться.

Кошка Пуша

Это моя любимая кошка Пуша. Ей двенадцать лет. Родилась она двадцать девятого декабря. Она

очень красивая, глаза цвета изумруда. Она любит ловить птичек и очень любит хорошо поспать. Я её очень сильно люблю и не хочу с ней расставаться.

Кошка Нота

Это моя любимая кошка Нота. Ей пятнадцать лет. Родилась она двадцатого июня. Она очень красивая. У неё зелёные глаза, и она очень старенькая. Любит поспать. Она сиамской породы. Я её очень люблю и не хочу с ней расставаться.

Кот Вася

Это мой любимый кот Вася. Ему три года. Родился он пятого января. Он очень красивый и ленивый. У него зелёные глаза, порода у него — обычный кот. У него мама Нота. Я очень люблю своего кота Васю.

Кот Маркиз

Это мой любимый кот Маркиз. Ему семь лет. Родился он двадцать второго января. Он красивый, у него зелёные глаза, любит играть и вкусно покушать. Порода — сибирский кот. Он очень трусливый, но я его сильно люблю и никогда не хочу с ним расставаться.

Дима Денисов

6 класс

Как-то раз, когда я пришёл домой, открыл дверь и увидел, как петух стоит на диване. Я хотел его поймать, но он полетел с ветерком и чуть не снёс чайник со стола. А когда я поймал петуха, понял, как он выбрался из коробки. Котя мой, один из двух котов, прыгнул на коробку, в которой сидел петух, и вызволил его оттуда. Я закрыл петуха и задался вопросом: а где коты? Тогда я начал искать котов. Посмотрел под диван и нашёл их. Они были очень испуганы, их глаза светились страхом. Я их вытащил и выпустил на улицу. С тех пор каждое утро, когда я иду в школу, я выпускаю их на улицу с уверенностью, что петух их больше не напугает.

Паша Сидельников

6 класс

Однажды папе на день рождения подарили щенка немецкой овчарки. Мы придумали ему кличку — Рекс. У нашего Рекса карие глаза, шерсть чёрная с жёлтыми подпалинами. Он у нас дружелюбный, игривый и ласковый. Теперь мы его дрессируем. Ему уже четыре с половиной года. Мы за ним ухаживаем: причёсываем, кормим, поим его и гуляем вместе с ним.

Наташа Быкова

6 класс

Моего щенка зовут Джек. Мне его папа подарил на день рождения. Я его назвала Джеком. У Джека чёрные усы, а мордочка чёрно-белая. Лапки чёрные и мягкие, как подушечки. Когда я куда-нибудь иду, то Джек обязательно бежит со мной. А какой красивый у Джека хвостик — как бублик. Моя обязанность — каждое утро кормить Джека, а вечером мы с ним идём гулять.

Злата Кириенко

6 класс

У меня в 2020 году появилась кошка Буся. Мы пошли купаться и на речке увидели маленького котёнка. Он был бездомный, и мама разрешила взять его домой. Буся долго осматривала дом, а я рассматривала её. У Буси шерсть очень густая. Бусенька пятицветная: бело-коричневый, рыжий, серый с чёрными пятнышками. Глаза у Буси тёмно-жёлтые и очень выразительные. С Бусей мы живём дружно. Она повзрослела и стала всё понимать.

Денни Редингер

6 класс

В нашем лесу живёт семья белок. Эта семейка очень красивая, с оранжевыми пушистыми хвостиками. Ушки у них смешные, похожие на кисточки. Однажды я вышел подышать свежим осенним воздухом, гулял по нашему огороду и увидел, как две белки играли в догонялки вокруг дерева. Я остановился и смотрел на эту чудесную картину. Белки забрались на вершину берёзы и перепрыгивали с одной ветки на другую. А на другой день я видел, как белки собирали шишки и лапками шелушили их в поисках зёрнышек. К вечеру белочки побежали в дупло.

обл. **Аблязова Евгения Олеговна**
Красноярск, 1986 г.р.

Родилась в Енисейске. Выпускница Красноярского государственного художественного института по специальности «Живопись». Участвовала в выставках в Самаре, Тольятти, Москве, Санкт-Петербурге и других городах. В 2010 году состоялась первая зарубежная выставка в Дамаске (Сирия). Инициатор и участница нескольких выставок в родном городе Енисейске. С 2010 года член творческого объединения «Енисей». В 2012 году стала членом Союза художников России. Ныне — аспирант КГХИ по специальности «Искусствоведение», стажёр мастерских при институте, педагог.

стр. 81 **Айтукаев Иса Билалович**
Красноярск, 1961 г. р.

Родился в Дагестане. В 1984 году, после окончания Ачинского сельскохозяйственного техникума, поступил на отделение «Журналистика» филологического факультета КГУ. Публиковался в журналах и альманахах на Кавказе, Дальнем Востоке и в Сибири. Издано несколько книг, в том числе и в соавторстве.

стр. 39 **Акимова Елена Васильевна**
Красноярск, 1960 г. р.

Археолог, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН. Подготовила к изданию воспоминания Смирнова Бориса Павловича («День и ночь» №4-5/1998).

стр. 119 **Бажанов (Жегуть) Олег Иванович**
1961 г. р.

Российский писатель, поэт, сценарист, автор-исполнитель. Родился в Хабаровске. Учился в Саратовском высшем военном авиационном училище. Служил на офицерских должностях в армейской авиации на Западной Украине, на Камчатке, в Белоруссии. Получив второе образование, работал в коммерческих компаниях по направлениям «логистика», «оптово-розничная торговля», «страховой бизнес» и др. Писать прозу начал в 2004 году. На сегодняшний день опубликовал более 10 книг. С 2009 года член Союза российских писателей. Печатался в журналах Москвы, Петербурга, Волгограда. Лауреат премии творческого конкурса талантов «Царицынская Муза — 2014». Стипендиат министерства культуры РФ 2014 года. Сборник новелл и рассказов «Взрослые сказки» получил первую премию во всероссийской номинации «Планета Книг — 2015».

стр. 69 **Валеев Марат Хасанович**
Красноярск, 1951 г. р.

Родился в Краснотурьинске Свердловской области. Рос и учился в селе Пятерыжск на Иртыше, в целинном Казахстане. Окончил школу, успел поработать бетонщиком на заводе ЖБИ, призвался в СА. Служил в стройбате в 1969–1971 годах, строил военные объекты. После армии работал сварщиком в тракторной бригаде. Окончил факультет журналистики КазГУ имени Аль-Фараби (Алма-Ата). Работал в газетах Павлодарской области «Ленинское знамя» (Железинка), «Вперёд» (Экибастуз), «Звезда Прииртышья» (Павлодар). В 1989 году был приглашён в газету «Советская Эвенкия» (с 1993 года — «Эвенкийская жизнь») на севере Красноярского края, в которой прошёл путь от рядового корреспондента до главного редактора. Написал и опубликовал несколько сотен иронических, юмористических рассказов и миниатюр, фельетонов. Автор и соавтор нескольких сборников юмористических рассказов и фельетонов, прозы и публицистики, изданных в Красноярске, Павлодаре, Кишинёве, Москве. Публикации в журналах «Журналист», «Кукумбер», «Мир Севера», «Колесо смеха», «Вокруг смеха», «Сельская новь», «Семья и школа», «День и ночь», в газетах «Литературная газета», «Московская среда», «Советская Россия» и др. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси» (2008, номинация «Юмор»), Общества любителей русского слова (2011, номинация «Проза»), «Рождественская звезда» (2011, номинация «Проза»). Член Союза российских писателей. С 2011 года живёт в Красноярске.

стр. 56 **Вершинский Анатолий Николаевич**
Раменское, 1953 г. р.

Родился в селе Семёновка Уярского района Красноярского края, в семье учителя. Окончил с отличием два института: Красноярский политехнический и Литературный имени А. М. Горького. Работал в научно-исследовательской лаборатории, в газете, служил в Советской Армии. Более 30 лет

занимается журналистской и издательской деятельностью. Награждён дипломом знака отличия «Золотой фонд прессы». Автор шести поэтических сборников, драмы в стихах «Восточный вопрос», книги исторических очерков «Русская Александрия. Средневековая Русь и Александр Невский». Дипломант конкурса «Лучшая книга 2008–2010». Член Союза писателей с 1985 года.

стр. 90
Вещунов Владимир Николаевич
Нижний Новгород, 1945 г. р.

Родился в посёлке Восемь Молотовабадского района Сталинабадской области (Таджикистан). Отец — сосланный казак, мать — колхозница. Рос (на Урале) без отца, с детства работал. Окончил художественное училище, затем пединститут. Работал учителем, с 1977 года — во Владивостоке, был маляром на ТЭЦ, восемь лет проработал редактором ДВ издательства. Публиковался в российских литературных журналах, сборниках и альманахах. Автор книг повестей и рассказов. Член Союза писателей России.

стр. 23
Вятчина Юлия Сергеевна
Красноярск, 1979 г. р.

Выпускница Школы диалога культур (мастерская С. Ю. Курганова). Окончила Красноярский государственный технологический университет, специальность «Информационные технологии в социальной сфере». Работала преподавателем античной мифологии в Литературном лицее имени В. П. Астафьева. Автор и ведущий психологических практик. Стихи проза в разные годы публиковались в журнале «День и ночь», в коллективных сборниках.

стр. 61
Деменюк Андрей Фомич
Санкт-Петербург, 1960 г. р.

Родился в Красноярске, с 2011 года проживает в Санкт-Петербурге. Геолог. Стихи публиковались в красноярских краевых и городских газетах, коллективных сборниках, журнале «День и ночь» (№№ 5/2013, 2/2020). Выпущен авторский сборник стихов «Акцент ночи» (Красноярск, издательство «Кларетианум», 1998).

стр. 52
Евсюков Александр Владимирович
Москва, 1982 г. р.

Родился в городе Щёкино Тульской области. Окончил Литинститут (семинар М. П. Лобанова) в 2007 году. Работал охранником, грузчиком, археологом, журналистом, администратором, менеджером по продажам, литературным редактором и т. д. Прозаик, критик. Публиковался также и со стихами в журналах «Дружба народов», «Наш современник», «Октябрь», «День и ночь», «Homo Legens», «Вайнах» (Грозный), «Бельские просторы», «Звезда Востока» (Ташкент), «Роман-газета», «Нева», «Зинзивер», «Нижний Новгород», «Подъём» (Воронеж), «Волга — XXI век», «Гостиный Двор», многих альманахах (в том числе «Образ», «Terrapoetica», «Литературные знакомства»), сборниках, интернет-журналах «Кольцо „А“» и «Пролог». В 2017 году в издательстве «Русский Гулливер» вышла первая книга рассказов «Контур легенды». Проза переведена на итальянский, армянский, болгарский и польский языки. Лауреат конкурсов малой прозы имени Андрея Платонова (2011), «Согласование времён» (2012). Победитель российско-итальянской премии «Радуга» (2016) и Российско-болгарского литературного конкурса (2017). Победитель (3-е место) премии «В поисках Правды и Справедливости» (2017). Лауреат международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг» (2018), международных фестивалей-конкурсов «Русский Гофман», «Образ Крыма», премии журнала «Зинзивер» в области критики. Лауреат Фонда имени В. П. Астафьева (2020).

стр. 63
Ёмкин Геннадий Максимович
Саров, 1961 г. р.

Родился в закрытом городе Арзамас-75 (ныне Саров) Горьковской области. После школы окончил Лукояновское педагогическое училище, получил специальность «преподаватель физкультуры». Осенью 1979 года был призван в ряды Советской Армии. Участник войны в Афганистане. После демобилизации окончил биолого-химический факультет Арзамасского педагогического института. Работал инструктором по спорту, преподавателем физкультуры, педагогом-организатором, лаборантом, дворником, инженером, техником, кочегаром. Некоторое время был частным предпринимателем. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2007 года. Лауреат Всероссийской литературной премий имени Михаила Юрьевича Лермонтова (2016), премий журнала «Русское эхо», литературного альманаха «Арина» и др. Автор четырёх поэтических сборников.

стр. 50
Ковшевная (Федотова) Ольга Фёдоровна
Реутов, 1956 г. р.

Родилась в селе Каригод Томской области. По окончании десятилетки училась в Томском культпросветучилище, работала в библиотеках Томска, высшее образование получила в Томском педагогическом институте, специальность «Русский язык и литература». В 1986 году переехала в город Благовещенск Амурской области, работала в областной библиотеке, руководила литературным отделом областного краеведческого музея, в газете «Амурская правда», писала очерки и статьи. В 2001 году переехала в Подмосковье, работала в общероссийской газете «Медицинский вестник», создала журнал «Вестник Росздравнадзора» и много лет

была его редактором. В настоящее время — шеф-редактор трёх специализированных журналов.

стр. 137
Костерев Александр Евгеньевич
Санкт-Петербург, 1958 г. р.

Автор стихов, эссе, коротких рассказов, пародий, опубликованных в периодике: «Смена», «Советская культура», «Новгородская правда», «Тюменский комсомолец», «Уральский рабочий», «Юрмала», в иностранных журналах Латвии, Чехии и др. Участник нескольких питерских ЛИТО. Сочинять стихи начал в 1975 году в качестве автора и исполнителя Ленинградского городского клуба песни, работал в различных ВИА и рок-группах Ленинграда. Всего в творческой биографии Александра Костерева не только стихи, но и песенные тексты более чем 100 песен на музыку Александра Зацепина, Аркадия Укупника, Вячеслава Малежика и других композиторов, в исполнении Валерия Леонтьева, Виктора Зинчука, Эдиты Пьехи, групп «Ариэль», «АРС», «Пламя», и др.

стр. 142
Косяков Дмитрий Николаевич
Красноярск, 1983 г. р.

Родился в Томске. Выпускник филологического факультета Красноярского государственного университета. Арт-критик и искусствовед, журналист, поэт-мелодекламатор, основатель поэтического дайв-театра, автор и ведущий дискуссионных клубов, преподаватель, сценарист кино и театра. Публикации в журналах «День и ночь», «Дети Ра». Дипломант Международного литературного форума «Золотой Витязь» (2020). Лауреат литературной премии всероссийского Фонда В. П. Астафьева (2021). Руководитель Красноярского регионального отделения Совета молодых литераторов при Союзе писателей России. Член Союза писателей России с 2022 года.

стр. 66
Кривонос Сергей Иванович
Сватово (Луганская область)

Член Национального и Межрегионального союзов писателей Украины, Международного сообщества писательских союзов, автор 13 поэтических сборников. Лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина (Союз писателей России), литературной премии имени Николая Ушакова (Национальный союз писателей Украины). Журналист.

стр. 84
Лямкин Вячеслав Михайлович
Бийск, 1981 г. р.

Родился в селе Павловск Алтайского края. Окончил Барнаульский государственный педагогический университет и Бийский техникум лесного хозяйства по специальности «техник-лесовод». Работал учителем в школе, слесарем, лесником. Технический редактор журнала «Бийский вестник». Прозаик. Печатался в журналах «Алтай», «Бийский вестник», «Огни над Бией», «Сибирские огни», «Приокские зори». Лауреат литературной премии имени святителя Макария, митрополита Алтайского, в номинации «Проза» (2019). Участник Всесибирского семинара молодых литераторов (Барнаул, 2013).

стр. 19
Малашин Геннадий Викторович
Красноярск, 1956 г. р.

Поэт, прозаик, публицист, режиссёр, педагог. Руководитель информационно-аналитического и издательского отдела Красноярской епархии РПЦ, профессор кафедры гуманитарных и филологических дисциплин Красноярского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Родился в селе Ермаковском Красноярского края. По окончании в 1977 году Красноярского педагогического института преподавал в школах края. С августа 1981 года в течение 20 лет работал на Красноярской телестудии. В 1993 году с коллегами создал творческое объединение «Русские вечера», до сентября 2000 года еженедельно выходившее в краевой эфир. С 2011 года является секретарём Общественного совета Красноярской митрополии по науке, культуре и образованию, с 2014 года — ответственным секретарём Епархиальной комиссии по канонизации святых и церковно-историческому наследию.

стр. 116
Малиновская Екатерина
Красноярск, 1990 г. р.

По профессии учитель русского языка и литературы. Председатель Красноярского регионального представительства Союза российских писателей. Финалист литературной премии «Лицей» (2021). Участник фестивалей «Петербургские мосты», «Волошинский сентябрь», «Балтийское кольцо» и др. Автор поэтических книг «Юник», «Полая структура», переводчик книги стихов Давиде Кортезе «Мое имя — прощай» (Россия — Болонья). Стихи публиковались в журналах и альманахах «Витражи», «Юность», «Revista Kametsa» (Перу) и др. Стихи переводились на английский и испанский языки.

стр. 111
Орлов Александр Владимирович
Москва, 1975 г. р.

Поэт, прозаик, историк, критик. Родился в Москве. Окончил Московское медицинское училище №1 имени И. П. Павлова, Литературный институт имени А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, права, и литературы в ГБОУ «Школа №1861 „Загорье“». Автор пяти стихотворных сборников: «Московский кочевник» (2012), «Белоснежная пряжа» (2014), «Время вербы» (2015), «Разнозимье» (2017), сборника малой

прозы «Кравотынь» (2015), книги для дополнительного чтения по истории Отечества «Креститель Руси» (2015), книги стихов «Епифань» (2018). Лауреат Всероссийского конкурса малой прозы имени А. П. Платонова (2011), Всероссийского конкурса малой прозы и поэзии имени Ф. Н. Глинки (2012), Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С. С. Бехтеева (2014). Обладатель золотого диплома VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016); лауреат VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2017); обладатель специального приза ИС РПЦ «Дорога к храму» за стихотворную книгу «Разнозимье» и в благословение за труды, понесённые на ниве духовного просвещения и издательской деятельности; лауреат XIII Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского совета РПЦ (2018) за книгу стихов «Епифань». Публиковался в широком круге изданий: «День и ночь», «Дон», «Дружба народов», «Литературная газета», «Литературная Россия» «Литературная учёба», «Лучик», «Наш современник», «Подъём», «Православная Москва», «Сибирские огни», «Учительская газета», «Юность», антология стихотворений выпускников, преподавателей и студентов Литературного института имени А. М. Горького «Поклонимся великим тем годам», антология военной поэзии «Ты припомни, Россия, как всё это было!».

стр. 153
Саввиных Марина Олеговна
Красноярск, 1956 г. р.

Родилась в Красноярске. В 1978 году окончила с отличием факультет русского языка и литературы Красноярского педагогического института (ныне — университет имени В. П. Астафьева). Стихи, проза, публицистика, начиная с 1973 года, печатались в краевой периодике, а позднее в журналах и альманахах «Юность», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Москва», «Дети Ра», «Крещатик» и многих других российских и зарубежных изданиях. Несколько стихотворений переведены на польский, французский, испанский, осетинский языки. Музыкальные произведения на стихи М. Саввиных создали известные российские композиторы, в том числе О. Проститов, Э. Маркаич, В. Пономарёв и другие. Издано более десятка книг стихов, прозы и публицистики. Лауреат Фонда Астафьева (1994), газеты «Поэтоград» (2010) и журнала «Дети Ра» (2011). Обладатель Красноярского краевого Губернаторского гранта за заслуги в области культуры. (2008), ордена Достоевского I степени, главного приза Международного всеславянского литературного форума «Золотой Витязь» и других наград за литературную и общественную деятельность. Автор проекта и первый директор Красноярского литературного лицея (1998–2013). С 2007 по 2019 годы — главный редактор журнала «День и ночь». Председатель издательского совета Редакционно-издательского центра «День и ночь». Заслуженный работник культуры Красноярского края. Член Союза писателей России.

стр. 110
Синёва Диана Александровна
Красноярск, 1979 г. р.

Окончила Сибирский государственный университет путей сообщения (факультет «Мировая экономика и право», специальность «Финансы и кредит»). Лауреат Четвёртого конкурса «Поэзия ангелов мира» (2022, номинация «Поэтическое мастерство»).

стр. 24
Слюсарева Наталия Сидоровна
Москва, 1947 г. р.

Родилась в городе Дальнем в Китае, в семье генерала ВВС СССР, Героя Советского Союза Сидора Васильевича Слюсарева. Окончила факультет журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Работала в редакциях нескольких журналов. Переводчица с итальянского языка. Дружески и творчески была связана с неформальной литературной группой СМОГ. Публиковаться начала после распада СССР. Автор трёх изданных книг прозы и нескольких неизданных книг прозы и пьес. Печаталась в журналах «Крещатик», «Дети Ра», «Волга», «День и ночь».

стр. 113
Стрельцов (Булычёв) Сергей
Москва, 1971 г. р.

Поэт. Родился в подмосковных Мытищах. Активно публикуется в Интернете.

стр. 108
Торрес Альба Асусена
Чонталес (Никарагуа), 1958 г. р.

Никарагуанская поэтесса и дипломат. Окончила Литературный институт имени Горького по специальности «Русское искусство и литература». С середины восьмидесятых живёт в Москве. Член Союза писателей России и Никарагуанской ассоциации писательниц ANIDE. Лауреат международной премии имени Рубена Дарио. Опубликовала три сборника стихов: «Одни под небесами» (1998), «Когда идёт дождь» (2001), «Пепел и вода» (2010). Стихотворения поэтессы включены в ряд поэтических антологий. Её стихотворения переведены на многие языки мира. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Юность» и других журналах, изданных в США, Испании, Мексике.

стр. 59
Хвиловский Эдуард
Нью-Йорк (США), 1946 г. р.

Родился в Одессе. По окончании филфака университета занимался преподавательской и журналистской работой. С 1993 года живёт в США. Автор нескольких поэтических сборников. Публиковался

в «Новом журнале», «Новой Юности», в журналах «День и ночь», «Слово», «Стороны света».

стр. 3

Шанин Владимир Яковлевич

Красноярск, 1937 г. р.

Родился в селе Бирилюссы Красноярского края, в крестьянской семье. Окончил историко-филологический факультет Иркутского государственного университета и аспирантуру Высшей школы профсоюзного движения при ВЦСПС в Москве. Трудиться начал с 14 лет. Работал в колхозе, в леспромхозе, на заводе «Сибтяжмаш», в районных, многотиражных газетах, в альманахе «Енисей», в профсоюзных организациях, служил в армии. Участник краевого семинара молодых писателей Красноярья в 1974 году и в том же году — зонального совещания молодых писателей Сибири и Дальнего Востока в Иркутске, на котором рукопись рассказов была рекомендована к изданию. Печатался в краевых и областных газетах, в журналах «Молодая гвардия», «Дальний Восток», «Сибирские огни», в коллективных сборниках. Автор книг прозы «Памятник для матери», «Бел-горюч камень», «От зари до зари», «Горька ягода калинушка», «Куплю дом в деревне…», «Имя собственное» (литературные портреты писателей), изданных в Красноярске и Москве. А своей главной книгой считает роман-исследование о В. И. Сурикове «Суриков, или Трилогия страданий». Член Союза писателей России.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. Н. Наговицын

РЕДАКТОРЫ

Марина Наумова-Саввиных

Дмитрий Косяков

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК

Олег Наумов

КОРРЕКТОР

Андрей Леонтьев

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Учредитель:

Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издатель:

Краевое государственное автономное учреждение «Организационно-методический Медиацентр»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александр Астраханцев
Красноярск

Наталья Ахпашева
Абакан

Юрий Беликов
Пермь

Михаил Бондарев
Калуга

Елена Буевич
Черкассы

Лидия Довыденко
Калиниград

Вера Зубарева
Филадельфия

Александр Кердан
Екатеринбург

Сергей Кузнечихин
Красноярск

Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург

Евгений Минин
Иерусалим

Миясат Муслимова
Махачкала

Александр Орлов
Москва

Олеся Рудягина
Кишинёв

Анна Сафонова
Южно-Сахалинск

Лидия Сычёва
Москва

Андрей Тимофеев
Москва

Владимир Шемшученко
Санкт-Петербург

Нина Ягодинцева
Челябинск

В оформлении обложки использованы картины Евгении Аблязовой «Блин масленичный» (из коллекции Енисейского музея-заповедника) и «Купец» (из коллекции Музея истории налоговых органов Красноярского края).

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя:
660049, г. Красноярск,
ул. Красной Армии, 22;
Медиацентр
т. +7 950 991 4349

Наш сайт: krasdin.org

Подписано к печати: 10.02.2023
Дата выхода в свет: 28.02.2023
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

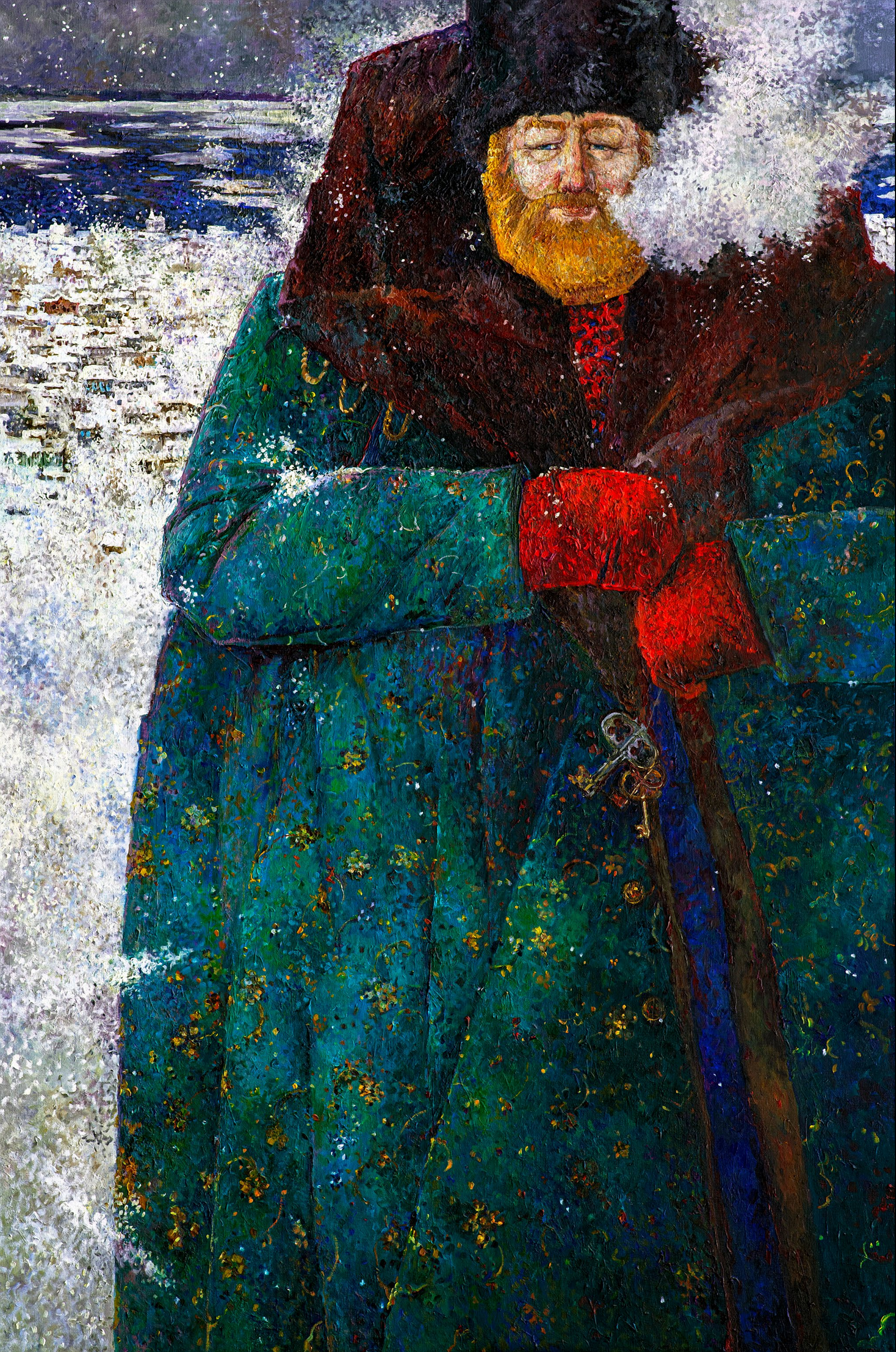
Журнал выходит 6 раз в год

Отпечатано ИП Азарова Н. Н.
в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова,
д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

16+

Евгения Аблязова | Отсветы | 2022

Евгения Аблязова | Зимние метаморфозы (Слияние) | 2014



Евгения Аблязова
Купец | 120 × 100 | 2019

На обложке:
Блин масленичный | 105 × 105 | 2019